

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет
1876

ISSN 2712-7451 (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2025. Том 44, № 4

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2025. Том 44, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.8 – Науки об образовании: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Филология: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и языкоизнания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Асташкова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)

Ахмедова Лала Фарман кызы, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом «Страны Центральной Азии» института востоковедения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнхен, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкоизнания РАН (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис (г. Ница, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария)

Ушакова С.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Выходит 4 раза в год. Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 22,3. Дата выхода 30.12.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

615 **Антропова В.В.**
Когнитивные стратегии репрезентации травмомаркированных концептов в дискурсе деловых изданий
(на примере концепта «токсичность»)

625 **Бектурганова Б.К.**
Анализ нарративных моделей в этнополитике многонационального государства

637 **Виниченко В.М.**
Эволюция доктрины объективности в американской журналистике второй половины XX века:
от Маккарти к Уотергейту

648 **Неренц Д.В., Дякина А.А.**
Цифровой аватар как новый телеведущий: творческий эксперимент

660 **Рожков А.В.**
Специфика влияния искусственного интеллекта на прогресс связей с общественностью

675 **Тань Л.**
Технологии AIGC в стратегиях трансляции культурного наследия в медийном пространстве
(на примере Китая и России)

692 **Черненко А.В.**
Новостные социальные медиа Белгородской области в Telegram: способы взаимодействия
с аудиторией и организации медиапотока

ПЕДАГОГИКА

706 **Асташова Н.А., Торопыно Д.И.**
Потенциал использования сингапурской методики обучения в подготовке будущих учителей-словесников

718 **Губатенко Н.С.**
Кооперация учителей, работающих в профильном классе педагогической направленности:
механизмы, условия и принципы

728 **Жуйков С.О.**
Формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству: теоретические аспекты

740 **Эшимбекова Н.С.**
Влияние цифровых каналов коммуникации на отношение молодежи Кыргызстана к традиционным ценностям

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

754 **Blazhevich Yu.S.**
Contact-Induced Changes: Lexical Borrowings in Territorial Varieties of English and French in Cameroon

766 **Волошина Т.Г., Кошарная С.А., Богданова М.Д.**
Грамматическая нативизация в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch

777 **Глебова Я.А.**
Морфологические особенности языкового кода «нуши»

785 **Коч К.И.**
Французский язык в Демократической Республике Конго: языковые контакты и вариативность

794 **Мадусманов К.А.**
Современный узбекский язык: социолингвистические трансформации и адаптационные процессы
в эпоху глобализации

806 **Мосягина М.С., Кузьмина И.С.**
Культурно-маркированная лексика как инструмент формирования медиаобраза Великобритании

814 **Тумгоева Х.Х.**
Приемы передачи идиоматических выражений в переводах романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2025. Volume 44, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.8 – Educational sciences: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Philology: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning Editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies Editor-in-Chief

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Executive Secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Akhmedova Lala Farman kzy, Head of Central Asian Countries Department, Doctor of Philology, Professor, National Academy of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)

Belozerstsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi, U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podyanova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism of Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

Ushakova, S.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications (Belgorod State National Research University)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 22,3. Date of publishing 30.12.2025. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

615 **Antropova V.V.**
Cognitive Strategies for Representing Trauma-Marked Concepts in the Discourse of Business Publications
(Using the Concept of "Toxicity" as an Example)

625 **Bekturbanova B.K.**
Analysis of Narrative Models in the Ethnopolitics of a Multinational State

637 **Vinichenko V.M.**
Evolution of the Objectivity Doctrine in American Journalism in the Second Half of the Twentieth Century:
from McCarthy to Watergate

648 **Nerents D.V., Dyakina A.A.**
Digital Avatar as a New TV Presenter: A Creative Experiment

660 **Rozhkov A.V.**
The Specifics of AI's Impact on the Public Relations Progress

675 **Tan L.**
AIGC Technologies in Strategies for the Transmission of Cultural Heritage in the Media Space
(a Case Study of China and Russia)

692 **Chernenko A.V.**
News-Oriented Social Media of the Belgorod Region on Telegram: Methods of Audience
Engagement and Newsflow Organization

PEDAGOGICS

706 **Astashova N.A., Toropyno D.I.**
The Potential of Using the Singapore Teaching Practice in Training Future Language Teachers

718 **Gubatenko N.S.**
Cooperation of Teachers Working in a Specialized Pedagogy-Oriented Class: Mechanisms, Conditions, and Principles

728 **Zhuikov S.O.**
Formation of Students' Value-Based Attitude towards the Fatherland in Russian Universities: Theoretical Aspects

740 **Eshimbekova N.S.**
The Impact of Digital Communication Platforms on the Kyrgyz Youth's Attitudes to Traditional Values

LINGUISTICS

754 **Blazhevich Yu.S.**
Contact-Induced Changes: Lexical Borrowings in Territorial Varieties of English and French in Cameroon

766 **Voloshina T.G., Kosharnaya S.A., Bogdanova M.D.**
Grammatical Nativization in Online Nigerian English Newspaper "Punch"

777 **Glebova Ya.A.**
Morphological Features of the Nouchi Language Code

785 **Koch K.I.**
French in the Democratic Republic of Congo: Linguistic Contacts and Variability

794 **Madusmanov K.A.**
Modern Uzbek Language: Sociolinguistic Transformations and Adaptation Processes in the Era of Globalization

806 **Mosyagina M.S., Kuzmina I.S.**
Culturally Marked Vocabulary as a Means of Constructing the Media Image of the United Kingdom

814 **Tumgoeva K.Kh.**
Strategies for Translating Idiomatic Expressions in M.Y. Lermontov's "A Hero of Our Time"

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070; 81'42
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-615-624
EDN BXITXQ

Когнитивные стратегии репрезентации травмомаркированных концептов в дискурсе деловых изданий (на примере концепта «токсичность»)

Антропова В.В.

Челябинский государственный университет,
Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
ava45@yandex.ru

Аннотация. Сегодня в массмедийных и социальных процессах происходит расширение зоны социальной напряженности, латентизация многих форм агрессии, увеличение их негативного воздействия. Определение когнитивных стратегий репрезентации концепта «токсичность» заполняет лакуну в журналистском осмыслении понятий, входящих в зону социальной напряженности, агрессивности, травмоопасности. Цель исследования – через установление содержательной динамики концепта «токсичность» определить социально значимые тенденции в осмыслении травмоопасных явлений в российской журналистике. С помощью концепт-анализа автор выделяет следующие когнитивные стратегии репрезентации концепта «токсичность»: 1) морбидно-физическую, которая актуализируется в контексте современной политической и научно-популярной повестки; 2) финансово-экономическую; 3) социально-коммуникационную; 4) политико-коммуникационную. В работе показано, что все явления и события не физического, а социального мира образно осмысляются в дискурсе деловой печати через метафору болезни, таким образом современное прочтение концепта «токсичность» приобретает не только социально ориентированный, но и социально превентивный характер. Полученные результаты вносят вклад в разработку проблем теории журналистики, медиадискурсологии, критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: деловая пресса, дискурсивные практики, токсичность, концепт, когнитивные механизмы

Для цитирования: Антропова В.В. 2025. Когнитивные стратегии репрезентации травмомаркированных концептов в дискурсе деловых изданий (на примере концепта «токсичность»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 615–624. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-615-624 EDN: BXITXQ

Cognitive Strategies for Representing Trauma-Marked Concepts in the Discourse of Business Publications (Using the Concept of "Toxicity" as an Example)

Vera V. Antropova

Chelyabinsk State University,
129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia
ava45@yandex.ru

Abstract. Today, the problem of aggressive and toxic communication in mass media and social processes is becoming increasingly pressing due to the enormous expansion of social tension and aggression, the

© Антропова В.В., 2025

latency of many forms of aggression, and the increase in their traumatic potential and negative impact. While some studies have explored trauma-marked concepts in the media, the concept of "toxicity" has not been addressed in journalistic discourse. Identifying cognitive strategies for representing the concept of "toxicity" fills a gap in journalistic understanding of concepts related to social tension, aggression, and traumatic potential. The goal of this study is to identify socially significant trends in the understanding of traumatic phenomena in Russian journalism by establishing the substantive dynamics of the relevant and important concept of "toxicity." Using concept analysis, the author identifies the following cognitive strategies for representing the concept of "toxicity": 1) the morbid-physical strategy, which is actualized in the context of the contemporary political and popular science agenda; 2) the financial-economic strategy; 3) the socio-communicative one; 4) the political-communicative one. The work demonstrates that all phenomena and events of the social, rather than physical, world are figuratively understood in the discourse of the business press through the metaphor of disease. Thus, the modern interpretation of the concept of "toxicity" acquires not only a socially oriented but also a socially preventive character. The results obtained contribute to the development of problems in the theory of journalism, media discourse studies, and critical discourse analysis.

Keywords: business press, discursive practices, toxicity, concept, cognitive mechanisms

For citation: Antropova V.V. 2025. Cognitive Strategies for Representing Trauma-Marked Concepts in the Discourse of Business Publications (Using the Concept of "Toxicity" as an Example). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 615–624 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-615-624 EDN: BXITXQ

Введение

Журналистский дискурс обладает такими характеристиками, как институциональность, социальная детерминированность и социальная заданность, конвенциональность, социально-политическая направленность, идеологичность, прагматичность, социальная регулятивность и социальная упорядоченность, объективность [Dijk, 1983; Клушина 2010; Кожемякин, 2011; Чепкина, Енина, 2011; Полонский 2012; Дускаева, 2014]. В контексте данных характеристик и когнитивного «поворота» в гуманитарных науках все более актуальным становится изучение когнитивных механизмов порождения журналистского дискурса, ментальных единиц (концептов), образующих отдельную концептосферу в текстах массмедиа. Формирование (конструирование, моделирование) подобных концептов в журналистском дискурсе подчиняется практикам порождения смыслов, «фиксирующими не столько правила создания завершенного, отдельного текста, сколько способы передачи смыслов, актуальных для журналистики...» [Чепкина, Енина, 2011, с. 77].

И в первую очередь в связи с названными константными характеристиками журналистского дискурса исследователей интересуют политico-идеологические, геополитические («власть», «политик», «политический конфликт», «вооруженный конфликт», «война», «Восток», «Запад», «Россия», «Беларусь», «Америка», «Германия», «Украина», «Израиль», «Палестина» и мн. др.), экономические («рынок», «экономический кризис», «цифровая экономика», «деньги», «средний класс», «российский бизнес», «бизнесмен», «недвижимость» и др.), социокультурные («труд», «семья», «соборность», «гражданское общество», «профессия» и др.) концепты в СМИ, в основе формирования которых лежат разные «концептуальные установки» изданий [Чепкина, Енина, 2011, с. 82], разные «когнитивные установки/стратегии, присущие только этому типологическому сегменту» [Антропова, 2021, с. 110], разные «установки <...> фильтрации событий, отбора материала, его подачи и трактовки» в СМИ [Стебловская, 2006, с. 143]. Под когнитивными стратегиями в когнитивно-дискурсивных исследованиях понимают «способы обработки сложной информации в памяти» [Dijk, 1983, р. 382], «стратегии производства смысла» [Полонский, 2012, с. 49], «установки, направленные на переработку <...> информации в целях конструирования (реконструирования/трансформирования) картины мира адресата» [Антропова, 2021, с. 116].

Изучение концептов массмедийного дискурса как «когнитивно-мировоззренческого ресурса общества» [Полонский, 2012, с. 48], отражающего и одновременно формирующего социальную реальность, позволяет ответить как минимум на несколько взаимообусловленных вопросов:

1) как СМИ и журналистика, будучи объектами воздействия внешних сил, реагируют на социальные вызовы современности, как развиваются журналистские практики под влиянием социальных тенденций и какими именно актуальными социальными факторами они детерминированы;

2) каким образом СМИ и журналистика, будучи субъектами социально-коммуникационной деятельности, ведут себя в информационном поле, какие социальные тренды ими задаются, какие ключевые смыслы формируют СМИ и какие конкретно когнитивные механизмы лежат в основе конструирования тех или иных концептов.

Самое прямое отношение к проблеме моделирования фрагментов массмедийной картины мира под влиянием определенных журналистских и социокультурных факторов имеют специфически (профессионально, гендерно, национально или регионально) маркированные концепты. Данный ряд специфически отмеченных концептов можно продолжить, включив в него травомаркированные концепты, которые содержат агрессивную, травмоопасную для адресата журналистских текстов информацию и которые интересуют медиаисследователей вследствие возможного травмирующего эффекта, негативного воздействия: «терроризм» [Гергель, Ускова, 2020], «война» [Ерофеева, Толстокулакова, 2021; Гарина, Горбунова, 2022; Толстокулакова, 2022], «торговая война» [Калинин, 2020], gold war [Ковалев, 2020], «вооруженный конфликт» [Моисеева, Стренадюк, 2022], «поражение» [Сударкина, 2022], «жертва» [Голоусова 2020; Савоськин, 2022; Гладышева, Воронова, 2025], «мигрант» [Комарова, 2020; Ленец, Чопсиева 2023; Беседина, 2024] и Flüchtlings [Тришина, 2022], «коронавирус» [Королева, Пронина, 2022; Бабаева, 2023], «агрессия» и «вражда» [Байбатырова, 2024].

К числу подобных можно отнести и концепт «токсичность». Большой интерес к данному концепту можно наблюдать с 2018 года, когда toxic стало словом года по версии Оксфордского словаря¹, что стало свидетельством приоритетности идеи токсичности во всех смыслах для англоязычного мира. Видя и понимая важность изучения вопросов «токсичности» и «травмированности» (trauma studies) в отечественной и зарубежной гуманитаристике, мы рассмотрели ценностно-смысловую структуру концепта «токсичность» и когнитивные стратегии его конструирования в дискурсе русскоязычной качественной деловой печати, которая, с одной стороны, фиксирует социокогнитивные тренды в постоянно меняющейся социокультурной реальности, ментальности, а с другой стороны, их задает.

Установление стратегий репрезентации важного и актуального для журналистики и общества концепта «токсичность», входящего в зону социальной напряженности и агрессивности, способствует достижению цели исследования – определить социально значимые тенденции в осмыслиении опасных, травмирующих явлений в российской журналистике.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали все собранные методом сплошной выборки из публикаций делового издания «Ведомости» контексты (130 единиц), в которых нашел репрезентацию концепт «токсичность». Хронологические рамки собранного материала охватывают период с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.

¹ Слово года 2018 // Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2018/> (дата обращения: 02.09.2025).

Выбор ежедневной деловой газеты «Ведомости» в качестве информационного источника обусловлен несколькими факторами:

1) рейтинговостью издания («Ведомости», согласно «Медиалогии», занимают третью позицию в топ-10 российских СМИ в номинации «Газеты» после «Известий» и «Коммерсанта»¹, являющихся общественно-политическими, и, таким образом, находятся во главе рейтинга деловых изданий),

2) качественностью (газета предлагает читателям объективную и проверенную информацию, проблемность и аналитичность, взвешенные оценки),

3) специализированностью (деловая направленность предопределяет актуальность, объективность, достоверность информации, ее прикладной характер, документальность, практичность, взвешенный подход).

В качестве основного интегративного метода исследования использовался концепт-анализ, включающий дополнительные вспомогательные методы: метод сплошной выборки материала, анализ контента, метод компонентного анализа, полевой метод, моделирование.

Концепт-анализ осуществлялся в три этапа: 1) построение общеязыковой (узуальной) модели концепта как некоего ценностно-нормативного ментального ориентира/образца на основе анализа лексикографических источников, 2) сбор массива текстов и построение дискурсивной модели на основе анализа массмедиийных текстов, 3) сравнение обеих моделей «с целью выявления дискурсивных трансформаций и определения <...> когнитивных стратегий / установок концептирования модифицированных ментальных конструктов» [Антропова, 2021, с. 117].

Метод сплошной выборки материала применялся в процессе сбора авторской электронной картотеки, которую составили все текстовые фрагменты из газетных публикаций с вербализаторами концепта «токсичность». Метод анализа контента использовался при выявлении и интерпретации смыслов содержательного поля «токсичность» в газетном дискурсе. Метод компонентного анализа применялся в процессе выявления семантических составляющих содержательной структуры общеязыкового концепта «токсичность». Полевой метод позволил представить концепт как полевую структуру и таким образом выстроить иерархию значений и смыслов рассматриваемого содержательного поля. С помощью метода моделирования изучаемый объект был представлен в виде модели концепта с ядерно-периферийной структурной организацией.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования мы представили узальную модель концепта «токсичность» в виде полевой структуры следующим образом:

– ядерная часть: «способность определенного вещества (токсина) вызвать отравление организма, ядовитость»;

– окологидерная зона: «способность токсина в результате отравления вызвать заболевание или гибель организма»²;

– периферийная часть: «то, что относится к стрелам и луку»³.

На втором этапе была смоделирована дискурсивная модель этого же концепта:

– ядерная часть: причиняющий вред физическому здоровью отравляющими, ядовитыми веществами, представляющий физическую опасность, которой следует избегать

¹ Топ-10 самых цитируемых газет // Рейтинги российских СМИ. – Медиалогия. Мониторинг СМИ и соцсетей: инструмент оценки эффективности коммуникаций. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/14136/#gazeti> (дата обращения: 02.09.2025).

² Крысин Л.П. 2006. Толковый словарь иноязычных слов. Москва, Эксмо, 944 с. С. 778; Словарь русского языка: в 4 т. 1988. Т. 4: С–Я. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, Русский язык, 795 с. С. 373.

³ Энциклопедический словарь медицинских терминов. 2001. Под ред. В.И. Покровского. Москва, Медицина. 960 с. URL: <https://webirbis.qmu.kz/lib/document/BOOK/5E5BF706-003A-44B5-A9C0-81501520496C/> (дата обращения: 02.09.2025)

(71 контекстная единица): *токсичные вещества* (14); *токсичные компоненты топлива* (13); *токсичные химикаты* (7); *высокая категория токсичности* (4); *токсичные соединения* (3); *токсичные элементы* (2); *токсичные металлы* (2); *токсичный (-ая, -ое, -ые) газ / дым / фильтрат на свалках / форма ртути / средство / оружие / облако / материалы / отходы / катализаторы / пестициды / растворители / продукты горения / фракции; токсичность мазута / воды / частиц / химиката / лекарства / мышьяка / ядерных реакций; аномальная токсичность; уровень токсичности; индекс токсичности; идея переработки РЗМ токсична в прямом смысле; газовые плиты токсичны* (1). Журналисты и аналитики издания говорят о токсичности и токсичных веществах в следующих контекстах: а) военно-политическом (речь идет о применении токсичных химикатов в качестве оружия массового поражения в процессе военных действий); б) экологическом (читателям рассказывают о мониторинге показателей загрязнения окружающей среды в отдельных регионах, причинах отрицательной динамики и предпринимаемых мерах по охране природы); в) промышленно-фармацевтическом (аудиторию информируют о специфике производства оригинальных лекарственных препаратов и дженериков); г) хозяйственно-бытовом (читателям на основе химического анализа веществ рассказывают о наносимом/нанесенном здоровью потребителей/пострадавших вреде в результате использования определенных бытовых предметов), д) международно-экономическом (речь идет о международных проектах, договоренностях, предполагающих экономическое сотрудничество нескольких стран в сфере добычи и переработки РЗМ);

– зона ближней периферии: 1) враждебный с точки зрения экономики и финансов, недружественный, представляющий опасность для российской экономики со стороны зарубежных национальных экономик вследствие введения санкций (26 контекстов): *токсичные валюты* (14); *токсичные доллары и евро* (7); *токсичный межбанковский рынок / товарный знак на российском рынке; токсичные расчеты / бумаги / доходы* (1); 2) наносящий вред ментальному здоровью личности вследствие деструктивной социальной коммуникации, ментально отравляющий, представляющий ментальную опасность, которой следует избегать (19 фрагментов): *токсичная атмосфера внутри команды* (2); *токсичный сотрудник* (2); *токсичный (-ая, -ое, -ые) начальник / работодатель / лидер / человек / ребенок / действительность / корпоративная культура / риторика / поведение со стороны начальства / отношение со стороны руководителей / отношения пары; токсичность диджитал; токсичность киберспортсменов; маскулинная токсичность; избегать токсичности и лжи* (1); 3) причиняющий вред участникам политической коммуникации, враждебно настроенный по отношению к объектам политической деятельности (11 контекстов): *это становится токсичным (о политике); токсичный лидер, т.е. Шольц; позиция Хотца токсична; токсичность личного бренда президента Франции Эммануэля Макрона; Ле Пен пыталась сделать свою партию «менее токсичной»; идея Токаева при взаимодействии с европейскими корпорациями токсична; «токсичная» атмосфера, которая в последние годы сложилась в отношениях КНР и стран Запада; токсичные подсанкционные лица; создана такая токсичная атмосфера международная; такие люди, считает Захарова, становятся «токсичными» (об иноагентах); «токсичная бандеровская» Украина* (1);

– зона дальней периферии: непрозрачный с финансовой точки зрения, содействующий совершению финансовых правонарушений, мошеннических операций в российской экономике (3 контекстных единицы): *рейтинг российских регионов по уровню токсичности рынка ОСАГО; высокая убыточность по определенным типам автомобилей по «токсичным» регионам; погрузив реальный сектор в чудовищно токсичную финансовую среду* (1).

На третьем этапе в результате сравнения общеязыковой и дискурсивной моделей рассматриваемого концепта мы обнаружили значительные преобразования дискурсивного поля, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) хотя ядерная зона в дискурсивном осмыслении осталась неизменной, поскольку в обеих моделях транслируются одни и те же смыслы, однако в дискурсивной модели к констатирующей токсичной семантике («ядовитость») добавляется еще превентивно-предупреждающая («реальная или потенциальная опасность», «необходимость избегать опасности»). Более того, традиционный морбидно-физический вектор концепирования токсичности дополняется и актуализируется политической и научно-популярной информационной повесткой (например, это публикации об обвинении России в применении в ходе спецоперации на территории Украины отравляющих веществ или же, напротив, о применении Украиной токсичных химикатов для борьбы против вооруженных сил РФ, мирного населения, находящихся в зоне спецоперации; о выигранных российскими учеными грантах на изучение токсичных элементов в речных бассейнах; перспективах развития в России новой экспериментальной науки на стыке химии, математики и ИТ – инфохимии, которая связана с кодированием, хранением и обработкой информации на молекулярном уровне и позволяет с помощью компьютера оценить токсичность, проницаемость и скорость вывода лекарства из организма);

2) полностью трансформировалась зона периферии, поскольку общеязыковые смыслы в дискурсивном поле утратились, возникли новые дискурсивные когнитивные признаки (смыслы) и их стало гораздо больше;

3) все новые дискурсивные смыслы в периферийной части связаны не с прямым значением токсичности, а переносным, что говорит о существенной эволюции концепта в контексте общественной жизни социума, экстраполяции опасных тенденций с физического мира на сферы общественной жизни (экономическую, социальную, политическую), которые в первую очередь интересуют СМИ;

4) выбранное издание в силу своей типологической специфики из всего множества общественных контекстов акцентирует внимание читателей в первую очередь на финансово-экономических смыслах, которые появились сравнительно недавно или могли возникнуть благодаря именно данному деловому СМИ;

5) новые дискурсивные периферийные признаки так же, как и ядерные, в дискурсе издания наделяются не только констатирующей семантикой, но и предупредительной (превентивной).

Таким образом, на основании сравнительных данных можно выделить следующие когнитивные стратегии репрезентации травмомаркированного концепта «токсичность» в дискурсе качественной деловой прессы:

- 1) морбидно-физическая стратегия, которая актуализируется в контексте современной политической и научно-популярной повестки,
- 2) финансово-экономическая стратегия,
- 3) социально-коммуникационная стратегия,
- 4) политико-коммуникационная стратегия.

Заключение

Моноцентрическая структура дискурсивного концепта «токсичность» с ярко выраженным центром, отсутствующей приядерной зоной и многогранно, разносторонне представленной периферийной частью свидетельствует, с одной стороны, о поддержании традиционных, сложившихся представлений об опасности токсичных явлений, угрожающих здоровью и жизни человека, с другой стороны, о значительной динамике развития концепта в свете последних событий.

Количество и характер когнитивных стратегий, репрезентирующих травмомаркированный концепт «токсичность» в деловом издании «Ведомости», говорят о значительном расширении концептуологического поля, в которое оказываются вовлечены, помимо ожидаемых морбидно-физических смыслов, новые, связанные с финансово-экономической, политической, социально-коммуникационной сферами. Таким образом

авторитетное деловое издание осмысляет деструктивные процессы в данных сферах оценочно и образно – через метафору болезни, отравления. При этом мы обнаружили только в этом издании метафорическую – морбидно-медицинскую – интерпретацию явлений именно финансово-экономической сферы, что обусловлено специализированностью рассматриваемого СМИ. Осмысление текущих процессов в СМИ через метафору болезни, безусловно, не является новым и уникальным для русскоязычного журналистского дискурса [Будаев, 2020], однако сам факт такого образного, оценочного представления актуальной повестки в деловом издании, стремящемся сохранить беспристрастность, безоценочность, свидетельствует о «смене регистра» в результате реальной угрозы деструктивных явлений в социуме, назревшей необходимости придать современному прочтению концепта «токсичность» не только социально ориентированный, но и социально превентивный характер.

Список литературы

Антропова В.В. 2021. Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: особенности репрезентации. Дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 496 с.

Бабаева Р.Г. 2023. Военная метафора как способ осмысления концепта «коронавирус» в политическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ. *Мир науки, культуры, образования*, 5(102): 349–351. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-349-351

Байбатырова Н.М. 2024. Медийные инструменты и стратегии внедрения языковых концептов агрессии и вражды. В кн.: Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа. Материалы VIII Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.). Под ред. Л.Р. Дускаевой. Санкт-Петербург, Медиапапир: 420–424.

Беседина В.Г. 2024. Конструирование портрета мигранта в американском медиадискурсе (на материалах газеты *The New York Times*). *Когнитивные исследования языка*, 5(61): 617–622.

Будаев Э.В. 2020. Сопоставительная политическая метафорология. Санкт-Петербург, Наукомеющие технологии, 465 с. URL: <https://publishing.intelgr.com/archive/sopostavitelnaya-politicheskaya-metaforologiya.pdf?ysclid=mh7q2j9co5317359570> (дата обращения: 02.09.2025).

Гарина П.С., Горбунова Л.Г. 2022. Концепт «война» в современных СМИ. В кн.: Русский язык в контексте национальной культуры. Материалы V Международной научной конференции. (Саранск, 14–16 октября 2021 г.). Под ред. Т.И. Мочаловой. Саранск, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва: 44–51.

Гергель О.В., Ускова К.Э. 2020. Вербализация концепта «терроризм» в англоязычных текстах СМИ. В кн.: Современные проблемы и перспективы развития естествознания. Материалы Национальной научно-практической конференции (Уфа, 8–9 июня 2020 г.). Том 3. Под ред. С.Т. Сагитова, В.Н. Саттарова, Е.В. Соболева, Н.В. Сухановой, А.А. Кулагина, И.М. Борисова, В.Ю. Горбуновой, Л.А. Гайсиной, И.В. Кудинова. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы: 215–219.

Гладышева Е.А., Воронова Т.А. 2025. Психологический портрет жертвы мошенников (на материале публикаций в СМИ). В кн.: Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. (Воронеж, 16–18 апреля 2025 г.). Под ред. Н.Б. Бугаковой. Воронеж, Воронежский государственный технический университет: 212–215.

Голоусова Е.С. 2020. Особенности конструирования образа женщины-жертвы гендерного насилия в период военного конфликта в Колумбии (на примере публикаций западных и латиноамериканских СМИ). *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 26(3(199)): 71–80.

Дускаева Л.Р. 2014. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров. *Жанры речи*, 1–2(9–10): 50–57.

Ерофеева И.В., Толстокулакова Ю.В. 2021. Аксиосфера концепта «война» в медиадискурсе о нагорно-карабахском конфликте. *Гуманитарный вектор*, 16(4): 96–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-96-106

Калинин О.И. 2020. Сравнительная характеристика языковой репрезентации концепта «торговая война» в СМИ КНР и США. *Филология: научные исследования*, 11: 93–107.

Клушина Н.И. 2010. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности. *Мир русского слова*, 2: 25–29.

Ковалев Н.А. 2020. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе: на материалах СМИ. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 178 с.

Кожемякин Е.А. 2011. Объективность как философская категория в журналистском дискурсе. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 18(113): 187–194.

Комарова Е.В. 2020. Сопоставительный анализ понятия «мигрант» в русских и английских медиатекстах. *Речевые технологии*, 3–4: 47–53. DOI: 10.58633/2305-8129_2020_3-4_47

Королева М.Н., Пронина Е.Е. 2022. Пользовательский контент в текстах российских онлайн-СМИ о травмогенных событиях. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 4: 21–46. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.2146

Ленец А.В., Чопсиева Г.М. 2023. Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе. *Верхневолжский филологический вестник*, 2(33): 152–160. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_152

Моисеева И.Ю., Стренадюк Г.С. 2022. СМИ как источник формирования концепта «вооружённый конфликт». В кн.: Филологические чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Оренбург, 18–19 ноября 2021 г.). Под ред. И.А. Солидиловой, Н.С. Сахаровой, И.Ю. Моисеевой, Ю.Г. Пыхтиной, Е.Д. Андреевой, О.П. Симутовой. Оренбург, Оренбургский государственный университет: 208–213.

Полонский А.В. 2012. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления. *Современный дискурс-анализ*, 6: 42–56.

Савоськин А.М. 2022. Формирование западными СМИ образа народа-жертвы на примере боснийских мусульман. В кн.: Дневник Алтайской школы политических исследований, 38. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Историко-культурный, имиджевый и туристический потенциал региона). Сборник научных статей. Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, Издательство Алтайского университета: 71–77.

Стебловская С.Б. 2006. Качественные СМИ и культура: современные коммуникативные стратегии. В кн.: Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 31 января – 4 февраля 2006 г. Отв. ред.: Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова, М.В. Шкодин. Москва, МГУ: 143 с.

Сударкина Е.Ю. 2022. Репрезентация концепта «поражение» в журналистском спортивном дискурсе. В кн.: Мир – Язык – Человек. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Владимир, 15 марта 2022 г.). Под ред. Е.Е. Чикиной. Владимир, Издательство Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых: 172–178.

Толстокулакова Ю.В. 2022. Фреймовая структура концепта «война» в русскоязычном медиадискурсе. В кн.: Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае: [в 2 ч.]. Под ред. Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцовой. Часть 2. Чита, Забайкальский государственный университет: 158–162.

Тришина М.Н. 2022. Метафорические проекции немецкого миграционного дискурса (на примере концепта «Flüchtlings»). В кн.: Универсальное и национальное в языковой картине мира. Материалы V Международной научной конференции (Минск, 21–23 октября 2022 г.). Под ред. Л.Н. Неборской. Минск, Минский государственный лингвистический университет: 133–135.

Чепкина Э.В., Енина Л.В. 2011. Журналистский дискурс: анализ практик. *Известия Уральского государственного университета*. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 89(2): 76–85.

Dijk T.A. van. 1983. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text & Talk*, 3(4): 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375

References

Antropova V.V. 2021. Kontseptosfera «dukhovnost'» v zhurnalistskom diskurse: osobennosti reprezentatsii [The conceptual sphere of "spirituality" in journalistic discourse: features of representation]. Dis. ... Doct. Philolog. Sciences. Chelyabinsk, 496 p.

Babayeva R.G. 2023. Military Metaphor as a Way of Understanding the Concept of «Coronavirus» in the Political Discourse of the English-Language and Russian-Language Media. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniy*, 5(102): 349–351 (in Russia). DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-349-351

Baybatyrova N. 2024. Media Tools and Strategies for Implementing Language Concepts of Aggression and Hostility. In: *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Iss. 11. *Yazyk v koordinatakh massmedia* [Language in the Coordinates of Mass Media]. Proceedings of the VIII International Scientific Conference (St. Petersburg, June 26–29, 2024). Ed. L.R. Duskaeva. Sankt-Peterburg, Mediapapir: 420–424.

Besedina V.G. 2024. Migrant Image Construction IN American Media Discourse (based on Mediatexts From “The New York Times”). *Cognitive Studies of Language*, 5(61): 617–622 (in Russia).

Budaev E.V. 2020. *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Sankt-Peterburg, Publ. Naukoemkie tekhnologii, 465 p.

Garina P.S., Gorbunova L.G. 2022. Kontsept «voina» v sovremennykh SMI [The Concept of "War" in Modern Media]. In: *Russkii yazyk v kontekste natsional'noi kul'tury* [Russian Language in the Context of National Culture]. Proceedings of the V International Scientific Conference. (Saransk, October 14–16, 2021). Ed. T.I. Mochalova. Saransk, Publ. Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva: 44–51.

Gergel' O.V., Uskova K.E. 2020. The Verbalization of the Concept "Terrorism" in English-Language Mass-Media Texts. In: *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya estestvoznaniya* [Verbalization of the Concept of 'Terrorism' in English-Language Media Texts]. Proceedings of the National Scientific-Practical Conference (Ufa, June 8–9, 2020). Vol. 3. Eds. S.T. Sagitov, V.N. Sattarov, E.V. Sobolev, N.V. Sukhanova, A.A. Kulagin, I.M. Borisov, V.Yu. Gorbunova, L.A. Gaisina, I.V. Kudinov. Ufa, Publ. Bashkirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. M. Akmully: 215–219.

Gladysheva E.A., Voronova T.A. 2025. Psikhologicheskii portret zhertvy moshennikov (na materiale publikatsii v SMI) [Psychological portrait of a fraud victim (based on media publications)]. In: *Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve* [Linguocultural universals in the global space]. Proceedings of the VI International Scientific Conference. (Voronezh, April 16–18, 2025). Ed. N.B. Bugakova. Voronezh, Publ. Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet: 212–215.

Golousova E.S. 2020. Constructing the Images of the Female victims of Gender Based Violence During the Military Conflict in Colombia (following the Example of Publications in the Western and Latin American Media). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 26(3(199)): 71–80 (in Russia). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.050

Duskajeva L.R. 2014. Speech Genres of the Journalistic Discourse. *Speech Genres*, 1–2(9–10): 50–57 (in Russia).

Erofeeva I.V., Tolstokulakova Yu.V. 2021. Axiosphere of the War Concept in the Media Discourse on the Nagorno-Karabakh Conflict. *Humanitarian Vector*, 16(4): 96–106 (in Russia).

Kalinin O.I. 2020. Sravnitel'naya kharakteristika yazykovoi reprezentatsii kontsepta «torgovaya voina» v SMI KNR i SShA [Comparative Characteristics of the Linguistic Representation of the Concept of "Trade War" in the Media of China and the United States]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 11: 93–107. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.32650

Klushina N.I. 2010. Modern Mediadiscourse and its Communicative-Stylistic Peculiarities. *The World of Russian Word*, 2: 25–29 (in Russia).

Kovalev N.A. 2020. Evolyutsiya kontsepta COLD WAR v amerikanskem politicheskem diskurse: na materialakh SMI [Evolution of the COLD WAR Concept in American Political Discourse: Based on Media Materials]. Diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 178 p.

Kozhemyakin E.A. 2011. Objectivity: a Philosophical Category in Journalistic Discourse. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 18(113): 187–194 (in Russia).

Komarova E.V. 2020. Contrastive Analysis of the Word «Migrant» in Russian and English Media Texts. *Speech Technology*, 3–4: 47–53. DOI: 10.58633/2305-8129_2020_3-4_47

Koroleva M.N., Pronina E.E. 2022. User-Generated Content in Russian Online Media Texts About Traumatic Events. *Lomonosov Journalism Journal*, 4: 21–46 (in Russia). DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.2146

Lenets A.V., Chopsieva G.M. 2023. Nomination strategy as a way to socially categorize the image of a migrant in german media discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2(33):152–160 (in Russia).

Moiseeva I.Yu., Strenadyuk G.S. 2022. SMI kak istochnik formirovaniya kontsepta «vooruzhennyi konflikt» [Mass media as a source of formation of the concept of "armed conflict"]. In: Filologicheskie chteniya [Philological readings.]. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Orenburg, November 18–19, 2021). Eds. I.A. Solodilova, N.S. Sakharova, I.Yu. Moiseeva, Yu.G. Pykhtina, E.D. Andreeva, O.P. Simutova. Orenburg, Publ. Orenburgskii gosudarstvennyi universitet: 208–213.

Polonskii A.V. 2012. Media – diskurs – kontsept: opyt problemnogo osmysleniya [Media – discourse – concept: an experience of problematic comprehension]. *Sovremennyi diskurs-analiz*, 6: 42–56.

Savos'kin A.M. 2022. Formirovaniye zapadnymi SMI obraza naroda-zhertvy na primere bosniiskikh musul'man [The Formation of the Image of a Victim People by Western Media: The Case of Bosnian Muslims]. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii*, 38. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Istoriko-kul'turnyi, imidzhevyi i turisticheskii potentsial regiona) [Modern Russia and the World: Development Alternatives (Historical, Cultural, Image, and Tourist Potential of the Region)]. Collection of Research Articles. Ed. Yu.G. Chernyshov. Barnaul, Publ. Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta: 71–77.

Steblovskaya S. B. 2006. Kachestvennye SMI i kul'tura: sovremennye kommunikativnye strategii [High-Quality Media and Culture: Contemporary Communication Strategies]. In: Zhurnalistika v 2005 godu: transformacija modelej SMI v postsovetskom informacionnom prostranstve [Journalism in 2005: Transformation of Media Models in the Post-Soviet Information Space]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, MGU: 143.

Sudarkina E.Yu. 2022. Representation of the Concept "Defeat" in Journalistic Sports Discourse. In: Mir – Yazyk – Chelovek [World – Language – Man]. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (Vladimir, March 15, 2022). Ed. by E.E. Chikina. Vladimir, Publ. Vladimir, Izdatel'stvo Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.G. i N.G. Stoletovykh: 172–178.

Tolstokulakova Yu.V. 2022. Frame Structure of the «War» Concept in the Russian-Language Media Discourse. In: Prigranichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiya i sovremennye realii [Cross-border cooperation: historical events and modern realities]. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of higher language education in the Trans-Baikal Territory: [in 2 parts]. Eds. E.V. Drobotushenko, Yu.N. Lantsova. Part 2. Chita, Publ. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet: 158–162.

Trishina M.N. 2022. Metaphorical Projections of the German Migration Discourse. In: Universal'noe i natsional'noe v yazykovoi kartine mira [The Universal and the National in the Linguistic Picture of the World]. Proceedings of the V International Scientific Conference (Minsk, October 21–23, 2022). Ed. L.N. Neborskaya. Minsk, Publ. Minskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet: 133–135.

Chepkina E.V., Enina L.V. 2011. Zhurnalistskii diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: analysis of practices]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 89(2): 76–85.

Dijk T.A. van. 1983. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text & Talk*, 3(4): 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2025

Received September 20, 2025

Поступила после рецензирования 22.10.2025

Revised October 22, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антропова Вера Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории медиа, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera V. Antropova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Media Theory, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

УДК 325.454
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636
EDN EZRSHR

Анализ нарративных моделей в этнополитике многонационального государства

Бектурганова Б.К.

Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44

b.k.bekturbanova@krsu.kg

Аннотация. Важность этнополитики как основы стратегической независимости всё отчётливее осознаётся мировыми лидерами. Однако на сегодняшний день государственные идеологии ещё не достигли уровня, когда информационные потоки учитывают интересы различных этнических и социальных групп. В научной литературе недостаточно изучено, как медианарративы воздействуют на модель этнополитики в многонациональных государствах. Цель исследования – выявление способов презентации этнической культуры во внешнем пространстве для трансляции государственной идеологии. Проведен анализ нарративов, циркулирующих в медиасреде в целях мобилизации общества. В результате исследования в качестве основных нарративных аспектов выделены исторические события, которые транслируются в современное медиапространство и влияют на систему ценностей, идеологию, воспитание и межэтническую коммуникацию. Определен концепт влияния информации на этническую среду, её социализацию и мобилизацию, отношение к власти, а также на степень доверия к источникам информации.

Ключевые слова: этнополитика, нарратив, государственная идеология, мифотворчество, семантический анализ

Для цитирования: Бектурганова Б.К. 2025. Анализ нарративных моделей в этнополитике многонационального государства. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 625–636. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636 EDN: EZRSHR

Analysis of Narrative Models in the Ethnopolitics of a Multinational State

Bachtygul K. Bekturbanova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
44 Kievskaya St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic
b.k.bekturbanova@krsu.kg

Abstract. The importance of ethnopolitics as a foundation of strategic independence is becoming increasingly evident to global leaders. However, contemporary state ideologies have not yet reached the level at which information flows fully reflect the interests of various ethnic and social groups. The academic literature lacks sufficient research on how media narratives influence the model of ethnopolitics in multiethnic states. The aim of this study is to analyze narratives circulating in the media environment for the purpose of social mobilization and to identify ways in which ethnic culture is represented in the public sphere as a tool for conveying state ideology. The study reveals key narrative elements, particularly historical events that are transmitted into the contemporary media space and shape value systems, ideology, education, and interethnic communication. The concept of the influence of information on the ethnic environment, its socialization and mobilization, attitudes toward the state, and levels of trust in information

sources is also outlined. The study concludes that the current state of ethnopolitics does not fully meet contemporary geopolitical and domestic challenges, largely due to the lack of a research base for assessing the impact of specific narratives on different segments of society.

Keywords: ethnopolitics, narrative, state ideology, myth-making, semantic analysis

For citation: Bekturganova B.K. 2025. Analysis of Narrative Models in the Ethnopolitics of a Multinational State. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 625–636 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636 EDN: EZRSHR

Введение

Исследование нарративов как в политике в целом, так и в этнополитике в частности неразрывно связано с отношением народа к собственному прошлому. История – это не просто совокупность фактов, но и результат их интерпретации, то есть этот концепт находится в прямой зависимости от осознания событий прошлого в современности. Понятие истории диалектично: формируя настоящее, политическая практика опирается не только на материальные свидетельства исторических процессов, но и на различные повествования, мемуары, фольклор, коллективную память. Эти источники перерабатываются в нарративные конструкции, которые служат связывающим звеном между прошлым и настоящим, формируя символические и ценностные границы идентичности. «История – …фактор идентичности, и смена исторического подхода связана со сменой идентичности» [Лехциер, 2013, с. 6]. Субъективно смена подходов к интерпретации прошлого может вызывать недовольство, поскольку «при анализе процесса институционализации политики памяти, наряду с усилением роли государства, которое выражается в появлении большого числа тесно связанных с властью НПО, резком сокращении возможностей негосударственного финансирования и т.д., нельзя упускать из вида и определенные ограничения, с которыми сталкиваются власти в своем стремлении установить контроль над этой сферой» [Миллер, 2019, с. 93]. Именно этот подход зачастую используется современными политиками для выработки идеологических программ.

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к исследованию нарративов как инструментов формирования политической идентичности, мобилизации и легитимации власти в медиапространстве. Концепт нарратива приобретает особую актуальность в условиях цифровизации, где медиа становятся не просто каналами передачи информации, но и полноценными производителями смыслов, участвующими в конструировании этничности, гражданственности и национальной идеи.

Исследование межкультурных цифровых нарративов в современном медиаполе представлено, в частности, в работах В. Г. Соломеиной, которая рассматривает их в контексте процессов глобализации и деглобализации, а также политico-идеологических трансформаций последних лет. Она подчеркивает, что медианарративы служат механизмами как интеграции, так и сегрегации, конструируя символические границы между «своими» и «чужими» и апеллируя к исторической памяти и культурной идентичности [Соломеина, 2023]. В отечественной и зарубежной медиалингвистике нарратив анализируется как семиотическая структура, интегрирующая вербальные, визуальные и аудиальные элементы. Это особенно отчетливо проявляется в мультимедийной журналистике, где форма и содержание медиатекста формируют целостную нарративную стратегию. Мультимедийный нарратив в цифровой журналистике представляет собой поликодовое повествование, в котором текст, визуальные и аудиовизуальные элементы взаимодействуют для конструирования сюжета, усиления достоверности и эмоционального вовлечения аудитории [Качанов, 2020]. Методологический анализ нарративов опирается на теории этничности, в первую очередь на примордиализм и инструментализм. В рамках примордиалистской парадигмы этничность рассматривается

как данность, укоренённая в культуре, языке и происхождении, тогда как инструментализм подчеркивает политическую и социальную конструируемость этнической принадлежности. Эти подходы позволяют по-разному интерпретировать функции нарративов в этнополитике: либо как презентацию «естественных» границ, либо как результат борьбы за ресурсы и символическое господство [Шайкемелов, 2022].

Актуализация нарративного анализа в международной политике связана с понятием стратегических нарративов, которые трактуются как целенаправленные повествовательные конструкции, формирующие интерпретационные рамки для внешней и внутренней аудитории. Такие нарративы используются государствами и другими политическими акторами для легитимации своих позиций, формирования союзов и делегитимации оппонентов. Как отмечается в исследованиях М. Мискимона и Б. Розелла, стратегические нарративы становятся инструментами «мягкой силы», встраиваясь в официальную риторику, образовательные программы и медиадискурс [Roselle et al., 2020; Miskimmon et al., 2013].

Несмотря на активное развитие нарративного подхода в политологии и медиалингвистике, существует значительный пробел в его применении к постсоветским и в частности центральноазиатским контекстам. Практически отсутствуют исследования, посвященные нарративам этнополитики в странах Центральной Азии в условиях постимперской трансформации и медиатизации. В этом отношении Кыргызстан представляет собой уникальный пример, где национальная идентичность, этнополитическая мобилизация и медиадискурс формируют сложную взаимосвязь, отражающую как постколониальные, так и внутренние социальные конфликты. Образы «Манаса», риторика «золотого века» и попытки переопределения исторической памяти через государственные и медиапроекты требуют особого внимания с точки зрения нарративного анализа.

Таким образом, данное исследование заполняет значимую лакуну в научной литературе, предлагая анализ нарративов в контексте политической коммуникации, этнической идентичности и медиарепрезентации в современном Кыргызстане.

Цель настоящего исследования – выявить механизмы формирования, трансформации и применения этнополитических нарративов как инструмента государственной идеологии в Кыргызской Республике, этносоциальной мобилизации и политической легитимации в условиях постсоветской трансформации и geopolитических вызовов.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступают нарративные модели, включающие идеологические концепты, используемые в этнополитическом дискурсе Кыргызской Республики с момента обретения независимости до начала 2000-х гг.

В работе применён комплекс методов, соответствующих междисциплинарному подходу к изучению идеологических процессов. Нарративный анализ позволяет раскрыть внутреннюю структуру нарративов, выявить их функции в политическом дискурсе и проследить динамику их трансформации. Семиотический метод используется для анализа знаковых элементов нарратива, понимания механизмов их интерпретации и передачи смыслов между субъектами политической коммуникации. Морфологический анализ на основе подхода В.Я. Проппа позволяет определить наличие бинарных оппозиций и архетипических структур, характерных для этнополитических мифов, что особенно важно для выявления эмоциональных и поведенческих паттернов в обществе.

Также применялся контент-анализ политических речей, официальных заявлений, программных документов и средств массовой информации, направленный на изучение способов трансляции нарративов через государственные и общественные каналы.

Сравнительное осмысление исторических нарративов обеспечивается за счёт использования историко-компаративного метода, позволяющего установить

преемственность и изменения идеологических мотивов в различных политических контекстах. И, наконец, в рамках эмпирического анализа используется метод кейс-стади, фокусирующийся на Кыргызской Республике как на примере государства, находящегося в ситуации институциональной и идентичностной трансформации, где особую роль в процессе управления играют этнополитические нарративы, особенно в условиях полиэтничности и постсоветского наследия.

Теоретико-методологические подходы к изучению нарратива в этнополитике

Изучение взаимодействия нарративов и государственной идеологии основывается на использовании набора основных идеологических концептов, семантического и морфологического анализа нарративов в этнополитике. Наш научный интерес сосредоточен на изучении взаимодействия идеологических концептов Кыргызстана в современном геополитическом пространстве.

С середины XX века во всём мире наблюдается постепенный рост национально-освободительных движений – от борьбы против колониальной зависимости до противостояния неолиберальной рыночной глобализации. Это естественным образом приводит к усилению национального самосознания, являющегося, с одной стороны, презентационной формой национальной группы: будучи «маркером идентификации "свой – чужой"», идеология определяет не только мировоззрение человека, но и основные факторы общественного сознания, его духовной и материальной культуры» [Немых, Зинин, 2024, с. 72]. Поэтому создание функционального национального исторического мифа становится важнейшей государственной задачей. С другой стороны, национальное самосознание рассматривается как активный инструмент мобилизации собственного населения для решения внутренних проблем и предотвращения внешних угроз. В реальности усиление национального самосознания характеризуется ростом межэтнических столкновений, усилением регионального национализма, в ряде случаев слиянием этнических и религиозных противоречий. При этом следует иметь в виду, что «современные массовые представления об истории не являются "естественной памятью нации", передаваемой от поколения к поколению, они – результат деятельности профессиональных агентов исторической политики» [Ачкасов, 2018, с. 23], воплощенный в нарративах общественно-политического дискурса.

Отмеченные особенности использования нарратива позволяют рассматривать его как отдельную семантическую структуру. При использовании его политическими институтами он сам становится основным элементом коммуникации, так как «нarrативный подход акцентирует внимание на дискурсивной природе рассказа, понимает его как инструмент-посредник конструирования объяснения смысла, показывает центральную роль процесса повествования в создании идентичности и осмыслиении индивидуального опыта» [Малахаева, 2013, с. 157]. Интерпретация одних и тех же нарративов в социальных и межэтнических диалогах позволяет выделить их как отдельную модель, воздействующую на целевую аудиторию. Способ воздействия зависит от жанровой специфики повествования, поскольку одну и ту же историю, ситуацию можно представить и как карикатуру, и как трагедию – здесь многое зависит от этнокультурной принадлежности аудитории, социального статуса рассказчика, то есть тех факторов, которые обеспечивают стабильность канала коммуникации.

Анализ нарративов опирается на три основных подхода к их моделированию.

1. Модель первичной обработки нарратива, основанная на семиотике Ч. Пирса, применившего понятие знака, который, в свою очередь, соединяет в себе три корреляции: первая – знак репрезентанта, который формирует сообщение, вторая – знак слушателя, к которому направлено сообщение, третья – знак интерпретанта, который осмысливает сообщения согласно собственным потребностям. В нашем случае мы можем рассматривать

первую как знак повествования и воспитания в национальной культуре, вторую – как знак самоидентификации с этносом, и третью – как знак интерпретации событий лидером группы [Нёт, 2001].

2. Следующая модель опирается на морфологический анализ, предложенный В.Я. Проппом, который, исследуя русские народные сказки, обратил внимание на реализацию в повествовании бинарных оппозиций – не только столкновение «своего» и «чужого», но и «доброго» – «злого», «большого» – «маленького», «низкого» – «высокого» и так далее [Пропп, 1969, с. 26]. В этнополитических нарративах эти смысловые оппозиции необходимы для социальной агитации этноса в дуально разделенном пространстве, при этом практическая составляющая отходит на второй план, выдвигая вперёд эмоциональное восприятие действительности.

3. Структурная модель У. Лабова. Данная модель имеет трёхступенчатую структуру, включающую состояние аудитории до сообщения, состояние аудитории во время восприятия сообщения, когда слушатель с той или иной мерой успешности ассоциирует себя с героями повествования, и состояние аудитории после восприятия сообщения. Анализ этих трех ступеней позволяет оценить эффективность воздействия нарратива как на отдельного субъекта, так и на общество в целом [Labov, 1982].

Интерпретация нарратива, его адаптация к различным социальным и этническим группам особенно актуальна в полиглоссическом сообществе. При этом важно сохранить нарративное ядро повествования, то есть значимость самого образа, а его интерпретация может ориентироваться на культурные архетипы этногрупп различного характера. Анализируя интерпретацию нарратива как на начальном, так и на конечном этапах структурной модели У. Лабова, мы отмечаем, что его использование в этнополитике является одним из важнейших инструментов идеологического обеспечения развития государственности и социализации этнических групп, но он также может стать и триггером деструктивного поведения. Исторический анализ показывает [Geertz, 1983] что нарративы, основанные на мифологизации этнических групп, с древнейших времён использовались властью как инструмент сакрализации и легитимации ею политических, экономических и военных преобразований. Через создание и распространение таких мифов правящие элиты укрепляли свою позицию, формировали лояльность населения и оправдывали внедрение новых форм управления и общественных структур.

Идеи, изложенные в приведенном анализе, основываются на концептуальном подходе В. А. Шнирельмана к анализу этнических нарративов, которые сопровождаются:

- убеждённостью его носителей в древности и автохтонности этноса, восприятием своего народа как изначально принадлежащего определённой территории;
- отождествлением этнической идентичности носителей нарративов с их духовной культурой, прежде всего языком, который рассматривается как ее главный носитель на всём протяжении исторического развития;
- направленностью на борьбу за культурный приоритет в регионе;
- наличием мифов о первогероях – славных предках, символизирующих историческое величие этноса;
- формированием образов внешнего врага [Шнирельман, 2003].

Эти идеи позволяют легитимизировать политические, экономические претензии власти по отношению к собственному населению. С помощью этнонарратива формируется модель детерминации настоящего прошлым, и чем значимее прошлое, которое прежде всего обозначается хронологически, тем больше этнос готов претендовать на более значительную роль в современном мире.

Особенности нарративного конструирования в Кыргызстане

Рассмотрим примеры применения нарративных технологий, а также проанализируем их эффективность и ограничения в контексте общественного восприятия. В качестве кейса

использован опыт Кыргызской Республики – одного из наиболее политически трансформируемых и институционально развивающихся государств Центральной Азии, отличающегося высокой степенью общественно-политической активности и продолжающимися процессами экономической и государственной модернизации. Так, проведение World Nomad Games (с 2014 по 2018 год) – яркий пример строительства национального имиджа через нарратив: гимн кочевому наследию, традиционные виды спорта, этнокультурные показы стали инструментом позиционирования Кыргызстана как туристической и культурной жемчужины региона. После игр увеличилось позитивное международное освещение страны и укрепился её бренд как носителя уникальной кочевой культуры [Абель Попезе, Арзуу Шеранова, 2023]. Другим значимым примером стало подписание в марте 2025 года Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан соглашения о демаркации границы после длительного конфликта¹. Это событие стало частью идеологической стратегии укрепления госграниц и демонстрации государственной ответственности и стабильности регионального характера.

В Кыргызстане, как и в других постсоветских государствах Центральной Азии, нарратив в политике является универсальным инструментом общественной манипуляции, чему способствует ряд факторов. Во-первых, он опирается на мифологизацию какой-либо группы или страты. В таком случае «снимается» критика с сообщения, так как миф иррационален и, находясь вне актуализации современности, опирается исключительно на эмоции респондентов. Во-вторых, нарратив, основанный на этническом мифе, позволяет более эффективно использовать каналы коммуникации, так как соответствует культурным ожиданиям группы. В-третьих, использование этнически маркированного нарратива позволяет эффективно разделять пространство на «своё» и «чужое», что, в свою очередь, создаёт пространство для этносоциального воздействия на целевую аудиторию, – таким образом, «официальная история нации может быть исторически более или менее достоверной или фиктивной, но в любом случае, благодаря системе школьного образования, она становится общей собственностью, принятой большинством членов нации, и обретает статус конвенциональности, поэтому отдельный человек не в состоянии в ней что-нибудь произвольно изменить» [Ачкасов, 2018, с. 240]. Субъективно нарратив создаёт у респондентов чувство причастности, когда через ассоциативное мышление снимается критика источника информации и собственных действий.

Типология этнополитических нарративов в Кыргызской Республике

Этнополитический нарратив, активно применяемый в общественно-политической практике, обладает четырёхступенчатой структурой. Эта структура представляет модель логического связывания исторических конструктов в современных событиях: 1) выбор исторического персонажа или события, обладающего символическим потенциалом для определенной этнической группы; 2) мифологизация объекта, то есть создание идеализированного образа через селекцию фактов, игнорирование противоречий и приятие ему сакрального или героического статуса; 3) создание семантической структуры, связывающей миф и современность; 4) тиражирование образа через каналы коммуникации, воспринимаемые аудиторией. Таким образом, эта взаимосвязь обосновывается, аргументируется и интерпретируется в реалиях современного мира.

В процессе политического использования нарративов в государственной пропаганде по ключевым концептам они подразделяются на следующие типы.

1. Нарратив «золотого века» — в Кыргызстане «золотой век» представлен двумя образами, соответствующими целевой аудитории. Первый соотносится с периодом с

¹ Кыргызстан и Таджикистан достигли исторического соглашения о границе / Пресс-служба ГКНБ КР. Sputnik Кыргызстан: информационное агентство: [сайт]. Бишкек, 2025 г., 21 февраля. URL: https://ru.sputnik.kg/20250221/kyrgyzstan-tadzhikistan-soglasheniye-granitsa-1092214179.html?utm_source=ю.

середины IX до середины X века (эпоха «кыргызского великодержавия»). При открытии этногородка в Кырчыне было организовано театрализованное представление «Золотой век кочевников», основанное на образе «эпохи кыргызского великодержавия». Это событие включало конные шоу и эпические сцены, иллюстрирующие силу и величие кыргызов того периода. Такой формат культурной активности явно формирует и укрепляет соответствующий исторический нарратив в общественном сознании¹. Нарратив «золотого века» включает в себя и разгром Уйгурского каганата, и многослойную социальную организацию государства енисейских кыргызов, при этом дополнительную символическую ценность придает попытка сопоставления образов Барс-бека и Манаса – центрального героя кыргызского эпоса. «Трагедия енисейских кыргызов, отраженная в легенде о рогатой матери оленихе,озвучна со сказами эпоса «Манас» и письменных памятников Орхоно-Енисея. Борьба кыргызов за независимость под предводительством батыра Барсбека с вражьими силами Орхона отражена в каменных письменах» [Темирова, 2016, с. 786]. Но нарратив о сопоставлении образов Барсбека и Манаса не получил широкого распространения среди остальных слоёв кыргызского общества. К примеру, Владимир Мокрынин подчеркивал, что гипотеза о Барсбеке как прототипе Манаса обсуждалась как одна из многих, но она крайне гипотетическая, эмоционально окрашенная и не до конца доказанная позиция, требующая серьезной аргументации, так как различия в культурном, антропологическом и социальном плане между тянь-шаньскими и енисейскими кыргызами весьма значительны².

Гораздо более востребованным оказался второй нарративный концепт «золотого века», транслируемый в общество, – это образ Советской Киргизии. Кыргызстан – одна из немногих стран постсоветского пространства, которая положительно и с благодарностью оценивает историю советского периода: это этап обретения и укрепления государственности, расцвета национальной культуры, появления национальной письменности и литературного языка. Важным фактором, объясняющим такую оценку советского наследия, следует признать и то, что идеи социального равенства и справедливости были очень близки традиционным родовым принципам взаимоподдержки и справедливого распределения ресурсов. В настоящее время именно этот нарратив транслируется властями в общественный дискурс: «Теперь именно советский период стал для кыргызов новым золотым веком, успешно оттеснившим в сторону золотой век хана Манаса. Удивительно, но советский период в жизни кыргызов стал теплой ностальгией не только для тех, кто жил в то время, но и для многих представителей молодого поколения»³.

2. Нарратив легитимизации власти – впервые был представлен обществу первым президентом Кыргызстана А. Акаевым в 1995 году. К этому времени Кыргызстан, как и все постсоветские республики, находился в глубоком экономическом и социальном кризисе; падение экономики несколько сдерживала введенная в 1992 году национальная валюта – сом; в политическом же плане, как и во всей Центральной Азии, складывалась после распада СССР неоднозначная ситуация: советская республиканская номенклатура, лишенная идеологической легитимизации, могла пойти по пути авторитарии или тоталитаризма, что автоматически блокировало взаимодействие с ведущими мировыми державами, пропагандирующими демократические рыночные отношения. Необходим был нарратив с таким мифологическим образом, который, с одной стороны, через культурно-ценностные категории пропагандировал бы Кыргызстан на мировой арене, а с другой –

¹ Федорчук О. Открытие этногородка в Кырчыне состоялось. «Золотой век» прекрасен // Vesti.kg [сайт]. 2018 г., 4 сентября. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/54418-otkrytie-etnogorodka-v-kyrchyne-sostoyalos-zolotoj-vek-prekrasen.html> (дата обращения 10.05.2025).

² Мокрынин В. Кыргызское великодержавие и происхождение кыргызского народа (часть 5) // Акипресс. История Кыргызстана и кыргызов: [сайт]. 2013 г., 28 марта. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1617 (дата обращения 6.05.2025).

³ Битикчи Э. Золотой век кыргызов: Манас или Ленин? // Акипресс. История Кыргызстана и кыргызов: [сайт]. 2014. 5 декабря. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2322 (дата обращения: 10.05.2025).

содержал бы ценностные архетипы, значимые для этносоциальных слоёв самого государства. Другими словами, основной задачей стало конструирование образа неразделимости мифа и властных структур. И такой образ был найден – это герой основных кыргызских эпических повествований Манас, который совмещает в себе черты героя-демиурга и культурного героя, в определённом плане создателя этнической ментальности.

Показательно, что уже к 1994 году Генеральная Ассамблея ООН на своей 49 сессии приняла резолюцию от 19 декабря 1994 года о праздновании 1000-летия киргизского национального эпоса «Манас»¹, а ЮНЕСКО включила трилогию «Манас», «Семетей» и «Сейтек» в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества². Можно сказать, что первая задача – презентация Кыргызстана как члена международного пространства – была выполнена. Далее первым президентом Кыргызстана Аскаром Акаевым была выдвинута задача экстраполировать этот образ внутри государства, и здесь ключевую роль сыграл нарратив «семь заповедей Манаса». Принципы, заложенные в них, такие как интернационализм, патриотизм, почитание старших, забота об укреплении государственности стали базовыми идеологическими понятиями молодой Кыргызской Республики и сформировали содержание мощной PR-компании на демократических выборах президента в декабре 1995 года³.

Однако на начальном этапе независимости осуществить в полной мере проект сакрализации власти оказалось затруднительно в силу целого комплекса факторов: наличия «сильно выраженных чувств этнонациональной и локально-территориальной идентичности, проявляющейся в трайбализме и регионализме государствообразующего этноса» [Бектурганова, 2009, с. 136], глубоких социально-экономических проблем, усугубленных переходным характером постсоветского периода. Указанные обстоятельства способствовали формированию специфической модели политической конкуренции, в которой борьба за власть зачастую приобретала форму внутриэтнической, преимущественно клановой конкуренции за доступ к государственным ресурсам. Этому в определённой мере способствовали и повторяющиеся внутриполитические кризисы, в частности массовые протестные движения и смены власти, получившие в общественном дискурсе обозначение как «революции» 2005, 2010 и 2020 годов.

Лишь на современном этапе в условиях относительной стабилизации в дискурсе политического руководства вновь наблюдается обращение к идеологическим основаниям, опирающимся на традиционные ценности, в частности, на концепцию семи заповедей Манаса. Актуализация данного нарратива свидетельствует о стремлении к формированию новой идеологической платформы национального единства. Так, в одном из опубликованных выступлений президент Кыргызской Республики Садыр Жапаров подчёркивал: «Самым ярким олицетворением духовного и культурного наследия кыргызского народа является эпос "Манас". В трудное время образ Манаса посредством творчества манасчы вселяет силы в кыргызский народ. Сейчас у каждого своя позиция и видение пути развития страны, своё мировоззрение, но, когда речь идёт о Манасе, мы все едины»⁴.

¹ Празднование тысячелетия киргизского национального эпоса «Манас»: резолюция по докладу Второго комитета (A/49/726): [принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1994 года]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/49/129>.

² Манасова К. Трилогия «Манас. Семетей. Сейтек» включена в Репрезентативный список шедевров ЮНЕСКО // Информационное агентство «24.kg»: [сайт]. 2013 г., 5 декабря. URL: <https://24.kg/archive/ru/culture/166997-trilogiya-laquomanas-semetej-sejtekraquo.html> (дата обращения 2.05.2025)

³ Капиевский М. Кыргызстан: идеология в состоянии «турбулентности» // Информационный портал CentrAsia: [сайт]. – 2013 г., 26 ноября. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1385453460#gsc.tab=02> (дата обращения 2.05.2025).

⁴ Садыр Жапаров, и. о. Президента, Премьер-министр. Ваше творчество – это неоценимый вклад не только в сохранность великого кыргызского эпоса, но и духовной жизни кыргызского народа // Кабинет Министров Кыргызской Республики: официальный сайт. 2020 г., 13 ноября. URL: <https://www.gov.kz>

В итоге образ Манаса и сопутствующий ему нарратив становятся не просто элементом культурной презентации нации, но также инструментом формирования идеологического консенсуса, претендующим на статус общенационального символа, способного преодолеть внутригрупповые и межрегиональные разломы в обществе.

3. Следующий тип нарратива в этнополитике основан на мифологемах и направлен на консолидацию общества через противостояние «своего» и «чужого». Таким стал нарратив, связанный с празднованием в 2003 году 2200-летия кыргызской государственности, проходившим на фоне усиливавшегося политического и экономического кризиса. Из выступления А. Акаева на II Всемирном Курултае кыргызов (в рамках празднования 2200-летия) ясно следует, что одной из ключевых целей нарратива стало научное обоснование древности кыргызского этноса – цель, позволяющая Кыргызстану претендовать на культурное лидерство в Центральной Азии с возможностью последующей экономической монетизации, а также укрепляющая национальное самосознание и консолидирующая общество¹. Внутри страны это событие способствовало объединению кыргызской диаспоры более чем из 25 стран и росту национальной гордости: «Начал свою работу второй Всемирный курултай кыргызов, который проходит в рамках празднования 2200-летия Кыргызской государственности. Предполагалось прибытие более 150 кыргызов из более чем 25 стран ближнего и дальнего зарубежья. Это США, Австрия, Австралия, Англия, Франция, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и т.д. Причем это кыргызы, которые являются гражданами государств, откуда они прибудут. Среди них – ученые, бизнесмены, служащие, деятели искусств. От Кыргызстана будет представлено 150 делегатов»².

Празднование 2200-летия кыргызской государственности активизировало исследования истории и этнографии кыргызского народа, инициировало проекты по изучению древних государственных образований и археологических памятников, что способствовало формированию новой исторической парадигмы [Бейшеева, 2021; Майдинов, 2023]. Международное участие кыргызских учёных расширило научные связи и укрепило имидж Кыргызстана как центра изучения тюркских и центральноазиатских культур. Политически юбилей стал инструментом укрепления власти через мобилизацию национального единства и апелляцию к историко-культурным символам. Таким образом, празднование 2200-летия кыргызской государственности, широко представленное в СМИ, оказало комплексное влияние на научное осмысление истории и этнополитическую динамику в Кыргызстане и регионе.

Заключение

Проведённое исследование показало, что этнополитический нарратив выступает как неотъемлемый инструмент государственной идеологии Кыргызской Республики, формируя устойчивую коллективную идентичность и выполняя функции политической мобилизации, легитимации власти и институционального оформления исторической памяти. Особенность кыргызского нарративного дискурса заключается в том, что он опирается на мифологические и историко-культурные образы, способные объединять различные социальные и этнические группы на основе эмоционального отклика, узнаваемых культурных архетипов и национальных символов. Структурирующие этот нарратив

kg/ru/post/s/prezidenttin-ma-premer-ministr-sadyr-zhaparov-sizdin-chygarmachylyguzz-bul-uluu-kyrgyz-eposun-saktoogo-gana-emes-kyrgyz-elinin-rukhiy-turmushuna-da-baa-zhetkis-salym (дата обращения: 10.08.2025)

¹ Акаев А. Крепить государственность, крепить национальное согласие. Выступление на Курултае // Kyrgyzstan Rewier. Информационно-познавательный портал о Кыргызстане: [сайт]. 2003. 7 марта. URL: https://rus.gateway.kg/07-03-2003-krepit-gosudarstvennost-krep/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 11.05.2025).

² Начал работу 2-й Всемирный курултай кыргызов. В программе... // Информационный портал CentrAsia: [сайт]. 29 августа 2003. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1062107160&ysclid=melqqnup43824718549#gsc.tab=0> (дата обращения: 12/05 2025)

концепты, такие как «золотой век», образ Манаса и концепция древней государственности, позволяют осуществлять внутреннюю консолидацию общества и одновременно позиционировать государство на международной арене как носителя уникального историко-культурного кода.

Анализ нарративных моделей с точки зрения структурного, семиотического и морфологического подходов позволил выделить ключевые механизмы их воздействия: от бинарных оппозиций и эмоционального резонанса до сакрализации власти и нейтрализации критического восприятия информации. При этом важную роль играют не только содержательно-концептуальное наполнение нарратива, но и его жанровая форма, контекстуальная актуализация, социальный статус «рассказчика», а также степень соответствия культурным ожиданиям аудитории. Успешные нарративы обладают интегративным потенциалом, формируя символическое пространство «своего», противопоставленного «чужому», и тем самым укрепляя границы национального и политического.

Однако нарратив как политico-идеологический инструмент обладает и деструктивным потенциалом: при отсутствии инклузивности и преобладании мобилизационной функции он может усиливать этническую фрагментацию, клановое соперничество и социальную поляризацию. Особую значимость приобретает осмысленное управление исторической памятью и политической мифологией, позволяющее государству не просто воспроизводить традиционные идеологемы, но адаптировать их к современным вызовам и задачам модернизации. Как показывает кейс Кыргызстана, даже в условиях высокой политической нестабильности этнополитический нарратив способен задавать устойчивые рамки национального дискурса, трансформируя историческое наследие в актуальные политические смыслы.

Таким образом, нарратив в этнополитике не только отражает существующие ценностные ориентиры общества, но и активно формирует их, обеспечивая преемственность государственной идеологии и выступая связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Его роль в постсоветском пространстве, в частности в Кыргызстане, возрастает в условиях поиска новых моделей идентичности, национального единства и политической субъектности, отражаемых в массмедиийном дискурсе.

Список литературы

Ачкасов В.А. 2018. Национальная идентичность как исторический нарратив. *Управленческое консультирование*, 10(118): 19–26. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-19-26

Бектурганова Б.К. 2011. Этнополитическая интеграция и консолидация в Кыргызстане. *Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына*, 1: 135–140. URL: http://lib.knu.kg/files/2011/vesnik_1_KNU2011.pdf (дата обращения: 9.05.2025)

Бейшеева А.А. 2021. Исторические этапы и особенности кыргызской государственности. *Endless Light in Science, Серия: Исторические науки, Historical sciences*, 12–15.

Качанов Д.Г. 2020. Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов. *Вестник Московского университета, Серия: Журналистика*, 10(1): 79–102. URL: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2020.79101>

Лехциер В.Л. 2013. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. *Международный журнал исследований культуры*, 1(10): 5–8.

Малахаева С.К. 2013. Нарративный подход в этнопсихологическом исследовании: возможности и границы метода. *Психология в экономике и управлении*, 2: 155–164.

Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия. *Полития*, 3(94): 87–102.

Милькова А.А. 2025. Возможности теории стратегических нарративов в анализе внешнеполитического дискурса Китая в эпоху Си Цзиньпина. *Аналитика и власть Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2: 82–92. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>

Мойдинов И.Ж. 2023. Государственная организация древних и средневековых кыргызов. *Национальная ассоциация ученых (НАУ)*, 88: 46–49.

Немых А.П., Зинин Р.В. 2024. Роль идеологических концептов союзников, демографии, патриотизма и волонтерского движения в трансляции государственной идеологии. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 43(3): 278–290.

Нёт В. 2001. Чарлз Сандерс Пирс. Пер. с нем. Н. Сироткина. *Критика и семиотика*, 3/4: 5–32. URL: https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/pdf/CS_03-04/cs0304net.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

Пропп В.Я. 1969. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., Наука, 168 с. URL: <https://books.yandex.ru/books/h3v8KGHx/read-online> (дата обращения: 9.09.2025).

Попезе А., Шеранова А. 2024. Когда «брендинг» встречается со «строительством»: как национальный брендинг влияет на идентичность в Кыргызстане и Эстонии. *Журнал балтийских исследований*, 55(2): 435–457. URL: <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2271889>

Соломеина В. Г. 2023. Цифровые медиаnarративы в контексте межкультурного медиадискурса: литературный обзор. В кн.: Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: Материалы Международной научно-практической конференции, 20–22 апреля 2023 г., Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 292–297. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/123572/1/978-5-7996-3653-1_2023_060.pdf (дата обращения: 11.05.2025)

Темирова Б.Т. 2016. Эпос “Манас” в художественном мире Ч. Айтматова. *Теория и практика современной науки*, 11(17): 789–793. URL: https://www.modern-j.ru/_files/ugd/b06fdc_1623c1dcd3514ae08f598a0a601379d8.pdf (дата обращения: 10.05.2025)

Шайкемелов М.С. 2022. Методология этносоциальных исследований: анализ зарубежного и казахстанского опыта исследований этничности. *Аль-Фараби. Культура. Идентичность. Справедливость*, 3(79): 122–138. URL: <https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09>

Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва, ИКЦ Академкнига, 592 с. URL: [https://runivers.ru/bookreader/book10457/#page/1 mode/1up](https://runivers.ru/bookreader/book10457/#page/1	mode/1up) (дата обращения: 5.09.2025)

Geertz C. 1983. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York, Basic books Inc, 256 p.

Labov W. 1982. Speech actions and reactions in personal narrative In: Analyzing discourse: text and talk. Ed. D. Tannen. Washington, DC, Georgetown University Press: 219–247.

Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. 2013. Strategic Narratives: communication power and the new world order. New York, Routledge; 1132 p.

References

Achkasov V.A. 2018. Nacional'naja identichnost' kak istoricheskij narrativ [National identity as a historical narrative]. *Management Consulting*, 10(118): 19–26. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-19-26>

Bekturjanova B.K. 2009. Jetnopoliticheskaja integracija i konsolidacija v Kyrgyzstane [Ethnopolitical integration and consolidation in Kyrgyzstan]. Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, 1: 136–140. URL: http://lib.knu.kg/files/2011/vesnik_1_KNU2011.pdf (accessed: 9 May 2025)

Beishheyeva A.A. 2021. Istoricheskie jetapy i osobennosti kyrgyzskoj gosudarstvennosti [Historical stages and features of Kyrgyz statehood]. *Endless Light in Science, Series: Historical Sciences*, 12–15.

Kachanov D.G. 2020. Narrativ v mul'timedijnoj zhurnalisticke: analiz rossijskikh i zarubezhnyh mediaproektov [Narrative in Multimedia Journalism: An Analysis of Russian and Foreign Media Projects]. *Moscow State University Bulletin, Series: Journalism*, 10(1): 79–102.

Lekhtsier V.L. 2013. Narrativnyj poverot i aktual'nost' narrativnogo razuma [Narrative turn and the actuality of the narrative mind] *International Journal of Cultural Research*, 1(10): 5–8.

Malakhaeva S.K. 2013. Narrativnyj podhod v jetnopsihologicheskem issledovanii: vozmozhnosti i granicy metoda [Narrative approach in ethnopsychological research: possibilities and limits of the method] *Psychology in Economics and Management*, 2: 155–164.

Miller A.I. 2019. Rost znachimosti institucional'nogo faktora v politike pamjati — prichiny i posledstvija. [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory: Causes and implications] *Politeia*, 3(94): 87–102. URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102>

Milkova A.A. 2025. Vozmozhnosti teorii strategicheskikh narrativov v analize vneshnepoliticheskogo diskursa Kitaja v jepohu Si Czin'pina [Possibilities of the theory of strategic narratives in the analysis of China's foreign policy discourse under Chairman Xi Jinping]. *Analytics and Power: Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS*, 2: 82-92. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>

Moydinov I.Zh. 2023. Gosudarstvennaja organizacija drevnih i srednevekovykh kyrgyzov [State organization of ancient and medieval Kyrgyz]. *National Association of Scientists (NAS)*, 88: 46–49.

Nemykh A.P., Zinin, R.V. 2024. Rol' ideologicheskikh konceptov sojuznikov, demografii, patriotizma i volonterskogo dvizhenija v transljacii gosudarstvennoj ideologii [The role of ideological concepts of allies, demography, patriotism, and the volunteer movement in the transmission of state ideology]. *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*, 43(3): 278–290. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/64224/1/Zinin_Rol_24.pdf (accessed: 13 May 2025)

Nöth W. 2001. Charlz Sanders Pirs [Charles Sanders Peirce]. Translated from German by N. Sirotkina. *Critique and Semiotics*, 3/4: 5–32.

Propp V.Ya. 1969. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of the Folktale. The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Nauka, 168 p. URL: <https://books.yandex.ru/books/h3v8KGHX/read-online> (accessed: 9 May 2025).

Popeze A., Sheranova A. 2024. Kogda «brending» vstrechaetsja so «stroitel'stvom»: kak nacional'nyj brending vlijaet na identichnost' v Kyrgyzstane i Jestonii [When 'branding' meets 'building': the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia]. *Journal of Baltic Studies*, 55(2): 435–457. URL: <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2271889>

Solomeina V.G. 2023. Cifrovye medianarrativy v kontekste mezhkul'turnogo mediadiskursa: literaturnyj obzor [Digital media narratives in the context of intercultural media discourse: a literature review]. In: Media as a Factor in Human Adaptation to Social, Economic and Political Changes: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, April 20–22, 2023, Ekaterinburg, Ural University Press: 292–297.

Temirova B.T. 2016. Jepos "Manas" v hudozhestvennom mire Ch. Ajmatova [The epic "Manas" in the artistic world of Ch. Aitmatov]. *Theory and Practice of Modern Science*, 11(17): 789–793.

Shaikemelov M.S. 2022. Metodologija jetnosocial'nyh issledovanij: analiz zarubezhnogo i kazahstanskogo opyta issledovanij jetnichnosti [Methodology of ethnosocial research: analysis of foreign and Kazakhstani approaches to the study of ethnicity]. *Al-Farabi. Culture. Identity. Justice*, 3(79): 122–138. URL: <https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09>

Shnirelman V.A. 2003. Voyny pamyati: Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in the Caucasus]. Moscow: IKC Akademkniga. 592 p.

Geertz C. 1983. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books Inc, 256 p.

Labov W. 1982. Speech actions and reactions in personal narrative. In: Tannen, D. (Ed.), *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Washington, DC: Georgetown University Press: 219–247.

Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. 2013. Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. New York, Routledge, 1132 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2025

Received June 24, 2025

Поступила после рецензирования 31.07.2025

Revised July 31, 2025

Принята к публикации 10.09.2025

Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бектурганова Бахтыгуль Кубанбековна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bachtygul K. Bekturganova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-637-647
EDN FHFIB

Эволюция доктрины объективности в американской журналистике второй половины XX века: от Маккарти к Уотергейту

Виниченко В.М.

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, Большая Садовая, д. 105
vitalyy@sfedu.ru

Аннотация. Сформировавшаяся в 20-х гг. прошлого века доктрина объективности выступает краеугольным камнем американской журналистики, позволяющим ей претендовать на доверие аудитории и независимость от центров политической и экономической власти. Но уже четыре десятилетия спустя она подверглась первой существенной ревизии. Этот процесс практически не получил отражения в трудах советских и российских исследователей, в силу чего целью исследования выступает анализ изменений, которым доктрина объективности подверглась в 1950–1980-х гг. прошлого века. Сделан вывод о том, что в результате её переосмысления новым поколением американских журналистов доктрина объективности оказалась дополнена более критичным отношением к источникам официальной информации, что закономерно привело к таким знаковым событиям XX века, как публикация «Бумаг Пентагона» и «Уотергейтский скандал».

Ключевые слова: объективность, новости, американская журналистика, культурный капитал, стратегический ритуал, кризис доверия, Уотергейт

Для цитирования: Виниченко В.М. 2025. Эволюция доктрины объективности в американской журналистике второй половины XX века: от Маккарти к Уотергейту. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 637–647. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-637-647 EDN: FHFIB

Evolution of the Objectivity Doctrine in American Journalism in the Second Half of the Twentieth Century: from McCarthy to Watergate

Vitaliy M. Vinichenko

Southern Federal University,
105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia
vitalyy@sfedu.ru

Abstract. The doctrine of objectivity, which emerged in the 1920s, serves as a cornerstone of American journalism, allowing it to claim audience trust and independence from centers of political and economic power. However, just four decades later, under the influence of criticism from American politicians, journalists, and sociologists, it underwent its first substantial revision. This process has been largely unnoticed in the works of Soviet and Russian researchers; therefore, this study aims to analyze the changes the doctrine of objectivity underwent in the 1950s–1980s. It is concluded that the reevaluation of the doctrine of objectivity by a new generation of American journalists led to it being supplemented with a critical attitude towards the official wisdom of all branches of power on the part of reporters, which naturally resulted in such landmark events of the 20th century as the publication of the Pentagon Papers and Watergate.

Keywords: objectivity, news, American journalism, cultural capital, strategic ritual, credibility gap, Watergate

For citation: Vinichenko V.M. 2025. Evolution of the Objectivity Doctrine in American Journalism in the Second Half of the Twentieth Century: from McCarthy to Watergate. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 637–647 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-637-647 EDN: FHFIB

Введение

«Почему критики считают само собой разумеющимся, что пресса должна быть объективной?», – задавался вопросом в своей известной монографии «Открытие новостей: социальная история американских газет» американский социолог М. Шудсон. «Объективность – это требование, которое довольно странно предъявлять к организации, которая, будучи коммерческим предприятием, стремится в первую очередь к экономическому выживанию. Это не менее странное требование для института, который, в силу своих традиций и ясно выраженного кредо является политическим органом. Это требование довольно странно предъявлять к редакторам и репортёрам, не располагающим, в отличие от медиков, юристов либо учёных профессиональным инструментарием, призванным гарантировать объективность» [Schudson, 1978, р. 3].

Что же в таком случае позволяет доктрине объективности в журналистике в значительной степени сохранять свою актуальность вплоть до наших дней? Ответ на подобный вопрос требует осмыслиения *практического* опыта её применения, который только начинает накапливаться в отечественных условиях. По справедливому замечанию Г.В. Лазутиной, понятия «объективность» и «правдивость» начинают рассматриваться в качестве направляющих принципов деятельности российских журналистов лишь с 1990-х гг. [Лазутина, 2017, с. 17]. До этого опыт её применения в американской и западноевропейской журналистике выступал объектом не столько практического интереса советских исследователей, сколько довольно предвзятой критики. Наиболее ярким примером выступает серия книг, вышедших во второй половине 1970 – начале 1980-х годов под редакцией Я.Н. Засурского [Засурский и др., 1976; Засурский и др., 1978; Засурский и др., 1979; Засурский и др., 1980]. Наибольшее внимание проблеме объективности уделено во второй из них. По мнению её авторов, единственным возможным залогом объективности выступала приверженность журналиста марксистско-ленинской пролетарской идеологии. Неприятие этой идеологии автоматически лишало западную журналистику возможности «объективно отражать социальную реальность» и превращало её в инструмент пропаганды, ведущейся «в соответствии с интересами господствующего класса» [Засурский и др., 1978, с. 14]. И напротив, приверженность пролетарской идеологии позволяла событийной информации в коммунистической журналистике оставаться объективной, даже если она выполняла пропагандистскую функцию [Засурский и др., 1978, с. 13].

В тех случаях, когда события давали повод усомниться в исходном тезисе о полном подчинении буржуазной журналистики интересам господствующего класса, исследователи представляли их как малозначимую aberrацию, обусловленную перипетиями внутриполитической борьбы и корыстными побуждениями отдельных лиц, как, например, в случае с Уотергейтским скандалом: «Репортеры, занимающиеся "разоблачением" отдельных личностей, руководствуются интересами внутриполитической борьбы, погоней за сенсацией и коммерческими соображениями. В частности, журналисты К. Бернстин и Б. Вудвард сделали хороший бизнес на "Уотергейте", получив за книгу и сценарий к кинофильму "Вся президентская рать" свыше миллиона долларов» [Засурский и др., 1978, с. 51].

В отличие от этого в США доктрина объективности привлекала пристальное внимание политиков, журналистов и исследователей начиная с момента своего оформления в 1920-х гг. [Виниченко, 2024]. Если первые использовали её в качестве основания для

критики действий прессы, не совпадавших с их интересами [Agnew, 1969; Nixon, 1969], то предметом озабоченности вторых уже несколько десятилетий спустя выступило несправедливое, на их взгляд, преимущество, которым доктрина объективности в её традиционном понимании наделяла официальные источники информации [Wicker, 1971; Багдикян, 1987]. В свою очередь, американские социологи, такие, как Г. Такман, Г. Ганс и М. Шудсон [Tuchman, 1972; Gans, 2004; Schudson, 2001] попытались изучить причины, по которым доктрина объективности оказалась столь востребованной в журналистике, и то, как именно она влияла на повседневную деятельность репортёров.

Начавшийся в 50-х гг. прошлого века процесс переосмыслиния доктрины объективности продолжается до сих пор. Ряд представителей американских академических кругов и журналистов-практиков [Stephens, 2014; Wallace, 2019; Downie, Heyward, 2023] призывают к её радикальному пересмотру, если не полному отказу от неё, настаивая, что она ограничивает творческий потенциал журналистов и нацелена на поддержание картины мира социальных и политических элит.

Вместе с тем у доктрины объективности остаётся немало защитников как в стане первых, так и вторых. «Мы хотим иметь объективных судей и докторов. Почему не журналистов?» – задаётся закономерным вопросом со страниц Washington Post её бывший исполнительный редактор М. Барон¹. По мнению тех, кто с ним солидарен, призывы к отказу от доктрины объективности продиктованы неверным пониманием её сути: исторически сформировавшаяся приверженность к ней продиктована вовсе не отрицанием человеческой субъективности, а напротив, её признанием – отмечает американский социолог М. Шудсон [Schudson, 2024, р. 39]. «Я продолжаю верить, что объективность … остается ценностью, к которой стоит стремиться», – настаивает нынешний издатель газеты «Нью-Йорк таймс» (New York Times) А. Сульцбергер [Sulzberger, 2023]. «Объективность всегда будет более прочной основой для достижения истины, нежели субъективность, потому что она опирается на внешние доказательства, на проверяемые и опровергаемые утверждения, на беспристрастные методы. Альтернатива этому – не что иное, как дикий разгул бесконтрольных чувств и неоспариваемых заблуждений, в котором взаимопонимание уступит место всеобщему презрению. Отказ от объективности стал бы катастрофой для демократии, полагает американский историк Д. Гринберг [Greenberg, 2022].

Процесс существенной трансформации доктрины объективности во второй половине XX – начале XXI веков под влиянием критики со стороны американских политиков, журналистов и социологов, практически не нашёл отражения в работах российских исследователей. В свете этого цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проанализировать те изменения, которым доктрина объективности подверглась на первом этапе своей эволюции в 1950–1980-х гг.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили публикации американских исследователей, политиков и журналистов 1950–1980-х гг. (Б. Багдикян, Т. Уикер, К. Бернстайн, Г. Такман, С. Агню) и их современных коллег (Х. Стенсаас, М. Шудсон, М. Стефенс и др.) затрагивающие различные аспекты объективности в журналистике.

Основными методами исследования выступают метод историзма, предполагающий изучение процесса развития общественных явлений в их взаимодействии с другими объектами и феноменами своего времени, а также общенаучные методы сравнения, анализа, синтеза и интерпретации.

¹ Baron M. 2023. We Want Objective Judges and Doctors. Why Not Journalists Too? Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/24/journalism-objectivity-trump-misinformation-marty-baron/> (accessed: May 15, 2023).

Объективность как «стратегический ритуал» и источник культурного капитала

Если бы концепция объективности была объективным следствием экономического развития прессы либо технического прогресса, то она вполне смогла бы выжить, не обладая притягательностью морального идеала, полагает М. Шудсон. Следовательно, реальный вопрос заключается в том, что именно вызвало к жизни данный идеал [Schudson, 2001, р. 150]. Он попытался ответить на него, опираясь на труды Э. Дюркгейма и М. Вебера.

В соответствии с теорией первого из них, моральные нормы выступают порождением ритуальной солидарности, призванной объединить ту или иную социальную группу либо институт; они позволяют поддерживать её единство и преодолевать внутренние конфликты. По утверждению М. Вебера, формальная артикуляция моральных норм становится неизбежной, когда группа или институт становятся настолько большими, что неформальное приобщение к их ценностям больше не является возможным. В не меньшей степени потребность в моральных нормах, согласно Веберу, вытекает из потребности лидеров сложных социальных организаций в руководстве подчинёнными [Schudson, 2001, р. 151–152]. Исходя из этого, М. Шудсон полагает, что растущее корпоративное самосознание журналистов как самостоятельной профессиональной группы во второй половине XIX – первых десятилетиях XX вв. закономерно породило необходимость в источниках социальной солидарности и профессионального достоинства, с одной стороны, а с другой – в механизмах внутреннего социального контроля. К началу 1920-х гг. это привело к провозглашению этики объективности в качестве моральной нормы журналистики, позволяющей редакторам, среди всего прочего, контролировать подчинённых им репортёров [Schudson, 2001, pp. 157–158, 162].

Двумя принципиальными исключениями из этого правила, по признанию М. Шудсона, становятся зарубежные корреспонденты и спортивные репортёры. «Зарубежные корреспонденты рассматривались не в качестве подчинённых, которых следовало контролировать, а, скорее, как независимые эксперты, обладающие свободой выражать собственное мнение. Их действительно невозможно было поставить под контроль, а кроме того, редакторы зачастую не обладали достаточными знаниями, чтобы критиковать их. По той же причине читатели, как правило, не располагали необходимым опытом, чтобы поместить голые факты в контекст и тем самым сделать их понятными» [Schudson, 2001, р. 163–164]. Спортивные репортёры выступают исключением из требования объективности по иной причине. «Журналистика всегда этноцентрична, она уделяет больше внимания национальным, нежели зарубежным событиям. Там, где новостные организации больше ориентированы на интересы местной, а не общегосударственной аудитории, как это происходит в случае с американской прессой, они этноцентричны по отношению к своему городу или региону. <...> Если бы чикагские газеты обеспечили спортивной команде гостей столь же дружественное освещение, как и "Chicago Bulls", это было бы воспринято как предательство, такое же, как если бы лондонская "Times" относилась к пресс-релизам гитлеровской Германии с тем же уважением, что и к поступавшим с Даунинг Стрит 10» [Schudson, 2001, р. 164]. Для самих репортёров, по утверждению американского социолога Г. Такман, объективность превращается в нечто вроде «стратегического ритуала», сулившего защиту от критики руководства в редакции и возможных исков по обвинению в клевете вне её [Tuchman, 1972, р. 660].

Этот ритуал является «стратегическим», поскольку представляет собой совокупность стратегий, или рутинных процедур, находящих выражение в определённом наборе формальных признаков новостных сообщений, таких как:

- 1) отражение противоположных точек зрения на предполагаемую истинность того или иного утверждения;
- 2) наличие дополнительных подтверждений сообщаемых фактов;
- 3) соблюдение правил цитирования для демонстрации того, что претензия на истину исходит не от самого репортёра;

- 4) изложение наиболее существенных фактов в начале сообщения;
- 5) тщательное отделение фактов от мнений, новостей от их анализа.

Это набор выступает не более чем «ритуалом», так как данные стратегии «довольно мало либо лишь косвенно важны для достижения заявленной цели» [Tuchman, 1972, p. 661], поскольку они:

- 1) предполагают селективность восприятия;
- 2) ошибочно исходят из того, что «факты говорят сами за себя»;
- 3) представляют собой набор сомнительных приёмов и методов, позволяющих репортёрам выражать своё мнение;
- 4) ограничены рамками информационной политики конкретного СМИ;
- 5) создают у читателей ложное представление о том, что анализ новостей (news analysis) является более тяжеловесным, скучным и назидательным [Tuchman, 1972, p. 676].

Справедливости ради следует отметить, что, по замечанию Г. Такман, таким же «стратегическим ритуалом», позволяющим избегать серьёзных эпистемологических проблем, доктрина объективности выступает в социальных науках, юриспруденции и медицине [Tuchman, 1972, p. 677–678]. Его соблюдение позволяет репортёрам настаивать на существовании грани, отделяющей их собственное мнение от того, что они сообщают, и тем самым претендовать на доверие аудитории. Более того, доктрина объективности становится «фундаментом того культурного капитала, который обеспечивает сотрудникам СМИ определённую степень автономии от центров политической и экономической власти и в то же самое время позволяет выступать с независимыми претензиями на истину» [Vos, 2012, p. 436].

Доктрина объективности как основание для критики СМИ

В случае конфликта интересов тот же культурный капитал в лице доктрины объективности выступал основанием для критики прессы со стороны как аудитории, так и других центров власти: «За рамками профессии чиновники и общественность, по-видимому, придерживаются мнения, что любая журналистика, которая не соответствует критериям объективной, противоречит общественным интересам, а возможно, даже аморальна. Резкая критика со стороны вице-президента Спиро Агню в 1969 и 1970 годах поставила под сомнение объективность прессы и, как казалось, нашла отклик у значительной части общественности» [Stensaas, 2005, p. 38].

Известная речь вице-президента США Спиро Агню, произнесённая в Де-Мойне 13 ноября 1969 г., действительно выступает одним из наиболее ярких примеров подобной критики. Поводом для неё послужили скептические комментарии, прозвучавшие в эфире трёх общенациональных телесетей – NBC, CBS и ABC – сразу же после телеобращения к нации президента Р. Никсона. «Если бы эти порочащие замечания были сделаны одним политическим кандидатом в адрес другого, то большинство комментаторов расценило бы их как партийные нападки..., – отметил С. Агню. – Но они прозвучали из освящённых привилегиями телевизионных студий, а потому обладали мнимым ореолом объективных утверждений»¹. Объектом критики в данном случае выступили общенациональные телесети США, а не печатные СМИ – прежде всего потому, что «для миллионов американцев [телевизионные] сети являются главным источником новостей о происходящем в стране и мире. <...> Если аудитория "New York Times" охватывает 800 тысяч человек, то вечерние информационные выпуски NBC привлекают в 20 раз больше»². Но основанием для неё выступила доктрина объективности в её классическом, «газетном» понимании: «В завтрашнем выпуске Des Moines Register вы сможете прочитать новостное сообщение о том, что я сказал этим вечером. Редакционные комментарии

¹ Agnew S.T. 1969. TV News Coverage. Delivered November 13, 1969, Des Moines, Iowa. American Rhetoric. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/spiroagnewtvnewscoverage.htm> (accessed: January 5, 2023).

² Там же.

[к нему] будут размещены на редакционной полосе, там, где им место. Не должна ли аналогичная разделительная стена отделять новости от комментариев в эфире общенациональных телесетей?» [Agnew, 1969]. Менее месяца спустя позицию своего вице-президента публично поддержал президент Р. Никсон, заявивший на пресс-конференции 8 декабря 1969 г.: «...телевизионные станции вполне могли бы последовать практике газет, отделяя новости от мнений. Если выражается мнение, то обозначьте его, но не смешивайте это мнение с освещением новостей»¹.

Помимо права «немедленно оспорить каждое обращение президента», узурпированного «крошечной, закрытой когортой привилегированных людей, никем не избранных», возмущение С. Агню вызывала их полная свобода «в выборе, подаче и интерпретации важных национальных проблем»². «[Н]е является ли это уже существующей разновидностью цензуры, – спрашивал Агню, – если новости, которые каждый вечер смотрят 40 миллионов американцев, отбираются горсткой людей, ответственных только перед своими корпоративными работодателями, и интерпретируются горсткой комментаторов, которые признают существование собственных предубеждений?»³. В завершение он подчеркнул, что лишь поднимает вопросы и не пытается ответить на них, поскольку, по его мнению, «[о]тветы должны исходить от представителей СМИ. Им следует обратить свои критические способности на самих себя, направить свою энергию, свой талант и свою решимость на повышение качества и объективности подачи новостей»⁴.

Любопытно отметить, что последнее замечание С. Агню практически совпало с началом нового этапа в развитии американской медиакритики: в период с 1968 по 1976 гг. региональными школами и отделениями журналистики в США были основаны около 40 новых профессиональных журналов. Образцом для них послужил *Chicago Journalism Review*, созданный группой журналистов в качестве форума для критики освещения в местной прессе уличных протестов, развернувшихся в Чикаго во время Национального конвента демократической партии 1968 г. [Emery et al., 1984, p. 703]. Расширились рамки не только академической и внутрицеховой, но и популярной медиакритики: в 1971 г. *Los Angeles Times* первой в стране создала постоянную колонку телевизионного обозревателя, а три десятилетия спустя их публиковали уже более полутора тысяч американских газет [Короченский, 2002, с. 14].

Что же касается выступления С. Агню, то проведённый вскоре после него контент-анализ, выборка которого охватывала содержание информационных программ NBC, CBS и ABC, вышедших в течение одной недели до и одной недели после его выступления, наглядно продемонстрировал, что одного лишь факта критики, исходящей из высших эшелонов власти, оказалось достаточно, чтобы вынудить телесети принять более осторожный тон освещения событий. Если объём наименее спорных материалов, сводящихся к рутинному освещению фактов с указанием их источника, в эфире информационных программ после выступления С. Агню вырос на 9 %, то количество случаев, когда журналисты пытались выступить с собственными суждениями, напротив, сократилось на 3 % [Lowry, 1971, p. 209–210].

«Кризис доверия» и Уотергейт

Со справедливостью обвинений, выдвигавшихся С. Агню в отношении американской прессы, сложно согласиться уже потому, что в этом конфликте он выступал представителем

¹ Nixon R. The President's News Conference Online by Gerhard Peters and John T. Woolley. The American Presidency Project, December 8, 1969. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/240343> (accessed: January 5, 2023).

² Agnew S.T. TV News Coverage. Delivered November 13, 1969, Des Moines, Iowa. American Rhetoric. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/spiroagnewtvnewscoverage.htm> (accessed: January 5, 2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

стороны, находящейся в привилегированной позиции. Призванная оградить освещение новостей от наиболее очевидных проявлений предвзятости со стороны репортёров и владельцев СМИ, доктрина объективности в её традиционном понимании породила новую разновидность тенденциозности, проявившейся в тяготении к информации, исходящей из официальных источников. «Доктрина объективности, несмотря на ее достоинства, строгие правила, требующие точности в описании реальных событий, привела к одному из самых опасных и вредных недостатков в репортажах о войнах, социальных взрывах и таких явлениях, как сенатор Дж. Маккарти, чьи бредовые фантазии были приняты, так как он, согласно правилам объективности, представлял собой признанный авторитет» [Багдикян, 1987, с. 181], – писал в начале 1980-х гг. известный американский журналист и медиакритик Б. Багдикян.

Но даже в этой ситуации доктрина объективности оставалась обоюдоострым оружием, как свидетельствует знаменитый выпуск программы *See It Now* («Смотрите сейчас») от 9 марта 1954 г., направленный против Маккарти и практически полностью построенный с соблюдением всех канонов журналистской объективности. Э. Марроу открыл его следующими словами: «Сегодняшний получасовой выпуск "Смотрите сейчас" полностью посвящён отчёту о сенаторе Джозефе Маккарти, составленному преимущественно из его собственных слов и [запечатлевших его] кинокадров. <...> Если сенатор сочтёт, что мы исказили его слова либо запечатлевшие его кадры и пожелает ответить лично – такая возможность будет предоставлена ему в нашей программе» [цит. по: Rosteck, 1989, pp. 278, 281]. По мнению американского исследователя Т. Ростека, не укладывается в канон журналистской объективности лишь третья, самая краткая часть (заключительный комментарий Марроу) выпуска *See It Now* от 9 марта 1954 г. [Rosteck, 1989. p. 281].

Как утверждают американские историки журналистики Майкл и Эдвин Эмери, «[н]а пике его карьеры сенатору Маккарти доверяла половина американцев, а это означает, что они верили в то, что их правительство олицетворяет сочетание коммунизма и коррупции» [Emery et al., 1984, p. 593]. К концу следующего десятилетия «[о]дна часть [граждан] не доверяла президенту; другая не доверяла прессе. И президент, и пресса убеждали людей не верить друг другу» [Emery et al., 1984, p. 594]. Зародившийся таким образом «кризис доверия» (credibility gap) в американском обществе развивался на фоне смены поколений в американской журналистике. «Во второй половине XX века в Соединённых Штатах освещение новостей, а не только их обсуждение и объяснение, обретает социальный престиж. Выпускники лучших американских университетов (влекомые азартом и Хемингуэем) сменяют выпускников старших школ (влекомых азартом и постоянной зарплатой) на пресс-конференциях в Белом доме, городских мэриях и даже полицейских участках» [Stephens, 2014, p. 48].

Новое поколение американских репортёров начинает критически переосмысливать значение доктрины объективности, однако пока оно не затрагивает её важнейших методологических основ. «Главное, к чему мы пришли в нашем понимании объективности в американской журналистике, – это [вопрос о том] достаточно ли внимания уделяется официальным заявлениям, официальным объяснениям и дополнительным разъяснениям из официальных источников, отдано ли должное официальным объяснениям, – с сожалением отметил помощник редактора *New York Times* Том Уикер, выступая в феврале 1971 г. на одном из мероприятий «Массачусетского исторического общества» (Massachusetts Historical Society). – Я говорю об отсутствии интеллектуальной традиции, которая сделала бы осознанной частью нашего [профессионального] долга потребность оспаривать официальную мудрость, подвергать сомнению официальные заявления... В американской прессе отсутствует такая интеллектуальная традиция, и это слабость, чреватая печальными последствиями. <...> Один из очевидных примеров... подтверждением которого может служить возглавляемое мною в то время бюро *New York Times* в Вашингтоне, – это

неспособность американской прессы подвергнуть компетентному сомнению представления, информацию и саму идею относительно места Америки в мире, – более того, всю картину мира в целом, что привело к втягиванию этой страны во Вьетнамскую войну в 1960-х гг.» [Wicker, 1971, p. 84–85]. Эти слова прозвучали буквально в преддверии того, как *New York Times*, поддержанная остальной американской прессой, наконец-то решила оспорить «официальную мудрость» высших эшелонов власти, осмелившись на публикацию известных «Бумаг Пентагона».

Пиком противостояния прессы и президентской администрации, как известно, становится Уотергейтский скандал. В основе стратегии, обеспечившей победу прессы в нём, лежала освящённая временем доктрина объективности. Как писал два десятилетия спустя один из главных героев Уотергейта, Карл Бернстайн, «то, что мы сделали, не было чем-то необычным. В основе нашей работы по расследованию Уотергейтского скандала лежали самые базовые, эмпирические методы освещения криминальных событий. Мы в наибольшей степени опирались на традиционные журналистские методы, здравый смысл и уважение к истине, чем на что-либо ещё, – принципы, которые были вбиты в меня в [редакции] старой добой *Washington Star*» [Bernstein, 1992, p. 22].

Однако на сей раз традиционные методы объективной журналистики оказались дополнены критическим отношением к властям предержащим, привнесённым новым поколением американских журналистов: «Прокуроры и ФБР опрашивали тех же самых людей, что и мы <...> ФБР и Департамент юстиции пришли к выводам, противоположным нашим, только потому, что предпочли не сопоставлять ключевые фрагменты информации, так как исходили из того, что П. Грей, возглавлявший тогда ФБР, назвал "презумпцией порядочности" людей, окружающих президента Соединённых Штатов» [Bernstein, 1992, p. 22].

Противостояние прессы и администрации президента Р. Никсона завершилось отставкой последнего, благодаря чему главные герои Уотергейта, К. Бернстайн и Б. Вудвуд, становятся «образцом журналистской объективности для либеральных демократических медиасистем, – образцом, который занимает видное место в системе журналистского образования всего демократического мира» [McNair, 2017, p. 1319].

Заключение

Сформировавшаяся в 20-х гг. прошлого века доктрина объективности оказалась востребованной в американской журналистике в силу ряда взаимодополняющих причин: она становится источником профессиональной солидарности и фундаментом «культурного капитала» СМИ США, позволяя им выступать с независимыми претензиями на истину. Снискав признание в глазах не только журналистов, но и общества, доктрина объективности превращается в весомое основание для критики американских СМИ со стороны аудитории и представителей власти в случае конфликта интересов. Но уже несколько десятилетий спустя становится очевидно, что у неё есть уязвимости, в силу чего произошедшая в 1950–1960-х гг. смена поколений в американской журналистике повлекла за собой первый этап переосмыслиния доктрины объективности, пока ещё не затрагивающий её методологических основ. В результате она была дополнена критическим отношением к «официальной мудрости» всех эшелонов власти, закономерным следствием чего становятся публикация «Бумаг Пентагона» («Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: Исследование» – на англ. *United States-Vietnam Relations, 1945–1967: A Study / Pentagon Papers*) и Уотергейтский скандал (1972–1974 гг., отставка Ричарда Никсона).

Таким образом, к началу последнего десятилетия 20 века доктрина объективности претерпела заметную трансформацию, благодаря которой сумела сохранить своё значение в американской журналистике. Однако в последующие три с половиной десятилетия ей пришлось столкнуться с не менее серьезными вызовами, которые будут рассмотрены в нашей следующей статье.

Список литературы

Багдикян Б. 1987. Монополия средств информации. Пер. с англ. Н.А. Лебедева. Под ред. Г.И. Вайнштейна. Москва, Прогресс, 317 с. (Bagdikian B.H. 1987. The media monopoly. Boston, Beacon Press, 274 p.).

Виниченко В.М. 2024. От Фамы и Оссы к современной доктрине объективности в американской журналистике. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 43(3): 266–277. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-266-277

Засурский Я.Н., Андрунас Е.Ч., Аникеев В.Е., Беглов С.И., Власов Ю.М., Орлов Ю.Я., Урина Н.В. 1976. Журналистика в буржуазном обществе. Под ред. Я. Н. Засурского. Москва, Мысль, 261 с.

Засурский Я.Н., Власов Ю.М., Голованова Г.А. Аникеев В.Е., Андрунас Е.Ч., Шарончикова Л.В., Телень Э.Ф., Кульман А.Д., Урина Н.В., Галушко Р.И., Котенок Р.Я., Орлов Ю.Я. 1978. Техника дезинформации и обмана. Под ред. Я.Н. Засурского. Москва, Мысль, 246 с.

Засурский Я.Н., Орлов Ю.Я., Урина Н.В., Пашков Г.Н., Котенок Р.Я., Бурмистенко А.Н., Федякин И.А., Власов Ю.М., Маринко И. В., Орехова С. Г., Аникеев В.Е., Сафонов И.И., Якимчук Г.В., Круглов Е.В. 1980. Буржуазные теории журналистики: (Критический анализ). Под ред. Я.Н. Засурского. Москва, Мысль, 253 с.

Засурский Я.Н., Орлов Ю.Я., Шарончикова Л.В., Ибрагимов А.Х.-Г., Кургузова Л. М., Власов Ю.Я., Голованова Г.А., Кустова Л.С., Урина Н.В., Галушко В.И., Котенок Р.Я. 1979. Мифы буржуазной журналистики. Под ред. Я.Н. Засурского. Москва, Мысль, 288 с

Короченский А.П. 2002. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, Международный институт журналистики и филологии, 272 с.

Лазутина Г.В. 2017. Деонтология в системе научных представлений о журналистике (по результатам самопознания профессии на конец 2016 года). В кн.: Современная журналистика в аспекте деонтологии. Под ред. Г.В. Лазутиной, И.А. Панкеева. Москва, Факультет журналистики МГУ: 7–31.

Bernstein C. 1992. The Idiot Culture. *The New Republic*, 8: 22–28.

Downie L.Jr., Heyward A. 2023. Beyond Objectivity: Producing Trustworthy News in Today's Newsrooms. Walter Cronkite School of Journalism and Mass Communication: Stanton Foundation, 54 p.

Emery M., Emery E. 1984. The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 774 p.

Gans H. 1979. Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time. Northwestern University Press, 393 p.

Greenberg D. 2022. The War on Objectivity in American Journalism. *Liberties Journal*, 2(3). <https://libertiesjournal.com/articles/the-war-on-objectivity-in-american-journalism/> (accessed: January 5, 2023).

Lowry D.T. 1971. Agnew and the Network TV News: A Before/After Content Analysis. *Journalism Quarterly*, 48(2): 205–210. DOI: 10.1177/107769907104800202

McNair B. 2017. After Objectivity? Schudson's Sociology of Journalism in the Era of Post-Factuality. *Journalism Studies*, 18(10): 1318–1333. DOI: 10.1080/1461670X.2017.1347893

Rosteck T. 1989. Irony, Argument, and Reportage in Television Documentary: See it Now Versus Senator McCarthy. *Quarterly Journal of Speech*, 75(3): 277–298. DOI: 10.1080/00335638909383878

Schudson M. 1978. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. Basic Books, 228 p.

Schudson M. 2001. The Objectivity Norm in American Journalism. *Journalism*, 2(2): 149–170. DOI: 10.1177/146488490100200201

Schudson M. 2024. Beyond the "Objectivity" Wars: What Journalists Really Value. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 165(2): 39-49. DOI: 10.1353/pro.2024.a950674

Stensaas H. 2005. The Rise of the News Paradigm. A Review of Scientific Literature. In: Diffusion of the News Paradigm 1850-2000. Eds. H. Svennik, P. Horst. Göteborg, NORDICOM: 37–49.

Stephens M. 2014. Beyond News: The Future of Journalism. New York, Columbia University Press, 232 p.

Sulzberger A. 2023. Journalism's Essential Value. *Columbia Journalism Review*, 9. https://www.cjr.org/special_report/ag-sulzberger-new-york-times-journalisms-essential-value-objectivity-independence.php (accessed: December 23, 2023).

Tuchman G. 1972. Objectivity as Strategic Ritual: An Examination of Newsmen's Notions of Objectivity. *American Journal of Sociology*, 77(4): 660–679. DOI: 10.2307/2776752

Vos T.P. 2012. 'Homo journalisticus': Journalism education's role in articulating the objectivity norm. *Journalism*, 13(4): 435–449. DOI: 10.1177/1464884911431374

Wallace L. R. 2019. The View from Somewhere: Undoing the Myth of Journalistic Objectivity. University of Chicago Press, 245 p.

Wicker T. 1971. The Tradition of Objectivity in the American Press: What's Wrong with It. *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*, 83: 83–100.

References

Bagdikyan B. 1987. Monopoliya sredstv informatsii [The Media Monopoly]. Trans. from english N.A. Lebedeva. Ed. G.I. Vainshtein. Moscow, Publ. Progress, 317 p. (Bagdikian B.H. 1987. The media monopoly. Boston, Beacon Press, 274 p.).

Vinichenko V.M. 2024. From Fama and Ossa to the Modern Doctrine of Objectivity in American Journalism. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(3): 266–277 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-266-277

Zasurskii Ya.N., Andrunas E.Ch., Anikeev V.E., Beglov S.I., Vlasov Yu.M., Orlov Yu.Ya., Urina N.V. 1976. Zhurnalistika v burzhuaznom obshchestve [Journalism in bourgeois society]. Ed. Ya.N. Zasurskii. Moscow, Publ. Mysl', 261 p.

Zasurskii Ya.N., Vlasov Yu.M., Golovanova G.A., Anikeev V.E., Andrunas E.Ch., Sharonchikova L.V., Telen' Eh.F., Kul'man A.D., Urina N.V., Galushko R.I., Kotenok R.Ya., Orlov Yu.Ya. 1978. Tekhnika dezinformatsii i obmana [Techniques of Disinformation and Deception]. Ed. Ya.N. Zasurskii. Moscow, Publ. Mysl', 246 p.

Zasurskii Ya.N., Orlov Yu.Ya., Urina N.V., Pashkov G.N., Kotenok R.YA., Burmistenko A.N., Fedyakin I. A., Vlasov YU.M., Marinko I. V., Orehkova S. G., Anikeev V.E., Safonov I.I., Yakimchuk G.V., Kruglov E.V. 1980. Burzhuaznye teorii zhurnalistiki: (Kriticheskii analiz) [Bourgeois Theories of Journalism: (Critical Analysis)]. Ed. Ya.N. Zasurskii. Moscow, Publ. Mysl', 253 p.

Zasurskii Ya.N., Orlov Yu.Ya., Sharonchikova L.V., Ibragimov A.Kh.-G., Kurguzova L.M., Vlasov Yu.Ya., Golovanova G.A., Kustova L.S., Urina N.V., Galushko V.I., Kotenok R. Ya. 1979. Mify burzhuaznoi zhurnalistiki [Myths of bourgeois journalism]. Ed. Ya.N. Zasurskii. Moscow, Publ. Mysl', 288 p.

Korochenskii A.P. 2002. «Pyataya vlast'»? Fenomen mediakritiki v kontekste informatsionnogo rynka [«The Fifth Estate»? The Phenomenon of Media Criticism in the Context of the Information Market]. Rostov-on-Don, Publ. Mezhdunarodnyi institut zhurnalistiki i filologii, 272 p.

Lazutina G.V. 2017. Deontologiya v sisteme nauchnykh predstavlenii o zhurnalistike (po rezul'tatam samopoznaniya professii na konets 2016 goda) [Deontology in the System of Scientific Concepts of Journalism (Based on the Results of Self-Awareness of the Profession as of the End of 2016)]. In: Sovremennaya zhurnalistika v aspekte deontologii [Contemporary Journalism in the Aspect of Deontology]. Eds. G.V. Lazutina, I.A. Pankeev. Moscow, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki MGU: 7–31.

Bernstein C. 1992. The Idiot Culture. *The New Republic*, 8: 22–28.

Downie L. Jr., Heyward A. 2023. Beyond Objectivity: Producing Trustworthy News in Today's Newsrooms. Walter Cronkite School of Journalism and Mass Communication: Stanton Foundation, 54 p.

Emery M., Emery E. 1984. The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 774 p.

Gans H. 1979. Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time. Northwestern University Press, 393 p.

Greenberg D. 2022. The War on Objectivity in American Journalism. *Liberties Journal. Spring*, 2(3). <https://libertiesjournal.com/articles/the-war-on-objectivity-in-american-journalism/> (accessed: January 5, 2023).

Lowry D.T. 1971. Agnew and the Network TV News: A Before/After Content Analysis. *Journalism Quarterly*, 48(2): 205–210. DOI: 10.1177/107769907104800202

McNair B. 2017. After Objectivity? Schudson's Sociology of Journalism in the Era of Post-Factuality. *Journalism Studies*, 18(10): 1318–1333. DOI: 10.1080/1461670X.2017.1347893

Rosteck T. 1989. Irony, Argument, and Reportage in Television Documentary: See it Now Versus Senator McCarthy. *Quarterly Journal of Speech*, 75(3): 277–298. DOI: 10.1080/00335638909383878

Schudson M. 1978. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. Basic Books, 228 p.

Schudson M. 2001. The Objectivity Norm in American Journalism. *Journalism*, 2(2): 149–170. DOI: 10.1177/146488490100200201

Schudson M. 2024. Beyond the "Objectivity" Wars: What Journalists Really Value. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 165(2): 39–49. DOI: 10.1353/pro.2024.a950674

Stensaas H. 2005. The Rise of the News Paradigm. A Review of Scientific Literature. In: Diffusion of the News Paradigm 1850–2000. Eds. H. Svensson, P. Horst. Göteborg, NORDICOM: 37–49.

Stephens M. 2014. Beyond News: The Future of Journalism. New York, Columbia University Press, 232 p.

Sulzberger A. 2023. Journalism's Essential Value. *Columbia Journalism Review*. Vol. 9. https://www.cjr.org/special_report/ag-sulzberger-new-york-times-journalisms-essential-value-objectivity-independence.php (accessed: December 23, 2023).

Tuchman G. 1972. Objectivity as Strategic Ritual: An Examination of Newsmen's Notions of Objectivity. *American Journal of Sociology*, 77(4): 660–679. DOI: 10.2307/2776752

Vos T.P. 2012. 'Homo journalisticus': Journalism education's role in articulating the objectivity norm. *Journalism*, 13(4): 435–449. DOI: 10.1177/1464884911431374

Wicker T. 1971. The Tradition of Objectivity in the American Press: What's Wrong with It. *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*, 83: 83–100.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.07.2025

Поступила после рецензирования 22.10.2025

Принята к публикации 10.12.2025

Received July 21, 2025

Revised October 22, 2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виниченко Виталий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy M. Vinichenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-648-659
EDN FVCCOK

Цифровой аватар как новый телеведущий: творческий эксперимент

Неренц Д.В., Дякина А.А.

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
ya.newlevel@yandex.ru; linadiakina6120@gmail.com

Аннотация. В настоящее время имеются примеры появления виртуальных телеведущих на региональных телеканалах. Цель исследования – определить специфику созданных искусственным интеллектом виртуальных телеведущих, или цифровых аватаров, имитирующих внешность, мимику, жесты, речь человека, выявить их положительные и отрицательные стороны, а также с помощью метода творческого эксперимента определить, насколько перспективной может быть замена человека цифровым аватаром для ведения телепрограмм. Авторами проведен творческий эксперимент, в ходе которого с помощью трех нейросетей (GigaChat, Kandinsky и D-ID) был создан виртуальный ведущий для приемной кампании факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. В работе описан процесс и результаты этого эксперимента. Полученный опыт позволил продемонстрировать доступность создания цифровых аватаров с разными функциональными возможностями, а также обосновать необходимость осознанного и аккуратного использования появившегося инструментария.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, виртуальный ведущий, телевидение, СМИ, GigaChat, журналистика

Для цитирования: Неренц Д.В., Дякина А.А. 2025. Цифровой аватар как новый телеведущий: творческий эксперимент. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 648–659. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-648-659 EDN: FVCCOK

Digital Avatar as a New TV Presenter: A Creative Experiment

Daria V. Nerents, Angelina A. Dyakina

Russian State University for the Humanities,
bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia
ya.newlevel@yandex.ru; linadiakina6120@gmail.com

Abstract. Currently, there are examples of virtual TV presenters appearing on regional TV channels. The purpose of the research is to understand a new phenomenon on modern television – virtual TV presenters created by artificial intelligence, or digital avatars that imitate a person's appearance, facial expressions, gestures, and speech. The authors conducted a creative experiment, during which, using three neural networks (GigaChat, Kandinsky and D-ID), a virtual presenter was created for the admission campaign of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. The paper describes the process and results of this experiment. The experience gained made it possible to demonstrate the accessibility of creating digital avatars with different functionality, as well as to justify the need for conscious and careful use of the tools that have appeared.

Keywords: artificial intelligence, neural network, virtual presenter, television, mass media, GigaChat, journalism

For citation: Nerents D.V., Dyakina A.A. 2025. Digital Avatar as a New TV Presenter: A Creative Experiment. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 44(4): 648–659 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-648-659 EDN: FVCCOK

Введение

Процессы цифровизации кардинально меняют медиасферу – сам контент и способы его доставки. Вследствие этого традиционные СМИ отчетливо осознают необходимость присутствия в онлайн-среде и стремятся использовать всевозможные новые инструменты для привлечения аудитории. Интересен в этом контексте опыт телевидения, которое стремится сохранить свое лидирующее положение на рынке и привлечь молодых зрителей любыми доступными способами. Один из них – интеграция в творческую деятельность технологий искусственного интеллекта. На сегодняшний день нейросети в редакциях телеканалов стали по-настоящему полезным инструментом: их применяют для поиска справочной информации, распознавания речи и ее транскрибирования, генерации изображений, создания заставок и логотипов. Однако в телевизионной практике есть и более креативные примеры – создание виртуальных ведущих, или цифровых аватаров. Подобные эксперименты стали широко известны около трех лет назад, когда целый ряд телеканалов в качестве экспериментов представил в эфире ведущих, созданных ИИ. Явная оригинальность и непохожесть такого телеконтента привлекает внимание не только практикующих специалистов, но и ученых и исследователей, которые стремятся найти решение множества проблем, которые появились вслед за виртуальными ведущими: заменит ли цифровой аватар «живых» ведущих? Насколько этично создавать образ человека или он должен выглядеть иначе? Кто будет отвечать за ошибки или фейки от виртуальных ведущих?

Эти и многие другие вопросы не раз поднимались в научных трудах отечественных авторов. Так, о возможностях применения нейросетей в медиаиндустрии пишут Л.И. Глазова, А.Д. Лузгина, А. Пугачевский и др. [Глазова и др., 2024]. О вызовах, которые встают перед СМИ в эпоху ИИ, рассуждают Л. Мухаммедова, З. Этреков, А. Акмырадова [Мухаммедова и др., 2024], а также О.О. Сидоренко и Т.Л. Михайлова [Сидоренко, Михайлова, 2015]. Этическую кодификацию применения ИИ в российских медиа описывают М.М. Лукина, А.В. Замков, М.А. Крашенинникова и М.А. Кульчицкая [Лукина и др., 2022]. О внедрении цифровых технологий в практику производства телепрограмм говорит в своей статье П. Цай [Цай, 2020]. А.В. Шкаленко и Е.А. Фадеева, в свою очередь, осмысливают влияние ИИ на креативные индустрии [Шкаленко, Фадеева, 2022]. Несмотря на существующие научные исследования, по-прежнему крайне поверхностно рассмотрен вопрос о преимуществах и недостатках создания цифровых аватаров и замена ими профессиональных журналистов.

Цель исследования – определить специфику созданных искусственным интеллектом виртуальных телеведущих, или цифровых аватаров, имитирующих внешность, мимику, жесты, речь человека, выявить их положительные и отрицательные стороны, а также с помощью метода творческого эксперимента определить, насколько перспективной может быть замена человека цифровым аватаром для ведения телепрограмм.

Материалы и методы исследования

В основе данного исследования – метод эксперимента. В работе использовались три нейросети. Для написания текста был использован чат-бот GigaChat, изображение аватара создал чат-бот Kandinsky, анимацию сделала нейросеть D-ID. Первым этапом стало создание изображения, далее был написан текст, отдельно для каждого из пяти роликов. Последний этап – «оживление» изображения, создание мимики и жестикуляции при озвучивании текста.

Для оценивания качества работы нейросетей в рамках создания роликов были использованы следующие критерии: реалистичность сгенерированного образа; соответствие текстового результата промтту; техника речи аватара; приближенность анимации к мимике человека; ошибки, допущенные аватаром.

Использование нейросетей на телевидении

Сегодня понятие «искусственный интеллект» стало настолько привычным, что результаты его деятельности начинают все чаще ассоциироваться с креативными продуктами человека. Нейросеть может видоизменять контент, адаптируя его для разных каналов коммуникации в соответствии с интересами аудитории [Шкаленко, Фадеева, 2022, с. 48]. Непрерывность и глобальный характер технологического прогресса ведут цивилизацию к технологической сингулярности – воображаемой точке в будущем, когда история станет непредсказуемой и начнется нечто принципиально новое. Предполагается, что этот момент ознаменуется созданием машины, которая превзойдет человека, а предыдущие модели и представления о жизни невозможно будет применять в реальности [Сидоренко, Михайлова, 2015, с. 623]. Однако пока искусственный интеллект только наращивает мощности, постепенно проникая во многие сферы жизни – рекомендательные системы, машинный перевод, социальные сети, системы распознавания лиц и речи. Но уже в настоящее время для сохранения конкурентоспособности журналисту необходимо обретать новые знания и навыки. Например, для того чтобы грамотно работать с искусственным интеллектом, важно научиться писать промты – запросы для нейросетей, поскольку ответ искусственного интеллекта напрямую зависит от поставленной задачи [Глазова и др., 2024, с. 50–51]. В промте следует использовать открытые вопросы, отражать максимальное количество деталей, уточнять формат технического задания. Благодаря нейросетям и грамотно написанным промтам можно качественно решить такие задачи, как копирайт, создание справки, видео-, аудиозаписи или презентации.

Технологический прогресс оказывает значительное влияние на структуру работы телевидения. Симбиоз ТВ- и онлайн-пространства свидетельствует о появлении единой глобальной цифровой среды, которая создает совершенно иные способы организации телередакций [Вартанова, 2011, с. 21]. Телевидение трансформируется в единый коммуникационный комплекс, основанный на применении мультисервисных сетей. Таким образом, основа изменений – технический аспект работы телевидения [Малыгина, 2018, с. 50].

В этом контексте искусственный интеллект помогает журналистам работать эффективнее и оперативнее, однако его быстроразвивающиеся технические возможности вызывают опасения по поводу полной замены работников медиасфера как в аналитической, так и в творческой составляющей их деятельности [Мухаммедова и др., 2024, с. 119–121]. Нейросети выполняют не только закадровую работу, но и используются для замены телевизионных ведущих. Использование такого продукта снимает необходимость разработки речевого аппарата, грима, а также не требует затрат времени на поиск, аналитику и написание материала. Один из таких примеров – Снежана Туманова, ведущая прогноза погоды на телеканале «Свое ТВ» Ставропольского края, которая в точности имитирует человека – внешний вид, голос, манеры и речь. Для генерирования Снежаны Тумановой журналисты используют сразу три нейросети: одна отвечает за создание образа ведущей, другая – текста, третья – графики¹. На Урале также используют аватары вместо ведущих прогноза погоды: телеканал ОТВ выпустил цифровых двойников журналистов. Для записи прогнозов погоды нейросети генерируют голос, изображение и текст. Журналисты перепроверяют за искусственным интеллектом найденную им информацию. Однако ошибки в тексте данная нейросеть уже может исправлять самостоятельно². Автар, который может заменить человека в кадре, также был создан и в НВК «Саха». Цифровые телеведущие канала скопированы с сотрудников, что помогает

¹ Нейросеть создала ведущую прогноза погоды «Снежану Туманову» Видео. «Девушка» работает на ставропольском телеканале. 2023. РБК Life, 22 марта 2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/641b04da9a794705a8502474> (дата обращения: 15.03.2025).

² Медведева О. 2024. На Урале искусственный интеллект стал ведущим телепередач. Российская газета, 11 июля 2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/11/reg-urfo/na-ekrane-avatary.html> (дата обращения: 16.03.2025).

создать вызывающие доверие зрителей формат повествования, внешность, голос. Внедрение технологий искусственного интеллекта в Якутии позволяет компании транслировать новости на двух языках¹. Приведенные примеры демонстрируют, что телеканалы системно занимаются изучением возможностей искусственного интеллекта, его внедрением в работу. Нейросети становятся подспорьем для журналиста на современном телевидении. Но при этом важно, чтобы СМИ оставались человекоцентричными, только при данном условии они будут иметь успех.

Создание цифрового аватара для факультета журналистики

При проведении творческого эксперимента по созданию цифрового аватара было создано пять роликов для абитуриентов о факультете журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Ведущим в роликах стал аватар «Федор Журфаков», сокращенно – ФЖ. Для генерирования аватара была использована нейросеть Kandinsky 3.1. На основе промта «Нарисуй студента факультета журналистики. С короткими коричневыми волосами. Он одет в серый классический костюм, белую рубашку и синий галстук. Изобрази его в полный рост» искусственный интеллект сгенерировал изображение в стиле «детальное фото», которая стала основой для создания видеороликов. Генерация аватара проходила в несколько этапов с изменением промта и подбором нужного визуального образа. Нейросеть создала изображение, которое отвечало запросу, но не изобразила человека в полный рост, не сгенерировала руки и ноги. Следует заметить, что именно в изображении этих частей тела при генерации зачастую бывают ошибки: избыток или недостаточность элементов, искаженная форма, обрезанные части тела и пр. Помимо этого, есть еще несколько аспектов, которые выдают искусственность изображения, – дефекты на одежде (полосы и дополнительные элементы на галстуке, платок в нагрудном кармане выглядели нечетко и нереалистично), слишком симметричное лицо аватара, размытый фон (рис. 1).

Рис. 1. Изображение нейросети Kandinsky
Fig. 1. Image generated by Kandinsky neural network

¹ В Якутии внедрили цифровых двойников телеведущих с искусственным интеллектом. 2024. Я-Дальний Восток, 13 ноября 2024. URL: <https://ya-dv.ru/v-yakutii-vnedrili-czifrovyyh-dvojnikov-televedushhih-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 14.04.2025).

После генерации основного изображения для роликов необходимо было определить тематику и разработать сценарии. Текст создавал GigaChat. Запросы для искусственного интеллекта получились достаточно полные и подробные, поскольку чат-бот нуждался в детализации – правильных названиях кафедр, дисциплин, профилей подготовки и пр. Всего с применением технологий искусственного интеллекта было создано пять видеороликов.

Для создания приветственного ролика «Визитка ФЖ» для чат-бота GigaChat был подготовлен следующий промт: «Тебя зовут Федор Журфаков. Напиши рассказ из 5–6 предложений о себе. Ты создан искусственным интеллектом, над твоим созданием работали три нейросети, отвечающие за аватар, текст, анимацию. В роликах ты будешь рассказывать будущим студентам о факультете журналистики РГГУ: о профилях обучения, дисциплинах, мероприятиях. В начале поприветствуя абитуриентов, в конце скажи: “До встречи на журфаке”. Обращайся на “ты”».

Нейросеть сгенерировала следующий текст: «Привет! Меня зовут Федор Журфаков, и я создан искусственным интеллектом. Моя внешность, движения и речь – это работа трёх нейросетей. В своих роликах я буду рассказывать тебе всё о факультете журналистики РГГУ: какие есть профили обучения, какие дисциплины преподают, какие мероприятия проходят. Мы вместе погрузимся в атмосферу студенческой жизни и поймём, почему журфак – это отличное начало твоей будущей карьеры. До встречи на журфаке!»

Чат-бот написал то количество предложений, которое было указано в запросе. Также он четко выполнил остальную часть технического задания: приветствие, прощание, формат общения, содержание. Помимо этого, он дополнил текст обращениями, предложениями с яркой эмоциональной окраской, не допустив при этом логических и грамматических ошибок. Для «оживления» изображения и озвучивания текста использовалась нейросеть D-ID. Для создания видео в нее необходимо было загрузить готовое изображение аватара и сценарий. В создании первого ролика «Визитка ФЖ» текст несколько корректировался. Например, нейросеть произносила фамилию с ударением на последний гласный и для корректной озвучки была внесена правка («Федор ЖурфАков»). После выделения буквы как заглавной искусственный интеллект стал верно произносить слово. Такая же проблема произошла со словом «погрУзимся», однако выделение гласной не помогло. Нейросеть все равно произносила слово с ударением в приставке. Аватор верно интонировал повествовательные предложения, предложения с однородными членами (перечисление), однако восклицательные предложения интонировались менее экспрессивно по сравнению с речью человека. Мимика аватара «Федора Журфакова» была примитивной, но приветливой. Артикуляция аватара соответствовала озвучиваемому тексту (рис. 2).

Следующей задачей аватара в кадре стал видеоролик «Рассказ абитуриентам о кафедрах от ФЖ». Для создания сценария был написан промт: «Тебя зовут Федор Журфаков. Напиши текст из 7–9 предложений о том, что на факультете журналистики РГГУ есть 4 кафедры: продюсирования и медиатехнологий; литературной критики; журналистики; медиаречи. Кратко расскажи о том, что факультет – уникальное образовательное учреждение, где традиции журналистского мастерства переплетаются с современными тенденциями медиаиндустрии. В начале поприветствуя абитуриентов, в конце скажи: “До встречи на журфаке”. Обращайся на “ты”».

Текст нейросети: «Привет, будущие коллеги! Меня зовут Фёдор Журфаков. Наш факультет журналистики РГГУ – особенное место, где традиции журналистского мастерства органично соединяются с современными трендами медиаиндустрии. Здесь действуют четыре кафедры: продюсирования и медиатехнологий, литературной критики, журналистики, медиаречи. Каждая кафедра готовит специалистов высокого уровня, обеспечивая глубокое погружение в выбранную сферу деятельности. Студенты получают знания и навыки, необходимые для успешного старта в профессиональной жизни. Присоединяйся к нам и становись частью нашей дружной команды. До встречи на журфаке!»

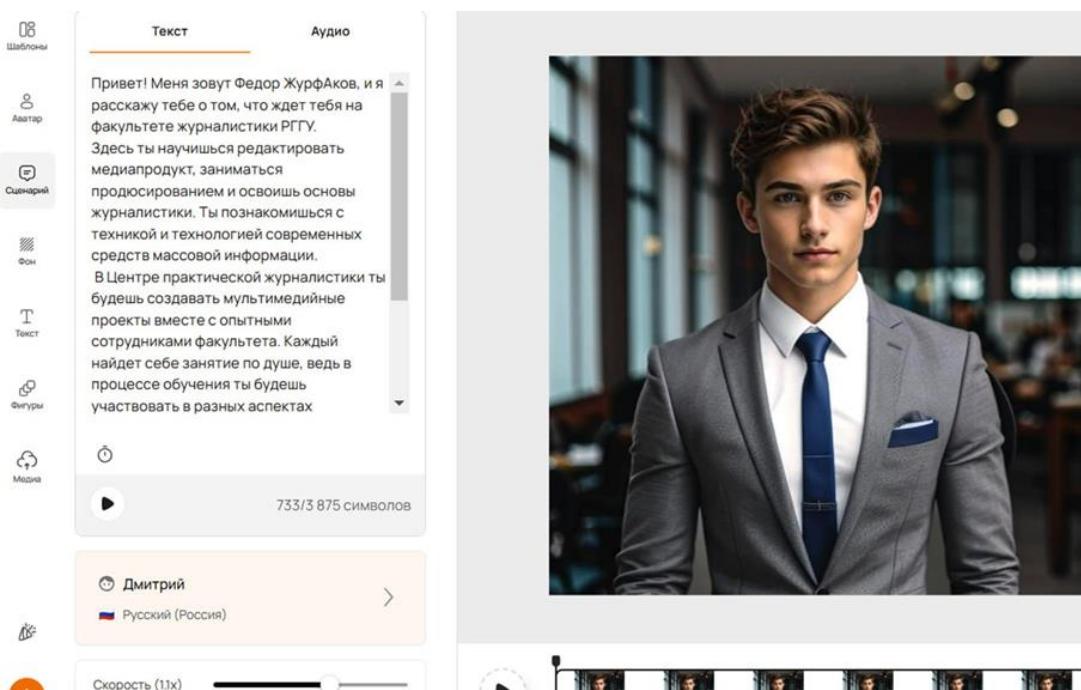

Рис. 2. Работа с нейросетью D-ID
Fig. 2. Working with the D-ID neural network

Нейросеть выполнила все задания из промта. Чат-бот применил собирательные местоимения, обращения, императивы, прилагательные с оценочной семантикой, которые формируют контекст высокого статуса факультета и его студентов. GigaChat верно перенес в свой текст все названия кафедр, дополнил их общим описанием, подходящим по стилистике и содержанию, не исказил факты.

Во время «оживления» аватара в данном видеоролике в сценарий была внесена только одна правка («Федор ЖурфАков»). Мимика нейроведущего соответствовала темпу речи и произносимым словам, однако была неактивной и повторяющейся, «Федор Журфаков» верно передал интонацию конца предложения, перечисления, интонационные особенности речи перед прощанием. Хотя он предлагал абитуриентам присоединиться к команде, но произносимые им фразы не были наполнены смыслом и эмпатией.

Для третьего ролика «ФЖ рассказывает о мероприятиях факультета» был использован следующий промт: «Тебя зовут Федор Журфаков. Напиши текст из 6–8 предложений о том, что на факультете журналистики РГГУ регулярно проходят разные мастер-классы, научные конференции, экскурсии для студентов в медиакомпании. Кратко расскажи о том, что студенты получают не только теоретические знания, но и практические навыки. В начале поприветствуй абитуриентов, в конце скажи: “До встречи на журфаке”. Обращайся на “ты”».

На основании промта GigaChat создал текст: «Привет, будущий студент! Меня зовут Фёдор Журфаков, и я расскажу тебе о факультете журналистики РГГУ. Здесь регулярно проходят разнообразные мероприятия: мастер-классы от опытных журналистов, научные конференции и экскурсии в медиакомпании. Такие активности помогают развивать профессиональные компетенции и знакомиться с реальной работой медиаиндустрии. Благодаря этому подходу студенты получают не только крепкую теоретическую базу, но и важные практические навыки, необходимые для успешной карьеры. Здесь ты найдешь вдохновение и поддержку для реализации своих талантов. До встречи на журфаке!»

Сгенерированный текст соответствует запросу по смысловому наполнению, количеству предложений и содержащимся элементам. GigaChat дополнил промт

номинациями, привлекающими внимание абитуриентов: «опытных журналистов», «профессиональные компетенции», «поддержка талантов», «реальная работа», «успешная карьера» и пр. Также нейросеть использовались в тексте обращение и восклицательные предложения, что сделало его более живым. Грубых логических или грамматических ошибок GigaChat не допустил.

Готовый сценарий и аватар были загружены в нейросеть D-ID, которая озвучила текст и анимировала Федора Журфакова. Его мимика в кадре по темпоритму соответствует процессу произношения. Аватор произносит текст без ошибок, однако для этого было скорректировано два слова из текста: «найдЁшь», «ЖурфАков». Готовый видеоролик получился достаточно живым и приближенным к реальному, однако при определенном повороте головы Федора Журфакова изображение деформируется и становится понятно, что в кадре не человек, а сгенерированное изображение.

Видеоролик «Дисциплины, которые изучают студенты журфака РГГУ» стал четвертой презентацией нейроведущего на основе следующего промта: «Тебя зовут Федор Журфаков. Напиши текст из 7–9 предложений о том, что на факультете журналистики РГГУ студенты изучают основы журналистики, редактирования медиапродукта, продюсирования, технику и технологию СМИ. В Центре практической журналистики обучающиеся с сотрудниками работают над мультимедийными проектами, участвуют в разнообразных аспектах журналистской работы: от написания новостных заметок до производства полномасштабных телевизионных программ. В начале поприветствуй абитуриентов, в конце скажи: “До встречи на журфаке”. Обращайся на “ты”».

Основываясь на этом, GigaChat создал текст: «Привет! Меня зовут Федор Журфаков, и я расскажу тебе о том, что ждет тебя на факультете журналистики РГГУ. Здесь ты научишься редактировать медиапродукт, заниматься продюсированием и освоишь основы журналистики. Ты познакомишься с техникой и технологией современных средств массовой информации. В Центре практической журналистики ты будешь создавать мультимедийные проекты вместе с опытными сотрудниками факультета. Каждый найдет себе занятие по душе, ведь в процессе обучения ты будешь участвовать в разных аспектах журналистской работы: от написания новостных заметок до выпуска телевизионных программ. Так что, если хочешь стать частью большой команды единомышленников, приглашаю тебя присоединиться к нам. До встречи на журфаке!»

Текстовый результат, полученный от нейросети, соответствует промту. Помимо обязательных элементов, GigaChat сделал дополнения в виде обращений и обобщений. Нейросеть соотнесла названия дисциплин с их непосредственным содержанием, не исказив факты. Текст получился содержательно наполненным и привлекающим внимание (рис. 3).

Анимированный Федор Журфаков не допустил ошибок при произношении текста в кадре. Для этого в сценарий было добавлено его верное ударение в фамилии («ЖурфАков»). Для того, чтобы он не «проглатывал» часть слогов в слове «едИномыЩленников», было сделано дополнение в виде двух заглавных букв. Часть предложений из сценария – сложные, они не нарушают логику, однако несколько утяжеляют озвученный текст. Федор Журфаков верно интонировал перечисления, восклицательные предложения. Его мимику нельзя охарактеризовать как теплую и располагающую, однако она соответствует темпоритму и не мешает восприятию контента.

Для пятого видеоролика «ФЖ рассказывает о новых направлениях подготовки» был создан промт: «Тебя зовут Федор Журфаков. Напиши текст из 7–8 предложений о том, что на факультете журналистики РГГУ есть несколько профилей обучения. Бакалавры сейчас учатся на таких направлениях, как “Современные визуальные медиа” и “Мультимедийная журналистика и современные медиатехнологии”. В новом учебном году появится профиль “Спортивная журналистика и медиакоммуникации”. Расскажи также о том, что появится новый профиль обучения специалитета “Продюсер мультимедиа”. В начале поприветствуй абитуриентов, в конце скажи: “До встречи на журфаке”. Обращайся на “ты”».

Рис. 3. Ролик «Дисциплины, которые изучают студенты журфака РГГУ»
Fig. 3. Video clip "Subjects studied by Journalism students at the Russian State University for the Humanities"

Нейросеть, основываясь на промте, создала следующий текст для ролика: «Привет! Меня зовут Федор Журфаков, и я хочу рассказать тебе о направлениях, которые реализовываются на факультете журналистики РГГУ. Здесь ты сможешь выбрать один из нескольких профилей обучения. Сейчас бакалавры осваивают такие направления, как “Современные визуальные медиа” и “Мультимедийная журналистика и современные медиатехнологии”. В следующем учебном году появится новый профиль – “Спортивная журналистика и медиакоммуникации”, где ты сможешь специализироваться именно в спортивной тематике. А ещё для тех, кто хочет углубленно изучать профессию, откроется новый профиль специалитета – “Продюсер мультимедиа”. Это уникальная возможность получить знания и навыки, необходимые для успешной карьеры в сфере мультимедийных проектов. Если ты мечтаешь связать свою жизнь с журналистикой, то мы ждем тебя на нашем факультете. До встречи на журфаке!»

Количество предложений соответствует промту, однако они получились довольно сложными и длинными. Нейросеть верно отразила все названия направлений обучения на факультете журналистики РГГУ, дополнила новые специальности кратким описанием с их отличиями и особенностями. GigaChat также наполнил текст обращениями. Он прописал миссию, возможности, которые есть у абитуриентов.

В этот сценарий была внесена только одна правка («ЖурфАков»). Нейроведущий не допустил ошибок при озвучивании, не проглатывал слова, активно и правильно интонировал. В этом ролике из-за длинных предложений Федор Журфаков очень активно артикулирует, практически не закрывая рот. Однако такая слишком активная нижняя часть лица контрастирует с неподвижной верхней частью (лоб и брови), вызывая диссонанс и акцентируя внимание на том, что аватар создан при помощи цифровых технологий.

Сгенерированный образ, использованный в видеороликах, гармонично вписался в информацию для абитуриентов о факультете журналистики РГГУ. При его анимации мимика выглядела довольно естественно, а дефекты костюма стали почти незаметными.

Тексты, созданные GigaChat, соответствовали стилистике видео. Для того чтобы сценарии для роликов коррелировали с поставленными задачами, были созданы похожие промты с четкими критериями и структурой, но при доработке до финальной версии они несколько раз дополнялись и видоизменялись. Тексты нейросети получились схожими по стилистике. Это обусловлено тем, что для нейросети, работающей на основе алгоритмов, были написаны подробные задания. Креативный подход GigaChat можно отметить в том, что в двух роликах были использованы необычные обращения к абитуриентам в качестве приветствия («Привет, будущий студент!»; «Привет, будущие коллеги!»). Нейросеть грамотно дополнила все промты, расширила их до нужного количества предложений и корректно структурировала.

В озвучивании текстов Федором Журфаковым отмечены некоторые недостатки в области интонирования, орфоэпии, а также неравномерность темпа речи, нечеткое произношение аббревиатуры-названия вуза. Но это не помешало просмотру видео и восприятию информации. То, что продукт, созданный нейросетью, не допускает большого количества ошибок и действительно близок к образу человека, свидетельствует о высоком потенциале технологий искусственного интеллекта для решения медийных задач информационного характера.

Все пять видеороликов дорабатывались: на этапе монтажа вырезался силуэт и добавлялся фон, соответствующий стилистике факультета журналистики РГГУ. К роликам «ФЖ рассказывает о мероприятиях факультета» и «ФЖ рассказывает о дисциплинах, которые изучают студенты журфака РГГУ» были добавлены кадры заставок видеоработ, которые создают студенты, мастер-классов, экскурсий и конференций. Эти дополнительные элементы помогли сделать видео более динамичными. Динамику роликов также поддерживает небольшой хронометраж (32–53 сек.). Все ролики были дополнены маркировкой AI в нижнем левом углу, указывающей на применение технологий ИИ.

Оценка первокурсниками ИИ-роликов с Федором Журфаковым

На финальном этапе творческого эксперимента был проведен опрос среди первокурсников бакалавриата и магистратуры факультета журналистики РГГУ, которые, будучи абитуриентами, смогли посмотреть ролики в рамках приемной кампании 2025 года. Количество участников опроса – 152 человека, форма обучения – очная. Время проведения – сентябрь 2025 г.

В первом вопросе студентам предлагалось оценить все ролики в совокупности по шкале от 1 до 5 баллов. В результате большинство оценило их на «4» (54,2 %), еще 24,9 % поставили «5», оставшиеся 20,9 % – «3», на меньшие баллы не оценил никто. Далее на основе закрытого вопроса респондентам предложили выбрать варианты своей реакции на просмотренные видеоролики: 43,7 % указали, что им это показалось новым, оригинальным и необычным, поэтому понравилось; 25 % отметили, что, если бы это было более профессионально, то они бы поставили высшую оценку; 11,8 % указали, что пока таким образом не хватает естественности, и было интереснее просматривать ролики, в которых участвовали студенты и преподаватели; 8 % не смотрели ролик во время приемной кампании и не обращали внимания на контент факультета в социальных сетях.

Остальные ответы носили единичный характер, интерес представляют следующие: «Первый ролик показался прикольным, второй я посмотрела уже без восторга, третий и далее не стала смотреть. Они выглядят однотипными, надо было придумать разные локации или разный формат подачи»; «Я посмотрел с интересом, но ролики были короткими и неинформативными, тяжеловато было воспринимать из-за неестественной интонации»; «Мне понравилось, кажется, что в будущем это будет везде, так что радует, что университет не отстает от трендов, планирую тоже сделать такие ролики».

Опрашиваемых также попросили выделить наиболее понравившийся из пяти созданных видеороликов. В результате большинство (79,2 %) отметило, что им

понравились все; еще 9,4 % указали, что самым интересным был первый, остальные имели меньшую привлекательность; 3,5 % выбрали вариант с описанием кафедр, потому что это была полезная информация о факультете.

Еще один вопрос касался внешнего вида цифрового аватара (Федора Журфакова). Здесь мнение было практически единым: 92,4 % положительно отзывались о выбранном образе, отметив приятные и гармоничные черты лица, солидность (благодаря костюму и очкам) и благозвучный тембр голоса. Оставшиеся участники опроса в качестве недостатков назвали проблемы с мимикой и интонированием, а также отсутствие динамичности в кадре (2,6 % указали, что хотели бы видеть более активную жестикуляцию).

На просьбу оценить содержательность и полезность видеороликов первокурсники ответили по-разному: 37,1 % указали, что в целом ролики содержали общую, уже известную информацию, поэтому чего-то нового они не услышали; 29 % отметили, что информация в некоторых роликах была полезна, поскольку позже они смогли посмотреть подробности на сайте факультета; 11,4 % посчитали, что в таких продуктах вряд ли можно узнать что-то принципиально новое, они расценили это как рекламу факультета и в принципе не рассчитывали на получение новой информации; еще 10,1 % отметили, что ролики могли бы быть более полезными, если бы содержали информацию о правилах поступления и датах сдачи экзаменов, потому что в тот период названия кафедр или каких-то интересных дисциплин были не так важны.

В качестве ответа на последний вопрос – о том, повлияли или могут потенциально повлиять в будущем такие ролики на решение абитуриента о выборе вуза – подавляющее большинство (83,7 %) придерживаются мнения, что однозначно нет, поскольку это «сейчас воспринимается как развлечение, этому невозможно верить, никто не будет запоминать и слушать в качестве авторитета цифрового аватара». При этом 9,3 % более оптимистичны и считают, что в будущем, когда «аватары станут максимально похожи на человека, они могут заменить реальных сотрудников вуза и стать тем источником информации, который будут слушать и ему доверять». Оставшиеся ответы носили единичный характер, в них мнения были противоположными и относились, скорее, к личной позиции респондента: «Никогда не смогу доверять ИИ в таких важных делах, как выбор вуза, даже если он будет очень похож на человека»; «В будущем, конечно, все возможно, но не хотелось бы лишаться контакта с реальными представителями университета и доверять только виртуальным людям»; «А почему нет? Если будет все четко и по делу, и кто-то будет контролировать процесс, то какая разница?».

Подводя итог, отметим ряд интересных наблюдений. Во-первых, первокурсники в большинстве своем положительно относятся к экспериментам с виртуальными образами и в принципе к использованию технологий ИИ. Они привлекают их своей новизной, оригинальностью и актуальностью. Во-вторых, респонденты воспринимают такие проекты в качестве развлечения и не видят в цифровых аватахах потенциального лектора, представителя вуза или источник какой-то уникальной и ценной информации. В-третьих, образ цифрового аватара – привлекательного молодого человека в одежде официально-делового стиля – однозначно был оценен положительно, но при этом отсутствие ярких эмоций или какой-либо интонационной выразительности его речи существенно снизило это первое позитивное впечатление. В-четвертых, опрошенные не готовы видеть в ближайшем будущем виртуальные образы в качестве участников приемной кампании университета или главного источника сведений о вузе, отдавая однозначное предпочтение реальным представителям учебного заведения.

Заключение

Средства массовой информации в XXI веке активно интегрируют технологии искусственного интеллекта в свою работу. Кооперация человека и нейросетей способствует развитию технологической базы телевидения. Телевизионные журналисты создают форматы, которые будут интересны для цифровой молодежи – будущей целевой аудитории.

В настоящее время нейросети лишь имитируют работу журналистов. Продукт искусственного интеллекта в кадре привлекает зрителей своей новизной и неизведанным потенциалом. Разноплановость СМИ позволяет работникам экспериментировать с разными возможностями нейросетей. Однако искусственный интеллект на современном телевидении для создания виртуальных ведущих используется нечасто. Формат с участием человека по-прежнему остается более востребованным и привычным.

По итогам творческого эксперимента по созданию цифрового аватара для абитуриентов факультета журналистики был проведен опрос. Результаты показали, что такой контент может быть привлекательным и вызывает любопытство, но только в качестве дополнительного развлекательного материала. Серьезную и важную информацию аудитория однозначно предпочитает получать из уст людей.

Несмотря на поступательный подход и аккуратное внедрение технологий искусственного интеллекта в традиционный контент, технологической сингулярности, по прогнозам ученых, не избежать. Нейросети постоянно обучаются, обретают новые способы работы с информацией как в аспекте интерпретации различных данных, так и многообразия выполняемых журналистских функций. В профессиональной сфере массмедиа необходимо сохранять контроль над стремительным развитием технологий и осторожно экспериментировать с искусственным интеллектом, опираясь и на разрабатываемые опросники, «чек-листы», выявляющие отношение аудитории или заинтересованных групп пользователей к результатам использования цифровых аватаров в массмейдийных практиках.

Список литературы

Арсентьева А.Д., Морозова А.А. 2021. Классификация основных направлений использования искусственного интеллекта в современной медиасреде. *Медиасреда*, 1: 76–81. DOI: 10.47475/2070-0717-2021-10113

Вартанова Е.Л. 2011. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 4: 6–26.

Глазова Л.И., Лузгина А.Д., Пугачевский А., Кочетова А.Н., Фейзуллов Д., Чиж А.В., Виноградов М.Ю. 2024. Искусственный интеллект как эффективный инструмент коммуникаций. *Российская школа связей с общественностью*, 33: 48–65. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-48-65

Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю. 2022. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации. *Вопросы теории и практики журналистики*, 11(4): 680–694. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694

Малыгина Л.Е. 2018. Чат-боты и искусственный интеллект: перспективы развития телевизионного промодискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 4(32): 47–54. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-47-54

Мухаммедова Л., Этреков З., Акмырадова А. 2024. Журналистика и искусственный интеллект: возможности и вызовы. *Ceteris Paribus*, 10: 119–121.

Ростовцев В.С. 2019. Искусственные нейронные сети. Санкт-Петербург, Лань, 213 с.

Сидоренко О.О., Михайлова Т.Л. 2015. Технологическая сингулярность как неминуемое событие: позитивная и негативная стороны вопроса. *Международный студенческий научный вестник*, 4–4: 622–628. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13671> (дата обращения: 18.11.2025).

Цай П. 2020. Трансформация российского производства телепрограмм в эпоху искусственного интеллекта. *Современные инновации*, 2(36): 49–51.

Шкаленко А.В., Фадеева Е.А. 2022. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: тенденции и перспективы. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*, 24(3): 44–59. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4

References

Arsent'eva A.D., Morozova A.A. 2021. Klassifikatsiya osnovnykh napravlenii ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v sovremennoi mediasrede [Classification of the Main Areas of Use of Artificial Intelligence in the Modern Media Environment]. *Mediasreda*, 1: 76–81. DOI: 10.47475/2070-0717-2021-10113

Vartanova E.L. 2011. Digital Television and Media Systems' Transformation. On the Necessity of Inter-Disciplinary Approaches to Modern TV Studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 4: 6–26.

Glazova L., Luzgina A., Pugachevsky A., Kochetova A., Feyzullov D., Chizh A., Vinogradov M. 2024. Artificial Intelligence as an Effective Communication Tool. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvom*, 33: 48–65. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-48-65

Lukina M.M., Andrey V.Z., Krasheninnikova M.A., Kulchitskaya D.Yu. 2022. Artificial Intelligence in the Russian Media and Journalism: The Issue of Ethics. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(4): 680–694 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694

Malygina L.E. 2018. hatbots and artificial intelligence: future considerations of television promo discourse. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*, 4(32): 47–54 (in Russia). DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-47-54

Mukhammedova L., Etrekov Z., Akmyradova A. 2024. Zhurnalista i iskusstvennyi intellekt: vozmozhnosti i vyzovy [Journalism and artificial intelligence: opportunities and challenges]. *Ceteris Paribus*, 10: 119–121.

Rostovtsev V.S. 2019. Iskusstvennye neironnye seti [Artificial Neural Networks]. St. Petersburg, Publ. Lan', 213 p.

Sidorenko O.O., Mikhailova T.L. 2015. Tekhnologicheskaya singulyarnost' kak neminuemoе sobystie: pozitivnaya i negativnaya storony voprosa [Technological singularity as an inevitable event: positive and negative sides of the issue]. *International Student Research Bulletin*, 4–4: 622–628. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13671> (accessed: November 18, 2025).

Tsai P. 2020. Transformatsiya rossiiskogo proizvodstva teleprogramm v epokhu iskusstvennogo intellekta [Transformation of Russian TV Production in the Era of Artificial Intelligence]. *Sovremennye innovatsii*, 2(36): 49–51.

Shkalenko A.V., Fadeeva E.A. 2022. Impact of Artificial Intelligence on Creative Industries: Trends and Prospects. *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic Sistem*, 24(3): 44–59 (in Russia). DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 8.08.2025

Received August 8, 2025

Поступила после рецензирования 4.11.2025

Revised November 4, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Неренц Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

Дякина Ангелина Александровна, студент кафедры журналистики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria V. Nerents, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Angelina A. Dyakina, student of the Department of Journalism, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

УДК 004.89:659.44
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-660-674
EDN HVPQAS

Специфика влияния искусственного интеллекта на прогресс связей с общественностью

Рожков А.В.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, 050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/1
Rozhkov.A.W@yandex.kz

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) становится ценным активом в постоянно расширяющейся сфере связей с общественностью (PR). Интеграция инновационных технологий и профессионального опыта открывает возможности для трансформации коммуникаций, позволяя экспертам устанавливать устойчивые связи, усиливать взаимодействие с аудиториями и достигать требуемого информационного влияния. Однако широкие возможности искусственного интеллекта в обработке данных потенциально увеличивают вероятность его использования для распространения дезинформации и искажения реальности, что может создавать сложности для поддержания имиджа и репутации пользователей. Цель исследования заключается в определении набора ИИ-инструментов планирования PR-кампаний и ее реализации с рассмотрением активно применяемых ресурсов нейросетей, позволяющих оптимизировать и упростить коммуникационные процессы. Описаны ключевые средства: брендинг, индексы вовлеченности и популярности, инфоповоды, релизы текстов, обнаружение негатива, – которые автоматизированы в ходе внедрения новых технологий в коммуникационную деятельность. Прикладные аспекты, эффекты и результаты использования искусственного интеллекта рассмотрены на примере Евразийского информационного пространства, внимание сосредоточено на коммуникационном поле Казахстана. Сделан вывод о специфике влияния ИИ на прогресс связей с общественностью, состоящий в причислении отрасли к числу технологичных. Отрасль переходит на новый уровень функционирования путем организации цифровых потоков, персонализации контента с постоянным применением автоматизации систем приоритизации под контролем человека.

Ключевые слова: аудитория, искусственный интеллект, ИИ, коммуникации, связи с общественностью, технологии, эффекты, PR

Для цитирования: Рожков А.В. 2025. Специфика влияния искусственного интеллекта на прогресс связей с общественностью. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 660–674. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-660-674 EDN: HVPQAS

The Specifics of AI's Impact on the Public Relations Progress

Alexandr V. Rozhkov

Al-Farabi Kazakh National University,
71/1 Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Kazakhstan
Rozhkov.A.W@yandex.kz

Abstract. The artificial intelligence (AI) is becoming a valuable asset in the ever-expanding field of Public Relations (PR). The integration of innovative technologies and professional expertise opens up opportunities for transforming communications, allowing experts to establish sustainable connection, enhance engagement with audiences, and achieve the desired information impact. However, the extensive capabilities of AI in data processing potentially increase the likelihood of its use for speeding misinformation and distorting reality, which can pose challenges in maintaining the image and reputation of users. The purpose of this study is to identify a set of AI tools for planning and implementing PR

campaigns, taking into consideration the use of neural resources to optimize and simplify communication processes. The research describes key tools, such as branding, engagement and popularity indices, news stories, text releases, and the detection of negativity, which become automated due to the introduction of new technologies in communication activities. The author examines the aspects, effects, and results of using artificial intelligence on the example of the Eurasian information space, with a focus on the communication field of Kazakhstan. The paper concludes that the specific impact of AI on the progress of Public Relations lies in the latter becoming more technology-intensive. The PR industry is moving to a new level of operation by organizing digital flows and personalizing content with the constant use of automated prioritization systems under human control.

Keywords: audience, artificial intelligence, AI, communications, public relations, technology, effects, PR

For citation: Rozhkov A.V. 2025. The Specifics of AI's Impact on the Public Relations Progress. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 660–674 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-660-674 EDN: HVPQAS

Введение

Связи с общественностью (PR) осуществляют рациональное применение классических приемов гармонизации коммуникаций, долговременное разъяснение действий организации, синхронизацию внутренней и внешней среды, формируя имидж и укрепляя пабликитный капитал. PR обеспечивает мгновенное реагирование в условиях цифровой среды, чтобы правильный информационный посыл доходил до нужной аудитории в нужное время и в нужном месте. Такой подход является важной функцией информационной политики учреждений и организаций [Яблонских, 2024]. В современном турбулентном мире компании стремятся предлагать уже инновационные решения заинтересованным сторонам и целевой аудитории, чтобы достичь поставленных целей и реализовать задачи структурирования информационных потоков. Стремительно развивающиеся технологические трансформации открыли новые возможности для коммуникаций, в которых искусственный интеллект будет играть ключевую роль. Искусственный интеллект (ИИ) – крупнейшая инновационная сфера практики и науки, создающих машины, имитирующие человеческий интеллект. Под влиянием технологий ИИ ландшафт PR уже претерпевает очевидные изменения. Эта революционная технология, позволяющая специализированному программному обеспечению создавать контент, который зачастую неотличим от продукта, произведенного PR-специалистами, меняет подход к управлению репутацией, создавая новые творческие или интеллектуальные продукты. Принцип его работы заключается в том, что первоначально автонетика принимает свои решения на основании любой внешней информации, которую она может иметь в своем распоряжении [Морозова, Попова, 2021]. Особенности влияния искусственного интеллекта на данном этапе его развития при помощи естественного языка позволяют прогнозировать эффективность ключевых посланий, что приводит к повышению вовлеченности пользователей и помогает в скрининге реакций аудитории на контент и действия, позволяя оперативно корректировать PR-активности.

Непрерывное развитие алгоритмов машинного обучения, аналитики данных и обработки естественного языка позволили организациям собирать огромные объемы информации, выявлять тенденции ценностных установок PR-субъектов и состояние общественного мнения, а также персонализировать акции и синдицировать информационные потоки. Мониторинг медиапотока проходит в режиме реального времени, и на принятие и согласование коммуникационных решений требуется минимальное время. ИИ может способствовать созданию интеллектуальных чат-ботов для PR-агентств, департаментов и отделов, подстраивая по необходимости лист задач, сортируя файлы и осуществляя чек-ин, распознавая сканы-копии, это повышает эффективность без дополнительных затрат в режиме реального времени [Никитин, 2023].

Происходящие трансформации в процессах PR-коммуникации обуславливают вопрос: в какой степени ИИ способен преобразовать связи с общественностью, а также какие риски и угрозы несет в себе сквозная оцифровка сферы общественных коммуникаций? Таким образом, исследовательская и прикладная ценность тематики влияния ИИ на связи с общественностью в условиях их стартового взаимодействия предопределили изучение брендинга, индексов вовлеченности и популярности, инфоповодов, колаборации, релизов текстов, изображений и видео, обнаружение негатива, персонализацию для понимания значимости происходящих трансформационных процессов.

Исследователи Л.О. Зимина, Е.Б. Сваровская, В.В. Куртняник и др. [Зимина, Сваровская 2024; Куртняник, 2024; Эль-Тигани Агад, 2024] обобщают то, как ИИ меняет практику PR, в частности, автоматизируя процессы мониторинга СМИ и создание контента. Они отмечают, что специфика влияния ИИ состоит в персонализации и адаптации данных к конкретным аудиториям, повышая точность PR-кампаний. В ряде последних научных публикаций указано, что ИИ особенно эффективен в рабочих процессах корпоративных коммуникаций, основанных на росте автоматизированного информирования и темпа его внедрения, когда он модифицирует возможности для разработки взвешенных стратегий PR-кампаний [Wu, Liu, 2022; Платонова, Демидов, 2024; Christensen, Anderson, 2025].

Ценными являются публикации, описывающие широкий спектр внешних приложений, которые могут быть полезны в работе специалистов по связям с общественностью, начиная от Cision до таких как Prowly, Meltwater, Prophes и др. [Меньшиков, Матасова, 2022; Киричук, 2025]. Внедрение PR-софта позволяет повышать качество работы и завершать проекты в короткие сроки.

Интеграция генеративного ИИ в PR, так же как и в любой другой области, поднимает этические вопросы. Потенциальная возможность распространения дезинформации или злонамеренного использования автоматизированного воздействия вызывает серьезную озабоченность сотрудников PR-структур¹. Ряд современных ученых работает над созданием рекомендаций по ответственному и прозрачному использованию инструментов взаимодействия ИИ с аудиториями [Semenov et al., 2022; Алгалиева, Шалкарбек, 2024; Секей и др., 2025].

В то же время, несмотря на имеющиеся исследования и широкий интерес научного сообщества к рассматриваемой проблематике, постоянно появляющиеся обновления и инновации, возникающие аспекты использования и регулирования ИИ предопределяют необходимость проведения дальнейшего, более глубокого, рассмотрения этого важного направления. Так, например, детального внимания заслуживают вопросы использования ИИ для мобилизации кризисного управления, поскольку мир погрузился в череду перманентных противостояний, а PR-реагирование в ситуации нестабильности требует сравнения большого количества данных, своевременности и точности осуществляемых коммуникационных процедур. Кроме того, в более существенной проработке нуждаются критерии выбора ИИ-инструментов для диагностики настроений и мониторинга социальных сетей.

Цель исследования состоит в определении специфики ИИ-инструментов планирования коммуникационных акций, производства контента и аналитики данных с указанием уже имеющихся в распоряжении PR-специалистов средств ускорения и облегчения коммуникационных действий с учетом отраслевых особенностей и рисков, а также выявления возможностей нейросетей, поддерживающих формирование имиджа и репутации в коммерческой, государственной и общественной сферах.

¹ Тусупбекова Л. Когда интеллект искусственный, а жертвы – реальные // Казахстанская правда. 2025. 20 ноября. URL: <https://kazpravda.kz/n/kogda-intellekt-iskusstvennyy-a-zhertvy-realnye/> дата обращения: 20.11.2025).

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступают типы коммуникации и процессные изменения связей с общественностью в Евразийском информационном пространстве, находящиеся в условиях современной технологической трансформации.

Методы исследования: сравнение, синтез, обобщение, систематизация, моделирование, интегрированный и комплексный подход.

Модернизация PR-процессов с применением ИИ-решений

Евразийский регион крайне разнообразен, но его страны входят в ведущие структурные объединения, чаще всего – на паритетной основе, используя наднационально-ориентированные инструменты. Евразия, согласно прогнозу McKinsey Global Institute 2024¹, продолжит рост по ключевым показателям различных секторов экономики с привлечением ИИ. Например, подход Казахстана к выявлению и развитию инфраструктуры в сельских населенных пунктах основан на статистической модели, сочетающей данные с аналитическими методами. По многим позициям товаров и услуг коммуникации и маркетинг оказывают значимое влияние, показывая индекс 1 (есть влияние). На регион приходится более 130 млн интернет-пользователей из 2,2 млрд во всем мире, что свидетельствует о быстрым и непрерывном внедрении технологий [Geneviéve, 2024]. Около 65 % интернет-трафика в Евразии приходится на смартфоны (по сравнению с 50 % в США и во всем мире), которые являются предпочтительным устройством потребителей для повседневной коммуникационной активности, такой как цифровой банкинг, общение в социальных сетях, сводка погоды, обмен сообщениями, медицинские, образовательные, юридические онлайн-услуги [Zenni, Nigel, 2023]. Казахстан, по данным исследования ООН², по внедрению электронного правительства в 2024 году занял 24-е место среди 193 стран, поднявшись на 4 позиции с момента выхода предыдущего отчета. Эксперты оценивали развитие электронных услуг, человеческого капитала и телекоммуникационной инфраструктуры. Это стало возможным благодаря активному внедрению таких передовых технологий, как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей³. Государства Центральной Азии как часть Евразии имеют разный потенциал и несхожую динамику развития. Несмотря на стремление к повсеместному внедрению инновационных технологий, магистральной инфраструктуры и цифровых городов, присутствуют разрывы и неравенство, характерные для Глобального Юга. Ученые исследуют типологию и последствия неравенства, указывая, что социально-демографические факторы влияют на решение людей использовать или не использовать доступные технологии, и отмечая, что прослеживается неравномерность в способностях извлекать выгоду из применения технологий [Ragnedda, Gladkova, 2020].

Однако, по сравнению с США, Великобританией и другими странами Глобального Севера, в евразийском регионе PR и коммуникации изучаются в меньшей степени, несмотря на размер и рост региона, наличие у ведомств, бизнеса и неправительственных структур подразделений по связям с общественностью, представительств мировых PR-агентств, а местный контекст зачастую не анализируется в полной мере. При этом есть мониторинговые сервисы, такие как Medialogy, Brand Analytics, iMAS, «СКАН-Интерфакс»

¹Five promising applications of AI. McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/public-sector/our-insights/using-ai-in-economic-development-challenges-and-opportunities#/> (дата обращения: 06.06.2025).

² Электронное правительство 2024. Исследование ООН. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> (дата обращения: 06.06.2025).

³ Global E-Government Development Index. 2024. JRC Indicators Explorer. URL: <https://composite-indicators.jrc.ec.europa.eu/explorer/indices/egdi/e-government-development-index> (дата обращения: 06.06.2025).

Казахстан», которые могут обеспечить ученых достаточными эмпирическими данными на необходимых языках.

В настоящее время государства на Евразийском континенте активно поддерживают курс на модернизацию экономики, сохранение политической стабильности и активизацию общественной жизни в целом. В целях выполнения поставленных задач разрабатываются и реализуются новые коммуникационные проекты, позволяющие более активно интегрироваться в мировую систему и укрепить взаимодействия в рамках интеграционных структур [Фомин, 2024]. Информационный поток и коммуникационные активности направлены на каждого жителя Евразии.

В Казахстане крупные исследовательские структуры, сервисы, пресс-клубы, вузы регулярно отслеживают процесс медиапотребления. Даже при наличии небольшой разницы итоговая картина отражает схожесть тенденций. В 2024 году доля в медиапотреблении интернета составила 64 %, линейного телевидения – 29 %, радио – 6 %, традиционной прессы – 1 %. Интересы молодежи при этом более разнообразны, она использует большее количество каналов, чем аудитории других возрастов, и уже привыкла платить за пользование контентом¹. По мнению специалистов сферы связей с общественностью и коммуникации, в регионе «адаптация к цифровой эволюции вышла на первое место через стратегическое мышление», что является наиболее важной проблемой и входит в актуальную повестку дня [Глазова и др., 2024, с. 51]. Многие активности с их широким применением уже состоялись. Крупные международные форумы, такие как Международный форум «Астана» («казахстанский Давос»), становятся коммуникационным магнитом и диалоговой площадкой. Президент Казахстана К.К. Токаев считает форум «Астана» «главной евразийской площадкой диалога и сотрудничества». В его рамках обсуждаются технологические инновации и устойчивое развитие в условиях современного сложного мирового ландшафта². В 2024 году на знаменитом высокогорном катке Медео впервые прошел фестиваль Yandex Qazaqstan Day, где в форме развлекательного шоу эксперты демонстрировали, как новые технологии улучшают жизнь современников. Тысячи казахстанцев и гостей страны смогли воспользоваться услугами роботов-доставщиков, с помощью нейросетей нарисовать картину, пообщаться с виртуальным ассистентом Алисой на казахском языке, принять участие в конкурсах и посмотреть концерт электронной музыки³. Уже один из казахстанских банков Forte Bank с сервисом Forte Premier представил широкой общественности первую ИИ-имиджевую кампанию, включающую презентации уникальных цифровых сервисов, эмоциональную составляющую и инструменты для премиального сегмента. В концепте взаимодействия коллектива банка и генеративных средств – показ мгновенности и качества в сфере финансовых услуг, что получило высокую оценку клиентов и специалистов, открыв возможности лайфстайл-сегмента⁴.

Все имиджевые ивенты готовились и проводились с использованием нейросетей. Очевидно, что рост коммуникационных полей происходит на всем пространстве Евразии, но детерминировано скорость и средства вкупе с технологиями обеспечивают пролонгированные информационные эффекты, хотя создают пока неодинаковые влияния.

¹ Симакова Е. 2025. Казахстанский потребитель в цифрах. K Research Central Asia, 24 апреля, 2025 г. URL: https://k-research.kz/uploads/articles/2025/MMI2024_potrebitel_kz.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

² Astana International Forum. 2025. URL: <https://astanainternationalforum.org> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Бекжанов Д. 2024. Yandex Qazaqstan проведет первый фестиваль технологий. Digital Business, 23 мая 2024 г. URL: <https://digitalbusiness.kz/2024-05-23/yandex-qazaqstan-provedet-perviy-festival-tehnologiy> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ Тургумбаева Ж. 2025. Forte Premier: цифровое превосходство в премиальном банкинге Казахстана. Forbes Kazakhstan, 2 апреля 2025 г. URL: <https://forbes.kz/articles/fortepremier-tsifrovoe-prevoshodstvo-v-premialnom-bankinge-kazahstana-162245?ysclid=mc8kl8i1llp735252268> (дата обращения: 05.06.2025).

Причиной неравномерности выступают политическая позиция, нехватка ресурсов и порой низкая медиаграмотность. Существенным импульсом происходящих трансформаций является преодоление в данных процессах элементов неосознанности и стихийности, что обуславливает важность постоянного анализа результатов и взаимодействий человека с технологиями. ИИ позволяет быстро сегментировать и охватить любые целевые аудитории, предлагая им таргетированные данные о новой продукции и услугах, аргументируя принятые решения, включая как бюджетные, так и премиальные направления. Он может быстрее адаптировать к таким сценариям виртуальную (VR), дополненную (AR) и смешанную (MR) реальности, 5G-стандарт, интернет вещей (IoT). Поэтому становится проще автоматизировать индикаторы донесения ключевых сообщений до целевой аудитории, что ранее занимало много рабочего времени.

Активизацию и скорость внедрения ИИ подтверждают различные рейтинги, например, ежегодный Индекс готовности правительств к искусственному интеллекту, выпускаемый компанией Oxford Insights, с охватом 188 стран в 2024 году (рис. 1). Он демонстрирует на 40 индикаторах, объединенных тремя ключевыми компонентами, оцениваемыми в баллах, комплекс ИИ-готовности и потенциал разных стран.

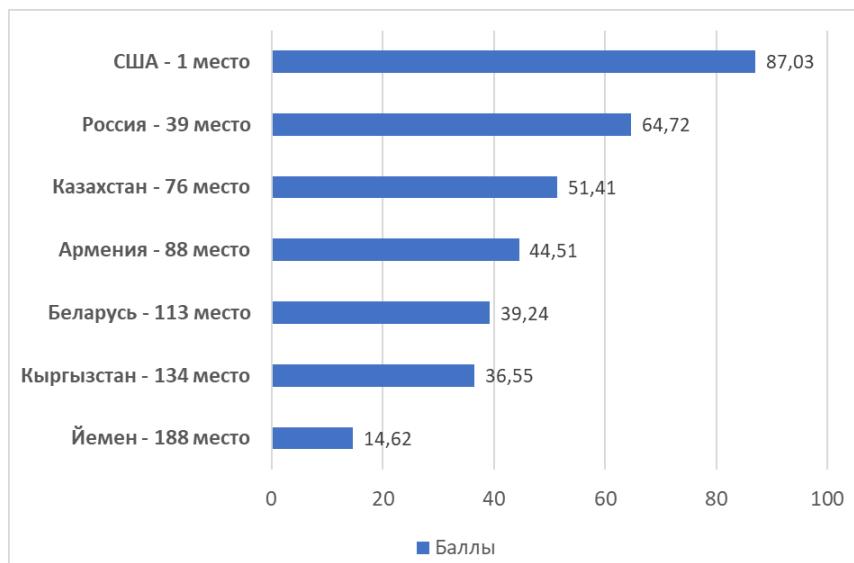

Рис. 1. Ежегодный Индекс готовности правительств к ИИ за 2024 год
(по данным компании Oxford Insights¹)

Fig. 1. Annual Government AI Readiness Index 2024 (according to Oxford Insights)

В рамках Евразийского экономического союза (пять стран) наблюдается высокая неоднородность показателей и масштаб применения цифровых инноваций. Первое место в 2024 году заняли США, на последнем находится Йемен. Тем не менее составители считают, что в большинстве государств осуществлена серьезная фокусировка на национальных стратегиях, управлении данными и этических принципах. Также безусловно важно, как часто и каким образом население и специалисты разных отраслей применяют генеративные технологии. Созданный Комитет по искусенному интеллекту и развитию инноваций Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан стимулирует цифровые активы, занимается поддержкой и популяризацией новых технологий. В правительственной структуре работают над разработкой методик, привлечением инвестиций и интеграцией в мировое технологическое

¹ Government AI Readiness Index. 2024. Oxford Insights. URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/> (дата обращения: 05.06.2025).

пространство путем партнерства с ведущими разработчиками искусственного интеллекта¹. Но в целом Евразийское информационное поле весьма полифункционально, и важным фактором его остается общее историческое прошлое. Рассмотрим более подробно, какие ресурсы ИИ уже используются в повседневном процессе выстраивания коммуникаций в Евразийском информационном пространстве.

Согласно данным агентства Ex Libris, в 2019 году более 80 % PR-специалистов признавались в том, что «почти ничего не знали» о применении ИИ в коммуникациях. В 2023 году более 60 % консультантов по связям с общественностью уже использовали ИИ в своей работе. При этом только у 11 % в компаниях есть некий общий алгоритм или инструкция, как им пользоваться². Поэтому потенциал по расширению его применения в повседневной деятельности огромен, особенно в отношении скорости, которая важна при реализации PR-проектов.

Одной из основных сфер, где PR-специалисты активно используют ИИ-возможности, является таргетинг аудитории. Ведь для успеха любой PR-кампании обязательно требуется понять и охватить нужную аудиторию [Юрчихина, 2024]. Поэтому в практике используются инструменты на базе ИИ для анализа больших данных (свыше 100 Гб в день), касающихся демографии, психографики, географии и поведенческих факторов. Такие инструменты могут точно предсказать реакции потребителей, их предпочтения и в определенной степени – направления будущих действий. Точность, являясь важным компонентом PR-стратегий, позволяет значительным образом повышать уровень вовлеченности и рентабельности инвестиций. Наиболее активно в сфере влияния евразийских коммуникационных агентств применяется ChatGPT для их персонализации. Полученные профили (на основе e-mail или аккаунтов соцсетей) позволяют более эффективно сегментировать клиентов и адаптировать сообщения для конкретных групп. ИИ также облегчает персонализацию в ранее недостижимых масштабах [Wen, Lin, 2022]. В качестве успешного примера возможностей ИИ для таргетинга аудитории можно привести исследование венчурного рынка в Центральной Азии и на Кавказе, которое заказала компания EA Group по итогам 2023 года исследовательской компании RISE Research. Агентство проводило анализ аудитории, данные для которого собирала по венчурным сделкам. Краткое описание данного исследования³ представлено в табл. 1.

Задачи исследования EA Group охватывали несколько измерений. Во-первых, изучить потенциальных пользователей венчурных продуктов, которые предлагает компания, во-вторых, привлечь инвесторов, государственные органы и стартапы для сотрудничества и повышения доверия на рынке, в-третьих, сконцентрировать информационные ресурсы на разных языках.

Примененные ИИ-технологии позволили провести анализ *big data*, которые были собраны из анкет, с веб-сайтов, фактов cookie. На основании этого были выявлены ожидания, желания, цели и потребности клиентов. Кроме того, через публикации в международных и региональных медиа (Forbes KZ, Kursiv, Yahoo Finance и др.) компания заявила о себе как о регулярном хабе инвестиций. Благодаря этому проекту PR-поддержка позволила регулярно присутствовать в медиа, создавая информационные поводы вокруг EA Group и ее партнеров. Детализация сфер и используемых ИИ-технологий в процессе реализованной PR-кампании представлены в табл. 2 (составлена автором).

¹ URL: <https://ru.sputnik.kz/20250211/kazakhstan-nameren-prisoedinitgya-k-gobalnomu-pratnerstvu-po-iskusstvennomu-intellektu--050750740.html> (дата обращения: 05.06.2025).

² Рычков И.С. Пиарщики и маркетологи используют ИИ не в полной мере: что он может. РБК. 2024. 19 февраля. URL: <https://companies.rbc.ru/news/3b5ZLcCrVI/ii-v-pr-i-marketingovoj-praktike-prognozy-sroki-i-riski> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Venture Capital in Central Asia and Caucasus. 2023. URL: https://drive.google.com/file/d/1IzIHiuN4w3GsSRCwy6h8xrkGrhH_8Zls/view (дата обращения: 05.06.2025).

Таблица 1
Table 1

PR-поддержка исследования EA Group (Центральная Азия и Кавказ, февраль – июль 2023 г.)
PR-support for EA Group (Central Asia and Caucasus, February – July 2023)

Параметр	Значение
Клиент	EA Group (инвестиционный холдинг)
Регион	Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан, Россия
Период	февраль – июль 2023
Предмет PR	исследование венчурного рынка Центральной Азия и Кавказе, изучение настроений потребителей, будущих партнеров и в целом восприятие компании рынком
Медиаохват	12 900 000 человек
Публикации	более 68 – СМИ высокого уровня и отраслевые ресурсы
Ключевые СМИ	Forbes KZ, Kursiv, Daryo, Aniq, Yahoo Finance, Crunchbase RBC, Vedomosti, Kommersant и др.
Языки релизов	казахский, русский, узбекский, азербайджанский, грузинский, английский
Особенности коммуникационной стратегии	локализация контента по рынкам, предварительные обсуждения с инфлюенсерами, журналистами, медиаперсонами

Таблица 2
Table 2

Сфера применения и технологии ИИ, которые использовались в ходе PR-кампании для EA Group
AI application areas and technologies used in the PR-supported research for EA Group

Компонент	Использование ИИ	Детализация
Создание пресс-релизов	частично	некоторые черновики текстов изначально создавались с помощью ChatGPT, а затем дорабатывались вручную
Переводы на языки Центральной Азии	да	переводы на казахский, азербайджанский и узбекский – сделаны через DeepL и Google Translate с дальнейшей финальной редактурой
Генерация визуального контента	нет	визуальные материалы были разработаны специалистом по графическому дизайну без прямого использования моделей ИИ, таких как Midjourney или аналогичных инструментов
Мониторинг публикаций	частично	использовались полуавтоматизированные решения (например, Mention, Brand24), но не ИИ-аналитика

Примененные ИИ-технологии позволили провести анализ big data, которые были собраны из анкет, с веб-сайтов, фактов cookie. На основании этого были выявлены ожидания, желания, цели и потребности клиентов. Кроме того, через публикации в международных и региональных медиа (Forbes KZ, Kursiv, Yahoo Finance и др.) компания

заявила о себе как о регулярном хабе инвестиций. Благодаря этому проекту PR-поддержка позволила регулярно присутствовать в медиа, создавая информационные поводы вокруг EA Group и ее партнеров. Детализация сфер и используемых ИИ-технологий в процессе реализованной PR-кампании представлены в табл. 2 (составлена автором).

Данные табл. 2 подтверждают, что организаторы и участники проекта частично применяли ИИ-технологии для создания различного рода контента. Хотя они не в полной мере нашли свое применение в рассматриваемом примере, но тем не менее свидетельствуют о высоком потенциале и возможностях для генерации креативного контента.

Разработка PR-акции – многоуровневый процесс, в нем необходимо прежде всего выявить заинтересованность потребителя, что в настоящее время чрезвычайно важно и является очень перспективным направлением приложения возможностей ИИ, который поможет усилить акценты и пролонгировать результаты PR-акции.

Казахстанский профессиональный портал PR Drive поинтересовался у агентств и подразделений по связям с общественностью PR Guide, АО «КСЖ «Коммекс-Омир», Astana group, АО «Национальный единый пенсионный фонд», Haileybury Almaty, Astana способами применения ИИ и обобщил категории применения. Большинство опрошенных коллег подтвердили, что доступные сервисы и порталы уже вписались в рабочий процесс¹. ИИ способен быстро создать много текстов, аудио-, видеосценариев, но фильтр специалиста и заказчика проходит лишь малая часть. Тем не менее от такого помощника никто не отказывается, поскольку постоянно развивается «кругозор» сервисов и устраняются стереотипные недостатки с повышением кластеризации.

Для повышения операционной эффективности, креативности, разнообразия ключевых элементов стратегий и их реализации в PR применяются уже апробированные и стабильно работающие ИИ-инструменты, представленные на рис. 2 (составлено автором).

Рис. 2. Востребованные ИИ-инструменты для использования в связях с общественностью и показатели администрирования

Fig. 2. Approved AI tools for use in Public Relations and administration metrics

¹ Корабаева Е. 2023. Как бренды в Казахстане синхронизируют PR, маркетинговые инструменты и AI? PR Drive, 6 июня, 2023 г. URL: <https://prdrive.kz/page37184058.html> (дата обращения: 05.06.2025).

В целом можно констатировать: применение или неприменение ИИ-технологий зависит от конкретного процесса, который в данный момент реализуется коллективом агентств и подразделений. Для корректной работы ИИ при выполнении коммуникационных задач более эффективной является архитектура с генеративными состязательными сетями. В них ИИ распределяет две роли: генератора и критика, создавая более реалистичные продукты на основе улучшения внутренних настроек. Нейросеть как бы состязается сама с собой – это нашло отражение в названии ее классификации. При этом нужно отметить, что самые последние ИИ-модели являются условно бесплатными, что в определенной мере может затруднить их применение в случае сложностей оплаты подписки. Но отказ от новых технологий означает снижение собственной конкурентоспособности. Прогресс заложен в системе общества и индивидуума, «человек стремится найти свое место в меняющемся мире: он либо признает «новые правила» игры и встраивается в них, либо остается «за бортом» новейших достижений человечества» [Дзялошинский, 2022, с. 26].

С применением ИИ создается контент, который можно транслировать на пресс-конференциях, брифингах, в блогах и отправлять через социальные сети [Bai, 2022]. Алгоритмы, отвечающие за обработку естественного языка, могут быть полезны не только в редактировании, но и в ранжировании контента. К примеру, «благодаря системе social listening можно получить картину мыслей потребителя, спрогнозировать возможные кризисы и принять соответствующие меры по управлению репутацией» [Алгалиева, Шалкарбек, 2024, с. 18]. Среди самых распространенных сервисов можно назвать ChatGPT, Smodlin и Fliki, счет идет на десятки – они дают возможность глубоко интегрировать продукты, услуги в различные проекты, а также поддерживают продвижение репутации персон в публичном поле. Безусловно, использование ИИ в PR-деятельности не только открывает широкие возможности, но и влечет за собой не определенные до конца риски и проблемы, которые важно принимать во внимание. Так, например, аналитика и определение тональности на основе ИИ могут оказаться предвзятыми, что может повлечь за собой неточные или вводящие в заблуждение выводы (если применять ее небрежно), а далее – неверные действия в сфере коммуникации. Кроме того, полная автоматизация зачастую сопряжена с отсутствием человеческого контроля, а это повышает риски появления ошибок или упущения важных моментов, как происходит, например, при создании неполиткорректных постов для социальных сетей PR-кампаний. Зачастую в некоторых агентствах стали применять ИИ как системы ререйтинга и синдикации, без последующей детальной проверки человеком, что порой приводит к казусам и ограждам, за которые ответственность должны нести курирующие сотрудники. Автоматизированные системы генерации данных также могут использоваться конкурентами и противниками для манипуляции данными, формируя ложные впечатления, которые приводят к неэтичным результатам [Lei, 2022]. Еще одним потенциальным риском является нацеливание несоответствующего устоявшимся требованиям контента на уязвимые группы населения, а также создание предвзятых алгоритмов, которые закрепляют несправедливые результаты, искажая имидж и нанося вред репутации.

В мае 2025 г. на факультете журналистики КазНУ имени аль-Фараби был открыт первый научно-технический центр LG AI MediaLab. Он стал единственной площадкой в Казахстане, специализирующейся на применении нейросетей в медиа и коммуникации. Здесь профессорско-преподавательский состав и студенты, магистранты, докторанты уже изучают способы создания автоматизированного контента для СМИ, PR и социальных сетей. Оборудование позволяет создавать и исследовать большие данные, осуществлять мониторинг и выпускать визуальный сторителлинг (рис. 3). Первым результатом деятельности НТЦ стала газета AI-Tamuz, выпущенная магистрантами под руководством декана факультета журналистики К.А. Ауесбая¹.

¹ ИИ в журналистике: как LG меняет подходы в обучении. LG Electronics. 2025. 26 мая. URL: <https://lg.com/kz/about-lg/press-and-media/ii-v-zhurnalistike-kak-lg-menyaet-podhody-k-obucheniyu/?ysclid=mi75uOomm1528147472> (дата обращения: 05.06.2025).

Рис. 3. Научно-технический центр LG AI MediaLab на факультете журналистики КазНУ имени аль-Фараби (фото М. Жунисбекова, 26.05.2025)

Fig. 3. LG AI MediaLab Research and Technology Center at the Faculty of Journalism, Al-Farabi Kazakh National University (photo M. Zhunisbekov, 26.05.2025)

Проект центра будет развиваться в направлении расширения исследовательского потенциала ИИ в коммуникационной науке. Обязательно будут учитываться модернизации моделей и рассматриваться этика и прозрачность взаимодействия с машинами. В Казахстане такое представительство на данный момент не имеет аналогов, подобные структуры только недавно начали открывать университеты Европы в сотрудничестве с ведущими разработчиками ИИ. При этом, как свидетельствуют опросы [Рубцова, 2024, с. 164], большинство студентов, магистрантов и докторантов коммуникационных специальностей уже регулярно прибегают к помощи ИИ.

В начале 2025 г. в Казахстане был разработан проект закона об искусственном интеллекте и соответствующие поправки к нему¹. В настоящее время ИИ-технологии применяются уже в госуправлении и экономике, образовании, медицине и частном секторе. В предложенном проекте систематизированы уровни риска. Вопрос авторского права предлагается решить, передав его владельцу системы. Формируются законодательные новеллы, предвосхищающие развитие ИИ и регулирование его взаимодействия с человеком. Предлагаются ограничения для подсознательных манипулятивных методов, искажающих поведение физического лица и ограничивающие его осознанные решения через ИИ. Вместе с тем у специалистов и общественников проект закона вызвал много критических замечаний, как и у депутатов сената². В итоге Президент К.К. Токаев подписал 17 ноября 2025 года закон «Об искусственном интеллекте», теперь в стране

¹ Регулирование ИИ в Казахстане: проект закона-2025. Закон и справедливость. 2025. URL: <https://femida-justice.com/poleznaya-informacziya/regulirovanie-ii-v-kazaxstane-proekt-zakona%E2%80%912025/> (дата обращения: 05.06.2025).

² Рузматова М. В Казахстане пересмотрят закон об искусственном интеллекте. El.kz. 23 октября 2025 г. URL: https://el.kz/ru/v-kazahstane-peresmotryat-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte_400038945/ (дата обращения: 18.11.2025).

действуют принципы функционирования систем ИИ¹. За несколько месяцев 2025 года ИИ вновь совершил качественное развитие, а в Казахстане произошло революционное изменение в сфере правового регулирования использования ИИ. Если первоначально упор в проекте делался на нормы безусловного регулирования, то после переоценки экономического потенциала ИИ в правительстве и парламенте отказались от ограничительного подхода. Теперь введены как принцип широкой законодательно-нормативной поддержки ИИ, так и ответственность за его злоупотребление.

Заключение

В данном исследовании прикладные вопросы и эффекты использования ИИ-технологий рассмотрены на примере Евразийского информационного пространства, которое активно развивается, но страны ранжированы по разным уровням информационно-коммуникативной результативности. Выявлены и охарактеризованы PR-сфера применения и задачи, которые ИИ уже стабильно решает в общественных коммуникациях с высоким качеством. Инновационные решения в евразийском регионе особенно очевидны в Казахстане, где коммерческая, государственная и общественная сферы взаимодействуют с целевым аудиториями через структурирование информационных потоков, релизы сгенерированных текстов, изображений и видео, обнаружение негатива, персонализацию с автоматизированными индикаторами приоритетов, постоянный мониторинг СМИ, социальных сетей, переводы на рабочие языки коммуникации, каналов и архивирование данных.

В сфере связей с общественностью ИИ уже перенял на себя множество функций и продолжает находить новые области применения. Безусловно, процесс будет ускоряться и фрагментироваться. Из числа преимуществ использования ИИ для общественных коммуникаций можно выделить повышение эффективности деятельности, экономию времени и снижение трудозатрат квалифицированных кадров, оптимизацию рутинных операций. К ним относится написание пресс-релизов, составление бэкграундеров, мониторинг СМИ и социальных сетей, реагирование на отзывы, расстановка линков. Полезность нейросетей очевидна. При этом корректность, безопасность и конфиденциальность применения пока еще не отрегулированы в должной мере: разработчики сталкиваются с массовыми жалобами на недостатки и нарушения, для быстрой работы автоматизированные системы используют большие объемы операционных облачных хранилищ и электроэнергии, что также может привести к дискуссиям об их затратности. Важен системный учет аналогов делового общения, особенностей менталитета и уровня открытости, без которых общественные коммуникации в Евразийском информационном пространстве могут оказаться неудачными.

Таким образом, влияние искусственного интеллекта состоит в упрощении процесса обработки данных в связях с общественностью, усилении акцента на креатив, брендинг, медиапланирование, без чего PR-специалисты уже не обходятся. Страны Евразийского региона, в частности Казахстан, по достоинству оценил потенциал ИИ и активно, при поддержке руководства государства, внедряет его во все сферы, ожидая качественных улучшений. Благодаря искусенному интеллекту сфера связей с общественностью стала технологической отраслью. PR усиливает роль сквозной коммуникационной функции. Следующим этапом развития для ИИ будет понимание и определение тональности культурных кодов. Грамотное применение технологий и сплав творческих, практических и интуитивных компетенций PR-специалиста являются принципиальным алгоритмом взаимодействия на данном этапе. Далее важно обеспечить обязательную открытость и обоснованность использования ИИ в рамках закона.

¹ Главой государства подписан Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте». Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 17 ноября 2025 г. URL: <https://www.akorda.kz/tu/glavoy-gosudarstva-podpisani-zakon-respubliki-kazahstan-ob-iskusstvennom-intellekte-17105536> (дата обращения: 18.11.2025).

Список литературы

Алгалиева Г., Шалкарбек А. 2024. Искусственный интеллект как фактор трансформации в PR, маркетинге и медиапространстве. *Российская школа связей с общественностью*, 33: 10–27. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-10-27

Глазова Л.И., Лузгина А.Д., Пугачевский А., Кочетова А.Н., Фейзуллов Д., Чиж А.В., Виноградов М.Ю. 2024. Искусственный интеллект как эффективный инструмент коммуникаций. *Российская школа связей с общественностью*, 33: 48–65. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-48-65

Дзялошинский И. 2022. Цифровая и сетевая культура в системе современного общества. В кн.: PR и СМИ в Казахстане. – Қазақстандағы PR және БАҚ: ғылыми еңбектер жинағы. Под ред. Л.С. Ахметовой. Вып. 23. Алматы, Қазақ университеті: 12–30. URL: https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/ff8/uslwrdt86ef0883x7gvnue4ov59csbwe/30.11.22._AkhmetovaL_PR-i-SMI_23-izdanie.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Зимина Л.О., Сваровская Е.Б. 2024. К вопросу об эффективности использования нейросетей в рекламной коммуникации. *Мир науки, культуры, образования*, 4(107): 388–390. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-388-390

Киричук Д.А. 2025. Цифровая трансформация медиапространства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа. *Мировая политика*, 1: 48–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.1.73805

Куртяник В.В. 2024. Технологии искусственного интеллекта в связях с общественностью: перспективы применения. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 6–1(93): 159–161. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-1-159-161

Меньшиков П.В., Матасова О.В. 2022. Специфика технологий PR в условиях четвертой промышленной революции. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 12(4(85)): 1307–1323. DOI: 10.35775/PSI.2022.85.4.024

Морозова А., Попова С. 2021. Феномен искусственного интеллекта в современной науке: понятие, векторы и проблемы применения в сфере медиа. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(42): 41–52. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10405

Никитин А.А. 2023. Цифровые инструменты PR Tech в деятельности специалиста по связям с общественностью. *Вопросы медиабизнеса*, 2(2): 5–9. DOI: 10.24412/3034-1930-2023-0090

Платонова А.В., Демидов И.А. 2024. Использование технологий нейросетей для составления PR-текстов. *MediaVector*, 11: 70–73.

Рубцова Н.В. 2024. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов. *Вопросы теории и практики журналистики*, 13(1): 156–171. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171

Фомин С.Н. 2024. Влияние искусственного интеллекта на рекламу и связи с общественностью. *Научный Лидер*, 20(170): 13–15.

Эль-Тигани Авад И. А. 2024. Реальность использования ChatGPT в исследованиях медиа для студентов, ученых и практиков. *Вестник Казахского национального университета. Серия журналистики*, 74(4): 4–18. DOI: 10.26577/HJ.2024.v74.i4.1

Юрчихина В.А. 2024. Коммуникативные технологии в рекламе и PR: современные тренды и перспективы. *Научный аспект*, 5(31): 4151–4155.

Яблонских А.В. 2024. Влияние искусственного интеллекта на работу специалистов по коммуникациям. *Социально-гуманитарное обозрение*, 1: 22–27.

Секей Ж., Хибадуллина А.С., Сағындықызы Г. 2025. Ақпараттық кеңістіктегі нейрондық желілер: медиалық мүмкіндіктер, мәселелері мен болашағы. – Нейронные сети в информационном пространстве: возможности, проблемы и перспективы для медиа. *Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Журналистика сериясы*. – Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Журналистика, 151(2): 162–175. DOI: 10.32523/2616-7174-2025-151-2-162-175

Bai H. 2022. Social Public Opinion Communication and Network Legal Management Based on Artificial Intelligence Cognitive Wireless Network. *Mobile Information Systems*, 1: 1127931. DOI: 10.1155/2022/1127931

Christensen E., Anderson R. 2025. To hasten slowly: The Prudence of Slow AI Implementation in public relation. *Public Relation Review*, 51(2): 102557. DOI: 10.1016/j.pubrev.2025.102557

Geneviève D. 2024. Artificial Intelligence: Opportunities and Challenges for Public Administration. *Canadian Public Administration*, 67(3): 388–406. DOI: 10.1111/capa.12580

Lei L. 2022. Emergency Information Communication Structure by Using Multimodel Fusion and Artificial Intelligence Algorithm. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 1: 3029039. DOI: 10.1155/2022/3029039

Ragnedda M., Gladkova A. 2020. Understanding Digital Inequalities in the Global South. In: Digital Inequalities in the Global South. Eds. M. Ragnedda, A. Gladkova. Palgrave Macmillan Cham: 17–30. DOI: 10.1007/978-3-030-32706-4_2

Semenov V.P., Yakovlev A.I., Myalenka V.Yu., Meshcheryakov D.E. 2022. Artificial Intelligence in the Media Industry (on the Minds of AI2Media). In: Proceedings of 2022 25th International Conference on Soft Computing and Measurements, SCM 2022 (St. Petersburg, May 25–27, 2022). St. Petersburg, Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc.: 229–232. DOI: 10.1109/SCM55405.2022.9794879

Wen L., Lin W., Guo M. 2022. Study on Optimization of Marketing Communication Strategies in the Era of Artificial Intelligence. *Mobile Information Systems*, 1: 1604184. DOI: 10.1155/2022/1604184

Wu X., Liu S. 2022. The System of the Dissemination Characteristics of Internet Public Opinion Big Data Based on Artificial Intelligence. *Wireless Communications and Mobile Computing*, 1: 2370745. DOI: 10.1155/2022/2370745

Zenni R.D., Andrew N.R. 2023. Artificial Intelligence text generators for overcoming language barriers in ecological research communication. *Austral Ecology*, 48(7): 1225–1229. DOI: 10.1111/aec.13417

References

Algaliyeva G.S., Shalkarbek A. Artificial Intelligence as a Factor of PR, Marketing and Media Space Transformation. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*, 33: 10–27. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-10-27

Glazova L., Luzgina A., Pugachevsky A., Kochetova A., Feyzullov D., Chizh A., Vinogradov M. 2024. Artificial Intelligence as an Effective Communication Tool. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*, 33: 48–65. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-48-65

Dzyaloshinsky J. 2022. Digital and network culture in the system of modern society. In: PR и СМИ в Казахстане. – Қазақстандағы PR және БАҚ: ғылыми еңбектер жинағы [PR and mass media in Kazakhstan. – PR genre in Kazakhstan BAK: scientific winner]. Ed. L.S. Akhmetova. Iss. 23. Almaty, Publ. Қазақ университети: 12–30. URL: https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/ff8/uslwrdt86ef0883x7gvnue4ov59csbwe/30.11.22._-AkhmetovaL_PR-i-SMI_23-izdanie.pdf (accessed: June 5, 2025)

Zimina L.O., Swarovskaya E.B. 2024. On the Issue of the Effectiveness of Using Neural Networks in Advertising Communication. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(107): 388–390 (in Russia). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-388-390

Kirichuk D.A. 2025. Tsifrovaya transformatsiya mediaprostranstva: novye vyzovy i vozmozhnosti dlya politicheskoi kommunikatsii v epokhu sotsial'nykh media [Digital Transformation of the Media Space: New Challenges and Opportunities for Political Communication in the Age of Social Media]. *Mirovaya politika*, 1: 48–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.1.73805

Kurtyanik V.V. 2024. Artificial Intelligence Technologies in Public Relations: Application Prospects. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 6–1(93): 159–161 (in Russia). DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-1-159-161

Menshikov P.V., Matasova O.V. 2022. The Specifics of PR Tools and Techniques in the Context of the Fourth Industrial Revolution. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 12(4(85)): 1307–1323. DOI: 10.35775/PSI.2022.85.4.024

Morozova A., Popova S. 2021. Fenomen iskusstvennogo intellekta v sovremennoj nauke: ponyatie, vektorы i problemy primeneniya v sfere media [The phenomenon of artificial intelligence in modern science: concept, vectors, and challenges in the media industry]. *Znak: problemnoe pole mediaobazovaniya*, 4(42): 41–52. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10405

Nikitin A.A. 2023. Digital PR Tech tools in the activities of a public relations specialist. *Issues of Media Business*, 2(2): 5–9 (in Russia). DOI: 10.24412/3034-1930-2023-0090

Platonova A.V., Demidov I.A. 2024. Ispol'zovanie tekhnologii neirosetei dlya sostavleniya PR-tekstov [Using neural network technologies for composing PR texts]. *MediaVector*, 11: 70–73.

Rubtsova N.V. 2024. Neural Networks in Media: Opportunities, Problems, Prospects for Future Media Specialists. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 13(1):156–171 (in Russian). EDN: XGCNOY. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171

Fomin S.N. 2024. The Impact of Artificial Intelligence on Advertising and Public Relations. *Nauchnyi Lider*, 20(170): 13–15.

El-Tigani Awad I.A. 2024. The Reality of using the ChatGPT in researching media, applied to students, researcher and practitioners. *Herald of Journalism*, 74(4): 4–18 (in Russia). DOI: 10.26577/HJ.2024.v74.i4.1

Yurchikhina V.A. 2024. Kommunikativnye tekhnologii v reklame i PR: sovremennye trendy i perspektivy [Communication technologies in advertising and PR: modern trends and prospects]. *Nauchnyi aspekt*, 5(31): 4151–4155.

Yablonskikh A.V. 2024. The Impact of Artificial Intelligence on the Work of Communications Specialists. *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie*, 1: 22–27.

Sekey Zh., Khibadullina A., Sagyndykkyzy G. 2025. Neural networks in the information space: opportunities, challenges and perspectives for media. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, 151(2): 162–175 (in Kazakhstan). DOI: 10.32523/2616-7174-2025-151-2-162-175

Bai H. 2022. Social Public Opinion Communication and Network Legal Management Based on Artificial Intelligence Cognitive Wireless Network. *Mobile Information Systems*, 1: 1127931.

Christensen E., Anderson R. 2025. To hasten slowly: The Prudence of Slow AI Implementation in public relation. *Public Relation Review*, 51(2): 102557. DOI: 10.1016/j.pubrev.2025.102557

Geneviève D. 2024. Artificial Intelligence: Opportunities and Challenges for Public Administration. *Canadian Public Administration*. 67(3): 388–406. DOI: 10.1111/capa.12580

Lei L. 2022. Emergency Information Communication Structure by Using Multimodel Fusion and Artificial Intelligence Algorithm. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 1: 3029039.

Ragnedda M., Gladkova A. 2020. Understanding Digital Inequalities in the Global South. In: Digital Inequalities in the Global South. Eds. M. Ragnedda, A. Gladkova. Palgrave Macmillan Cham: 17–30. DOI: 10.1007/978-3-030-32706-4_2

Semenov V.P., Yakovlev A.I., Myalenka V.Yu., Meshcheryakov D.E. 2022. Artificial Intelligence in the Media Industry (on the Minds of AI2Media). In: Proceedings of 2022 25th International Conference on Soft Computing and Measurements, SCM 2022 (St. Petersburg, May 25–27, 2022). St. Petersburg, Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc.: 229–232. DOI: 10.1109/SCM55405.2022.9794879

Wen L., Lin W., Guo M. 2022. Study on Optimization of Marketing Communication Strategies in the Era of Artificial Intelligence. *Mobile Information Systems*, 1: 1604184. DOI: 10.1155/2022/1604184

Wu X., Liu S. 2022. The System of the Dissemination Characteristics of Internet Public Opinion Big Data Based on Artificial Intelligence. *Wireless Communications and Mobile Computing*, 1: 2370745.

Zenni R.D., Andrew N.R. 2023. Artificial Intelligence text generators for overcoming language barriers in ecological research communication. *Austral Ecology*, 48(7): 1225–1229. DOI: 10.1111/aec.13417

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2025

Received June 24, 2025

Поступила после рецензирования 24.11.2025

Revised November 24, 2025

Принята к публикации 12.12.2025

Accepted December 12, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рожков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации факультета журналистики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr V. Rozhkov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the UNESCO Chair of Journalism and Communication, Faculty of Journalism, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Технологии AIGC в стратегиях трансляции культурного наследия в медийном пространстве (на примере Китая и России)

Тань Л.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9
tanleyiroyi@gmail.com

Аннотация. В эпоху цифровой трансформации медиапространства трансляция культурного наследия всё чаще осуществляется через цифровые коммуникационные каналы и алгоритмически управляемые медиаплатформы. Появление генеративных технологий на основе искусственного интеллекта (AIGC) оказывает существенное влияние на медиапроизводство, формируя новые формы культурной коммуникации, мультимедийного повествования и взаимодействия с аудиторией. Однако, несмотря на рост числа исследований в области цифровизации культурного наследия и искусственного интеллекта, недостаточно изучены сравнительные стратегии использования AIGC в разных институциональных контекстах, а также их технологические и этико-правовые последствия. Цель исследования – выявить особенности, вызовы и перспективы использования AIGC в стратегиях медиатизации культурного наследия на примере Китая и России, двух стран с развитой цифровой инфраструктурой и различными институциональными подходами. Особое внимание уделяется механизмам цифровой презентации культурного наследия в СМИ, социальных сетях, на видеоплатформах и в интерактивных медиаформатах. На основе сравнительного анализа нормативно-правовой базы, медиапрактик и конкретных кейсов применения AIGC в сфере культурного наследия раскрываются технологические, институциональные и этические аспекты медиаэтикастики, включая вопросы локализации ИИ-моделей, регулирования авторских прав и адаптации контента к медиааудитории. Сделан вывод о том, что эффективное и ответственное внедрение AIGC в стратегии трансляции культурного наследия требует комплексной настройки медиаэкосистем – от регуляторной среды и технологической инфраструктуры до профессиональных стандартов и медиаграмотности аудитории. Представлены рекомендации по развитию медиаэкосистем, способных обеспечить устойчивую, этически обоснованную и культурно релевантную трансляцию наследия средствами AIGC.

Ключевые слова: AIGC, культурное наследие, медиатизация, цифровая трансляция, стратегии распространения, сравнительный анализ Китая и России, алгоритмическая коммуникация

Для цитирования: Тань Л. 2025. Технологии AIGC в стратегиях трансляции культурного наследия в медийном пространстве (на примере Китая и России). *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 675–691. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-675-691 EDN: IHAVRZ

AIGC Technologies in Strategies for the Transmission of Cultural Heritage in the Media Space (a Case Study of China and Russia)

Tan Lehi

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia
tanleyiroyi@gmail.com

Abstract. In the era of digital transformation of the media space, the transmission of cultural heritage is increasingly carried out through digital communication channels and algorithmically governed media

© Тань Л., 2025

platforms. The emergence of artificial intelligence generated content (AIGC) has a significant impact on media production, shaping new forms of cultural communication, multimedia storytelling, and audience engagement. However, despite the growing number of studies on the digitalization of cultural heritage and AI-focused media research, there is a gap in the scientific knowledge about comparative strategies for using AIGC in the mediatization of heritage in different institutional contexts – in particular, in China and Russia – as well as their technological and ethical-legal implications. The aim of this study is to identify the specific features, challenges and prospects of using AIGC in cultural heritage transmission and mediatization strategies, using the examples of China and Russia – two countries with advanced digital infrastructures and differing institutional approaches. Special attention is paid to the mechanisms of digital representation of cultural heritage in mass media, social networks, video platforms, and interactive media formats. Based on a comparative analysis of the regulatory framework, media practices and specific cases of AIGC application in the sphere of cultural heritage, the article reveals the technological, institutional, and ethical dimensions of media dissemination processes, including issues of AI model localization, copyright regulation and the adaptation of content to the characteristics of media audiences. The study concludes that the effective and responsible integration of AIGC into cultural heritage transmission strategies requires a comprehensive adjustment of media ecosystems – from the regulatory environment and technological infrastructure to professional standards and audience media literacy. The article offers recommendations for the development of media ecosystems capable of ensuring a sustainable, ethically grounded and culturally relevant transmission of heritage through AIGC tools.

Keywords: AIGC, cultural heritage, mediatization, digital transmission, dissemination strategies, comparative analysis of China and Russia, algorithmic communication

For citation: Tan L. 2025. AIGC Technologies in Strategies for the Transmission of Cultural Heritage in the Media Space (a Case Study of China and Russia). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 675–691 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-675-691 EDN: IHAVRZ

Введение

Культурное наследие – это совокупность материальных и нематериальных ценностей, укоренённых в исторической памяти общества. В условиях стремительной трансформации медиасреды традиционные каналы передачи культурных ценностей – музеи, архивы, образовательные учреждения – больше не являются единственными носителями и ретрансляторами культурного знания. Их место всё активнее занимают цифровые медиаплатформы, социальные сети, стриминговые сервисы и мультимедийные приложения, формирующие новую структуру медийной репрезентации культуры.

На этом фоне особую значимость приобретает появление и распространение генеративных технологий на основе искусственного интеллекта (AIGC), способных автоматически или полуавтоматически создавать мультимодальный контент – от текста и изображения до видео и интерактивных сценариев. Такие технологии не только начинают выполнять вспомогательные функции в производстве медийного продукта, но и становятся активными участниками человека-машинного соавторства в процессе культурной коммуникации. Генеративные модели, встроенные в алгоритмы цифровых платформ, формируют новое медиаполе, где трансляция культурного наследия осуществляется не как линейная передача информации, а как алгоритмически модерируемое визуально-эмоциональное взаимодействие с аудиторией.

Современные медиапрактики в этой области характеризуются высокими темпами автоматизации, платформенной стандартизацией и ростом зависимости от алгоритмических механизмов распространения контента. Это меняет саму логику медийного повествования и порождает новые формы культурной репрезентации: персонализированные рекомендации, мультиязычные субтитры, интерактивные экскурсии, адаптивные видеоролики и виртуальные диалоги с историческими персонажами. Культурное наследие из архивного объекта превращается в динамический медиаконтент, встроенный в экосистему цифровой журналистики, сетевых платформ и креативной индустрии.

Особый интерес представляет опыт Китая и России – стран с богатыми цивилизационными традициями и различными подходами к цифровой трансформации медиасреды. В Китае AIGC активно внедряется в стратегические инициативы цифровизации культуры, охватывая как государственные медиаресурсы (например, People's Daily, CCTV), так и коммерческие платформы (Douyin, Bilibili, Tencent Video), функционирующие как медиакоммуникационные каналы массового масштаба¹. Россия, напротив, делает ставку на суверенное развитие ИИ-технологий, подчёркивая культурную идентичность, государственный контроль над медиаконтентом и экспертную верификацию цифрового материала. Распространение цифрового культурного контента осуществляется преимущественно через государственные СМИ и платформы культурных архивов, такие как «Культура.рф» и Национальная электронная библиотека, кроме того, в ряде регионов на таких платформах, как VK и Telegram, были созданы официальные аккаунты и интерактивные сообщества, посвящённые культурному наследию, с целью осуществления онлайн-трансляции, культурного просвещения и привлечения общественного участия. Тем не менее уже сегодня в обеих странах AIGC участвует в производстве, адаптации и распространении культурных нарративов в медиапространстве, включая визуализацию культурных артефактов, автоматическую генерацию описаний, дубляж, а также создание медиапроектов на основе культурных сюжетов.

На национальном уровне из-за различий в культурно-историческом контексте и технологической мощи государства по-разному реагируют на волну AIGC. Китай и Россия как страны с древними цивилизационными традициями рассматривают культуру как стратегический ресурс, однако их цифровые стратегии и политические меры могут отличаться. Таким образом, возникает необходимость в проведении сравнительного анализа соответствующих практик с целью заимствования опыта Китая и обогащения теоретической и практической базы цифровой трансляции культурного наследия в России. В условиях широкого внедрения технологий AIGC требуется глубокий анализ изменений посреднической роли различных типов медиа, таких как традиционные СМИ, цифровые платформы, создатели контента, и культурных учреждений в процессах культурной коммуникации и взаимодействия с общественностью. Необходимо также прояснить трансформацию функций журналистов, редакторов и производителей контента в генеративной медиасреде, исследовать логику распространения культурного контента в рамках алгоритмических механизмов платформ, а также способы его восприятия, принятия и повторной интерпретации аудиторией. Эти аспекты обладают важным теоретическим и практическим значением для понимания того, как использование AIGC приводит к переосмыслению и трансформации экосистемы культурной коммуникации, медиаролей и влияет на формирование культурной идентичности. В условиях стремительного развития генеративных технологий особое значение приобретает выработка устойчивых и чувствительных к культурному контексту стратегий их интеграции в сферу медиараспространения наследия.

Современные исследования начинают уделять внимание возможностям интеграции ИИ и культурного наследия. В зарубежной литературе активно обсуждаются применение ИИ и генеративных технологий для оцифровки и 3D-реставрации объектов наследия, создания «цифровых двойников» и виртуальных экспозиций, что позволяет не только сохранять артефакты, но и переосмысливать музейный опыт в сторону более интерактивного и иммерсивного взаимодействия с аудиторией [Lai, 2025; Kilis et al., 2025; Stoean et al., 2024; Altaweeil, 2024; Mazzanti et al., 2025]. Отдельное направление составляет исследование цифрового сторителлинга и использования ИИ/генеративных моделей в культурном и туристическом контенте, включая работу с молодёжной аудиторией в

¹ Офис Центрального Комитета КПК и Государственный совет издали «Мнения о продвижении и реализации национальной стратегии цифровизации культуры». 2022. Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2022-05/22/c_1128674022.htm (дата обращения: 29.04.2025).

социальных сетях и на мультимедийных платформах [Kasemsarn, Nickpour, 2025; Shim, 2024; Shen, 2025; Lin, 2025]. Научное сообщество также всё больше внимания уделяет AIGC как медиуму культурного производства: исследователи отмечают, что AIGC может охватывать весь жизненный цикл культурного наследия — от сбора и записи до реставрации, анализа и интерактивного распространения [Münster et al., 2024; Pan et al., 2025]. Например, ИИ может восстанавливать повреждённые изображения артефактов, синтезировать историческую речь, моделировать виртуальные туры и даже возрождать исчезающие языки и традиционную музыку. Наряду с этим формируется критический дискурс, анализирующий этические риски, вопросы извлечения и присвоения культурного контента генеративными системами, а также необходимость контекстуально чувствительных этических рамок для использования ИИ в сфере наследия [Menotti, 2025; Shaikhon, 2025]. Исследование, опубликованное в журнале *AI & Society*, позволяет утверждать, что культурное наследие не должно быть оторвано от социально-исторического контекста и произвольно переконфигурировано, и что алгоритмическая трансляция требует этического и историко-интерпретативного обоснования [Menotti, 2025]. Реттберг указывает, что доминирование англоязычных и западных источников в тренировочных выборках ведёт к «западноцентричным нарративам», подрывая культурное разнообразие, и призывает к созданию культурно чувствительных ИИ-систем [Rettberg, 2023]. Эти работы фиксируют растущий интерес к интеграции ИИ в сферу культурного наследия, но при этом подчёркивают фрагментарность исследований и отсутствие сопоставительных анализов национальных стратегий и медиапрактик, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Таким образом, в центре внимания исследования – не только культурная политика и технологии, но прежде всего медиакоммуникационные процессы, определяющие то, как, через кого и с какой интерпретацией культурное наследие доходит до цифрового потребителя в эпоху AIGC.

Целью работы является выявление ключевых особенностей, вызовов и перспектив использования AIGC в трансляции культурного наследия в медиапространстве Китая и России – двух стран с активной цифровизацией и отличающимися институциональными подходами к культурной политике и медиауправлению.

Материалы и методы исследования

Методология включает кейс-анализ цифровых платформ и проектов в Китае и России, сравнительный анализ нормативно-правовых рамок и структурно-функциональный подход для оценки взаимодействия между государственными структурами, медиа и цифровыми платформами в сфере культурной трансмиссии.

Международный контекст и тенденции развития AIGC в сфере культуры

С развитием технологий AIGC их применение в сфере культурной коммуникации становится всё более важным двигателем цифровой трансформации глобальной медиасистемы. В отличие от пользовательского контента (UGC) и профессионального производства контента (PGC), AIGC в значительной степени опирается на алгоритмы глубокого обучения, обработки естественного языка и генеративно-состязательные сети, что позволяет автоматически или полуавтоматически создавать мультимодальный медиаконтент – тексты, изображения, аудиофайлы, видео и трёхмерные модели. Появление данной парадигмы генерации контента радикально меняет формы медийного представления культурного наследия, усиливая визуализированность цифровых культурных объектов и их адаптивность к различным форматам распространения.

Во всем мире технологии AIGC постепенно внедряются в системы культурной политики, алгоритмические механизмы цифровых платформ и публичные

коммуникационные практики, формируя новую экосистему культурной трансляции, управляемую алгоритмами. Так, в 2021 г. ЮНЕСКО опубликовала «Этические принципы в области искусственного интеллекта», где подчёркивается необходимость уважения культурного многообразия и недопустимость маргинализации локальных культур доминирующими алгоритмами¹. В 2024 г. организация провела глобальный форум «Нематериальное культурное наследие и новые технологии», в котором подчёркивалась необходимость синхронизации технологических инноваций с задачами культурного сохранения². Эти инициативы свидетельствуют о переходе AIGC от статуса чисто технического инструмента к полноценному участнику политико-этических процессов в сфере культуры.

Важно отметить, что AIGC не является односторонним «технологическим агентом», а находится на пересечении процессов перестройки глобальной культурной коммуникации. В условиях, когда платформы вроде YouTube и TikTok становятся новыми аренами культурной презентации, традиционные архивы и линейные формы повествования всё чаще заменяются динамичными текстами, иммерсивными видео и интерактивными интерфейсами, созданными ИИ. От «фиксации» к «генерации», от «репрезентации» к «соавторству» – технический арсенал AIGC стремительно расширяется, одновременно обнажая проблемы достоверности контента, интерпретационного контроля и этического регулирования. На практике многие страны и культурные учреждения уже начинают этически внедрять AIGC. Так, видеомодель Sora от OpenAI используется в ряде культурных проектов в Нью-Йорке, включая показ короткометражных фильмов, созданных с её помощью, на кинофестивале Tribeca и в программе Sora Selects³. Платформы Runway и Stable Diffusion, благодаря доступности и относительно низкому порогу входа, позволяют небольшим культурным организациям и образовательным учреждениям участвовать в культурном производстве и создавать экспериментальные медиапроекты⁴. Некоторые музеи и культурные центры применяют решения на основе AIGC для «оживления» исторических персонажей, разработки виртуальных гидов и многоязычных аудиогидов, а также для автоматизированного перевода и адаптации описаний экспонатов, тем самым расширяя границы культурной коммуникации и повышая доступность наследия для различных аудиторий⁵.

Таким образом, развитие AIGC в глобальной культурной сфере проходит путь от «технологического эксперимента» к «институциональной интеграции». При этом государственная политика, платформенные технологии и этические нормы формируют единую систему, определяющую институциональную логику и медиасреду культурной трансляции с участием ИИ. В будущем AIGC будет играть всё более важную роль в поддержке культурного разнообразия и расширении доступа к культуре, но только при наличии устойчивых механизмов регулирования и рамок межкультурного диалога.

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 18.11.2025).

² Intangible Cultural Heritage. UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/home> (дата обращения: 18.11.2025).

³ Tribeca Festival and OpenAI announce “Sora Shorts”. Tribeca Festival, press release, 31 May 2024. URL: <https://tribecafilm.com/press-center/festival/press-releases/tribeca-festival-and-open-ai-announce-sora-shorts> (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ Sora Alpha Artists: Preserving the Past and Shaping the Future. OpenAI Forum, video, 2025. URL: <https://forum.openai.com/public/videos/sora-alpha-artists-preserving-the-past-and-shaping-the-future-2025> (дата обращения: 18.11.2025). World of AI-magination. ARTECHOUSE NYC, exhibition description, 1 December 2023 – 17 March 2024. URL: <https://www.artechouse.com/program/world-of-aimagination> (дата обращения: 18.11.2025).

⁵ Generative AI guide creates truly immersive, inclusive and hyper-personalised museum experience. NCS, article, 13 December 2023. URL: <https://www.ncs.co/en-sg/knowledge-centre/articles/generative-AI-guide-creates-truly-immersive-inclusive-and-hyper-personalised-museum-experiences> (дата обращения: 18.11.2025).

Китайский опыт: платформы, стратегии, медиапрактики

В условиях реализации национальных стратегий «Культурное могущество»¹ и «Цифровой Китай»² интеграция технологий AIGC в трансляцию культурного наследия в Китае характеризуется высокой степенью политической поддержки, глубокой технологической интеграцией и активным участием цифровых платформ. Министерство культуры и туризма, Государственная администрация по охране культурного наследия, Национальное управление радио и телевидения и другие ведомства неоднократно издавали нормативные документы, касающиеся цифровой культуры и интеллектуальной трансляции³, подчёркивая необходимость цифрового выражения, сетевой дистрибуции и интеллектуального перевода культурного наследия, его встраивания в контекст массовых медиа и национального нарратива⁴.

Во-первых, с точки зрения медиаплатформ, технологии AIGC в Китае широко внедряются как в государственные медиа, так и в коммерческие социальные платформы, формируя многоуровневую структуру распространения – от мейнстримного дискурса до пользовательского контента (UGC). Центральное телевидение Китая (CCTV) с помощью больших языковых моделей автоматически создаёт короткие видеоролики о культурных артефактах, виртуальных ведущих и цифровых экскурсоводов; новое медиаподразделение газеты «Жэнъминь жибао» комбинирует синтез речи и генерацию видео для выпуска образовательных короткометражек по истории и культуре. Благодаря AIGC эти материалы визуализируются, становятся интерактивными и более увлекательными, получая широкое распространение на платформах вроде Bilibili, Douyin и Xiaohongshu.

Во-вторых, коммерческие платформы всё чаще выступают в роли «новых медиаторских структур» в культурной коммуникации. Например, Douyin посредством алгоритмических рекомендаций активно продвигает формат «культура + короткое видео» и совместно с региональными департаментами культуры и туризма запускает проекты по созданию AI-гидов по культуре, наделяя объекты наследия, памятники и ремёсла возможностью иммерсивного повествования. На платформе Bilibili многие авторы создают образовательные серии на основе больших моделей или документальные видео с AI-комментарием и съёмкой на локации, дополняя их субтитрами, звуковым оформлением и визуальными эффектами, формируя выразительные культурные нарративы.

В-третьих, на уровне региональных властей и музеиных учреждений технологии AIGC активно внедряются в различные практики культурной трансляции и становятся важным медиапосредником между публикой и культурным наследием. Например, Хэнаньский музей разработал цифрового персонажа Ло Сяо-да (洛小姐), который объединяет технологии генерации естественного языка, синтеза речи и захвата движений. Этот персонаж ведёт прямые эфиры, участвует в коротких видео и виртуальных выставках,

¹ Си Цзиньпин. Ускорить строительство культурно могучего государства. Журнал «Цюши», 16 апреля 2025 г. URL: https://article.xuexi.cn/articles/index.html?art_id=2327591555795477337 (дата обращения: 18.11.2025).

² ЦК КПК, Госсовет КНР. Общий план построения «Цифрового Китая». Синьхуа, 27 февраля 2023 г. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 18.11.2025).

³ Министерство культуры и туризма КНР. Уведомление о публикации «Плана научно-технических инноваций в сфере культуры и туризма на период 14-й пятилетки» (Вэнь-люй кэцзяо-фа [2021] № 39). 26 апреля 2021 г. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-06/11/content_5616972.htm (дата обращения: 18.11.2025).

Министерство культуры и туризма КНР. Объявление о выпуске серии отраслевых стандартов «Цифровая защита нематериального культурного наследия: сбор и каталогизация цифровых ресурсов» (Вэнь-люй кэцзяо-фа, 2023, № 66). 29 июня 2023 г. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxxgkml/kjjy/202308/t20230804_946421.html (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ Отдел пропаганды ЦК КПК; Министерство культуры и туризма КНР; Госуправление по культурным ценностям и др. Уведомление об утверждении «Мнений об усилении научно-технических инноваций в сфере культурных реликвий» (Вэнь-у кэ-фа [2023] № 32). 26 октября 2023 г. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202311/content_6916308.htm (дата обращения: 18.11.2025).

предлагая зрителям захватывающее историко-культурное погружение и формируя «матрицу культурной трансляции» на основе ИИ. Музеи Сучжоу и провинции Чжэцзян внедрили AI-системы автоматического комментирования и интерактивные интерфейсы, позволяющие пользователям активировать персонализированный контент через QR-коды и голосовые команды, реализуя мультиязычные и мультимодальные формы культурного взаимодействия. Эти примеры демонстрируют, что региональные учреждения переходят от роли «передатчика информации» к статусу «организатора контента и координатора алгоритмов», не только способствуя цифровой трансформации культурных ресурсов, но и в определённой степени изменения нарративную логику и механизмы вовлечения аудитории. Благодаря AIGC культурная трансляция на местах развивается от статического показа к диалоговому взаимодействию, дополняя национальные стратегии и усиливая локальную инициативу. Это отражает организационную логику многослойного взаимодействия «технологии – платформа – институт» в китайской цифровой медийной системе.

Кроме того, высокая вовлечённость китайских пользователей социальных сетей и их способность к вторичному культурному творчеству создают благоприятные условия для интеграции AIGC в сферу культуры. Многие носители нематериального наследия публикуют на платформах качественные видеоролики, демонстрирующие процессы создания культурных артефактов. Например, пользователь Douyin по имени Шаньбай (山白), известный как хранитель традиций, получил 11,53 миллиона лайков за видео о традиционном производстве Хуэймоу (徽墨). Согласно отчёту «Douyin по нематериальному наследию 2025», за последний год количество новых видеороликов, связанных с национальными объектами нематериального наследия, превысило 200 миллионов (рост на 31 %), общее число лайков достигло 11,3 миллиарда¹. Наибольшую популярность получили видео о сяншэне, приготовлении улиток по-лиючжоуски, юэцзюй, юйцзюй и танцах львов – это демонстрирует высокую степень синергии между алгоритмическими платформами и общественным участием². На платформах Xiaohongshu, Weibo и Zhihu пользователи с помощью инструментов AI-генерации изображений активно воссоздают традиционные костюмы и архитектуру, создают «AI-реплики древних персонажей», обновляя визуальный облик культурного контента и формируя замкнутый цикл «культурное наследие – алгоритмические инструменты – сообщество».

Следует отметить, что Китай с определённой осторожностью подходит к регулированию AIGC в сфере культуры. Например, в 2023 году вступили в силу «Временные правила об управлении генеративными ИИ-сервисами», где указано, что AI-контент должен избегать фальсификаций, искажения истории и нарушения прав третьих лиц³. Эти положения возлагают основную ответственность на платформы и устанавливают обязательства по контентной модерации, что обеспечивает соблюдение базовых норм культурной трансляции и способствует устойчивому развитию качественного контента.

В целом Китай демонстрирует сбалансированную модель интеграции AIGC в трансляцию культурного наследия, в которой сочетаются политическая поддержка, технологическая инфраструктура, институциональная интеграция и участие пользователей.

¹ Отчёт Douyin о данных по нематериальному культурному наследию за 2025 год: число пользователей поколения «00-х», публикующих видео о НКН, выросло на 95 %. Газета «Кэцзи жибао» (Science and Technology Daily), 26 мая 2025 г. URL: https://www.stdaily.com/web/gdxw/2025-05/26/content_345825.html (дата обращения: 18.11.2025).

² Молодёжь влюбляется в нематериальное культурное наследие: число пользователей, родившихся после 2000 года, публикующих видео о нематериальном наследии в Douyin, выросло на 95%. 2025. Toutiao URL: https://www.toutiao.com/article/7508983202338406975/?upstream_biz=douba&push_animated=1&webview_progress_bar=1&show_loading=0&source=m_redirect&wid=1750254510766 (дата обращения: 18.06.2025).

³ Государственное управление по делам киберпространства КНР и др. Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта. 13 июля 2023 г. URL: http://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 18.11.2025).

Это формирует трёхуровневую экосистему «медиа – платформа – сообщество», способствующую оживлению, репрезентации и перекодировке культурного наследия в цифровом контексте.

Российский опыт: подходы, кейсы, медиаплатформы

Под двойным воздействием стратегии цифрового суверенитета и курса на укрепление национальной культурной идентичности российская модель интеграции технологий AIGC в трансляцию культурного наследия характеризуется государственно ориентированным управлением, акцентом на локализацию технологий и приоритетом достоверности контента. В отличие от Китая, делающего акцент на активность платформ и участие пользователей, российский подход ориентирован на авторитетность культурного нарратива, контролируемость генерации контента и нормативность развития медиаплатформ.

Прежде всего, на уровне государственной политики правительство России придаёт большое значение применению искусственного интеллекта в культурной сфере. В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», культура прямо обозначена в числе приоритетных областей применения ИИ; особое внимание уделяется созданию и поддержанию в актуальном состоянии наборов данных для организаций в сфере культуры, включая библиотеки, архивы и музеи, что задаёт нормативную рамку для цифровизации культурного наследия и внедрения систем интеллектуального анализа и мультимедийной генерации контента (разд. IV–V Стратегии)¹. С 2019 г. в рамках национального проекта «Культура» реализуется федеральный проект «Цифровая культура», задачей которого является широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны; на площадках учреждений культуры (концертные организации, дома культуры, библиотеки, музеи) создаётся сеть виртуальных концертных залов и цифровых сервисов, обеспечивающих доступ к ресурсам культурного наследия и их аудиовизуальной интерпретации². Кроме того, реализуются всероссийские культурно-образовательные проекты, ориентированные на популяризацию этнокультурных знаний среди молодёжи и формирование межпоколенческого механизма трансляции культурной идентичности; так, межведомственный проект «Культура для школьников», осуществляемый Министерством культуры РФ и Министерством просвещения РФ, направлен на духовное, эстетическое и художественное развитие школьников, воспитание уважения к культурному наследию России через посещение учреждений культуры и использование цифровых ресурсов³.

Во-вторых, в аспекте медиаплатформ Россия активно развивает государственные цифровые ресурсы – такие как «Культура.РФ», «Национальная электронная библиотека», «Артефакт» – с целью алгоритмизации и визуализации культурного контента. Эти платформы используют интеллектуальный поиск, персонализированные рекомендации и

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». 2019. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/tu/AH4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).

² Национальный проект «Культура». Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Центр культурных стратегий и проектного управления» (Роскультпроект). URL: <https://www.roskultprojekt.ru/razdell> (дата обращения: 18.11.2025); Паспорт национального проекта «Культура», утверждённый президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). URL: <https://www.educentre.ru/images/Nacproiect/Паспорт%20национального%20проекта%20Культура.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

³ Культура для школьников: федеральный культурно-образовательный интернет-портал для детей и молодёжи. URL: <https://xn--80aefqhcbdcbwkes3aoc8g3ck2d.xn--p1ai/> (дата обращения: 18.11.2025). Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение СОШ № 28. Культура для школьников (страница об участии школы во всероссийском культурно-образовательном проекте). URL: <https://xn--28-8kc3bfr2e.xn--p1ai/kultura-dlya-shkolnikov/> (дата обращения: 18.11.2025).

автоматическую генерацию аннотаций, а также в отдельных разделах тестируют услуги на базе моделей типа GPT: генерация культурных пояснений, семантическая навигация и интеллектуальный диалог с пользователем. Так, мобильное приложение «Артефакт» объединяет AR и ИИ, предоставляя посетителям иммерсивный опыт в формате «цифровой гид + генеративные комментарии» с возможностью адаптации контента под предпочтения пользователя.

В-третьих, некоторые российские СМИ начали экспериментировать с генеративным ИИ в культурной журналистике. Государственные медиа, такие как РИА Новости и «Российская газета», используют ИИ для автоматической генерации культурных календарей, анонсов выставок, кратких обзоров художественных событий, повышая редакционную эффективность и расширяя охват аудитории. Одновременно ряд университетов и научных учреждений – например, Московский государственный институт культуры и Санкт-Петербургский государственный университет – внедряют в учебные курсы и научные проекты темы, связанные с ИИ и культурной коммуникацией, накапливая локальный опыт в сфере генерации контента и этической оценки.

На уровне социальных сетей AIGC-контент в культурной сфере в России по-прежнему преимущественно генерируется официальными аккаунтами, тогда как пользовательское участие остаётся ограниченным. На платформах VK и Telegram существуют аккаунты, управляемые региональными органами власти или культурными учреждениями, но они публикуют контент нерегулярно, с низкой тематической концентрацией, что затрудняет формирование системной модели распространения [Нигматуллина, Касымов, 2023; Nigmatullina et al., 2023]. На YouTube большинство качественных видеоматериалов о российском культурном наследии создаются англоязычными блогерами – в основном туристами – и носят коммерчески ориентированный, фрагментарный характер, без глубокого культурного анализа и выражения национальной позиции. Такая слабая экосистема пользовательского контента (UGC) отражает консерватизм медийной среды, усиливающийся контроль над ИИ и относительную низкую вовлечённость граждан, а также демонстрирует сдержанное отношение России к открытости генеративного контента.

Кроме того, в области культурного применения AIGC Россия подчёркивает важность верифицируемости и культурной безопасности. В 2023 г. в контексте обновления Основ государственной культурной политики и утверждения стратегического направления цифровой трансформации отрасли культуры Минкультуры России совместно с экспертным сообществом акцентировало задачу обеспечения «суверенитета культурных данных», выступая против универсализации форм культурного выражения под влиянием глобальных платформ и искажения национальных символов¹. Россия активно продвигает создание собственных корпусов обучающих данных и больших языковых моделей на русском языке, а также на языках народов России, чтобы сохранить смысловую независимость и ценностную направленность культурной презентации. Это также объясняет осторожный подход к открытости AI-контента, приоритет содержательной экспертизы, правовой корректности и идеологического контроля.

¹ Президент России подписал указ о внесении изменений в Основы государственной культурной политики. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, новостное сообщение от 25.01.2023. URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_events=prezident-rossii-podpisal-ukaz-o-vnesenii-izmenenij-v-osnovy-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki (дата обращения: 18.11.2025). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.12.2023 № 3550-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312180033> (дата обращения: 18.11.2025). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.12.2023 № 3550-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-3550-r-11122023/>

В целом модель применения AIGC в России в сфере трансляции культурного наследия отличается выраженной государственной направленностью, ориентацией на семантический суверенитет и профессионально-экспертным подходом. Через стратегическое регулирование, развитие локальных платформ и вовлечение специалистов Россия стремится выстроить контролируемую, достоверную и безопасную медиасреду. Это формирует яркий контраст с китайской моделью, основанной на механизмах «платформа – сообщество» и характеризующейся большей открытостью и партисипативностью.

Таким образом, оба подхода отражают институциональное разнообразие и региональные различия в логике цифровой трансляции культурного наследия в эпоху AIGC.

Сравнительный анализ, этические вызовы и выявление особенностей

На основании вышеизложенного анализа можно сделать вывод, что Китай и Россия, несмотря на схожую технологическую базу и стратегическую государственную направленность в применении технологий AIGC для трансляции культурного наследия, формируют разительные отличия в таких аспектах, как структура медиасистемы, механизмы регулирования контента, экология платформенного взаимодействия и идеология распространения. Эти различия обусловлены не только институциональными и политико-культурными особенностями, степенью социальной вовлечённости, но и отражают уникальные черты, преимущества и потенциальные узкие места в процессе формирования цифровой культурной политики каждой из стран.

Во-первых, в стратегическом медиаподходе Китай акцентирует внимание на формировании «культурной мягкой силы», рассматривая AIGC как ключевой инструмент в укреплении национального нарратива и повышении международной дискурсивной влиятельности¹. Эти технологии активно используются для достижения комплексных целей государственной политики – от реализации концепции «Цифровой Китай» и строительства культурной державы до укрепления культурной идентичности молодёжи. AIGC интегрируется как в процессы производства контента государственными медиаструктурами (такими как «Жэньминь жибао» и CCTV), так и в механизмы платформенной и сообщественной коммуникации, формируя чётко выраженную модель «государство – платформа – пользователь». В России же ключевыми установками являются «культурный суверенитет» и «медийная безопасность». AIGC здесь встраивается в систему защиты национального культурного контекста и противодействия влиянию западных алгоритмов. Основное внимание уделяется семантическому контролю, обучению локальных моделей ИИ и обеспечению суверенитета культурных данных, что отражает более закрытую модель «государство – эксперт – институт». Обе страны демонстрируют политизированный подход к использованию AI в интересах культурной стратегии, однако Китай ориентирован на внешнюю экспансию и активизацию общества, тогда как Россия сосредотачивается на внутренней защите и укреплении культурных границ.

Во-вторых, в аспекте структуры платформ и медиасреды Китай выстроил трёхуровневую архитектуру распространения: «национальные медиа – коммерческие платформы – пользовательские сообщества». Государственные платформы выполняют функцию ценностного ориентирования, коммерческие обеспечивают технологическую базу и алгоритмическое распространение, а пользовательские сообщества активно участвуют в культурной перекодировке и вторичной генерации контента. Это создало

¹ Гао Цзы. Технологии искусственного интеллекта как драйвер международного распространения китайской цивилизации. Портал «Цзинсу чжитку» (колонка «Нанкинская газета. Идеи и теория»), 27 марта 2024 г. URL: https://www.jsthinktank.com/zhuankanzhuanlan/laobiaoachanjingshixian/syesqsxll/202403/t20240327_8238686.shtml (дата обращения: 18.11.2025). Цой Жу. С помощью искусственного интеллекта придать новое измерение традиционной культуре: инновационные пути международной коммуникации. Портал «Гуанминван», теоретический раздел, 12 декабря 2024 г. URL: https://theory.gmw.cn/2024-12/12/content_37734789.htm (дата обращения: 18.11.2025).

гибридный медиаландшафт с децентрализацией и повторной централизацией потоков контента. Такая модель обеспечивает высокую эффективность распространения и вовлечённость аудитории, но также порождает ряд проблем, например тенденцию к развлекательности и поверхностности, а также дефицит контроля над историко-культурной семантикой со стороны платформ. В России же культурный контент преимущественно создаётся и транслируется через государственные платформы (например, «Культура.РФ», «Артефакт») и профильные учреждения, при этом упор делается на авторитетность, достоверность и системность знаний. Подобная структура обладает преимуществами в сфере противодействия фейкам и поддержания качества, но сталкивается с вызовами в виде слабой активности пользователей, низкой привлекательности платформ и ограниченности каналов распространения. Множество проектов характеризуются как «односторонняя трансляция, статическая презентация» – без активной общественной вовлечённости, что ограничивает выход AIGC-продуктов за пределы экспертной среды.

В-третьих, в практическом применении AIGC Китай чаще рассматривает эти технологии как Mediatooll, усиливающие привлекательность и воздействие культурного контента, широко внедряя их в короткие видео, виртуальные экскурсии, цифровые гиды, реконструкцию изображений и прочие визуально-эмоциональные форматы. Такой «визуально ориентированный» подход способствует эмоциональной вовлечённости, но при этом порождает риски символизации и десемантизации – визуальная упаковка нередко затмевает смысловую глубину, а AI-контент отличается неравномерным качеством и фрагментарностью исторической информации. В России, напротив, AIGC в большей степени используется для смысловой реконструкции и точной передачи знаний – в форматах культурного комментария, интеллектуального навигатора, системы вопросов-ответов. Такая стратегия способствует академической глубине и стабильности культурного нарратива, но при этом ограничивает инновационные аудиовизуальные формы и не способна в полной мере активизировать молодую аудиторию, привыкшую к динамичным форматам цифрового потребления.

В-четвёртых, на уровне взаимодействия с аудиторией Китай, обладая обширной пользовательской базой в социальных сетях, реализует модель «совместного культурного творчества» снизу вверх на таких платформах, как Xiaohongshu, Douyin и Bilibili. Механизмы вторичного творчества и общественного распространения становятся важными каналами культурного воспроизведения. Однако такая интерактивная модель наряду с расширением охвата сталкивается с рядом структурных проблем: «эстетическое выравнивание» алгоритмов, «инфлюенсеризация» распространения, монополия платформ на культурный дискурс – всё это затрудняет достижение культурного плюрализма. В России же участие аудитории в основном сосредоточено в рамках авторитетных каналов и экспертных нарративов: экосистема пользовательского контента (UGC) ещё не развита, культурный контент преимущественно публикуется официальными аккаунтами и воспринимается пользователями пассивно, что снижает уровень интерактивности, увлекательности и вовлечённости. Хотя это способствует точности и стабильности трансляции, оно одновременно ограничивает культурное влияние в цифровой среде, особенно среди молодёжи, и ослабляет динамику распространения [Tolokonnikova, 2023].

Эти различия находят продолжение и в институциональной и этической практике. Внедрение технологий AIGC не только трансформирует логику медиапроизводства, но и вызывает многочисленные этико-правовые проблемы, включая кризис достоверности, символическое искажение, «чёрный ящик» алгоритмов и размытые границы авторских прав. В Китае действующее с 2023 года «Временное положение об управлении услугами генеративного искусственного интеллекта» подчёркивает ответственность платформ и механизмы проверки контента, обеспечивая точность и культурное соответствие генерируемого AI-содержания через институциональные меры. В России, напротив, акцент делается на «суверенитет культурных данных»: приоритет отдается созданию локальных

корпусных баз и контролю над культурным контекстом, а вопросы культурной чувствительности и недопустимости искажений в AI-контенте постепенно интегрируются в рамках технологического регулирования¹.

Следует отметить, что, несмотря на различие в подходах – Китай делает упор на регулирование платформ и соответствие пользователей, а Россия на государственный контроль нарратива и участие экспертного сообщества, – обе страны рассматривают этическую легитимность культурной репрезентации как непреодолимую границу применения AIGC. Интеграция этического управления, технологических норм и институционального проектирования в культурную коммуникацию становится общей тенденцией.

В целом различия между Китаем и Россией в области применения AIGC в трансляции культурного наследия отражают разнообразие институциональной логики, медиакультуры и технологических стратегий. AIGC как «квазимедиатор» в креативной системе «человек – машина» уже перестаёт быть просто инструментом генерации контента – он активно участвует в конструировании культурного смысла, формировании ценностных ориентиров и перестройке нарративных механизмов. В условиях реконфигурации глобального медийного порядка ключевыми вопросами становятся: как найти баланс между эффективностью и этикой, как очертить границы между технологической открытостью и культурным суверенитетом, как обеспечить устойчивое взаимодействие между платформенным драйвом и управлением содержанием. Решение этих задач напрямую повлияет на институциональное встраивание AIGC в культурную коммуникацию и транснациональную медийную конфигурацию.

В ответ на вышеуказанные вызовы Китай и Россия уже начали предпринимать шаги через политику, платформенное регулирование и этические инициативы.

В Китае «Временное положение об управлении услугами генеративного искусственного интеллекта», вступившее в силу в 2023 году, стало ключевым нормативным актом в сфере регулирования AIGC. Документ требует, чтобы сгенерированный контент был достоверным, не вводил в заблуждение, и возлагает на платформы ответственность за модерацию. AI-проекты в сфере культуры подлежат территориальному контролю и ручной проверке, чтобы избежать отрыва культурной репрезентации от профессионального контекста. Разработчики ведущих моделей, таких как Wenxin Yiyan от Baidu и Tongyi Qianwen от Alibaba, внедрили механизмы фильтрации контента и его отслеживания, выстраивая согласованную систему управления «технология – платформа – политика».

В России, напротив, в контексте обновлённых Основ государственной культурной политики, где закреплено понятие «культурного суверенитета» как защиты от внешнего деструктивного влияния на ценности и историческую память, и стратегического направления цифровой трансформации отрасли культуры до 2030 года постепенно формируется курс на «суверенитет культурных данных»². Приоритет отдается созданию локальных корпусных баз и национальных наборов данных для систем ИИ, развитию русскоязычных больших языковых моделей и контролю над культурным контекстом в цифровой среде, что следует из положений Национальной стратегии развития искусственного интеллекта и профильных аналитических документов³. В экспертных

¹ Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Nova Creative Group, 2024. 200 с. Официальная страница проекта: URL: <https://ethics.a-ai.ru/white-book/> (дата обращения: 19.11.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Официальный интернет-портал правовой информации. 25.01.2023. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации.

дискуссиях, связанных с этикой ИИ и культурным суверенитетом, всё чаще поднимаются вопросы культурной чувствительности алгоритмов, недопустимости искажения исторической памяти и необходимости прозрачности происхождения данных, что задаёт направление возможной эволюции этических и нормативных рамок в сторону усиления требований к верифицируемости и прослеживаемости культурного контента¹ [Кладько, 2024].

Важно подчеркнуть, что Китай делает акцент на платформенной ответственности и регулировании механизмов распространения, ориентируясь на «контроль входа», в то время как Россия фокусируется на соблюдении лингвокультурного соответствия и суверенитета нарратива – придерживаясь стратегии «контроля источника». Тем не менее обе страны считают «этическую легитимность культурной репрезентации» непреложным условием использования AIGC.

Таким образом, AIGC – это не просто технологический инструмент, а полноценный участник в процессах смыслообразования и трансляции ценностей. Этико-правовые конфликты, возникающие в контексте цифровой трансляции культурного наследия, обнажают глубинные напряжения между медиавластью, архитектурой коммуникационных систем и культурной политикой. Ключевыми задачами будущего становятся: как обеспечить контролируемость всех этапов – от генерации до распространения контента; как усилить культурную ответственность платформ и пользователей; как интегрировать профессиональные знания и исторический контекст в обучение моделей. Только в этом случае можно будет выстроить медиасистему, сочетающую технологическую инновационность с прочной культурно-этической основой.

Заключение

Исследование показало, что технологии AIGC являются не только инновационным инструментом культурной коммуникации, но и важным фактором в трансформации медиавластных структур и реконфигурации государственной нарративной стратегии.

Китай формирует культурную медиасистему по модели трёхстороннего взаимодействия «государство – платформа – сообщество», акцентируя внимание на эффективности распространения, визуальной привлекательности и социальной интерактивности. Такая модель демонстрирует высокую динамику распространения и разнообразие контента. Однако чрезмерная зависимость от алгоритмической логики и символических форм может ослабить глубину культурного контекста и профессиональную ценность содержания, что влечёт за собой риски фрагментации знаний и смысловой девальвации. В противоположность этому Россия исходит из концепций «культурной безопасности» и «семантического суверенитета», делая ставку на создание локальных технических систем и экспертизно ориентированных платформ, обеспечивая управляемость и согласованность культурного нарратива. При этом российская модель обладает преимуществами в сфере семантической консистентности и институционального соответствия, но в то же время сталкивается с ограниченной медиаплатформенной вариативностью, низкой пользовательской активностью и слабым присутствием в молодёжной цифровой среде.

11.10.2019. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003> (дата обращения: 19.11.2025).

¹ Итоги панельной дискуссии «Искусственный интеллект в культуре и национальный суверенитет» // Объединённая культурная среда. 2024. URL: <https://unitedcultures.ru/news/itogi-panelnoy-diskussii-iskusstvennyy-intellekt-v-kulture-i-nacionalnyy-suverenitet> (дата обращения: 19.11.2025); Сессия «Искусственный интеллект в культуре и национальный суверенитет» // Президентский фонд культурных инициатив, Петербургский международный культурный форум. 2024. URL: <https://xn--80aeeqaabljrdbgba3ahhcl4ay9hsa.xn--p1ai/news/4448> (дата обращения: 19.11.2025).

На основе проведённого анализа целесообразно предложить следующие направления оптимизации:

1) формирование механизма многосубъектного участия в AIGC-культурной коммуникации. Необходимо под руководством государства активизировать координацию между платформами, культурными учреждениями, экспертными сообществами и пользователями, выстраивая открытую и инклюзивную экосистему культурного контента, обеспечивающую баланс между профессионализмом и массовостью, регуляцией и инновациями;

2) совершенствование правовой и этической базы AIGC-контента. Китай и Россия могут использовать опыт друг друга для уточнения стандартов модерации, создания механизмов межплатформенного надзора и институционализации этической ответственности, чтобы технологическое развитие не подрывало аутентичность и справедливость культурной трансляции;

3) усиление локализованной подготовки AIGC-корпусов и построение культурно ориентированных моделей. Следует поддерживать участие исследовательских институтов в обучении больших моделей и управлении корпусами, направляя генерацию контента в русло национального языка, исторической памяти и ценностной парадигмы, предотвращая «алгоритмическую культурную колонизацию» и укрепляя потенциал культурного самовыражения;

4) развитие механизмов повышения медиаграмотности и культурной AI-компетентности у широкой аудитории. Рекомендуется интегрировать в систему массового образования темы цифровой критики, этики ИИ и культурной аналитики, повышая способность граждан идентифицировать, оценивать и совместно создавать AI-контент, формируя субъектно ориентированную модель взаимодействия. Следует поощрять пользователей к активному участию в продвижении культурного наследия страны и созданию высококачественного видеоконтента [Жиленко, 2016];

5) продвижение институционального сотрудничества и технологического партнёрства между Китаем и Россией в сфере AIGC-культурной трансляции. Обе страны обладают значительными ресурсами в области цифровизации культуры и регулирования ИИ, что создаёт предпосылки для устойчивого сотрудничества в стандартизации корпусных данных, взаимном признании языковых моделей, а также реализации молодёжных культурных проектов, укрепляя совместный голос Глобального Юга в мировом медийном пространстве.

В заключение отметим, что AIGC как сквозная межплатформенная технология глубоко проникает в систему культурной коммуникации. Её дальнейшее развитие зависит не только от алгоритмической мощности, но прежде всего от архитектуры институционального регулирования, консенсуса в области этики трансляции и устойчивости культурного многообразия.

Взаимодополняемость китайского и российского подходов демонстрирует, что в условиях многополярной медиасреды «умная трансляция», основанная на культурном содержании, становится ключевым элементом конкуренции за международное влияние и платформой для цивилизационного диалога. Системное исследование медиа-логики AIGC открывает стратегически значимые перспективы для построения сбалансированной модели культурного управления в цифровую эпоху.

Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю, доктору филологических наук, профессору Галине Сергеевне Мельник за внимательное прочтение статьи, ценные замечания и методическую поддержку на всех этапах подготовки материала.

Список литературы

Жиленко В.Ю. 2016. Нематериальное культурное наследие Белгородской области: проблемы вовлечения в сферу туризма. *Сервис и туризм: актуальные проблемы*, 10(3): 55–63. DOI: 10.12737/21101.

Кладько С.С. 2024. Культурные вызовы практической этике в сфере искусственного интеллекта: проблемы и решения. *International Journal of Open Information Technologies*, 12(12): 68–76.

Нигматуллина К.Р., Касымов Р.М. 2023. Практики внедрения технологий искусственного интеллекта в региональных СМИ России. В кн.: Пятнадцатые международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации – 2023». Эпоха неопределенности в современных СМИ и журналистике: вызовы больших данных и искусственного интеллекта. Сборник тезисов конференции (Москва, 09–10 ноября 2023 г.). Под ред. Е.К. Гурова. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: 195–196.

Altawee M., Khelifi A., Zafar M.H. 2024. Using generative AI for reconstructing cultural artifacts: examples using Roman coins. *Journal of Computer Applications in Archaeology*, 7(1): 301–315.

Kasemsarn K., Nickpour F. 2025. Digital storytelling in cultural and heritage tourism: a review of social media integration and youth engagement frameworks. *Heritage*, 8(6): 200. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage8060200>.

Kilis N., Martinopoulou E., Terzoglou G., Bozikas E., Sofikitis O., Lepentsiotis P., Chatzakis M., Dimitriou N., Tzovaras D. 2025. AI tools for generating digital heritage twins enhancing storytelling in educational games. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 38: e00451. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.daach.2025.e00451>.

Lai S., Tian Y., Zhang Q. 2025. The impact of AI-generated technologies-driven digital cultural heritage platforms on users' offline cultural participation intentions. *npj Heritage Science*, 13: 574. DOI: <https://doi.org/10.1038/s40494-025-02148-1>.

Lin H., Jia W. 2025. The path of AIGC helping construct cultural digital IPs: taking the construction of Hemudu digital cultural IP as an example. *Cultural Arts Research and Development*, 5(2): 1–13. DOI: <https://doi.org/10.55121/card.v5i2.341>.

Mazzanti P., Ferracani A., Bertini M., Principi F. 2025. Reshaping museum experiences with AI: the ReInHerit toolkit. *Heritage*, 8(7): 277. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage8070277>.

Menotti G. 2025. The model is the museum: generative AI and the expropriation of cultural heritage. *AI & Soc.* DOI: 10.1007/s00146-025-02290-1.

Münster S., Maiwald F., di Lenardo I., Henriksson Ju., Isaac A., Graf M.M., Beck C., Oomen Jo. 2024. Artificial intelligence for digital heritage innovation: setting up a R&D agenda for Europe. *Heritage*, 7(2): 794–816. DOI: [10.3390/heritage7020038](https://doi.org/10.3390/heritage7020038).

Nigmatullina K., Bodrunova S., Polyakov A., Kasymov R. 2023. Narrative communities on social networks and the roles of legacy media in them: the case of user complaints in Russian region. В кн.: Пятнадцатые международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации – 2023». Эпоха неопределенности в современных СМИ и журналистике: вызовы больших данных и искусственного интеллекта. Сборник тезисов конференции (Москва, 09–10 ноября 2023 г.). Под ред. Е.К. Гурова. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: 74–75.

Noordegraaf J., Boon J., Vrhoci D., Dofferhoff J., van der Molen P., Vlogman N., Blanke T. 2021. Microscopic views on a global pandemic: social and cultural effects of the COVID-19 pandemic as documented in two Dutch community archives. *Journal of Open Humanities Data*, 7(0): 16. DOI: [10.5334/johd.29](https://doi.org/10.5334/johd.29).

Pan S., Anwar R.B., Awang N.N.B., He Y. 2025. Constructing a sustainable evaluation framework for AIGC technology in Yixing Zisha pottery: balancing heritage preservation and innovation. *Sustainability*, 17(3): 910. DOI: [10.3390/su17030910](https://doi.org/10.3390/su17030910).

Rettberg J.W. 2023. How generative AI endangers cultural narratives. *Issues in Science and Technology*, 40(2): 77–79. DOI: [10.58875/RQJD7538](https://doi.org/10.58875/RQJD7538).

Shaikhon A.M.H. 2025. Contextual ethical framework for artificial intelligence in the management of cultural heritage. *STAR: Science & Technology of Archaeological Research*, 11(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/20548923.2025.2564519>.

Shen Y. 2025. Dialogues between global and local: AIGC digital narrative design for Cantonese cuisine intangible cultural heritage. In: Rau P.L.P. (ed.) Cross-Cultural Design. HCII 2025. *Lecture Notes in Computer Science*, 15782. Cham, Springer: 00–00. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-93730-9_4.

Shim H., Oh K.T., O’Malley C., Jun J.Y., Shi C.K. 2024. Heritage values, digital storytelling, and heritage communication: the exploration of cultural heritage sites in virtual environments. *Digital Creativity*, 35(2): 171–197. DOI: <https://doi.org/10.1080/14626268.2024.2313585>.

Stoean R., Bacanin N., Stoean C., Ionescu L. 2024. Bridging the past and present: AI-driven 3D restoration of degraded artefacts for museum digital display. *Journal of Cultural Heritage*, 69: 18–26. DOI: 10.1016/j.culher.2024.07.008.

Tolokonnikova A. 2023. Popular youth communities in the VKontakte social network and Russian news agency tapes: comparison of the news agenda. В кн.: Пятнадцатые международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации–2023». Эпоха неопределенности в современных СМИ и журналистике: вызовы больших данных и искусственного интеллекта. Сборник тезисов конференции (Москва, 09–10 ноября 2023 г.). Под ред. Е.К. Гурова. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: 108–109.

References

Zhilenco V.Yu. 2016. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie Belgorodskoi oblasti: problemy vovlecheniya v sferu turizma [Intangible cultural heritage of the Belgorod region: problems of involving it in the tourism sector]. *Servis i turizm: aktual'nye problemy [Service and Tourism: Current Challenges]*, 10(3): 55–63. DOI: 10.12737/21101.

Kladko S.S. 2024. Kul'turnye vyzovy prakticheskoi etike v sfere iskusstvennogo intellekta: problemy i resheniya [Cultural challenges to practical ethics in the field of artificial intelligence: problems and solutions]. *International Journal of Open Information Technologies*, 12(12): 68–76.

Nigmatullina K.R., Kasymov R.M. 2023. Praktiki vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v regional'nykh SMI Rossii [Practices of implementing artificial intelligence technologies in regional mass media of Russia]. In: Piatnadtsatye mezhdunarodnye nauchnye chteniia v Moskve “SMI i massovye kommunikatsii–2023”. Epokha neopredelennosti v sovremennykh SMI i zhurnalisticke: vyzovy bol'sikh dannykh i iskusstvennogo intellekta. Sbornik tezisov konferentsii (Moscow, 9–10 November 2023). Ed. by E.K. Gurov. Moscow, Lomonosov Moscow State University: 195–196.

Altaweeel M., Khelifi A., Zafar M.H. 2024. Using generative AI for reconstructing cultural artifacts: examples using Roman coins. *Journal of Computer Applications in Archaeology*, 7(1): 301–315.

Kasemsarn K., Nickpour F. 2025. Digital storytelling in cultural and heritage tourism: a review of social media integration and youth engagement frameworks. *Heritage*, 8(6): 200. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage8060200>.

Kilis N., Martinopoulou E., Terzoglou G., Bozikas E., Sofikitis O., Lepentsiotis P., Chatzakis M., Dimitriou N., Tzovaras D. 2025. AI tools for generating digital heritage twins enhancing storytelling in educational games. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 38: e00451. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.daach.2025.e00451>.

Lai S., Tian Y., Zhang Q. 2025. The impact of AI-generated technologies-driven digital cultural heritage platforms on users' offline cultural participation intentions. *npj Heritage Science*, 13: 574. DOI: <https://doi.org/10.1038/s40494-025-02148-1>.

Lin H., Jia W. 2025. The path of AIGC helping construct cultural digital IPs: taking the construction of Hemudu digital cultural IP as an example. *Cultural Arts Research and Development*, 5(2): 1–13. DOI: <https://doi.org/10.55121/card.v5i2.341>.

Mazzanti P., Ferracani A., Bertini M., Principi F. 2025. Reshaping museum experiences with AI: the ReInHerit toolkit. *Heritage*, 8(7): 277. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage8070277>.

Menotti G. 2025. The model is the museum: generative AI and the expropriation of cultural heritage. *AI & Society*. DOI: 10.1007/s00146-025-02290-1.

Münster S., Maiwald F., di Lenardo I., Henriksson J., Isaac A., Graf M.M., Beck C., Oomen J. 2024. Artificial intelligence for digital heritage innovation: setting up a R&D agenda for Europe. *Heritage*, 7(2): 794–816. DOI: 10.3390/heritage7020038.

Nigmatullina K., Bodrunova S., Polyakov A., Kasymov R. 2023. Narrative communities on social networks and the roles of legacy media in them: the case of user complaints in Russian region. In: Piatnadtsatye mezhdunarodnye nauchnye chteniia v Moskve “SMI i massovye kommunikatsii–2023”. Epokha

neopredelennosti v sovremennoykh SMI i zhurnalisticke: vyzovy bol'sikh dannykh i iskusstvennogo intellekta. Sbornik tezisov konferentsii (Moscow, 9–10 November 2023). Ed. by E.K. Gurov. Moscow, Lomonosov Moscow State University: 74–75.

Noordegraaf J., Boon J., Vrhoci D., Dofferhoff J., van der Molen P., Vlogman N., Blanke T. 2021. Microscopic views on a global pandemic: social and cultural effects of the COVID-19 pandemic as documented in two Dutch community archives. *Journal of Open Humanities Data*, 7(0): 16. DOI: 10.5334/johd.29.

Pan S., Anwar R.B., Awang N.N.B., He Y. 2025. Constructing a sustainable evaluation framework for AIGC technology in Yixing Zisha pottery: balancing heritage preservation and innovation. *Sustainability*, 17(3): 910. DOI: 10.3390/su17030910.

Rettberg J.W. 2023. How generative AI endangers cultural narratives. *Issues in Science and Technology*, 40(2): 77–79. DOI: 10.58875/RQJD7538.

Shaikhon A.M.H. 2025. Contextual ethical framework for artificial intelligence in the management of cultural heritage. *STAR: Science & Technology of Archaeological Research*, 11(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/20548923.2025.2564519>.

Shen Y. 2025. Dialogues between global and local: AIGC digital narrative design for Cantonese cuisine intangible cultural heritage. In: Rau P.L.P. (ed.) *Cross-Cultural Design. HCII 2025. Lecture Notes in Computer Science*, 15782. Cham, Springer: 00–00. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-93730-9_4.

Shim H., Oh K.T., O'Malley C., Jun J.Y., Shi C.K. 2024. Heritage values, digital storytelling, and heritage communication: the exploration of cultural heritage sites in virtual environments. *Digital Creativity*, 35(2): 171–197. DOI: <https://doi.org/10.1080/14626268.2024.2313585>.

Stocean R., Bacanin N., Stocean C., Ionescu L. 2024. Bridging the past and present: AI-driven 3D restoration of degraded artefacts for museum digital display. *Journal of Cultural Heritage*, 69: 18–26. DOI: 10.1016/j.culher.2024.07.008.

Tolokonnikova A. 2023. Popular youth communities in the VKontakte social network and Russian news agency tapes: comparison of the news agenda. In: Piatnadtsatye mezhdunarodnye nauchnye chteniiia v Moskve “SMI i massovye kommunikatsii–2023”. Epokha neopredelennosti v sovremennoykh SMI i zhurnalisticke: vyzovy bol'sikh dannykh i iskusstvennogo intellekta. Sbornik tezisov konferentsii (Moscow, 9–10 November 2023). Ed. by E.K. Gurov. Moscow, Lomonosov Moscow State University: 108–109.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2025

Received June 24, 2025

Поступила после рецензирования 14.10.2025

Revised October 14, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тань Лэи, аспирант кафедры цифровых медиакоммуникаций, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tan Lehi, Graduate Student at the Department of Digital Media Communications, Institute of “Higher School of Journalism and Mass Communications,” Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-692-705
EDN KJGGZK

Новостные социальные медиа Белгородской области в Telegram: способы взаимодействия с аудиторией и организации медиапотока

Черненко А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
artyom2000chernenko@gmail.com

Аннотация. Традиционные СМИ не всегда удовлетворяют возросшие на фоне общественно значимых событий информационные запросы, и освободившуюся нишу занимают социальные медиа. Несмотря на обширное количество исследований и работ, посвященных телеграм-каналам как новому виду медиа, данный сегмент недостаточно изучен с точки зрения классификации. Цель исследования – построить типологию социальных медиа на основе способов организации новостного потока и взаимодействия с аудиторией в региональных телеграм-каналах. Эмпирическая база – около 20 телеграм-каналов белгородского сегмента за 2022–2025 годы; метод исследования – качественный контент-анализ медиатекстов с разметкой публикаций по источнику и типу контента, наличию/отсутствию комментариев, признакам UGC, доле репостов и оперативности. По результатам исследования предложена типология по характеру коммуникации с аудиторией: открытая модель (постоянный диалог, UGC как значимая часть ленты), закрытая (агрегация чужих сообщений, минимальная коммуникация), смешанная (гибрид авторского канала с выборочной интерактивностью); рекомендации по настройке редакционной политики и метрик эффективности для региональных команд. Полученные результаты позволяют уточнить основания классификации социальных медиа с опорой на параметры коммуникации «медиа – аудитория».

Ключевые слова: цифровая журналистика, платформенные медиа, мессенджеры, вовлечённость аудитории, пользовательский контент, UGC, контент-анализ, типология коммуникационных моделей, локальные новости, Белгородская область

Для цитирования: Черненко А.В. 2025. Новостные социальные медиа Белгородской области в Telegram: способы взаимодействия с аудиторией и организации медиапотока. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 692–705. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-692-705
EDN: KJGGZK

News-Oriented Social Media of the Belgorod Region on Telegram: Methods of Audience Engagement and Newsflow Organization

Artyom V. Chernenko

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
artyom2000chernenko@gmail.com

Abstract. Traditional mass media do not always meet the heightened information demands that emerge during socially significant events, and social media step in to fill the resulting gap. Despite the substantial number of studies and publications devoted to Telegram channels as a new type of media, this segment remains insufficiently explored in terms of classification. The aim of the study is to develop a typology of social media based on the ways news flows are organized and how interaction with the audience is

structured in regional Telegram channels. The empirical base consists of about 20 Telegram channels from the Belgorod segment covering the years 2022–2025; the research method is qualitative content analysis of media texts with annotation of posts by source and content type, presence or absence of comments, indicators of UGC, share of reposts, and promptness. The study proposes a typology based on the nature of audience communication: an open model (constant dialogue, UGC as a significant part of the feed), a closed model (aggregation of external messages, minimal communication), and a mixed model (a hybrid of an authored channel with selective interactivity). Recommendations are offered on adjusting editorial policy and performance metrics for regional teams. The findings help refine the grounds for classifying social media through the lens of “media–audience” communication parameters.

Keywords: digital journalism, platform media, messaging platforms, audience engagement, user-generated content, UGC, content analysis, typology of communication models, local news, Belgorod Region

For citation: Chernenko A.V. 2025. News-Oriented Social Media of the Belgorod Region on Telegram: Methods of Audience Engagement and Newsflow Organization. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 692–705 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-692-705 EDN: KJGGZK

Введение

В 2010 году профессора Высшей школы коммерции (ESCP Europe) А. М. Каплан и М. Хенлейн дали определение социальных медиа, описав их как «группу интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Веб 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им» [Kaplan, Haenlein, 2010, с. 61]. Концепция «Веб 2.0» была введена в научный и профессиональный дискурс американским издателем и IT-экспертом Тимом О’Райли¹, известным своей приверженностью идеям open-source и децентрализации цифровых технологий. В его интерпретации данный термин обозначает эволюционный сдвиг в разработке веб-ресурсов, где ключевым принципом становится коллаборативная модель – вовлечение пользователей в развитие платформ через создание контента, редактирование и социальное взаимодействие.

Сегодня социальные медиа (в том числе региональные) широко представлены в социальных сетях, и лидером по охватам в РФ традиционно был сайт «ВКонтакте», но в последние годы наблюдается стремительная трансформация в данном сегменте медиаполя, и большую роль в этом процессе играет популяризация мессенджера Telegram. Так, в 2023 году социальная сеть Telegram вошла в топ-3 сервисов по объему трафика в России, а к 2024 году доля её пользователей достигла почти половины населения страны. Также о значимой роли месседжера как источника медиаконтента для россиян свидетельствует высказывание пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова, комментировавшего ЧП с беспилотниками в Московской области 11 апреля 2025 года: «Мы не побежали включать телевизор – мы схватили свои телефоны и включили Telegram. И Telegram – это главный источник получения информации в нашей стране»². Много лет проработавший в системе СМИ и медиа пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков также справедливо отметил, что характер информации в современном мире и в России в частности изменился: лонгриды и масштабные тексты, требующие анализа, отошли на второй план³. Традиционные жанры постепенно уступают место гибридным публикациям, где короткий текст органично сочетается с визуальным и интерактивным контентом [Вартанова, 2021].

¹ O'Reilly T. 2005. What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. O'Reilly Media, 09 September, 2005. URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (accessed: 02 May 2025).

² Карпухин С. 2025. Песков: Telegram стал главным источником получения информации в России. 2025. ТАСС, 11 марта 2025. URL: <https://tass.ru/politika/23359631> (дата обращения: 25.04.2025).

³ Карпухин С. 2025. Песков: Telegram стал главным источником получения информации в России // ТАСС, 11 марта 2025. URL: <https://tass.ru/politika/23359631> (дата обращения: 25.04.2025).

Исследователи отмечают, что основным каналом получения новостей и взаимодействия для молодых людей в России сегодня выступают мессенджеры и социальные платформы, в то время как роль традиционных средств массовой информации в процессах культурной и общественной социализации снижается. При этом наблюдается тенденция востребованности коротких сообщений, содержащих в себе максимально сжатую ключевую информацию о событии или явлении [Вартанов и др., 2021]. Короткие сообщения, представляющие собой концентрат уже имеющейся новости, более функциональны для публикации, чем аналитические материалы, требующие сбора фактического материала, написания текста и его последующего редактирования. Важную роль здесь играет оперативность контента: Telegram функционирует как платформа для обмена короткими текстовыми сообщениями, аналогичными СМС. Когда новость публикуется в мессенджере, она сразу же оказывается на экране смартфона пользователя в виде личного уведомления. Благодаря этому редактор или SMM-специалист максимально сокращает дистанцию между публикацией контента и его получателем – фактически до одного действия [Машкова, 2006].

Кроме того, после ограничения Роскомнадзором доступа к ряду западных социальных сетей с февраля 2022 года¹ Telegram стремительно занял место главного новостного канала для российских интернет-пользователей. Уже к осени 2022 года мессенджер уверенно стал самой быстрорастущей социальной сетью в стране, в то время как его основные конкуренты столкнулись со значительным снижением уровня вовлеченности аудитории².

Благодаря наличию возможностей для создателей контента находиться в постоянном контакте с аудиторией на условиях анонимности, монетизации трафика, широкого охвата, а также слабой зависимости от правового урегулирования Telegram стал одной из наиболее востребованных и перспективных площадок для социальных медиа, главная задача которых – распространение уже готовых информационных поводов.

Важно разграничить медиа в Telegram, представляющие СМИ и зарегистрированные новостные издания, и упомянутые выше социальные медиа, существующие как независимые. Первые представляют собой отдельную категорию, так как функционируют по собственным законам. Они вынужденно конкурируют с условно независимыми социальными медиа, соревнуясь с ними за просмотры и охваты, но их выживание не зависит от внимания и вовлеченности аудитории, так как они являются всего лишь «филиалом» сайта и основные средства получают не за счет монетизации охватов и просмотров в социальной сети, а за счет финансирования извне. Социальные медиа, существующие в отрыве от сайтов, издательств и медиахолдингов, находятся в иной ситуации. Превалирующая их часть не получает никаких дотаций, грантов и иных видов финансирования, и по этой причине медиа такого типа максимально зависят от своей аудитории, охватов и просмотров.

Telegram в России стал предметом интенсивного изучения с 2021 года – после быстрой миграции аудитории, упомянутой выше частичной блокировки альтернативных платформ и возрастания роли мессенджеров в информационных практиках. Исследования фиксируют не только количественный рост охвата и времени потребления, но и качественные трансформации форматов и жанров публикаций: от коротких новостных дайджестов и ретрансляций СМИ до «милитари»-блогов и аналитических каналов с аудиторией в несколько десятков тысяч человек [Колесниченко, 2025; Дементьева, 2021].

¹ Суд запретил Instagram и Facebook. Что это значит для пользователей. 2025. РБК, 21 марта 2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/03/2022/6238a5e89a79477e5dc0245f (дата обращения: 21.11.2025).

² Telegram стал самой быстрорастущей соцсетью в России в 2022 году. 2025. 4PDA, 7 октября 2022. URL: https://4pda.to/2022/10/07/404794/telegram_stal_samoj_bystrorastuschej_sotssetyu_v_rossii_v_2022_godu/ (дата обращения: 21.11.2025).

Что касается изучения региональных телеграм-каналов, то зачастую исследователей интересует формирование экосистем: как и почему запускаются региональные каналы, какие ниши они занимают, как выстраиваются отношения с локальными аудиториями и традиционными СМИ [Дементьева, 2021]. Так, например, согласно ряду исследований, телеграм-каналы регионов выступают всё чаще как каналы узкой урбанистической коммуникации: в них есть возможности для обмена локальной информацией и подачи жалоб; распространяются практики «соседского» контроля и местной повестки. Контент-анализ районных каналов Москвы фиксирует, что такая «низовая» коммуникация часто оформляет новые публичные пространства и служит площадкой для оперативного распространения новостей – отдельно от СМИ [Зуйкина, Аникина, 2023].

Фиксируются и попытки сформировать типологию каналов в Telegram. Но развивают эту тему зачастую как одно из направлений в рамках исследования сразу всего сегмента медиаполя. Например, в работе от 2021 года К.В. Дементьева изучает развитие телеграм-каналов Республики Мордовия и по ходу выделяет следующие типологические признаки региональных телеграм-каналов: (1) связь со СМИ; (2) уровень анонимности; (3) тематика; (4) жанры; (5) охват аудитории [Дементьева, 2021]. А в рамках ещё одной предложенной исследователями типологии [Болдина, Константинова, 2023] информационные телеграм-каналы делят на каналы-филиалы СМИ, каналы, не связанные со СМИ, и каналы известных личностей, таких как журналисты и блогеры.

В работе К.В. Дементьевой от 2024 года делается похожая попытка типологизировать региональные телеграм-каналы, основываясь на их принадлежности к определённой медийной «касте»: в отдельные подгруппы исследователь выделяет каналы органов власти, каналы местных СМИ, городские сообществ и анонимные «инсайдерские» паблики [Дементьева, 2024]. При этом утверждается, что формальные СМИ на данной медиаплатформе часто уступают по влиянию на аудиторию каналам с пользовательским контентом, которые специализируются на жалобах, локальных конфликтах и «проблемных точках» городской среды, активно используют комментарии, фото и видео очевидцев, а также становятся важным каналом обратной связи между гражданами и местными властями.

Стоит помнить, что Telegram – мессенджер, необходимый в первую очередь для связи между людьми. Иными словами, его существование и функционирование завязаны на актах коммуникации – как на бытовом уровне между людьми, так и на уровне медийном – между поставщиком контента и его потребителем. В работе, посвящённой структуре и классификации медиадискурса российских региональных телеграм-каналов, А.Б. Шалимов также обращает внимание на особый статус аудитории в мессенджере Telegram: несмотря на её важность, она часто остаётся «условной», обезличенной, а контакт с ней ограничен счётчиками просмотров, реакциями и закрытыми каналами обратной связи [Шалимов, 2024]. По мнению исследователя, у крупных каналов со временем редуцируется нужда в общении с подписчиками: опираясь на анонимность авторов и размытость аудитории, телеграм-каналы регионов иногда подрывают базовые принципы социальных медиа, где ключевыми считаются персонализация, прозрачность взаимодействий и открытая циркуляция контента. А.В. Шалимов приходит к выводу, что только треть каналов Белгородской области предлагает какой-либо инструмент обратной связи – электронную почту, контакт в Telegram или отдельный чат для обсуждения публикаций [Шалимов, 2024].

В этом контексте нам кажется особенно важным развить описанные выше идеи и предложить новую типологию региональных телеграм-каналов, основанную на выбранном их администраторами способе взаимодействия с аудиторией. Изменения, происходящие в медиасреде современной России, весьма динамичны, а научных работ по анализу данного сегмента медиаполя не так много. В связи с этим становится очевидной новизна исследования, предлагающего новый взгляд на структуризацию социальных медиа региона.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база представлена публикациями региональных телеграм-каналов белгородского сегмента за 2022–2025 гг., различающихся по модели коммуникации, источникам контента и степени открытости. В выборку вошли: (1) новостной канал «**Белгород № 1**» – крупное сообщество с высоким объёмом пользовательского контента (user-generated content или UGC) и активными комментариями (<https://t.me/belgorod01>); (2) авторское сообщество «**Блэтгород**» – канал «Блэтгород» местная повестка, меметика, гражданская журналистика (<https://t.me/bletgorod>); (3) оперативная лента «**Радар Белгород**» (<https://t.me/radarb31>); (4) инцидент-канал «**ЧП Белгород**» (https://t.me/chp_bel); (5) новостной / инцидент-канал «**Жесть Белгород**» (широкий поток фото/видео от подписчиков; отметки – водяные знаки) (https://t.me/zhest_belgorod); (6) городской телеграм-канал «**БелПлюс**» (https://t.me/belplus_bg); (7) локальное сообщество «**Элитный Белгород**» (https://t.me/elite_belgorod_31); (8) каналы «оповещатели» «**РСЧС Приграничье**», «**Белгород С-400**», «**Белгородчина**», «**Грохот приграничья**», «**Радар Россия**» – преимущественно агрегируют сообщения ведомств и других каналов (https://t.me/Rschs_prigranichie1, <https://t.me/bel400>, <https://t.me/belgorpost>, https://t.me/grohot_pgr, https://t.me/radar_russia_monitor); (9) авторские каналы «**Трудный Токов**» и «**Белгородские подробности**» – гибрид новостной ленты и блога, доступ в которые осуществляется по приглашению (<https://t.me/tokov>, <https://t.me/BeLPodrobnosti>); (10) институциональные источники для сверки и атрибуции: «**БелПресса**», официальный канал губернатора В. Гладкова, каналы **МЧС** и **мэрии** (www.belpressa.ru, <https://t.me/vvgladkov>, <https://t.me/mchs31>, <https://t.me/beladm31>).

Основным методом исследования является контент-анализ, предусматривающий изучение содержания медиа, основанное на комплексной интерпретации текстов. Особое внимание при анализе текстов уделялось особенностям размещения анализируемых текстов на медиаплатформе для дальнейшей классификации способов организации взаимодействия с аудиторией.

Результаты и обсуждение

Контекст и механика взаимодействия с аудиторией в социальных медиа Белгородской области. Как отмечают исследователи, «одной из характерных особенностей медиапространства является его дифференциация и фрагментация» [Назаров, 2019, с. 98]. Сегодня социальные медиа в мессенджере Telegram вынуждены адаптироваться к ситуации, когда медиаполе переполнено доступным и слабо модерируемым контентом, а внимание аудитории рассеяно. Кроме того, современная медиасреда в Telegram формируется на стыке нескольких направлений: платформизации, экономики внимания, участия аудитории (UGC), трансформации механизмов отбора и распространения новостей и широкой рамки медиатизации. Telegram, как и другие цифровые платформы, задаёт инфраструктурные правила конкуренции и координирует медийные практики через продуктовые механики (уведомления, подписки, реакции), API-ограничения [Helmond, 2015] и интерфейсы распространения [Srnicek, 2017]. В таких условиях редакции оптимизируют поведение под метрики оперативности, частоты и удержания аудитории, поскольку внимание становится дефицитным ресурсом, а успех публикаций определяется не только содержанием, но и способом доставки (тайминг push-уведомлений, визуальные маркеры, повторяемые форматы) [Davenport, Beck, 2001; Wu, 2016; Вартанова, 2021].

Отдельно следует отметить и тот факт, что Telegram-каналы сегодня – не только каналы вещания, но и узлы совместного с аудиторией производства контента. На практике это означает, что подписчики поставляют фото/видео, свидетельства, локальные наблюдения. Такая практика приводит к тому, что модерация и управляемый UGC становятся частью редакционной рутины [Макеенко, 2010; Верник, 2014]. Это

соответствует логике *participatory culture* («культуры участия»), где пользователи выступают создателями и распространителями смыслов наравне с авторами/редакторами каналов [Jenkins, 2006], а публичность и репутация поддерживаются практиками сетевых сообществ [Boyd, 2014]. Для региональных новостей, в свою очередь, это связано с появлением гражданской журналистики и «микроредакций», опирающихся на ядро лояльной аудитории.

Что касается редакционного отбора (*gatekeeping*), то в среде мессенджера частично он смещается к наблюдению, курированию и ускоренной переупаковке чужих сообщений (*gatewatching*) [Bruns, 2018]. Это объясняет жизнеспособность «закрытых» моделей, где агрегирование и кросс-репосты дают стабильные охваты при низких издержках, о чем будет сказано далее. Одновременно в Telegram сохраняются характерные и для других медиаплощадок механизмы задавания повестки (*agenda-setting*) и интерпретационных рамок (*framing*): локальные каналы формируют микроповестки района/города, а заголовки, эмодзи, визуальные клише и нарративные шаблоны выступают фреймами события [Entman, 1993; McCombs, 2014]. Быстрые каскады перепубликаций укладываются в ранее обнаруженную исследователями логику *diffusion of innovations* – с сетью «тёплых» связей и повторяющихся маршрутов распространения [Rogers, 2003].

Более широкий ракурс задаёт концепт медиатизации: медиа не просто транслируют новости, а перестраивают социальные практики – способы координации, локальной самоорганизации и публичного обсуждения; мессенджеры объединяют приватные и публичные пространства, нормализуя «всегда-онлайн» режим [Нерр, 2013; Hjarvard, 2013]. На региональном уровне это выражается в сдвиге доверия от институциональных изданий к «узлам» на базе каналов/чатов, где ценятся скорость, близость к событию и горизонтальная верификация.

Помимо этого, Telegram, как и любой другой слабо регулируемый рынок, во многом определяется внутренней конкуренцией за внимание аудитории. В регионах это проявляется особенно резко: при ограниченном числе локальных событий и высокой плотности ретрансляторов выигрывает не тот, кто «знает больше», а тот, кто быстрее, понятнее и привычнее для аудитории. Когда мессенджер становится одной из ключевых площадок распространения оперативных новостей, удержание пользователя и наращивание охватов превращаются в основную задачу редакций. На практике это ведёт к рационализации издержек (рост доли агрегированного контента), оптимизации упаковки контента (короткие формулировки, визуальные подсказки, эмодзи) и к выстраиванию сетей обмена трафиком (кросс-промо, репост-пулы и т. д.). Важно и то, что внутренняя конкуренция усиливается следующими особенностями среды:

1) низкие издержки переключения между каналами (опции «отписаться»/«подписаться» разделяет всего одно нажатие) заставляют постоянно поддерживать минимальный порог качества и узнаваемый стиль, иначе канал «вымывается» из повседневной рутины пользователя, становится неинтересным и неактуальным;

2) анонимность и слабая модерация создают информационный шум и повышают ставки для атрибуции источников и встроенной проверки (иначе падает доверие ядра аудитории).

В этих условиях Telegram-каналы подстраиваются под «рыночные» правила мессенджера, что и порождает спектр типов социальных медиа, в том числе на региональном уровне. Ключевым дифференциатором при типологизации становится именно способ организации медиапотока и взаимодействия с аудиторией: как добывается информация (UGC / репосты / собственные корреспонденции), как упаковывается новость (длина, визуальное сопровождение, подписи), как запускается и регулируется дискуссия (комментарии, реакции, опросы).

В рамках исследования мы выделяем три модели взаимодействия администрации канала с подписчиками – открытую, закрытую и смешанную.

Открытая модель – постоянный диалог, высокий удельный вес UGC, активная модерация; сильные стороны: оперативные инсайды, лояльное ядро, «эффект сообщества»; слабые стороны: высокая затратность (время, эмоции), риски эскалации конфликтов и фейков.

Закрытая модель – агрегирование уже готового контента, минимальная коммуникация; плюсы: низкие издержки, стабильный поток публикаций, предсказуемые метрики охватов; минусы: низкая оригинальность, зависимость от внешних источников, хрупкое доверие.

Смешанная модель – авторская подача и выборочные репосты и точечная интерактивность; плюсы: гибкость, возможность «собирать» кейсы и поддерживать качество; минусы: сложность стандартизации, неустойчивые бюджеты времени (качество обеспечивается автором).

Эти параметры позволили не только дифференцировать типы, но и увидеть логику их практического выживания в конкурентной среде Telegram.

Специфика открытых, закрытых и смешанных моделей региональных телеграм-каналов. Прежде чем приступить к классификации региональных телеграм-каналов, отметим одну из важных проблем, возникающих при их изучении, – слабую привязку в локации [Дементьева, 2024]. Встроенный поиск мессенджера демонстрирует скудные результаты даже по очевидным запросам («Белгород», «Белгородская область»). Отдельные медиа, такие как телеграм-канал «Белгород № 1», периодически составляют тематические подборки местных каналов, но их регулярность оставляет желать лучшего: на момент подготовки исследования последняя подборка местных каналов вышла 24 ноября 2021 года. Отдельные списки с каналами местных чиновников и бизнесов выходили в «Белгород № 1» и позже, но не позднее 2023 года, утратив на момент исследования свою актуальность.

Также существуют специализированные платформы, предлагающие уже сформированные базы по географическому признаку. Самая известная из таких – TGStat, и по состоянию на май 2025 года сервис предлагает подборку с 293 каналами из Белгорода и области. Если исключить из списка каналы-филиалы СМИ и каналы белгородских чиновников, то остается порядка 100 каналов, которые занимаются созданием новостного контента и которые можно отнести к социальным медиа. Они и являются предметом дальнейшего описания.

Суть открытой модели ведения телеграм-канала – в постоянном диалоге с аудиторией. Авторы таких каналов не просто публикуют контент, а создают пространство для дискуссий, поощряя подписчиков к активности. Ключевой маркер этой стратегии – доступные функции комментирования и обратной реакции, превращающие пассивных читателей в соучастников процесса. В результате подписчики не только обсуждают новости, но и нередко инициируют новые темы, становясь соавторами контента.

Следует отметить, что доступность комментирования не является главным критерием для причисления социального медиа к типу открытой коммуникационной модели. Более существенным индикатором выступает факт регулярного пользовательского генерирования контента UGC, когда аудитория активно предоставляет администрации телеграм-сообщества эксклюзивные медиаматериалы, например фотодокументацию событий или кадры с мест происшествий, и способствует наполнению ресурса.

Как отмечает М.И. Макеенко [2010], в Сети уже долгое время функционирует контролируемый или управляемый UGC, в рамках которого зрителей или читателей стимулируют заводить блоги, строить сообщества, а также присыпать фотографии и видео. В полной мере это соотносится с региональными новостными телеграм-каналами, и подобный симбиотический характер взаимодействия создает систему взаимовыгодного обмена: с одной стороны, модераторы каналов получают уникальный публикационный ресурс, способствующий росту охвата, с другой – подписчики обретают социальное

вознаграждение в форме признания и эмоциональной вовлеченности в процесс новостного производства.

Каналы с открытой коммуникационной моделью характеризуются не только интерактивностью как таковой, но и существенными временными затратами на поддержание двустороннего взаимодействия со стороны администрации. Хотя подобная стратегия обеспечивает поступление пользовательского контента (UGC), ее реализация сопряжена с рядом организационных сложностей. Наиболее ресурсоемкими аспектами выступают необходимость постоянной модерации комментариев и оперативного реагирования на запросы аудитории. Данные процессы требуют значительных временных и эмоциональных инвестиций со стороны администраторов телеграм-канала, при этом эффективность таких вложений не всегда оправдывает ожидания в виде роста вовлеченности или качества контента.

В Белгородской области можно отметить крупные телеграм-каналы регионального уровня, придерживающиеся открытой модели взаимодействия с аудиторией, – «Белгород № 1», «Блэтгород», «Радар Белгород», «ЧП Белгород», «Жесть Белгород», «БелПлюс», «Элитный Белгород». Все эти каналы стремятся публиковать как можно больше эксклюзивного контента, а их администраторы периодически напоминают подписчикам о возможности поделиться присланным контентом через личные сообщения в мессенджере или через специальный бот. Кроме того, практически у всех имеются возможности комментирования.

Каждый условно «открытый» канал справляется с генерацией уникального контента по-разному. Например, «Белгород № 1», будучи крупнейшим белгородским сообществом в Telegram со 199 тыс. подписчиков, размещает уникальный контент чаще остальных. При этом к нему относятся не только фото и видео с мест происшествий, но и истории читателей, нуждающихся в помощи. Благодаря приобретенной с годами влиятельности администрация канала способна освещать и даже решать отдельные проблемы аудитории, что побуждает последнюю чаще обращаться в канал за помощью, и это закономерно приводит к росту уникального контента в структуре социального медиа.

Что касается фото- и видеоконтента, то каналы типа «Элитного Белгорода» и «Жесть Белгород» чаще остальных первыми публикуют присланные подписчиками кадры с мест происшествий. На полученные от аудитории изображения администраторы канала добавляют так называемые водяные знаки (watermarks), за счёт чего бренд канала становится узнаваемым и за пределами региона. Нередко подготовленные упомянутыми каналами материалы попадают в публикации федеральных СМИ в качестве иллюстраций, что также повышает узнаваемость социального медиа и его влиятельность.

Существенно, что популярный канал «Жесть Белгород» публикует присланный подписчиками контент уже долгое время – первое новостное сообщение в канале датируется 11 марта 2019 года, и оно содержит фото с места происшествия с «водяным знаком». Известно, что ранее канал платил аудитории деньги за предоставленные редакции эксклюзивные фото, но позже, набрав лояльную аудиторию, администраторы отказались от подобной меры.

Закрытая модель медиакоммуникации редуцирует роль пользовательского взаимодействия администрации с аудиторией до минимально значимого уровня, что приводит к систематической нереализации пользовательского контента, даже при его периодическом поступлении. Вместо этого каналы данного типа реализуют стратегию агрегации готового контент-продукта. Характерной особенностью их деятельности становится републикация материалов, изначально сгенерированных сообществами с открытой моделью взаимодействия, пресс-службами и СМИ, что формирует практику опосредованного присвоения результатов чужого креативного труда. Данная стратегия управления коммуникацией минимизирует временные и финансовые издержки, связанные с поддержанием диалога с аудиторией и содержанием штата SMM-специалистов, что

способствует интенсификации новостного потока, увеличению пользовательского трафика и, как результат, росту рекламного потенциала канала. Еще одной характерной, но необязательной особенностью подобных телеграм-каналов является отключение функции комментирования, ограничивающее обратную связь предусмотренными мессенджером «реакциями» – лайками и дизлайками.

В медиапространстве Белгородской области закрытой модели коммуникации преимущественно придерживаются так называемыми каналы-оповещатели, возникшие после начала активной фазы специальной военной операции. Отметим следующие телеграм-каналы: «РСЧС Приграничье», «Белгород С-400», «Белгородчина», «Грохот приграничья», «Радар Россия». Данные социальные медиа позиционируют себя в качестве поставщиков «экстренной» и «оперативной» информации о текущей ситуации в регионе. Однако эмпирический анализ демонстрирует существенные качественные дефициты публикуемого контента: во-первых, фиксируются случаи распространения дезинформации и фейковых новостей, во-вторых, публикации в таких каналах лексически и синтаксически бедны, и чаще всего они представляют собой копипаст из других каналов, например каналов пресс-служб УМВД, мэрии, правительства и т.д.

При этом исследователи отмечают, что именно UGC стал основой развития нового этапа Сети и её перехода в эпоху Web 2.0, характеризующейся зависимостью содержания веб-проекта от поведения его читателей и участников [Верник, 2014]. Вероятно, перспективность общения с аудиторией осознают и администраторы телеграм-каналов с закрытой моделью взаимодействия, и по этой причине часть социальных медиа из этой группы стремится перейти в разряд условно открытых. Например, канал «Белгород С-400» указал в описании профиля возможность присыпать уникальный материал для последующей публикации. Но в то же время в новостной ленте этого социального медиа уникальный контент практически не встречается.

Например, 25 апреля 2025 года в канале вышли:

- один репост из дружественного канала ¹;
- полностью скопированная из телеграм-канала издания «БелПресса» новость ² о лесных пожарах (из изменений – другой эмодзи перед текстом);
- скопированный из канала губернатора Вячеслава Гладкова пост ³ о разрушениях в комплексе «Новый Иерусалим»; характерно, что аналогичный пост без изменений вышел в канале «Главный белгородский» ⁴ в то же время – в 12:16, что может свидетельствовать как о «веерной» публикации одного и того же контента в подконтрольных одному человеку или группе людей медиаресурсах, так и о возможном пиратстве путем создания специальных ботов, автоматически собирающих контент в одном месте по ключевым словам;
- фото с подписанными снарядами, взятое из соцсетей;
- три полностью скопированных из канала Вячеслава Гладкова поста ⁵ – администраторы канала даже не использовали возможности рерайтинга, оставив в одном из сообщений традиционный используемый главой области в случае трагедий оборот «Снова погибли люди. Еще один трагический день для нашего региона...»;

¹ Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24365> (дата обращения: 21.11.2025).

² Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24367?single> (дата обращения: 21.11.2025); Телеграм-канал «Белпресса». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belpressa/36672> (дата обращения: 21.11.2025).

³ Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24367?single> (дата обращения: 21.11.2025); Телеграм-канал «Настоящий Гладков». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/vvgladkov/13315> (дата обращения: 21.11.2025).

⁴ Телеграм-канал «Главный белгородский». 24 апреля 2025. URL: https://t.me/glavniy_belgorodskiy/3220 (дата обращения: 21.11.2025).

⁵ Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24374> (дата обращения: 21.11.2025); Телеграм-канал «Настоящий Гладков». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/vvgladkov/13323> (дата обращения: 21.11.2025).

– два взятых у пресс-служб материала – у МЧС¹ о пожаре и у мэрии² о перекрытии дорог.

Налицо низкий уровень контента, при этом последний отличается также неоригинальностью, неинформативностью и вторичностью. В то же время на канале за сутки не вышло ни одного оригинального материала, как и сутками позже, а также в более ранний период. Все это, даже несмотря на наличие возможности прислать контент администрации, свидетельствует о принадлежности канала к «закрытому» типу, когда владельцы социального медиа отдают предпочтение распространению уже готового и при этом некачественного контента, редуцируя при этом общение с аудиторией.

Примечательно, что, несмотря на очевидные претензии к качеству контента, аудитория телеграм-канала «Белгород С-400» оценивается примерно в 50 тыс. подписчиков. Этот факт свидетельствует о том, что, во-первых, уникальность контента не является необходимым условием роста: в условиях текущей событийной повестки и дефицита верифицированной информации аудитория готова подписываться на агрегаторы «быстрых сигналов» (репосты, сводки, перепечатки ведомств), если те обеспечивают оперативность и частоту публикаций. Во-вторых, закрытая модель взаимодействия (минимум диалога, поддержание высокого потока) может давать измеримый результат за счёт: эффекта «дежурного канала» – привычки проверять один источник; сетевых переливов через кросс-промо в родственных сообществах; низкой стоимости производства, что позволяет поддерживать высокую интенсивность ленты.

Практика показывает, что такие площадки часто оптимизируются под количественные метрики (подписки, показы, реакции-эмодзи) ради последующей монетизации – рекламных интеграций, бартерных упоминаний, участия в сетках взаимного продвижения, продажи готового продукта (канала). Это, в свою очередь, закрепляет низкую планку качества, поскольку оригинальная журналистская работа дороже, а экономическая модель канала её не стимулирует.

Смешанная модель пользовательского взаимодействия, напротив, демонстрирует проницаемые границы и слабую формализуемость. Её ключевой признак – гибридность: в ленте соседствуют авторские заметки, локальные расследования, репосты официальных источников и выборочная интерактивность (комментарии по темам, опросы по событиям, сбор UGC «по факту», а не «по расписанию»). Это создаёт трудности для строгой категоризации, но сам факт неустойчивости и становится опознавательным маркером модели: редакция варьирует степень открытости, исходя из новостного цикла, персональной занятости авторов, рисков модерации и целей конкретного сюжета (сбор свидетельств, проверка фактов, обратная связь с участниками событий).

Особый интерес представляют авторские каналы-блоги, где новостная функция сочетается с личной оптикой и комментарием. К такой категории мы относим «Трудный Токов» и «Белгородские подробности»: автор (Андрей Токов) сам производит оригинальный контент, работает как «узел» гражданской журналистики, фиксируя локальные кейсы, контекст и последствия. При этом доступ к каналу осуществляется по приглашению, а комментарии открыты и поддерживаются; такая конфигурация одновременно ограничивает «случайный» рост и повышает плотность вовлечения (доверие ядра, релевантные инсайды, управляемая дискуссия). С методической точки зрения смешанную модель можно операционализировать через следующие индикаторы: доля UGC (не постоянная, а всплесками), репост-рейт (умеренный), медианное время до публикации

¹ Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24376> (дата обращения: 21.11.2025); Телеграм-канал «МЧС Белгородской области» 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/mchs31/12236> (дата обращения: 21.11.2025).

² Телеграм-канал «Белгород С-400». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/belgorodc400/24378> (дата обращения: 21.11.2025); Телеграм-канал «Мэрия Белгорода». 24 апреля 2025. URL: <https://t.me/beladm31/26997> (дата обращения: 21.11.2025).

(зависит от авторской занятости), глубина веток комментариев (высокая на «кейсовых» темах) и наличие авторских рубрик/пояснений. Именно по этим признакам «Трудный Токов» и «Белгородские подробности» отличаются от «закрытых» агрегаторов и от «открытых» массовых хабов: в них ставка делается не на увеличение потока любой ценой, а на смысловую селекцию и управляемую вовлечённость.

Данные социальные медиа требуют отдельного изучения и последующей классификации, так как они не соотносятся с традиционной ролью медиа и создают принципиально новые в рамках Telegram платформы для общения и паттерны медиакоммуникации.

Заключение

Анализ региональных телеграм-каналов по заданным параметрам позволяет констатировать, что динамично развивающийся сегмент Telegram-медиапространства остается недостаточно исследованным в академическом дискурсе, и в особенности это касается региональной ниши в РФ.

Предложенная нами типология функционирования телеграм-каналов показывает, что отличия между открытой, закрытой и смешанной моделями обусловлены разными стратегиями адаптации к платформенным стимулам:

1) открытая – максимизирует UGC и вовлечённость (высокая стоимость модерации, но и высокая социальная валидизация);

2) закрытая – максимизирует ритм и покрытие через курирование и репосты (низкая оригинальность, но устойчивые охваты);

3) смешанная – основывается на балансе авторской селекции и выборочной интерактивности (гибкость при зависимости от личной производительности автора).

Представленная типология требует дальнейшей верификации, особенно в аспекте сравнительного анализа региональных медиапрактик. Отдельного исследования заслуживают каналы – филиалы традиционных СМИ, играющие значительную роль в формировании современного медиаландшафта, а также каналы, которые не соответствуют предложенной нами дихотомической классификации «открытый/закрытый тип».

Учитывая высокую степень конвергентности современных социальных медиа, мы допускаем возможность разработки более гибкой и многомерной классификационной модели. Проведенный на данном этапе анализ позволяет утверждать, что и открытая, и закрытая модели пользовательского взаимодействия в телеграм-каналах демонстрируют баланс преимуществ и ограничений. В условиях возрастающей платформенной конкуренции можно прогнозировать дальнейшую трансформацию этих моделей, что открывает перспективы для новых исследовательских проектов.

Список литературы

Болдина К.А., Константинова В. С. 2023. Специфика контента русскоязычных новостных Telegram-каналов (на примере каналов «BBC NEWS | РУССКАЯ СЛУЖБА» и «ОСТОРОЖНО, НОВОСТИ»). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4(51): 125–136. DOI: 10.36622/AQMPJ.2023.39.14.019

Вартанов С.А., Вьюгина Д.М., Гуреева А.Н. [и др.]. 2021. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России. Под ред. Д.В. Дунаса. Москва, Факультет журналистики МГУ, Изд-во Московского ун-та, 404 с.

Вартанова Е.Л. 2021. Цифровая журналистика как новое поле академических исследований. *МедиаАльманах*, 6(107): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.814

Верник А.Г. 2014. Анализ эпохи «Web 2.0» и User Generated content как основы для появления социальных сетей. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2(14): 95–100.

Дементьева К.В. 2021. Развитие Telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов Республики

Мордовия). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 20(6): 131–144. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-131-144

Дементьева К.В. 2024. Динамика развития региональных Telegram-каналов. *Мир науки, культуры, образования*, 6(109): 451–454. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-451-454

Калмыков А.А. Коханова Л.А. 2018. Интернет-журналистика. Теоретические основы. Москва, Академия медиаиндустрии, 370 с.

Зуйкина К.Л., Аникина М.Е. 2023. Районные Telegram-каналы Москвы: опыт контент-аналитического исследования. *Вестник Московского университета*, 10(6): 87–117. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.87117

Колесниченко А.В. Жанры публикаций информационных телеграм-каналов. *Вестник Московского университета*, 10(4): 3–23. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.4.2025.323

Макеенко М.И. 2010. Индустрия социальных медиа: возможности и сложности создания (на примере США). *Медиаскоп*, 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/677> (дата обращения: 24.04.2025).

Машкова С.Г. 2006. Интернет-журналистика. Тамбов, Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 79 с.

Назаров М.М. 2019. Закономерности структурирования медиапотребления в современной информационной среде. *Коммуникология*, 7(2): 98–108. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-98-108

Шалимов А.Б. 2024. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 10(4): 60–68. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6

Boyd D. 2014. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven, Yale University Press, 296 p.

Brunn A. 2018. Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. New York, United States of America, Peter Lang, 394 p. DOI: 10.3726/b13293

Davenport T.H., Beck J.C. 2001. The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Boston, Harvard Business School Press, 255 p.

Entman R.M. 1993. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43(4): 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

Helmond A. 2015. The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready. *Social Media + Society*, 1(2). DOI: 10.1177/2056305115603080

Hepp A. 2013. Cultures of Mediatization. Translated by K. Tribe. Cambridge, Polity, 180 p. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.151159 (Hepp A. 2011. Medienkultur. Die Kultur mediatisierter Welten. Springer VS, Wiesbaden)

Hjarvard S. 2013. The Mediatization of Culture and Society. London, Routledge, 192 p. DOI: 10.4324/9780203155363

Jenkins H. 2006. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York, NYU Press, 368 p.

Jenkins H., Ford S., Green J. 2013. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. New York, NYU Press, 352 p.

Kaplan A. M., Haenlein M. 2010. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 53(1): 59–68. DOI: 10.1016/j.bushor.2009.09.003

McCombs M. 2014. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. Cambridge, Polity, 208 p.

Rogers E.M. 2003. Diffusion of Innovations. New York, Free Press, 551 p.

Srnicek N. 2017. Platform Capitalism. Cambridge, Polity, 120 p.

Tandoc E.C., Lim Z.W., Ling R. 2018. Defining "Fake News": A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*, 6(2): 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Vosoughi S., Roy D., Aral S. 2018. The Spread of True and False News Online. *Science*, 359(6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Wu T. 2016. The Attention Merchants: The Epic Scramble to Get Inside Our Heads. New York, Knopf, 416 p.

References

Boldina K.A., Konstantinova V.S. 2023. Specific Features of Content in Russian-Language News Telegram Channels (A Case Study of "BBC NEWS | Russian Service" and "Ostozhno, Novosti"). *Topical Issues of Modern Philology and Journalism*, 4(51): 125–136. DOI: 10.36622/AQMPJ.2023.39.14.019

Vartanov S.A., V'yugina D.M., Gureeva A.N. [i dr.]. 2021. *Mediapotreblenie "tsifrovoi molodezhi" v Rossii* [Media consumption of "digital youth" in Russia]. Ed. D.V. Dunas. Moscow, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki MGU, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 404 p.

Vartanova E.L. 2021. *Tsifrovaya zhurnalista kak novoe pole akademicheskikh issledovanii* [Digital Journalism as a New Field of Academic Research]. *MediaAl'manakh*, 6(107): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.814

Vernik A.G. 2014. Analysis of Web 2.0 and user generated content as a platform for social networks appearance. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2(14): 95–100.

Dementyeva K.V. 2021. Development of Telegram Channels in the Media Space of Russian Regions: Specifics, Typology, and Prospects for Development (Based on Telegram Channels of the Republic of Mordovia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(6): 131–144. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-131-144

Dementyeva K.V. 2024. Dynamics of Development of Regional Telegram Channels. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 6(109): 451–454 (in Russian). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-451-454

Zuikina K.L., Anikina M.E. 2023. District-Level Telegram Channels of Moscow: A Content-Analytical Case Study. *Moscow University Bulletin*, 10(6): 87–117. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.87117

Kalmykov A.A. Kokhanova L.A. 2018 *Internet-zhurnalista. Teoreticheskie osnovy* [Internet Journalism. Theoretical Foundations]. Moscow, Publ. Akademiya mediaindustrii, 370 p.

Kolesnichenko A.V. Genres of Publications in News Telegram Channels. *Moscow University Bulletin*, 10(4): 3–23. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.4.2025.323

Makeenko M.I. 2010. Social Media Industry: Potentials and Elaborations of Formation (US Cases). *Mediaskop*, 4. URL: <http://www.mediaskop.ru/node/677> (accessed: 24.04.2025)

Mashkova S.G. 2006. *Internet-zhurnalista* [Internet Journalism]. Tambov, Publ. Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 79 p.

Nazarov M.M. 2019. Patterns of Sstructuring Media Consumption in the Modern Information Environment. *Communicology*, 7(2): 98–108. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-98-108

Shalimov A.B. 2024. Structure of the Media Discourse of Russian Regional Telegram Channels. Research Result. *Social Studies and Humanities*, 10(4): 60–68. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6

Boyd D. 2014. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. New Haven, Yale University Press, 296 p.

Bruns A. 2018. *Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere*. New York, United States of America, Peter Lang, 394 p. DOI: 10.3726/b13293

Davenport T.H., Beck J.C. 2001. *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business*. Boston, Harvard Business School Press, 255 p.

Entman R.M. 1993. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43(4): 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

Helmond A. 2015. The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready. *Social Media + Society*, 1(2). DOI: 10.1177/2056305115603080

Hepp A. 2013. *Cultures of Mediatization*. Translated by K. Tribe. Cambridge, Polity, 180 p. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.151159 (Hepp A. 2011. *Medienkultur. Die Kultur mediatisierter Welten*. Springer VS, Wiesbaden)

Hjarvard S. 2013. *The Mediatization of Culture and Society*. London, Routledge, 192 p. DOI: 10.4324/9780203155363

Jenkins H. 2006. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, NYU Press, 368 p.

Jenkins H., Ford S., Green J. 2013. *Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture*. New York, NYU Press, 352 p.

Kaplan A. M., Haenlein M. 2010. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 53(1): 59–68. DOI: 10.1016/j.bushor.2009.09.003

McCombs M. 2014. *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge, Polity, 208 p.

Rogers E.M. 2003. *Diffusion of Innovations*. New York, Free Press, 551 p.

Srnicek N. 2017. *Platform Capitalism*. Cambridge, Polity, 120 p.

Tandoc E.C., Lim Z.W., Ling R. 2018. Defining "Fake News": A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*, 6(2): 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Vosoughi S., Roy D., Aral S. 2018. The Spread of True and False News Online. *Science*, 359(6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Wu T. 2016. *The Attention Merchants: The Epic Scramble to Get Inside Our Heads*. New York, Knopf, 416 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2025

Received September 20, 2025

Поступила после рецензирования 22.10.2025

Revised October 22, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черненко Артём Викторович, аспирант кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom V. Chernenko, Postgraduate Student of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.147

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-706-717

EDN KJOOCQ

Потенциал использования сингапурской методики обучения в подготовке будущих учителей-словесников

Асташова Н.А., Торопыно Д.И.

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского

Россия, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

nadezda.astashova@yandex.ru; danila.toropyno@mail.ru

Аннотация. Целью работы является выявление потенциала использования сингапурской методики обучения в процессе профессиональной подготовки будущих учителей-словесников. Авторы анализируют различные элементы сингапурской методики, включая структурированные взаимодействия (“Think-Pair-Share”, “Round Robin”), визуальные организаторы (“Mind Map”), метод активной проверки знаний (“Numbered Heads Together”), а также такие техники, как “Gallery Walk”, “Talking Chips”, “Exit Ticket” и “Fishbowl”. В ходе исследования рассматривается влияние данных методов на развитие у будущих учителей навыков активного вовлечения в процесс обучения, критического мышления, креативности, коммуникативных способностей, умения работать в команде и презентационных навыков. Представлены примеры применения сингапурской методики при изучении и анализе художественных произведений, освоении теоретических основ методики обучения и воспитания русскому языку и литературе, организации проектной деятельности и проведения рефлексии учебного процесса. Результаты исследования демонстрируют, что сингапурская методика создает интерактивную и стимулирующую образовательную среду, превращая студентов в активных участников познания. Выявлено, что, несмотря на необходимость дополнительных усилий педагога по планированию, данный подход оправдывает себя, формируя высококвалифицированных специалистов, готовых к инновациям и эффективному преподаванию русского языка и литературы в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова: сингапурская методика обучения, образовательный процесс, критическое мышление, проблемное обучение

Для цитирования: Асташова Н.А., Торопыно Д.И. 2025. Потенциал использования сингапурской методики обучения в подготовке будущих учителей-словесников. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 706–717. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-706-717 EDN: KJOOCQ

The Potential of Using the Singapore Teaching Practice in Training Future Language Teachers

Nadezda A. Astashova, Danila I. Toropyno

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russia

nadezda.astashova@yandex.ru; danila.toropyno@mail.ru

Abstract. The purpose of this work is to identify the potential of using the Singapore teaching methodology in the professional training of future language teachers. The authors analyze various elements of the

Singapore practice, including structured interactions (“Think-Pair-Share”, “Round Robin”), visual organizers (“Mind Map”), the method of active knowledge verification (“Numbered Heads Together”), as well as techniques such as “Gallery Walk”, “Talking Chips”, “Exit Ticket”, and “Fishbowl”. The study examines the impact of these methods on the development of active learning skills, critical thinking, creativity, communication abilities, teamwork skills, and presentation skills among future teachers. The article presents specific examples of applying the Singapore methodology in the study and analysis of literary works, the development of theoretical foundations for teaching and learning Russian language and literature, the organization of project activities, and the reflection of the educational process. The results of the study demonstrate that the Singapore teaching practice creates an interactive and stimulating educational environment, turning students into active participants in the learning process. It is revealed that, despite the need for additional planning efforts by the teacher, this approach is justified, as it forms highly qualified specialists who are ready for innovation and effective teaching of Russian language and literature in the modern educational environment.

Keywords: Singapore teaching practice, educational process, critical thinking, problem-based learning

For citation: Astashova N.A., Toropyno D.I. 2025. The Potential of Using the Singapore Teaching Practice in Training Future Language Teachers. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 706–717 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-706-717 EDN: KJOOCQ

Введение

Современный этап развития высшего образования характеризуется переосмыслением целей и задач подготовки будущих педагогов в условиях динамично изменяющегося социокультурного ландшафта. На протяжении длительного времени система педагогического образования была преимущественно ориентирована на совершенствование предметной компетентности будущих специалистов, что достигалось посредством углубленного изучения дисциплин предметной области, внедрения инновационных педагогических технологий, нацеленных на эффективное усвоение и систематизацию знаний. При этом в условиях постоянной трансформации системы образования и возрастающей сложности профессиональных задач, возникающих перед современным преподавателем, акцент делается на развитие гибких навыков, которые рассматриваются как ключевой фактор успешной адаптации и эффективной деятельности выпускников педагогических вузов.

Введение Федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, ориентированных на достижение не только предметных, но и личностных результатов обучения, актуализирует проблему формирования у будущих педагогов комплекса компетенций, выходящих за рамки традиционных знаний и умений¹.

Владение гибкими навыками, включающими способность к эффективному взаимодействию в команде, умение решать сложные проблемы, критически мыслить, креативно подходить к поставленным задачам, управлять временем и проявлять эмоциональный интеллект, становится необходимым условием для успешной реализации профессиональной деятельности современного учителя-словесника. Востребованность данных навыков обусловлена необходимостью адаптации к быстро меняющимся условиям образовательной среды, эффективного взаимодействия с различными категориями обучающихся, родителями и коллегами, а также способностью к саморазвитию и самосовершенствованию в процессе своей профессиональной жизни.

---

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. 2021. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 286 от 31.05.2021. URL: https://chrug-school.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Dokumenty_sosh_/FGOS_NOO.pdf (дата обращения: 20.09.2025); Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 287 от 31.05. 2021.

В условиях многообразия существующих образовательных подходов и технологий, используемых в подготовке будущих педагогов русского языка и литературы, особое внимание уделяется организации образовательного процесса на основе сингапурской методики обучения [Фирюлина, 2018; Мосина, Жданова, 2019; Почекаева, Сысоева, 2024], отличающейся системностью, структурированностью, практической направленностью и акцентом на развитие гибких навыков посредством активного включения обучающихся в групповую работу. Данная методика, успешно зарекомендовавшая себя в различных образовательных системах мира [Алишев, Гильмутдинов, 2010; Галиахметова, 2017], предполагает использование интерактивных форм и технологий обучения, стимулирующих развитие критического мышления, креативности, коммуникативных компетенций и умения работать в команде, что соответствует современным требованиям, предъявляемым к выпускникам педагогических вузов.

В основе сингапурской методики обучения лежит концепция кооперативного обучения, теоретические и практические аспекты которой были разработаны такими выдающимися педагогами и психологами, как Л.С. Выготский [1999], Дж. Дьюи [2000], В.К. Дьяченко [2004], Е.И. Пассов [2000] и др. При этом непосредственная разработка методического аппарата и обучающих структур, составляющих ядро сингапурской методики, принадлежит американскому профессору Спенсеру Кагану, который рассматривается как основоположник данного подхода к организации образовательного процесса. Согласно концепции Кагана, первоначальной целью разработанных им обучающих структур являлась систематизация учебного материала и обеспечение его эффективного повторения [Kagan, 2003, Ширяева, Трубецких, 2022]. В результате апробации и внедрения обучающих структур в образовательную практику Каган и его последователи пришли к выводу о том, что кооперативное обучение, реализованное посредством сингапурской методики, создает оптимальные условия для достижения не только академических, но и социальных целей, обеспечивая качественную работу с информацией и развитие гибких навыков, востребованных в современном обществе [Kagan, 2001, 2003].

Одним из ключевых преимуществ сингапурской методики является ее относительно простая организация, основанная на принципе командной работы, предполагающей формирование учебных групп, состоящих из четырех человек. Состав групп формируется с учетом уровня академической подготовки обучающихся, что обеспечивает гетерогенность состава и позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого участника образовательного процесса. Для обеспечения эффективной работы в группах каждый обучающийся получает индивидуальный номер (1, 2, 3, 4) и буквенный идентификатор (A, B, C, D), что позволяет четко распределять роли и ответственность в процессе выполнения учебных заданий¹. С целью оперативной реорганизации учебных групп и формирования новых команд преподаватель использует специальные сигналы, инициирующие перегруппировку обучающихся. После представления учебной задачи преподаватель устанавливает временной регламент, в течение которого обучающиеся должны взаимодействовать и совместно анализировать предложенную информацию. В завершение каждого учебного занятия организуется рефлексия, направленная на систематизацию полученных знаний и анализ эффективности групповой работы. Рефлексия может осуществляться в различных формах: фронтального опроса, парного обсуждения или группового подведения итогов [Салтыкова, 2017]. Данный этап учебного занятия позволяет обучающимся не только закрепить полученные знания, но и оценить эффективность своей работы в команде, проанализировать сильные и слабые стороны группового взаимодействия и сформулировать задачи для дальнейшего совершенствования гибких навыков.

¹ Бабкина М.В. Описание сингапурской методики. URL: <https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/356126491.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).

Помимо структурной простоты и четкости организации учебного процесса, сингапурская методика кооперативного обучения предполагает формирование у обучающихся понимания значения социальной активности в процессе групповой работы, что позволяет им брать на себя ответственность за свои действия и результаты работы команды. Формирование ответственности напрямую соотносится с развитием эмоционального интеллекта как важной составляющей коммуникативной компетентности и успешной социализации личности. В рамках разработанной израильским психологом Реувеном Бар-Оном [Bar-On, 2006] модели эмоционального интеллекта сфера межличностных отношений определяется как способность человека эффективно взаимодействовать с другими людьми и выступает в качестве основы для развития навыков социализации. При этом, как подчеркивают исследователи [Кофейникова, 2016; Яльшева, 2014], при организации групповой работы необходимо обеспечивать личную ответственность каждого участника команды, соблюдать правила взаимодействия людей.

Важнейшим элементом групповой работы в сингапурской методике является коммуникация, которая осуществляется с использованием разработанных С. Каганом [Kagan, 2001, 2003] обучающих структур, предполагающих постоянный обмен мнениями и поддержание позитивных отношений с окружающими людьми. Профессор Спенсер Каган и его коллеги разработали более двухсот различных обучающих структур, применение которых способствует развитию широкого спектра навыков: эмоционального интеллекта, критического мышления, работы в команде, креативности, распределения задач и времени. Несмотря на разнообразие предлагаемых структур, в образовательном процессе, как правило, используется 15–20 из них, что свидетельствует о широких возможностях адаптации сингапурской методики к различным образовательным контекстам.

Таким образом, сингапурская методика обучения представляет собой целостную и структурированную систему, основанную на принципах кооперативного обучения и направленную на развитие как академических знаний, так и гибких навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности будущего преподавателя русского языка и литературы.

Целью исследования является определение потенциала использования сингапурской методики обучения в процессе профессиональной подготовки будущих учителей-словесников в российских вузах.

Материалы и методы исследования

Объект исследования – процесс подготовки будущих учителей-словесников в условиях реализации интерактивных технологий.

Исследование проводилось с сентября по ноябрь 2025 г. на базе ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Знакомство с сингапурской методикой пристимулировало преподавателей гуманитарных дисциплин (методика преподавания русского языка, педагогика) апробировать обучающие структуры сингапурской методики, технологию кооперативного обучения в условиях практических занятий. Выборка исследования состояла из 89 студентов ($n = 89$) педагогического профиля разных курсов филологического факультета.

Методология исследования включает системный подход, позволяющий рассмотреть образовательный процесс как целостную динамичную систему, в которой взаимодействуют субъекты, содержание, технологии и организационные условия.

Ключевым инструментом для сбора данных об эффективности и потенциале внедрения элементов сингапурской системы обучения студентов стала разработанная авторская анкета. Опрос был предназначен для выявления первичного и вторичного изучения климата в студенческой среде, связанного с отношением студентов к повседневной учебной деятельности до и после применения данной системы обучения. Анкета состояла из двух разделов. Первый раздел был посвящен повседневной учебной деятельности студентов и включал вопросы закрытого типа «да/нет». Данный формат

обеспечивал получение четких и однозначных ответов, пригодных для последующего количественного анализа. Второй раздел был направлен на выявление эффективности внедрения элементов сингапурской методики обучения и восприятие студентами учебной нагрузки. Раздел состоял из утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 – «полностью не согласен», 2 – «не согласен», 3 – «нейтральное отношение», 4 – «согласен», 5 – «полностью согласен» [Bar-On, 2006]. Ее использование позволило получить достоверные данные о потенциале использования исследуемой системы обучения в высшем образовании. Сбор данных осуществлялся онлайн с использованием приложения “Form for Google Forms”, что гарантировало анонимность участников и обеспечило автоматическую обработку ответов. Перед началом опроса каждый студент был проинформирован о целях и задачах исследования, а также о гарантиях конфиденциальности и добровольности участия; при этом участие в опросе подразумевало согласие с условиями исследования. Результаты были представлены в виде двух таблиц, содержащих количественные данные о распределении ответов по каждому вопросу и утверждению анкеты. Для последующего анализа данных применялись методы описательной статистики, включающие расчет процентных распределений, средних значений и модальных значений.

Результаты исследования

Представим полученные результаты по итогам анализа первого раздела анкеты (табл. 1). Прежде всего, следует отметить высокий уровень мотивации к обучению по выбранной специальности: 87,6 % респондентов подтвердили наличие устойчивой мотивации ($Mx = 0,88$). Этот показатель свидетельствует о сильной внутренней установке будущих учителей-словесников на освоение профессии, что является благоприятным фоном для любых педагогических экспериментов. Кроме того, подавляющее большинство студентов (92,1 %, $Mx = 0,92$) выразили удовлетворение от использования нетрадиционного формата при проведении учебных занятий, и готовность к дальнейшему участию в подобного рода учебных занятиях. Данная доминирующая тенденция – высокая мотивированность и открытость к инновациям – является прямым подтверждением актуальности и перспективности внедрения активных коллaborативных методов, характерных для сингапурской методики, в процесс подготовки кадров.

Несмотря на высокую мотивацию, выявлены существенные проблемы в области саморегуляции и организации учебного труда. Немногим более половины опрошенных (50,6 %, $Mx = 0,51$) заявили об умении эффективно планировать учебное время и придерживаться графика. Этот дефицит навыков тайм-менеджмента коррелирует с высоким уровнем прокрастинации: 73 % студентов признались, что часто откладывают подготовку к практическим занятиям ($Mx = 0,73$). Таким образом, значительная часть будущих специалистов испытывает сложности с организацией самостоятельной работы, что может негативно сказаться на глубине усвоения материала и формировании профессиональной ответственности. Внедрение структурированных коллaborативных техник сингапурской методики, которые предполагают четкое распределение ролей и времени выполнения задач в малых группах (например, “Round Robin” или “Think-Pair-Share”), может стать эффективным инструментом для компенсации этого дефицита и развития навыков самоорганизации у студентов-филологов.

Анализ эмоционального состояния и восприятия нагрузки также выявил противоречивые результаты. С одной стороны, большинство студентов (68,5 %, $Mx = 0,69$) считают, что учебная нагрузка соответствует их возможностям, что свидетельствует об адекватном объеме учебного материала. С другой стороны, 84,3 % респондентов указали, что учебная деятельность оказывает влияние на их эмоциональное состояние ($Mx = 0,84$), что указывает на высокий уровень стресса и эмоционального напряжения, не связанного напрямую с объемом, но, вероятно, связанного с неэффективными методами работы или недостатком академической поддержки.

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов студентов на вопросы о повседневной учебной деятельности (n = 89)
Distribution of student responses to questions about daily learning activities (n = 89)

Вопрос	Вариант ответа, %		Статистические характеристики	
	Да	Нет	M_x среднее	M_0 мода
Считаете ли Вы, что учебная нагрузка на Вашем факультете соответствует Вашим возможностям?	68,5	31,5	0,69	да
Чувствуете ли Вы мотивацию к обучению по выбранной специальности?	87,6	12,4	0,88	да
Умеете ли Вы эффективно планировать учебное время и придерживаться графика?	50,6	49,4	0,51	да
Часто ли Вы откладываете подготовку к практическим занятиям по определенной учебной дисциплине?	73	27	0,73	да
Соответствует ли качество получаемого Вами образования Вашим ожиданиям?	65,2	34,8	0,65	да
Оказывает ли влияние учебная деятельность на Ваше эмоциональное состояние?	84,3	15,7	0,84	да
Имеете ли Вы достаточный доступ к академической поддержке со стороны преподавательского коллектива Вашего факультета?	58,4	41,6	0,58	да
Вас устраивают учебные занятия, проводимые в нетрадиционном формате?	92,1	7,9	0,92	да

В этом контексте сингапурская методика, создающая поддерживающую, интерактивную среду, где ответственность распределяется внутри группы, может снизить индивидуальное эмоциональное давление и способствовать более комфорtnому освоению материала.

Следует также обратить внимание на аспекты академической поддержки и ожидания от получаемого образования. Удовлетворенность качеством получаемого образования находится на умеренном уровне (65,2 % «да», $M_x = 0,65$), что оставляет пространство для улучшения. Доступ к академической поддержке со стороны преподавательского коллектива также оценен невысоко: только 58,4 % студентов считают его достаточным ($M_x = 0,58$). Приведенные данные актуализируют не только введение новых форматов обучения (что подтверждается высоким спросом на нетрадиционные занятия), но и пересмотр роли преподавателя. Сингапурская методика требует от преподавателя перехода от роли транслятора знаний к роли фасилитатора и организатора учебного процесса, что при грамотной реализации может повысить качество обратной связи и уровень индивидуальной поддержки и тем самым способствовать формированию высококвалифицированных учителей-словесников, готовых к вызовам современной школы.

Перейдем к результатам, полученным в ходе анализа ответов на вопросы второго блока анкеты (табл. 2). Наиболее убедительные данные получены по вопросу о профессиональной значимости методики: подавляющее большинство опрошенных (62,9 % выбрали «Полностью согласен», 28,1 % – «Скорее согласен») убеждены, что будущий

учитель-словесник должен уметь применять подобные активные методы в своей педагогической практике. Средний балл по этому утверждению достиг максимума ($M_x = 4,49$) при моде, равной 5, что указывает на осознание студентами необходимости владения инновационными коллаборативными технологиями для соответствия требованиям современного образовательного пространства.

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов студентов на вопросы о результатах применения элементов сингапурской методики обучения в системе высшего образования ($n = 89$)
Distribution of student responses to questions about the results of using elements of the Singapore teaching practice in the higher education system ($n = 89$)

Утверждение	Количество ответов, %					Статистические характеристики	
	1	2	3	4	5	M_x среднее	M_0 мода
Использование элементов сингапурской методики повысило мою вовлеченность в учебный процесс	3,4	5,6	11,2	39,3	40,4	4,08	5
Работа в подгруппах по сингапурской методике помогла мне понять сложный материал	4,5	9	16,9	36	33,7	3,88	4
Я считаю, что данные методы способствуют развитию критического мышления и аналитических навыков.	5,6	11,2	22,5	33,7	27	3,65	4
Я считаю, что будущий учитель-словесник должен уметь применять подобные методы в своей педагогической практике	1,1	2,2	5,6	28,1	62,9	4,49	5
Новые методы обучения сделали учебное занятие более интересным и разнообразным, чем традиционное	2,2	4,5	9	33,7	50,6	4,37	5
Мне комфортно высказывать свое мнение и участвовать в обсуждениях, организованных по принципам сингапурской методики обучения	3,4	7,9	13,5	39,3	36	3,97	4

Примечание: 1 – «полностью не согласен», 2 – «не согласен», 3 – «нейтральное отношение», 4 – «согласен», 5 – «полностью согласен».

Высокая оценка была дана мотивационному и эмоциональному воздействию новых методов. Утверждение о том, что элементы сингапурской методики повысили вовлеченность в учебный процесс, получило средний балл 4,08 (мода 5). Более 80 % респондентов полностью или скорее согласны с этим (39,3 и 40,4 % соответственно). Еще более выраженным является восприятие занятий как интересных и разнообразных по сравнению с традиционными: 50,6 % студентов полностью согласны, а средний балл

составил 4,37 (мода 5). Данные результаты свидетельствуют о том, что сингапурская методика успешно решает проблему пассивности студентов и монотонности обучения, что особенно важно для филологических дисциплин, требующих активного обсуждения и интерпретации текстов.

Анализ коммуникативного аспекта также подтверждает эффективность внедрения сингапурской методики. Утверждение о комфорте высказывания мнения и участии в обсуждениях, организованных по принципам сингапурской методики, получило высокий средний балл ($Mx = 3,97$, мода 4). Это указывает на то, что структурированные форматы взаимодействия, характерные для данной методики, создают безопасную и инклюзивную среду, в которой студенты, в том числе и менее активные, чувствуют себя уверенно в процессе выражения своих мыслей. Это критически важно для будущих учителей-словесников, чья профессиональная деятельность неразрывно связана с публичными выступлениями, модерацией дискуссий и развитием речи учащихся.

Когнитивные результаты также положительны, хотя и несколько ниже, чем в мотивационной сфере. Утверждение о том, что работа в подгруппах помогла понять сложный материал, получило средний балл 3,88 (мода 4), что свидетельствует о признании дидактической ценности коллаборативного обучения. Утверждение о развитии критического мышления и аналитических навыков получило средний балл 3,65 (мода 4). Несмотря на то, что это самый низкий средний балл в таблице, он все равно находится в зоне согласия («скорее согласен»). Это может быть связано с тем, что развитие сложных когнитивных навыков требует более длительного времени и более глубокой рефлексии, чем оценка вовлеченности или интереса. Тем не менее студенты признают положительное влияние методики на формирование ключевых компетенций, необходимых для анализа литературных текстов и лингвистических явлений.

Таким образом, результаты второго блока анкеты однозначно подтверждают высокий потенциал сингапурской методики в системе высшего педагогического образования. Методика не только воспринимается как интересная и мотивирующая, но и признается студентами профессионально значимой для будущей работы. Она эффективно способствует развитию коммуникативных навыков и создает благоприятные условия для освоения сложного учебного материала, что делает ее ценным инструментом в подготовке будущих учителей-словесников, готовых к активной и инновационной педагогической деятельности.

Примеры использования сингапурской методики при подготовке учителей русского языка и литературы

Одной из особенностей сингапурской методики является использование структурированных взаимодействий, способствующих активному вовлечению каждого обучающегося в процесс познания. В контексте подготовки учителей русского языка и литературы данная стратегия может быть реализована через организацию групповой работы над анализом литературных произведений. Примером может послужить техника “Think-Pair-Share”, что в переводе означает «подумай – обсуди – поделись». На первом этапе, “Think”, студентам предлагается индивидуально проанализировать заданный фрагмент художественного произведения, выделив основные его проблемы, идею, образы, художественную специфику. Далее, на этапе “Pair”, они объединяются в пары для обсуждения индивидуальных интерпретаций, обмениваясь аргументами и выстраивая общее понимание художественного текста. И на последнем этапе, “Share”, каждая пара представляет результаты своего обсуждения группе, тем самым развивая коллективное понимание изучаемого произведения.

Для углубленного освоения теоретических аспектов методики обучения и воспитания по русскому языку и литературе может быть применена стратегия “Round Robin”, название

дословно переводится как «круглый стол». Идея данного метода заключается в том, что студенты, объединенные в подгруппы, поочередно высказывают свои мысли по теме семинарского занятия. Например, темой для обсуждения может стать «Роль современных образовательных технологий в обучении и воспитании на уроках литературы». Каждый участник имеет возможность высказаться, поделиться личным опытом, привести примеры использования тех или иных технологий и услышать мнение других членов группы.

Активное использование визуального метода обучения “Mind Map”, название переводится как «интеллект-карта», позволяет систематизировать знания, умения и навыки (ЗУН) студентов. Например, при подготовке к семинарскому занятию по творчеству А.С. Пушкина можно создать интеллект-карту, отражающую основные мотивы, темы и проблемы как его лирических, так и прозаических произведений. В центре интеллект-карты помещается имя русского писателя, а от него расходятся ветви, отражающие различные аспекты его творчества (лирика, проза, драматургия, основные темы и т. д.). Каждая из них может быть детализирована с помощью ключевых слов, цитат и образов.

Стратегия “Numbered Heads Together”, название переводится как «пронумерованные головы вместе», является эффективным методом для организации активной проверки усвоения новых ЗУН студентами по методике обучения и воспитания по русскому языку и литературе. Перед началом работы они делятся на подгруппы, и каждому ее члену присваивается номер (от 1 до 4). Преподаватель задает вопрос, требующий осмысления и применения тех или иных ЗУН (например, «Какие методические приемы наиболее эффективны при изучении лирики А.А. Ахматовой?»). Студенты внутри группы обсуждают вопрос, обмениваются мнениями и приходят к общему ответу. Затем педагог случайным образом называет номер обучающегося. Названный студент должен от лица всей группы предоставить ответ.

Для формирования навыков командной работы может быть применена методика “Gallery Walk” (в переводе с англ. «галерейная прогулка»). Данный метод предполагает, что студенты, разделившись на подгруппы, работают над созданием проектов, связанных с изучением современного русского языка или отечественной литературы. Темы проектов могут варьироваться: от анализа языковых явлений до создания методических разработок уроков, написания эссе о литературных героях или подготовки мультимедийных презентаций по заданной теме. По завершении работы каждая подгруппа оформляет результаты своей деятельности на плакатах или в презентациях, которые размещаются в аудитории (как в галерее). Далее студенты, перемещаясь по «галерее», знакомятся с работами других подгрупп, оставляя комментарии, задавая вопросы и оценивая представленные проекты.

Для повышения активности студентов в дискуссиях и обеспечения равномерного распределения возможностей высказаться может быть использована техника “Talking Chips”, название переводится как «говорящие фишки». Каждый студент получает определенное количество фишек. Во время дискуссии участник может использовать одну из них, чтобы высказать свое мнение по теме. После использования фишку он не может больше высказываться в течение дискуссии, пока все остальные участники группы не израсходуют их.

Для проведения рефлексии и оценки понимания учебного материала в конце занятия может быть использована техника “Exit Ticket” («выходной билет»). В конце занятия педагог выдает студентам карточки, на которых они должны ответить на один или несколько вопросов, связанных с изученным учебным материалом. Вопросы могут быть разными: «Что нового вы узнали сегодня?», «Что было интересно?», «Какой вопрос остался для вас неясным?» и др. Студенты заполняют карточки и сдают их преподавателю.

Техника “Fishbowl” («Аквариум») позволяет организовать дискуссию в формате круглого стола, где часть студентов (внутренний круг) активно участвует в обсуждении, а остальные (внешний круг) наблюдают за дискуссией и фиксируют ключевые вопросы и

аргументы. По истечении времени участники внутреннего круга меняются местами с наблюдателями, предоставляя возможность всем студентам принять участие в дискуссии.

Внедрение вышеперечисленных методик и техник из богатого арсенала сингапурской методики в процессе подготовки будущих учителей русского языка и литературы открывает новые возможности для формирования компетентных специалистов. Использование представленных подходов способствует не только эффективному усвоению предметных знаний, но и развивает критическое мышление, коммуникативные навыки, умение работать в команде и решать педагогические задачи.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное потенциалу использования сингапурской методики обучения в подготовке будущих учителей русского языка и литературы, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, интеграция элементов сингапурской методики в процесс подготовки будущих учителей-словесников способствует формированию у них не только предметных ЗУН, но и компетенций, необходимых для эффективной педагогической деятельности.

Во-вторых, анализ конкретных методик и техник, адаптированных к специфике обучения русскому языку и литературе (“Think-Pair-Share”, “Round Robin”, создание интеллект-карт, организация галерейных выставок, применение методов “Talking Chips”, “Exit Ticket” и “Fishbowl”), демонстрирует их эффективность в повышении вовлеченности студентов в учебный процесс, развитии навыков анализа, синтеза, критической оценки информации, а также в совершенствовании коммуникативных и презентационных умений.

В-третьих, результаты исследования подтверждают тезис о том, что сингапурская методика способствует созданию интерактивной и стимулирующей образовательной среды, в которой студенты становятся активными участниками процесса познания, а не пассивными слушателями. Данный подход способствует формированию у будущих учителей-словесников готовности к инновациям и способности к решению педагогических задач.

В-четвертых, следует отметить, что успешная реализация представленных методик требует от педагога определенных усилий по планированию учебного процесса, созданию дидактических материалов и организации учебного процесса. Ожидаемый положительный эффект – формирование будущих высококвалифицированных специалистов, способных качественно преподавать русский язык и литературу в современном образовательном пространстве – оправдывает данные усилия.

Список литературы

Алишев Т.Б., Гильмутдинов А.Х., 2010. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня. *Вопросы образования*, 4: 227–246.

Выготский Л.С. 1999. Педагогическая психология. Москва, Педагогика-пресс, 533 с.

Галиахметова А.Т. 2017. Интеграция сингапурских обучающих структур и современных педагогических технологий в образовательной организации. *Вестник Казанского государственного энергетического университета*, 3(35): 110–119.

Данилова Л.Н. 2018. Образовательное лидерство Сингапура как социокультурный феномен. *Ярославский педагогический вестник*, 3: 55–62. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10067

Дьюи Дж. 2000. Демократия и образование. Пер. с англ. Ю. Турчаниновой, Э.Н. Гусинского, Н.Н. Михайлова. Москва, Педагогика-пресс, 382 с. (Dewey J. 1916. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. Macmillan, 434 p.)

Дьяченко В.К. 2004. Коллективный способ обучения: Дидактика в диалогах. Москва, Народное образование, 348 с.

Кофейникова Ю.Л. 2016. Психологическая природа сотрудничества как формы контекстного образования. *Педагогика и психология образования*, 2: 92–99.

Мосина М.А., Жданова С.А. 2019. Использование сингапурской методики для развития умений 21 века. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*, 15: 110–114.

Пассов Е.И. 2000. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Москва, Просвещение, 172 с.

Почекаева И.С., Сысоева Т.А. 2024. Сингапурская методика и ее эффективное применение на уроках иностранного языка. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*, 20: 207–213.

Салтыкова М.В. 2017. Использование сингапурской методики обучения английскому языку в поликультурной группе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4: С. 159–162.

Фирюлина Н.В. 2018. Формы и методы педагогического сотрудничества: сингапурская методика. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, V4: 65–73. DOI: 10.24422/MCITO.2018.V4.12403

Ширяева И.В., Трубецких М.А. 2022. Опыт внедрения кооперативного метода обучения Спенсера Кагана на уроках английского языка. *Молодой ученый*, 25(420-5): 343–348. URL: <https://moluch.ru/archive/420/93317>

Ялышева А.А. 2014. "Сингапурская" методика обучения: из опыта работы учителя английского языка Сингапурская методика обучения. *Английский язык в школе*, 4(48): 7–12.

Ankur J., Saket K., Satish Ch., Pal D.K. 2015. Likert Scale: Explored and Explained. *British Journal of Applied Science & Technology*, 7(4): 396–403. DOI: 10.9734/BJAST/2015/14975

Bar-On R. 2006. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI). *Psicothema*, 18 Suppl: 13–25.

Goreyshi M.K., Kargar F.R., Noohi Sh., Ajilchi B. 2013. Effect of Combined Mastery-Cooperative Learning on Emotional Intelligence, Self-esteem and Academic Achievement in Grade Skipping. *Procedia - Social and Behavioral Science*, 84: 470–474.

Kagan S. 2001. Kagan Structures for Emotional Intelligence. *Kagan Online Magazine*, URL: https://www.kaganonline.com/free_articles/dr_spencer_kagan/278/Kagan-Structures-for-Emotional-Intelligence (accessed: September 19, 2025)

Kagan S. 2003. Addressing the Life Skills Crisis. *Kagan Online Magazine*. URL: https://www.kaganonline.com/free_articles/dr_spencer_kagan/257/Addressing-the-Life-Skills-Crisis (accessed: September 19, 2025)

References

Alishev T.B., Gil'mutdinov A.Kh., 2010. Opyt Singapura: sozdanie obrazovatel'noi sistemy mirovogo urovnya [The Singapore experience: creating a world-class educational system]. *Educational studies Moscow*, 4: 227–246.

Vygotskii L.S. 1999. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical Psychology]. Moscow, Publ. Pedagogika-press, 533 p.

Galiakhmetova A.T. 2017. Integration of Singap Ore Training Structures and Modern Pedagogical Technologies in Educational Organization. *Kazan State Power Engineering University Bulletin*, 3(35): 110–119 (in Russian).

Danilova L.N. 2018. Educational Leadership of Singapore as a Sociocultural Phenomenon. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3: 55–62 (in Russian). DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10067

D'yui Dzh. 2000. Demokratiya i obrazovanie [Democracy and Education]. Per. from engl. Yu. Turchaninov, E.N. Gusinsky, N.N. Mikhailov. Moscow, Publ. Pedagogika-press, 382 p.

(Dewey J. 1916. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. Macmillan, 434 p.)

D'yachenko V.K. 2004. Kollektivnyi sposob obucheniya: Didaktika v dialogakh [Collective Method of Teaching: Didactics in Dialogues]. Moscow, Publ. Narodnoe obrazovanie, 348 p.

Kofeinikova Yu.L. 2016. Psychological nature of collaboration as a form of contextual education. *Pedagogy and Psychology of Education*, 2: 92–99 (in Russian).

Mosina M., Zhdanova S. 2019. Using the Singapore Method Developing the 21st Century Skills. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 15: 110–114.

Passov E.I. 2000. Programma-konseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya: konseptsiya razvitiya individual'nosti v dialogue kul'tur [The program-concept of communicative foreign language

education: the concept of individuality development in the dialogue of cultures]. Moscow, Publ. Prosveshchenie, 172 p.

Pochekaeva I., Sysoeva T. 2024. Singapore Methodology and its Effective Application in Foreign Language Lessons. *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyykh yazykov*, 20: 207–213.

Saltykova M.V. 2017. Singapore Method of Teaching English as a Foreign Language in a Multicultural Group. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Linguistics and intercultural communication*. 4: pp. 159-162 (in Russian).

Firyulina N. 2018. Forms and methods of pedagogical cooperation: Singapore methodology. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*, V4: 65–73. DOI: 10.24422/MCITO.2018.V4.12403

Shiryaeva I.V., Trubetskikh M.A. 2022. Opyt vnedreniya kooperativnogo metoda obucheniya Spensera Kagana na urokakh angliiskogo yazyka [Experience of implementing Spencer Kagan's cooperative learning method in English lessons]. *Young Scientist*, 25(420-5): 343–348. URL: <https://moluch.ru/archive/420/93317>

Yalyshева A.A. 2014. "Singapurskaya" metodika obucheniya: iz opyta raboty uchitelya angliiskogo yazyka Singapurskaya metodika obucheniya ["Singapore" teaching method: from the experience of an English teacher. Singapore teaching method]. *English at school*, 4(48): 7–12.

Ankur J., Saket K., Satish Ch., Pal D.K. 2015. Likert Scale: Explored and Explained. *British Journal of Applied Science & Technology*, 7(4): pp. 396-403. DOI: 10.9734/BJAST/2015/14975

Bar-On R. 2006. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI). *Psicothema*, 18 Suppl: 13-25.

Goreyshi M.K., Kargar F.R., Noohi Sh., Ajilchi B. 2013. Effect of Combined Mastery-Cooperative Learning on Emotional Intelligence, Self-esteem and Academic Achievement in Grade Skipping. *Procedia – Social and Behavioral Science*. 84: pp. 470-474.

Kagan S. 2001. Kagan Structures for Emotional Intelligence. *Kagan Online Magazine*. – URL: https://www.kaganonline.com/free_articles/dr_spencer_kagan/278/Kagan-Structures-for-Emotional-Intelligence (accessed: September 19, 2025)

Kagan S. 2003. Addressing the Life Skills Crisis. *Kagan Online Magazine*. – URL: https://www.kaganonline.com/free_articles/dr_spencer_kagan/257/Addressing-the-Life-Skills-Crisis (accessed: September 19, 2025)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.10.2025
Поступила после рецензирования 24.11.2025
Принята к публикации 10.12.2025

Received October 20, 2025
Revised November 24, 2025
Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

Торопыно Данила Иванович, студент, филологический факультет, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Astashova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russia.

Danila I. Toropyno, student, Faculty of Philology, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russia.

УДК 37.07

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-718-727

EDN LALBZC

Кооперация учителей, работающих в профильном классе педагогической направленности: механизмы, условия и принципы

Губатенко Н.С.

Тихоокеанский государственный университет,
Россия, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136
tereshinatl@yandex.ru

Аннотация. В профильных классах педагогической направленности, где школьники ориентированы на будущую педагогическую профессию, особая роль отводится учителям как коллективной профессиональной ролевой модели. Несмотря на признание важности кооперации учителей как фактора эффективности образовательного процесса, недостаточно исследованы ее внутренние механизмы, организационно-управленческие условия и принципы. Цель исследования – теоретическое обоснование кооперации педагогов, работающих в профильных классах педагогической направленности, как стратегического сотрудничества. В работе методом концептуального анализа и теоретического моделирования выявлены и описаны три ключевых механизма кооперации (мотивации к самосовершенствованию, повышения продуктивности деятельности, формирования благоприятного социально-психологического климата), определены необходимые условия и принципы их реализации. Результаты вносят вклад в развитие теории педагогической кооперации и адресованы руководителям образовательных организаций и педагогам-практикам для разработки моделей эффективного взаимодействия.

Ключевые слова: кооперация учителей, профильный класс, педагогическое взаимодействие, механизмы сотрудничества, организационные условия, принципы кооперации

Для цитирования: Губатенко Н.С. 2025. Кооперация учителей, работающих в профильном классе педагогической направленности: механизмы, условия и принципы. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 718–727. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-718-727 EDN: LALBZC

Cooperation of Teachers Working in a Specialized Pedagogy-Oriented Class: Mechanisms, Conditions, and Principles

Natalya S. Gubatenko

Pacific National University,
136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk 680035, Russia
tereshinatl@yandex.ru

Abstract. Modern trends of digitalization and individualization of education impose higher requirements on the quality of future teachers' training in specialized pedagogical classes. Despite the recognized importance of teacher cooperation as a factor in the effectiveness of the educational process, its internal mechanisms, organizational and managerial conditions, and principles in the context of such specialized classes remain understudied. The aim of the research is to provide a theoretical foundation for teacher cooperation in specialized pedagogical classes as strategic collaboration. Using the methods of conceptual analysis and theoretical modeling, three key cooperation mechanisms have been identified and described (self-improvement motivation, productivity enhancement, favorable socio-psychological climate

formation), along with the necessary conditions and principles for their implementation. The results contribute to the development of the theory of pedagogical cooperation and are addressed to the heads of educational organizations and practicing teachers for designing effective interaction models.

Keywords: teacher cooperation, specialized class, pedagogical interaction, mechanisms of collaboration, organizational conditions, principles of cooperation

For citation: Gubatenko N.S. 2025. Cooperation of Teachers Working in a Specialized Pedagogy-Oriented Class: Mechanisms, Conditions, and Principles. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 718–727 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-718-727 EDN: LALBZC

Введение

Современные вызовы, такие как цифровизация, индивидуализация обучения и рост требований к качеству образования, актуализируют поиск инновационных моделей организации взаимодействия между субъектами образовательного процесса. В профильных классах педагогической направленности, где школьники ориентированы на будущую педагогическую профессию, особая роль отводится учителям, которые выступают не только как носители предметных знаний, но и как коллективная профессиональная ролевая модель. В этом контексте кооперация педагогов, понимаемая как стратегически выстроенное сотрудничество, нацеленное на достижение синергетического эффекта, становится ключевым условием успеха.

Проблема кооперации педагогов рассматривается в трудах ряда исследователей. Изучаются ее общие основы, формы и влияние на образовательные результаты [Avalos-Bevan, Bascope, 2017; Cravens, Hunter, 2021; García-Martínez et al., 2021], организационные барьеры и факторы поддержки [Lipscombe et al., 2020; Saks et al., 2025], а также специфика в условиях совместного преподавания [Gardesten, 2023; Malik et al., 2024]. В отечественных исследованиях анализируются педагогическое сотрудничество как технология [Мартынов, Мартынова, 2020; Хмаренко, 2021], вопросы доверия и командообразования [Фролова, Рогач, 2023; Мордвинова, Вакулина, 2022]. Однако механизмы, условия и принципы кооперации именно в коллективе учителей, работающих с профильным педагогическим классом, где их взаимодействие становится частью профессионального образца для учащихся, исследованы недостаточно. Существует пробел в целостном теоретическом обосновании данной кооперации как системы.

Цель исследования – теоретически обосновать кооперацию педагогов, работающих в профильных классах педагогической направленности, как стратегическое сотрудничество, раскрыв ее ключевые механизмы, организационно-управленческие условия и принципы.

В работе на основе анализа литературы и теоретико-методологических подходов (системного, конструктивистского) выделены структурные компоненты кооперации; путем концептуального анализа и синтеза обоснованы внутренние механизмы взаимодействия; с помощью теоретического моделирования соотнесены механизмы с необходимыми условиями и принципами, формирующими целостную модель.

Материалы и методы исследования

Материалом для теоретического исследования послужили фундаментальные и современные научные публикации за последние 5–8 лет в области педагогики, педагогической психологии и управления образованием, посвященные проблемам профессионального сотрудничества учителей, коллективной деятельности и командообразования. Критериями отбора источников были релевантность теме кооперации/сотрудничества педагогов, рассмотрение организационных или психолого-педагогических аспектов взаимодействия, а также наличие эмпирических данных или теоретических моделей.

Основными методами исследования выступили: теоретический анализ научной литературы, позволивший выявить исходные предпосылки, терминологический аппарат и определить пробел в знаниях; концептуальный анализ и синтез, с помощью которого были систематизированы существующие взгляды на кооперацию, раскрыта ее сущность как стратегического сотрудничества и выделены ключевые структурные компоненты: механизмы, условия, принципы; теоретическое моделирование, примененное для построения целостной структуры кооперации, устанавливающей взаимосвязь между внутренними механизмами, внешними организационно-управленческими условиями и нормативными принципами педагогического взаимодействия в конкретном контексте профильных классов. Данный комплекс методов обеспечивает обоснованность проведенного концептуального анализа и полученных теоретических результатов.

Результаты исследования

Механизм мотивации к самосовершенствованию в профессии и принятию профессии как ролевой модели поведения является фундаментальным для кооперации в педагогическом классе, так как ориентирует учителей не только на личный рост, но и на осознание своей роли как коллективного образца профессии для учащихся. Его функционирование детерминировано личностной ориентацией педагога на ценности профессии и сформированной профессиональной идентичностью [Кочукова, 2023]. Суть механизма заключается в интериоризации педагогами идеи о том, что их совместная работа, взаимная поддержка и постоянное развитие являются наглядной моделью педагогической культуры для будущих коллег. На эффективность механизма влияют внутренняя мотивация учителей и коллегиальная поддержка внутри кооперации. Как отмечает Хмаренко [Хмаренко, 2021], именно профессиональное сообщество, обеспечивающее обмен опытом и атмосферу доверия, является ключевым условием для реализации этого механизма. Исследования подтверждают, что участие в профессиональных обучающихся сообществах (PLC) повышает рефлексивность и инновационность педагогов, а их рост напрямую связан с коллективными практиками обмена знаниями [Avalos-Bevan, Bascope, 2017; García-Martínez et al., 2021].

Эмпирические исследования [Cravens, Hunter, 2021] доказывают, что регулярное повышение квалификации педагогических работников оказывает значимое воздействие на академические достижения и личностное развитие обучающихся. Эта взаимосвязь обусловлена кумулятивным эффектом профессионального развития, при котором последовательное накопление методических компетенций и педагогического опыта приводит к качественной трансформации образовательных практик. Как отмечается в работах [Щукерман, 2020; Хмаренко, 2021; Adl-Amini et al., 2024], непрерывное совершенствование профессиональных навыков педагогов способствует внедрению доказательных образовательных стратегий, что, в свою очередь, повышает эффективность учебного процесса и ключевым фактором является увеличение объема знаний и их структурная реорганизация, которая позволяет педагогам адаптировать методики к индивидуальным потребностям обучающихся. Современные исследования Авалоса-Бевана Б. и Баскопе М. в области педагогического образования подтверждают, что эффективность личностно-профессионального роста педагога носит системный характер и определяется индивидуальными усилиями и степенью включенности в профессиональное сообщество [Adl-Amini et al., 2024]. Эмпирические данные показывают, что в условиях профессиональных обучающихся сообществ (Professional Learning Communities, PLC) педагоги демонстрируют более высокие показатели рефлексивности, адаптивности и инновационности.

Функционирование механизма мотивации самосовершенствования основывается на следующих принципах: принцип открытости инновациям, принцип рефлексивности,

принцип коллегиальности. Современные исследования [Avalos-Bevan, Bascope, 2017; Cravens, Hunter, 2021; Adl-Amini et al., 2024] профессионального развития педагогов подчеркивают, что ключевым аспектом профессиональной компетентности становится готовность к освоению актуальных образовательных технологий и адаптации к изменяющимся условиям педагогической деятельности. Эта готовность формируется на основе рефлексивной самооценки и систематического анализа собственной профессиональной деятельности, что позволяет выявлять перспективные векторы профессионального роста [Cravens, Hunter, 2021]. Реализация этого механизма обеспечивает синергетический эффект, выражющийся в качественном личностно-профессиональном развитии педагогов, в повышении эффективности профессиональной кооперации и в создании инновационной образовательной среды и подобный подход способствует формированию устойчивой системы непрерывного профессионального развития, где индивидуальный рост педагога органично сочетается с развитием образовательной организации в целом [García-Martínez et al., 2021].

Эффективное функционирование *механизма повышения продуктивности профессиональной деятельности через включение в новую деятельность и самоидентификацию в позиции субъекта кооперации* обусловлено следующими предпосылками: когнитивно-мотивационная готовность к кооперации, осознание педагогами значимости совместной деятельности для достижения образовательных целей, включающее признание взаимозависимости в профессиональной деятельности, понимание синергетического эффекта коллективного взаимодействия и сформированную готовность к принятию ответственности за результаты совместной работы [Lipscombe et al., 2020; Gardesten, 2023]. Активная субъектная позиция в кооперативном взаимодействии проявляется в инициативном включении в решение коллективных задач, добровольном принятии ответственности за результаты командной деятельности.

На успешность реализации рассматриваемого механизма оказывают влияние следующие ключевые факторы: эффективность командного взаимодействия, которая характеризуется сформированностью отношений профессиональной взаимоподдержки и возможностью интеграции компетенций участников кооперации, четкость целеполагания, которое включает конкретизацию задач совместной деятельности и определение критериев успешности, четкое распределение функциональных ролей и зон ответственности [De Jong et al., 2022]. К. Липскомб [Lipscombe K. et al. 2020] в своем исследования выявил, что для эффективного взаимодействия и развития профессионализма важны регулярные встречи в формате профессиональных общих обсуждений, постоянный анализ достижений в педагогической деятельности и внесение корректировок в совместную работу на основе научно обоснованных методик. И. Гарсия-Мартинес [García-Martínez, et al., 2021] считает, что для эффективного профессионального развития педагогов очень важен доступ к актуальным методическим материалам и цифровым образовательным ресурсам и наличие соответствующей технической базы для совместной работы, а также возможности для налаживания профессиональных связей и обмена опытом. Ресурсное обеспечение профессионального развития формируется через доступ к актуальным методическим материалам и цифровым образовательным ресурсам, обеспечение необходимыми техническими средствами для организации кооперативного взаимодействия, создание инфраструктуры для профессионального нетворкинга [Bach, Thiel, 2024]. Как показывают исследования [Avalos-Bevan, Bascope, 2017; García-Martínez et al., 2021], именно комплексный подход к созданию указанных условий позволяет достичь синергетического эффекта в профессиональном развитии педагогических коллективов и при этом особое значение приобретает принцип системности, предполагающий взаимосвязь организационных, коммуникационных и ресурсных компонентов.

Система оценки результативности рассматриваемого механизма основывается на комплексном анализе ключевых показателей, что соответствует современным подходам к

мониторингу профессионального развития и в качестве основных критериев эффективности выделяются:

1. Продуктивность командной работы, оцениваемая посредством достижения стратегических и оперативных целей, качества выполнения совместных проектных задач, индекса синергетического эффекта групповой деятельности [Adl-Amini et al., 2024; Malik et al., 2024].

2. Уровень профессиональной ответственности участников, определяемый через готовность к принятию персональных обязательств, коэффициент исполнения функциональных обязанностей, показатели инициативности в решении профессиональных задач [Mora-Ruano et al., 2019; Gardesten, 2023].

3. Качество коммуникативных процессов, анализируемое на основе индекса открытости профессионального взаимодействия, уровня конструктивности профессиональных дискуссий, эффективности обратной связи [Lipscombe et al., 2020; Prieto-Saborit et al., 2025].

4. Соответствие результатов целевым показателям, оцениваемое через сравнительный анализ плановых и фактических показателей, динамику профессиональных достижений, коэффициент реализации инновационного потенциала [De Jong et al., 2022; Saks et al., 2025].

Функционирование механизма основывается на следующих принципах: принцип профессиональной солидарности, который включает создание среды, характеризующейся взаимопомощью участников кооперации, коллективным преодолением профессиональных трудностей; принцип прозрачности взаимодействия, и обеспечением свободного обмена профессионально значимой информацией, четкое понимание всеми участниками целей и задач совместной деятельности [García-Martínez et al., 2021; Фролова, Рогач, 2023; Wakeman et al., 2024; Zhang et al., 2025].

Эффективное функционирование *механизма формирования благоприятного социально-психологического климата в условиях кооперации при сохранении автономности участников* детерминировано комплексом взаимосвязанных предпосылок. Е.Л. Мордвинова и Н.В. Вакулина [Мордвинова, Вакулина, 2022] считают, что ценностно-целевое единство формируется через консенсус относительно миссии и стратегических ориентиров совместной деятельности, общность базовых профессиональных установок и этических принципов, осознание взаимных преимуществ кооперативного взаимодействия. Е.В. Фролова и О.В. Рогач [Фролова, Рогач, 2023] делают акцент на том, что культура доверительных отношений в кооперации в России основывается на признании профессиональной компетентности участников, толерантности к когнитивному и методическому плюрализму, реализации открытого и конструктивного профессионального диалога и развитии коммуникативной инфраструктуры через эффективные каналы информационного обмена, прозрачность управлеченческих процессов, владение техниками медиации и конфликт-превенции, исторический капитал сотрудничества.

Ключевые детерминанты успешной реализации механизма включают качество координационного управления и способность лидеров мотивировать и консолидировать участников, мастерство балансирования между централизацией и автономией, эффективность делегирования полномочий. Справедливость распределительных механизмов основывается на прозрачности системы вознаграждений, четким определение зон ответственности, объективном учете индивидуального вклада, системе управления конфликтами с помощью формализованных процедур разрешения разногласий, механизмом профилактики деструктивных противоречий, оптимальности организационного дизайна, рационального распределения функциональных ролей; гибкости управлеченческих структур, адаптивности организационных форм [Фролова, Рогач, 2023].

Необходимо создать системные условия для функционирования механизма, что выражается в достаточности ресурсного обеспечения, сбалансированности бюджетного

планирования, диверсификации источников финансирования, наличии необходимой материально-технической базы, доступе к актуальным информационным ресурсам, возможности профессионального развития участников, поддерживающей нормативно-правовой базе, развитой сети партнерских связей, доступе к институциональной поддержке [Хабаху, 2017]. Система оценочных показателей включает уровень ценностно-целевой интеграции, то есть степень согласованности целевых установок, единство понимания миссии, консолидация профессиональных ценностей, баланс коллективности и автономии, выражаемый в уровне профессиональной самостоятельности, показателях инициативности участников, возможности индивидуальной самореализации, качество коммуникативных процессов, выражаемое в индексе доверия в профессиональном сообществе, уровне развития культуры профессионального общения, эффективности обратных связей, субъективная удовлетворенность, которую анализируют с помощью уровня психологического комфорта, оценки качества социально-психологического климата, степени приверженности общим целям, адаптационной потенциал, который показывает гибкость организационных структур, скорость реагирования на изменения, восприимчивость к инновациям [Хмаренко, 2021].

Концептуальные основы механизма основываются на принципе субсидиарного управления, которое выражается в коллегиальности принятия стратегических решений, распределении характера лидерства, совместной ответственности за коллективный выбор, принципе демократического участия [Цукерман, 2020; Мордвинова, Вакулина, 2022].

Заключение

На основании проведенного теоретического исследования была достигнута его основная цель: коопeração педагогов, работающих в профильных классах педагогической направленности, была обоснована как стратегически выстроенное сотрудничество. Было установлено, что сущность коопेpации заключается в достижении синергетического эффекта через согласование образовательных целей, объединение профессиональных компетенций и совместную проектную деятельность.

В результате исследования были выявлены и теоретически обоснованы три ключевых механизма коопेpации: механизм мотивации и профессиональной самоидентификации, механизм повышения продуктивности совместной деятельности и механизм формирования благоприятного социально-психологического климата, необходимые организационно-управленческие условия: создание доверительной среды, четкая организация взаимодействия и обеспечение ресурсной базы, включая цифровые инструменты, фундаментальные принципы кооперативной педагогики: добровольность, взаимодополняемость, распределение ролей и рефлексия, которые обеспечивают эффективность взаимодействия при сохранении автономии педагогов.

Теоретический анализ позволяет утверждать, что реализация предложенной модели коопेpации создает потенциал для повышения качества образования, способствует развитию критического мышления и социальной ответственности у обучающихся и является адекватным ответом на вызовы цифровизации и индивидуализации обучения. Также были определены кадровые, ресурсные и социально-психологические условия, необходимые для реализации модели коопेpации и сформулированы принципы добровольности, взаимодополняемости, автономности и коллективной ответственности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической проверке эффективности выделенных механизмов, анализе успешных практик и изучении долгосрочного влияния коопेpации на профессиональное развитие как педагогов, так и учащихся через мониторинг вовлеченности педагогов и динамики профессионального развития, оценку продуктивности командой работы через качественные и количественные показатели, анкетирование и интервью для анализа социально – психологического климата, анализ достижения образовательных целей и влияния коопेpации на учащихся.

Представленное теоретическое обоснование кооперации служит основой для разработки конкретных моделей взаимодействия педагогов, адресованных руководителям образовательных организаций и педагогам-практикам.

Список литературы

Запорожченко Г.М. 2021. Кооперация в условиях российской модернизации начала XX в.: новые исследовательские подходы. *Гуманитарные науки в Сибири*, 28(2): 56–62. DOI: 10.15372/HSS20210208

Кочукова О.Н. 2023. Педагогические возможности учебного сотрудничества в развитии дивергентного мышления обучающихся. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28(2): 247–257. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-247-257

Мартынов В.В., Мартынова Н.В. 2020. Педагогика сотрудничества как образовательная технология в формировании творческих способностей студентов вуза в процессе реализации учебного проекта. *Педагогический журнал*, 10(3А): 447–456. DOI: 10.34670/AR.2020.38.52.098

Мордвинова Е.Л., Вакулина Е.В. 2022. Эффективное командообразование посредством мотивации. *Научный альманах Центрального Черноземья*, 2–4: 434–439.

Панфилова М.С. 2018. Роль командообразования в развитии организаций. В кн.: Актуальные вопросы экономики и управления. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 02 марта – 04 2018 г.). Под ред. С.С. Чернова. Новосибирск, Центр развития научного сотрудничества: 68–73.

Солодова Е.П., Калмыкова Д.А., Полупан К.Л. 2018. Командообразование как современный способ управления человеческими ресурсами. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*, 9(4): 67–72.

Фролова Е.В., Рогач О.В. 2023. Доверие как фактор развития кооперации в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 23(6): 35–57. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2405

Хабаху С.Н. 2017а. К методологии исследования кооперации как социального института: достижения и перспективы. *Теория и практика общественного развития*, 11: 47–50. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.9

Хабаху С.Н. 2017б. Кооперация как социальный институт. *Aspectus*, 3: 31–37.

Хмаренко Н.И. 2021. Генезис, сущность и компонентный состав педагогической технологии «Обучение в сотрудничестве». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 26(193): 38–46. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-38-46

Цукерман Г.А. 2020. Совместное учебное действие: решенные и нерешенные вопросы. *Психологическая наука и образование* 25(4): 51–59. DOI: 10.17759/pse.2020250405

Adl-Amini K., Völlinger V. A., Eckart A. 2024. Implementation quality of cooperative learning and teacher beliefs: a mixed methods study. *European Journal of Psychology of Education*, 39: 2267–2281. DOI: 10.1007/s10212-023-00769-3

Avalos-Bevan B., Bascope M. 2017. Teacher informal collaboration for professional improvement: Beliefs, Contexts, and Experience. *Education Research International*, 1. DOI: 10.1155/2017/1357180

Bach A., Thiel F. 2024. Collaborative online learning in higher education: quality of digital interaction and associations with individual and group-related factors. *Frontiers in Education*, 9. DOI: 10.3389/feduc.2024.1356271

Cravens X.C., Hunter S.B. 2021. Assessing the impact of collaborative inquiry on teacher performance and effectiveness. *School Effectiveness and School Improvement*, 32(4): 564–606. DOI: 10.1080/09243453.2021.1923532

De Jong L., Meirink J., Admiraal W. 2022. School-based collaboration as a learning context for teachers: A systematic review. *International Journal of Educational Research*, 112. DOI: 10.1016/j.ijer.2022.101927

García-Martínez I., Montenegro-Rueda M., Molina-Fernández E., Fernández-Batanero J. 2021. Mapping teacher collaboration for school success. *School Effectiveness and School Improvement*, 32(4): 631–649. DOI: 10.1080/09243453.2021.1925700

Gardesten M. 2023. How co-teaching may contribute to inclusion in mathematics education. *Education Sciences*, 13(7): 677. DOI: 10.3390/educsci13070677

Lipscombe K., Buckley-Walker K., McNamara P. 2020. Understanding collaborative teacher teams as open systems. *Professional Development in Education*, 46(3): 373–390. DOI: 10.1080/19415257.2019.1613256

Malik A., Jamil B., Jadoon M., Asim N. 2024. Teachers' perspective regarding co-teaching classes: A qualitative study. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, 40(11): 2524–2532. DOI: 10.12669/pjms.40.11.9258

Mora-Ruano J.G., Heine J.-H., Gebhardt M. 2019. Does teacher collaboration improve student achievement? Analysis of the German PISA 2012 sample. *Frontiers in Education*, 4. DOI: 10.3389/feduc.2019.00085

Prieto-Saborit J.A., Menéndez-Espina S., Mendez-Alonso D., Jiménez-Arberas E., Llosa Jo.A., Hernandez P.N. 2025. Application of Cooperative Learning and Its Relation to 3×2 Achievement Goals in Teachers. *Education Sciences*, 15(5), 595. DOI: 10.3390/educsci15050595

Saks K., Hunt P., Leijen Ä., Lepp L. 2025. From Zero Collaboration to Teamwork: Forms of Teacher Collaboration and Factors That Support or Hinder It. *Education Sciences*, 15(1), 87. DOI: 10.3390/educsci15010087

Slakmon B., Abdu R. 2024. Learning to notice collaboration: examining the impact of professional development on mathematics teachers' enhanced awareness in CSCL settings. *International Journal of Computer-Supported Collaborative Learning*, 19(2): 137–155. DOI: 10.1007/s11412-024-09423-6

Wakeman S.H., Johnson H.N., Ouedraogo K.H., Sinclair K. 2024. Recognition of Effective Co-Teaching Practices by Interdisciplinary Pre-service Candidates. *Trends in Higher Education*, 3(4): 960–977. DOI: 10.3390/higheredu3040056

Zach S., Avugos S. 2024. Co-teaching in higher education: implications for teaching, learning, engagement, and satisfaction. *Frontiers in Sports and Active Living*, 6. DOI: 10.3389/fspor.2024.1424101

Zhang Y., Guan X., Wang J., Yin S., Li X., Li Y., Jobe M.C., Ahmed M.Z. 2025. The impact of perceived teacher support on students' learning approach: the chain mediating role of academic engagement and achievement goal orientation. *Frontiers in Psychology*, 16: 1513538. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1513538

Zhou T., Colomer J. 2024. Cooperative learning promoting cultural diversity and Individual Accountability: A Systematic Review. *Education Sciences*, 14(6): 567. DOI: 10.3390/educsci14060567

References

Zaporozhchenko G.M. 2021. Cooperation under Conditions of the Russian Modernization in the Early XX Century: New Research Approaches. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 28(2): 56–62 (in Russian). DOI: 10.15372/HSS20210208

Kochukova O.N. 2023. Pedagogical possibilities of educational cooperation in the development of divergent thought of students. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 28(2): 247–257 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-247-257

Martynov V.V., Martynova N.V. 2020. Cooperation pedagogy as educational technology in the development of creative abilities in students of higher education institutions during the implementation of an educational project. *Pedagogical Journal*, 10(3A): 447–456 (in Russian).

Mordvinova E.L., Vakulina E.V. 2022. Effective Team Building Through Motivation. *Nauchnyi Al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya*, 2–4: 434–439.

Panfilova M.S. 2018. Rol' komandoobrazovaniya v razvitiu organizatsii [The Role of Team Building in Organization Development]. In: *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya* [Current Issues in Economics and Management]. Collection of Materials of the IV International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, March 2–April 2018). Ed. S.S. Chernov. Novosibirsk, Publ. Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva: 68–73.

Solodova E.P., Kalmykova D.A., Polupan K.L. 2018. Team Building as a Modern Method for Human Resource Management. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 9(4): 67–72 (in Russian).

Frolova E.V., Rogach O.V. 2023. Trust as a Factor of the Development of Cooperation in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 23(6): 35–57 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2405

Khabakhu S.N. 2017a. To Cooperation Research Methodology as a Social Institution: Achievements and Prospects. *Theory and Practice of Social Development*, 11: 47–50. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.9

Khabakhu S.N. 20176. Cooperation as Social Institute. *Aspectus*, 3: 31–37.

Khmarenko N.I. 2021. Genesis, essence and structure of pedagogical technology “Cooperative learning”. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 26(193): 38–46. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-38-46

Zuckerman G.A. 2020. Coaction of Learners: Resolved and Unresolved Issues. *Psychological Science and Education*, 25(4): 51–59. DOI: 10.17759/pse.2020250405

Adl-Amini K., Völlinger V. A., Eckart A. 2024. Implementation quality of cooperative learning and teacher beliefs: a mixed methods study. *European Journal of Psychology of Education*, 39: 2267–2281. DOI: 10.1007/s10212-023-00769-3

Avalos-Bevan B., Bascope M. 2017. Teacher informal collaboration for professional improvement: Beliefs, Contexts, and Experience. *Education Research International*, 1. DOI: 10.1155/2017/1357180

Bach A., Thiel F. 2024. Collaborative online learning in higher education: quality of digital interaction and associations with individual and group-related factors. *Frontiers in Education*, 9. DOI: 10.3389/feduc.2024.1356271

Cravens X.C., Hunter S.B. 2021. Assessing the impact of collaborative inquiry on teacher performance and effectiveness. *School Effectiveness and School Improvement*, 32(4): 564–606. DOI: 10.1080/09243453.2021.1923532

De Jong L., Meirink J., Admiraal W. 2022. School-based collaboration as a learning context for teachers: A systematic review. *International Journal of Educational Research*, 112. DOI: 10.1016/j.ijer.2022.101927

García-Martínez I., Montenegro-Rueda M., Molina-Fernández E., Fernández-Batanero J. 2021. Mapping teacher collaboration for school success. *School Effectiveness and School Improvement*, 32(4): 631–649. DOI: 10.1080/09243453.2021.1925700

Gardesten M. 2023. How co-teaching may contribute to inclusion in mathematics education. *Education Sciences*, 13(7): 677. DOI: 10.3390/educsci13070677

Lipscombe K., Buckley-Walker K., McNamara P. 2020. Understanding collaborative teacher teams as open systems. *Professional Development in Education*, 46(3): 373–390. DOI: 10.1080/19415257.2019.1613256

Malik A., Jamil B., Jadoon M., Asim N. 2024. Teachers' perspective regarding co-teaching classes: A qualitative study. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, 40(11): 2524–2532. DOI: 10.12669/pjms.40.11.9258

Mora-Ruano J.G., Heine J.-H., Gebhardt M. 2019. Does teacher collaboration improve student achievement? Analysis of the German PISA 2012 sample. *Frontiers in Education*, 4. DOI: 10.3389/feduc.2019.00085

Prieto-Saborit J.A., Menéndez-Espina S., Mendez-Alonso D., Jiménez-Arberas E., Llosa Jo.A., Hernandez P.N. 2025. Application of Cooperative Learning and Its Relation to 3×2 Achievement Goals in Teachers. *Education Sciences*, 15(5), 595. DOI: 10.3390/educsci15050595

Saks K., Hunt P., Leijen Ä., Lepp L. 2025. From Zero Collaboration to Teamwork: Forms of Teacher Collaboration and Factors That Support or Hinder It. *Education Sciences*, 15(1): 87. DOI: 10.3390/educsci15010087

Slakmon B., Abdu R. 2024. Learning to notice collaboration: examining the impact of professional development on mathematics teachers' enhanced awareness in CSCL settings. *International Journal of Computer-Supported Collaborative Learning*, 19(2): 137–155. DOI: 10.1007/s11412-024-09423-6

Wakeman S.H., Johnson H.N., Ouedraogo K.H., Sinclair K. 2024. Recognition of Effective Co-Teaching Practices by Interdisciplinary Pre-service Candidates. *Trends in Higher Education*, 3(4): 960–977. DOI: 10.3390/higheredu3040056

Zach S., Avugos S. 2024. Co-teaching in higher education: implications for teaching, learning, engagement, and satisfaction. *Frontiers in Sports and Active Living*, 6. DOI: 10.3389/fspor.2024.1424101

Zhang Y., Guan X., Wang J., Yin S., Li X., Li Y., Jobe M.C., Ahmed M.Z. 2025. The impact of perceived teacher support on students' learning approach: the chain mediating role of academic engagement and achievement goal orientation. *Frontiers in Psychology*, 16: 1513538. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1513538

Zhou T., Colomer J. 2024. Cooperative learning promoting cultural diversity and Individual Accountability: A Systematic Review. *Education Sciences*, 14(6): 567. DOI: 10.3390/educsci14060567

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.07.2025

Received July 31, 2025

Поступила после рецензирования 24.11.2025

Revised November 24, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Губатенко Наталья Сергеевна, аспирант высшей школы педагогики и истории, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Gubatenko, Postgraduate Student at the Higher School of Pedagogy and History, Pacific State University, Khabarovsk, Russia.

УДК 37.034

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739

EDN LRYCWZ

Формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству: теоретические аспекты

Жуйков С.О.

Оренбургский государственный университет,
Россия, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13

sergej.zhuikov.98@mail.ru

Аннотация. В условиях сложившейся геополитической ситуации в мире результивное и гармоничное формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству является важной задачей современной педагогики, залогом национальной безопасности государства, социальной и политической стабильности в обществе в настоящем и будущем. Однако анализ исследований показывает, что в студенческой среде наблюдается трансформация системы ценностей, доминирование материального над духовным. Это свидетельствует о недостаточной оптимизации содержания и методов реализации воспитания ответственной высоконравственной личности, гражданина, патриота. При этом анализ научных трудов последних лет показывает, что проблема формирования ценностного отношения студентов вузов к Отечеству недостаточно изучена. Полагаем, что существующие содержания понятия «ценностное отношение к Отечеству» не учитывают все аспекты этой личностной характеристики, без чего невозможно повышение эффективности воспитательных практик. Цель исследования – расширить понятие «ценностное отношение к Отечеству» с научно-педагогической точки зрения на основании философской, социологической, психологической и педагогической теорий. В результате междисциплинарного теоретического анализа научной литературы сформулировано авторское определение: ценностное отношение к Отечеству есть личностная характеристика, отражающая ценностное осмысление исторических знаний, избирательную позицию к государству, к себе как гражданину, к своим гражданским правам и обязанностям, а также опыт деятельности на благо Отечества. Особенностью данного понятия является его содержание, сформированное с учетом широких научных представлений о структурных компонентах ценностного отношения к Отечеству (гносеологического, аксиологического, праксеологического) в отличие от существующих в исследованиях компонентов изучаемой дефиниции. Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретических основ воспитательной работы со студентами российских вузов, углубляя понимание механизмов формирования ценностного отношения к Отечеству.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, воспитание, личность, знания, эмоции, деятельность

Для цитирования: Жуйков С.О. 2025. Формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству: теоретические аспекты. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 728–739. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739 EDN: LRYCWZ

Formation of Students' Value-Based Attitude towards the Fatherland in Russian Universities: Theoretical Aspects

Sergey O. Zhuikov

Orenburg State University,

13 Pobedy Ave., Orenburg 460018, Russia

sergej.zhuikov.98@mail.ru

Abstract. In the current global geopolitical situation, the effective and harmonious formation of the value-based attitude of Russian university students to the Fatherland is the task of modern pedagogy and the key

to national security of the state, as well as to social and political stability at present and in future. However, the analysis of existing research reveals a transformation of the value system, the dominance of the material over the spiritual in the student environment. This shows that the content and methods of bringing up a responsible, highly moral person, citizen, and patriot have been insufficiently optimized. At the same time, the analysis of recent scientific works shows that the problem of forming the value-based attitude of university students to the Fatherland remains understudied. We believe that the existing content of the concept of "value-based attitude to the Fatherland" does not take into account all aspects of this personal characteristic. Failing that, it is impossible to increase the effectiveness of educational practices. The purpose of the study is to expand the concept of "value-based attitude to the Fatherland" from a scientific and pedagogical point of view, based on philosophical, sociological, psychological, and pedagogical theories. As a result of interdisciplinary theoretical analysis of scientific literature, content analysis of scientific publications, synthesis, generalization and concretization, the author suggests a definition of a value-based attitude towards the Fatherland, describing it as a personal characteristic reflecting axiological understanding of historical knowledge, a selective position towards the state, towards oneself as a citizen, towards one's civil rights and duties, as well as the experience of working for the benefit of the Fatherland. A special feature of this concept is its content: it has been formed on the basis of broad scientific ideas about the structural components of the value-based attitude towards the Fatherland (epistemological, axiological, and praxeological ones). These components differ from those which are usually discussed in existing research in respect to the definition under study. The results of the research contribute to the development of the theoretical foundations of educational work with students at Russian universities and deepen the understanding of the mechanisms of forming a value-based attitude towards the Fatherland.

Keywords: spiritual and moral values, upbringing, personality, knowledge, emotions, activity

For citation: Zhiukov S.O. 2025. Formation of Students' Value-Based Attitude towards the Fatherland in Russian Universities: Theoretical Aspects. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 728–739 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739 EDN: LRYCWZ

Введение

Тема воспитания чувства патриотизма как фактора формирования ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству является одной из актуальных проблем современности. Это связано с тем, что в последние годы наблюдается усиление дискриминационных мер, применяемых странами коллективного запада по отношению к Российской Федерации. Сложившаяся геополитическая ситуация, введение разнообразных санкций и ментальные войны нацелены на разрушение российского государственного строя и базовых традиционных духовно-нравственных ценностей. В текущих обстоятельствах стратегически важной задачей является оперативное и результативное реагирование на возникающие вызовы на всех уровнях государственного управления, включая образование.

В настоящее время в Российской Федерации приоритеты в воспитании патриотизма граждан закреплены в ряде нормативно-правовых документов¹, которые реализуются в государственных программах и проектах, осуществляемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Ключевые задачи российской системы образования ориентированы на воспитание патриота; ответственного гражданина, осознающего свою роль в развитии государства; зрелой личности, проявляющей должное уважение к культурному наследию и обычаям всех этносов, проживающих на территории Российской Федерации.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения 11.11.2025); Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года <https://dou26kirov.gosuslugi.ru> (дата обращения 11.11.2025); Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения 11.11.2025).

Анализируя изменения системы ценностей в российском обществе с начала 1990-х годов и до настоящего времени и результаты авторского экспресс-исследования системы ценностей студентов регионального вуза, Т.Д. Санникова указывает на «духовно-нравственное обнищание общества» [Санникова, 2021, с. 4298], доминирование в системе жизненных ценностей студенческой молодежи материального благополучия, предпримчивости, умение заработать деньги, но не таланта, знаний или трудолюбия [Санникова, 2021, с. 4299–4300]. Более того, молодые люди не считают важным участие в общественной и политической жизни страны. Каждому третьему россиянину не близок патриотизм [Санникова, 2021, с. 4301]. Немаловажной причиной повышенного внимания к проблемам формирования ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству является и то, что в стране существуют «силы», представители которых негативно относятся к Отечеству, игнорируют его мобилизующую и консолидирующую роль, рассматривают его как устаревшее понятие и пережиток коммунистического прошлого [Томилин, 2024, с. 164]. А.Н. Томилин с соавторами обращают внимание на то, что некоторая часть студенчества демонстрирует незаинтересованность в воспитательно-патриотической деятельности, не посещает патриотические мероприятия и не участвует в волонтерской работе [там же]. В студенческой среде отмечается невысокий уровень деятельности патриотизма [Рожкова и др., 2023, с. 85]. При этом решение вопроса формирования у студентов ценностного отношения к Отечеству является стратегически необходимым [Тузиков, 2020, с. 65]. Студенты представляют собой будущее России, перспективу государства. Успех и процветание страны напрямую связаны с системой ценностных отношений, формирующихся у молодых людей в период их обучения в высшем учебном заведении. Представленные аргументы приводят к необходимости поиска новых эффективных подходов к формированию ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству.

Значение образовательных учреждений высшего образования в процессе формирования ценностного отношения студентов к Отечеству не может быть недооценено. В государстве студенчество рассматривается как значимый фактор прогресса, движущая сила общества, в связи с чем воспитательный процесс в вузе должен быть направлен на создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации студентов. Сегодня крайне важно ориентировать современную молодежь на ценностное отношение к своему Отечеству. Это способствует укреплению национального самосознания, сохранению традиционных российских ценностей. Студенческий период играет решающую роль для развития в личности общественно значимых ценностей [Крайник, Прищепа, 2019]. Именно в студенческой среде человек начинает осознавать себя личностью, способной к принятию решений и осознанию значимости своих действий. Студенческие годы являются этапом, когда человек начинает нести ответственность не только за себя, но и за окружающих его людей, стремясь внести вклад в развитие и процветание Отечества [Нефедова, 2018. с. 74]. Студенческая среда может рассматриваться и как индикатор настроений в обществе, поскольку она включает в себя представителей различных социальных слоев, при этом в высших учебных заведениях сосредоточена наиболее интеллектуально развитая, аналитически мыслящая и стремящаяся к саморазвитию часть молодежи [Чухров, 2021, с. 334]. Студенчество как социальный класс стоит наиболее близко к интеллигенции, которая представляет собой «интеллектуальный портфель» в сфере интеллектуального труда [Крайник, Прищепа, 2019]. Кроме того, студенческая молодежь, благодаря постоянному общению, характеризуется высокой степенью сплоченности [Чухров, 2021, с. 334].

Таким образом, проблема формирования ценностного отношения личности к Отечеству сегодня привлекает внимание исследователей из различных областей науки. При этом в современной научной литературе понятие «ценностное отношение к Отечеству» получает многоаспектную интерпретацию. Комплексный характер феномена «ценностное

отношение к «Отечеству» обуславливает необходимость междисциплинарного исследовательского подхода, который является одним из основных инструментов для выявления условий и факторов, способствующих результативному формированию ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству.

Цель исследования – расширить понятие «ценностное отношение к Отечеству» с научно-педагогической точки зрения на основании философской, социологической, психологической и педагогической теорий.

Материалы и методы исследования

Объект исследования – воспитание ответственной высоконравственной личности, гражданина, патриота, человека труда, причастного к историко-культурной общности российского народа и судьбе России, разделяющего традиционные духовно-нравственные ценности, трепетно относящегося к культурному наследию многонационального народа, способного и готового к мирному созиданию и защите Отечества как комплексный феномен, направленный на формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству.

Теоретической основой исследования стали работы отечественных ученых, в которых подробно рассматривается определение данного феномена с философских, социологических, психологических и педагогических позиций.

Методологическим основанием исследования выступил аксиологический подход как ключевая методология инновационных преобразований современного образования и воспитания, ориентированная на традиционных российских ценностях.

В ряду методов исследования: теоретический анализ научной литературы в области философии, социологии, психологии и педагогики, контент-анализ научных публикаций, синтез, обобщение, конкретизация.

Ценностное отношение к Отечеству в философии как составляющая социокультурного бытия индивида

Система ценностей, ценностных отношений и ориентаций представляет собой ключевой элемент внутреннего мира личности, который влияет на его взаимодействие с окружающей действительностью.

Обратимся к анализу природы понятия «ценностное отношение к Отечеству» в философии. С.Ю. Иванова рассматривает отношение к Отечеству как «ценностное отражение в сознании и поведении людей связи человека с конкретным пространственно-временным, социокультурным, национально-государственным континуумом» [Иванова, 2004, с. 11]. С.В. Килин указывает на двойственное природно-духовное начало «различённого единства» понятий «Родина» и «Отечество». Непосредственно-естественная любовь к Родине как к тому месту, в котором человек родился и вырос, проявляющаяся во время военных действий и различных катастроф, временно-исторична. Деятельная любовь к Отечеству, необходимая в мирной жизни, вечно-логична [Килин, 2020, с. 125]. Интересен взгляд Г.П. Отюцкого, который определяет ценностное отношение к Отечеству как «позитивное отношение субъекта к объекту (это не означает, что человек не должен видеть проблем и недостатков своего Отечества), устремленность на решение проблем и минимизацию недостатков, которое реализуется посредством накопленного субъектом культурного ресурса» [Отюцкий, 2023, с. 189]. По мнению философа, только в случае, когда знания и чувственно-эмоциональные характеристики субъекта служат мотивами к деятельности, они становятся компонентами ценностного отношения к Отечеству [там же]. Рассматривая понимание Отечества как ценности российским социумом, В.И. Лутовинов обращает внимание на его своеобразие. и определяет отношение человека к Отечеству как к симбиозу безграничности, моци, непредсказуемости, судьбоносности, многострага-

дальности, жертвенности; неиссякаемому источнику духовно-нравственных сил, величия культурно-исторического наследия прошлого, наполняющему смыслом жизнь людей, помогающему объединиться в интересах общества и государства и призванному облегчить трудности и справиться с испытаниями соотечественникам. Отношение у Отечеству ученый трактует как эмоционально-возвышенное, одно из высших чувств человека», понимая под этим «возвышенность любви к нему и силу долга [Лутовинов, 2013].

Итак, понятие «ценностное отношение к Отечеству» в философии рассматривается как существенная составляющая социокультурного бытия индивида. Отношение к Отечеству представляет собой один из видов духовной деятельности, интегрированной в системе объект-субъектных отношений и являющейся источником эмоционально-ценностного развития личности. Ценостное отношение к Отечеству определяется историческим контекстом, что объясняется реальной необходимостью, диктуемой конкретной эпохой.

Обращаясь к проблеме формирования ценностного отношения студентов вузов к Отечеству, стоит отметить, что отношение к Отечеству как ценности служит основой материализации патриотического сознания и практической реализации деятельности студентов на благо Отечества. Чувство сопричастности к проблемам государства представляет собой субъективный процесс, отражающий то, как студенты оценивают собственные потребности и интересы и соотносят их со стремлениями и предпочтениями сограждан и социума в целом. Проявление ценностного отношения студентов вузов к Отечеству на практике должно выражаться через деятельность, обусловленную патриотическим сознанием и готовностью к практическим, оценочным и интеллектуальным действиям, реализации творческих способностей, направленных на достижение позитивных изменений в обществе. Эта деятельность является фундаментом ценностного отношения к Отечеству, представляя собой его конкретную и видимую сторону.

Ценостное отношение к Отечеству в социологии как нравственный принцип

Проблема ценностного отношения личности к Отечеству представлена и в исследованиях социологов. В.А. Ружа, акцентируя внимание на том, что ценностное отношение невозможно без субъекта и объекта, рассматривает ценностное отношение к Отечеству как измерение взаимодействия между социальными субъектами и государством. В качестве объекта выступает Отечество, а субъектом являются все социальные образования, такие как личность, социальные группы, слои, классы, нации, различные общности, осуществляющие свою деятельность в политической, экономической и других сферах общества [Ружа, 2012]. Нам близка точка зрения Д.В. Трынова, согласно которой отношение к Отечеству, обществу, истории государства является отражением системы ценностей человека, при этом немаловажным является направленность личности на конкретную деятельность и тип поведения [Трынов, 2016, с. 13]. С.О. Елишев, определяя ценностное отношение субъекта к Отечеству, подчеркивает важность таких аспектов, как любовь к своей стране, преданность ей и стремление своими поступками удовлетворять ее интересы [Елишев, 2012]. Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова, А.Ш. Дубина раскрывают педагогический потенциал ценностных ориентаций студенческой молодежи на Отечество на базе социокультурного аспекта как совокупную величину знаний, оценочных суждений, социальных установок, формирующих отношение к Отечеству, регулирующих социальное поведение и служащих социальным ресурсом для укрепления единства общества [Рожкова и др., 2023, с. 78].

Таким образом, в социологии ценностное отношение к Отечеству интерпретируется как социальное чувство, нравственный принцип. В его основе лежит любовь к Отечеству, осознание его величия и славы, эмоциональная связь с родной землей, преданность и самоотверженность в интересах страны. Основные векторы социологических исследований

сосредоточены преимущественно на изучении социокультурных аспектов, различных форм проявления ценностного отношения к Отечеству и их влияния на общественные процессы.

Ценностное отношение к Отечеству в психологии как разнообразие субъективных и личностно-переживаемых связей человека с окружающим миром

Исследование ценностного отношения личности к Отечеству является актуальной темой в современной психологии. Б.С. Братусь считает необходимым говорить о том, что отношение к Отечеству, родному языку, национальным традициям и обычаям представляет собой ключевой элемент нравственного сознания человека [Братусь, 1993]. Достойно внимания мнение А.А. Грачева, который трактует отношение к Отечеству в контексте прикладной психологии как результат взаимодействия между двумя субъектами. В этом процессе как человек, так и Отечество демонстрируют активное взаимодействие: человек выступает как часть социума, предъявляющего к нему определенные требования, в то время как Отечество, будучи средой его жизнедеятельности, стремится удовлетворить эти требования, создавая условия для реализации жизненных интересов [Грачев, 2018]. Стоит согласиться с научным взглядом С.И. Кудинова, И.Б. Кудиновой, С.А. Гаврилушкина, А.В. Потемкина, с точки зрения которых ценностное отношение к Отечеству представляет собой не просто эмоциональный порыв, а свойство личности, находящее свое выражение в глубоко осознанном мировоззрении [Кудинов и др., 2018]. В своих исследованиях М.В. Тарасов обосновывает позицию, согласно которой отношение человека к Отечеству рассматривается как система взглядов и устремлений, варьирующихся по степени осознанности и рефлексии, т. к. у человека психическое является сознательным, однако не все его аспекты осознаются ясно и отчетливо [Тарасов, 2020]. А.М. Князев обращает особое внимание на взаимосвязь отношения к Отечеству с психологическим аспектом гражданственности и выявляет две плоскости: знания и отношение личности к государству, обществу, к себе как гражданину, а также к своим гражданским правам и обязанностям, обеспечивающим человеку благополучную жизнь в этом государстве и реализацию прав и обязанностей гражданина в политической и социокультурной сфере [Князев, 2007]. Д.В. Григорьев, И.В. Кулешова, П.В. Степанов, авторы методики «Диагностика личностного роста», направленной на изучение ценностного отношения подростков к ряду значимых объектов, включая Отечество, рассматривают ценностное отношение как «отношение объекта со стороны субъекта как ценности», выражающееся в оценивании ценности (выявлении объективной значимости объекта) и наделении смыслом (присвоении объекту личного, субъективного значения) [Степанов и др., 2003, с. 11–12].

Резюмируя, отметим, что в психологии понятие «ценностное отношение к Отечеству» охватывает спектр субъективных и личностно-переживаемых связей человека с окружающим миром. Свойства объектов, обладающих значимостью для личности, удовлетворяют ее интересам и потребностям, а также проявляются в активном стремлении к деятельности [Неволина, Жуйков, 2025].

Ценностное отношение к Отечеству в педагогике как неотъемлемая часть всестороннего развития личности

Научное познание ценностного отношения личности к Отечеству является предметом исследований современных педагогов. А.Н. Вырщикова, М.Б. Кусмарцева, рассматривая Отечество, отчизну, Родину как державную ценность [Вырщикова, Кусмарцев, 2006, с. 154], утверждают, что отношение к Родине есть «позиция в пространстве-времени актуального существования индивида в континууме малой и большой Родины» [Вырщикова, Кусмарцев, 2006, с. 79]. В контексте нашего исследования особое значение приобретает мнение С.И. Федоровой, акцентирующей внимание на формировании ценностного отношения

студентов к героическому прошлому России. Она рассматривает ценностное отношение как «интегративное устойчивое образование в структуре личности студента, включающее восприятие и понимание исторической действительности, развитие способности к ценностному осмыслинию исторических знаний, осознание социальной значимости сохранения исторического наследия родной страны, формирование позиции по отношению к героическому прошлому как к личностной ценности» [Федорова, 2014, с. 99]. Практическая значимость педагогических изысканий З.М. Явгильдиной, Р.И. Салаховой, Р.Ф. Салахова состоит в разработке модели формирования ценностного отношения молодежи к Родине на основе народных художественных промыслов. В теоретической части к заслугам исследователей следует отнести определение понятия «ценностное отношение к Родине» как «интегративного качества личности, которое связано с формированием социально-ценостных умений, направленных на освоение социальных ценностей общества, уважения и любви к Родине, ее традициям и нормам, проявления патриотических чувств и гражданских качеств, а также реализацию когнитивного, эмотивного и поведенческого компонентов, обеспечивающих последовательный процесс социализации, инкультурации и индивидуализации молодежи» [Явгильдина и др., 2017, с. 14]. Обращаясь к проблеме развития ценностного отношения к Родине у студентов вуза средствами казахской этнопедагогики, М.К. Мурзабеков исследует ценностное отношение к Родине в качестве «интегральной характеристики личности, которая характеризуется устойчивой особой предпочтитающей связью индивида с Родиной, выражающейся в осознанном отношении к Родине, к малой Родине, осмыслинии и принятии особого значения Родины, отношение к родине как высшей ценности для любого индивида, общества в целом» [Мурзабеков, 2018, с. 6]. О.К. Позднякова, Е.Л. Крылова видят прямую связь ценностного отношения к Отечеству с оценкой человеком собственной страны, ее исторического наследия и текущего состояния, а также народа, населяющего данную территорию, и его образа жизни [Позднякова, Крылова, 2019]. Для нашего исследования значима позиция Л.С. Лобченко, Л.П. Разбегаевой, которые отождествляют понятие «ценностное отношение к героическим традициям» с личностными знаниями и собственными оценками ценности, эмоциональными переживаниями, перерастающими в личностный смысл и в дальнейшем переходящими в реализацию деятельности в аспекте личностной и социальной значимости героизма. Авторы трактуют данное понятие как «интегративное личностное образование, характеризующееся осознанием личностной значимости ратного и трудового служения Отечеству» [Лобченко, Разбегаева, 2016, с. 18]. Представляет интерес мнение О.Т. Ковешниковой, В.А. Куликовой, рассматривающих ценностное отношение к Отечеству как личностный результат учебных занятий по истории, а также разнообразных форм дополнительного образования, создания ситуаций, в которых молодое поколение переживает чувства любви и гордости за свою страну. Авторы ассоциируют ценностное отношение обучающихся к Отечеству с проявлением гражданственности [Ковешникова, Куликова, 2016]. Полностью разделяем позицию Е.А. Мацефук, П.В. Разбегаева, которые связывают ценностное отношение обучающихся к Отечеству с ответственностью в принятии решений, оказывающих влияние на судьбу человека, семьи или Родины [Мацефук, Разбегаев, 2020].

Учитывая специфику присвоения личностью ценностей и опираясь на исследования Л.П. Разбегаевой о структуре ценностных отношений [Разбегаева, 2001, с. 191–192], мы полагаем, что ценностное отношение студентов вузов к Отечеству выполняет следующие функции: информационно-оценочную (фиксация информации о ценности Отечества и оценивание значимости данной ценности), личностную (эмоциональный отклик на знания о ценности Отечества), прогностическую (целенаправленная активность студентов в процессе присвоения ценности Отечества). Указанные функции демонстрируют взаимосвязь между ценностным отношением к Отечеству и личностью студента. Эти функции не существуют изолированно, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что понятие «ценностное отношение к Отечеству» в педагогике рассматривается как неотъемлемая часть всестороннего, целостного развития личности. Основой данного процесса выступает индивидуальный опыт, складывающийся во взаимодействии с другими людьми и в ходе общения и деятельности. Этот опыт неизбежно преломляется через личные предпочтения в распределении усилий, целеустремленности и инициативности, направленных либо на краткосрочные задачи, либо на долгосрочное планирование с учетом присвоенных человеком общечеловеческих ценностей. Эмоции играют ключевую роль в формировании ценностного отношения к Отечеству, при этом акцент делается на их динамичном характере, гибкости и потенциале для совершенствования посредством воспитания [Неволина, Жуйков, 2025].

Ценностное отношение к Отечеству как комплексный феномен

Освещением аспектов проблемы формирования ценностного отношения студенческой молодежи к Отечеству в научном дискурсе и в общественном пространстве занимаются многие отечественные представители философских, социологических, психологических, педагогических наук. Философы [Иванова, 2004; Килин, 2020; Луговой, 2010; Отюцкий, 2023; Лутовинов, 2013] ставят перед собой задачу наиболее всестороннего и основательного понимания сущности идей и идеалов служения Отечеству, а также их места в структуре мировоззрения подрастающего поколения. Социологи [Ружа, 2012; Трынов, 2016; Елишев, 2012; Рожкова и др., 2023] рассматривают Отечество как фундамент объединения людей в различные социальные группы и общности, социальные институты и организации. Специалисты в области психологии [Братусь, 1993; Грачев, 2018; Кудинов и др., 2018; Тарасов, 2020; Князев, 2007; Степанов и др., 2003] анализируют ценностное отношение молодежи к Отечеству в контексте когнитивно-поведенческого ракурса. В педагогических научных изысканиях ученые [Вырщикова, Кусмарцев, 2006; Федорова, 2014; Явгильдина и др., 2017; Мурзабеков, 2016; Позднякова, Крылова, 2019; Лобченко, Разбегаева, 2016; Ковешникова, Куликова, 2016; Мацефук, Разбегаев, 2020] стремятся найти наиболее эффективную стратегию формирования ценностного отношения студентов вузов к Отечеству, неоднократно подчеркивая важность воспитания ответственной высоконравственной личности, гражданина, патриота.

Изучение научных работ по данной тематике свидетельствует об отсутствии единого общепринятого определения понятия «ценностное отношение студентов вузов к Отечеству». Это обусловлено разнообразием точек зрения и методологических подходов, используемых различными авторами. Однако большинство исследователей рассматривают данную дефиницию как интегративное качество личности либо устойчивое образование в структуре личности студента.

Анализ понятия «ценностное отношение студентов вузов к Отечеству» в философии, социологии, психологии и педагогике позволил сделать вывод о том, что ценностное отношение к Отечеству обусловлено личностными знаниями, потребностями, интересами, идеалами, убеждениями, оценками, предпочтениями, воздействием на эмоциональную сферу (чувства, эмоции, переживания, настроение) и вовлечением в социально значимую и ответственно-полезную деятельность.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что воспитательный процесс немыслим без опоры на ценности, которые способствуют осмыслиению норм, идеалов и эталонов, а также координации общества и поведения людей. Ценности служат ориентиром для деятельности личности при условии, что у нее сформировано ценностное отношение.

В основе системы патриотического воспитания студенческой молодежи должно лежать междисциплинарное понятие «ценное отношение к Отечеству», объединяющее различные трактовки в единое целое. Множество авторских определений, находясь в гармоничном единстве, представленных в данном исследовании, отражают исторические и логические аспекты, природные и идеальные основы, а также взаимосвязь «родного и вселенского» начал. Выявленные философские, социологические, психологические и педагогические аспекты исследуемой проблемы позволили утверждать, что отношение к Отечеству проявляется на уровне ценностей и является фундаментальной духовно-ценной основой эффективного процесса формирования личности.

Исследование показало, что с теоретической точки зрения ценностное отношение к Отечеству есть не просто чувство, а совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих качеств личности. Оно включает в себя любовь к Отечеству как социальное чувство, патриотическую идеологию, морально-нравственные принципы, а также направленность поведения, выражющуюся в готовности к активно-деятельностной самореализации.

Ценностное отношение к Отечеству мы определяем как личностную характеристику, отражающую ценностное осмысление исторических знаний, избирательную позицию к государству, к себе как гражданину, к своим гражданским правам и обязанностям, а также опыт деятельности на благо Отечества.

Особенностью авторского понятия «ценное отношение к Отечеству» является его содержание, сформированное с учетом широких научных представлений о структурных компонентах ценностного отношения к Отечеству (гносеологического, аксиологического, праксеологического) в отличие от существующих в исследованиях компонентов изучаемой дефиниции: мотивационно-ценного, содержательно-практического, личностного (С.И. Федорова); когнитивно-оценочного, эмоционально-смыслового, деятельностного (Л.С. Лобченко).

Полагаем, что представленное определение и дальнейший научный поиск в рамках исследуемой проблемы приведет к совершенствованию процесса формирования ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству, поскольку от успешности реализации данной деятельности напрямую зависит будущее нашей страны.

Полученные в ходе исследования данные обладают значительным научно-практическим потенциалом. С одной стороны, они вносят существенный вклад в развитие теоретических основ воспитательной работы со студентами российских вузов, углубляя понимание механизмов формирования ценностного отношения к Отечеству, с другой – создают эмпирическую базу для разработки инновационных педагогических методик, направленных на воспитание ответственной высоконравственной личности, гражданина, патриота, человека труда, ощущающего связь с историческим и культурным единством российского народа и судьбой страны, разделяющего традиционные российские духовно-нравственные ценности, бережно относящегося к культурному наследию народа, готового к созиданию и защите Отечества.

Результаты исследования будут востребованы учеными, преподавателями высшей школы для проведения научных изысканий и позволят повысить качество организации воспитательной работы со студентами.

Список литературы

Братусь Б.С. 1993. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века. *Вопросы психологии*, 1: 6–13.

Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. 2006. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград, Авторское перо, 172 с.

Грачев А.А. 2018. Отношение к отечеству как проблема прикладной психологии. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 3–2(10): 134–153.

Елишев С.О. 2012. Основы национальной политики. Москва, Канон+РООИ «Реабилитация», 352 с.

Иванова С. Ю. 2004. Патриотизм в культуре современной России. *Автореф. дис. ... доктора филос. наук.* Ставрополь. 46 с.

Килин С.В. 2020. Теоретические, ценностные и организационно-правовые основы формирования патриотического умонастроения у современной молодёжи. *Вестник славянских культур*, 58: 122–137. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-122-137

Князев А.М. 2007. Воспитание гражданственности. Москва, Издательство Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 21 с.

Ковешникова О.Т., Куликова В.А. 2016. Ценностное отношение к Отечеству как личностный результат обучения истории. В кн.: Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, 5–6 апреля 2016 года). Под ред. А.В. Коричко. Нижневартовск, Издательство Нижневартовского государственного университета: 321–325.

Крайник В. Л., Прищепа М.А. 2019. К вопросу о патриотическом воспитании студентов в современном вузе. *Мир науки, культуры, образования*, 2(75): 208–210.

Кудинов С.И. Кудинова И.Б., Гаврилушкин С.А., Потемкин А.В. 2018. Системное исследование патриотичности и ответственности личности. Москва, Российский университет дружбы народов, Пере, 263 с.

Лобченко Л.С., Разбегаева Л.П. 2016. Сущностные характеристики ценностного отношения к героическим традициям. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 7(111): 14–19.

Лутовинов В.И. 2013. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. *Studia Humanitatis*, 2: 18.

Мацефук Е.А. Разбегаев П.В. 2020. Духовно-нравственные ценности как основа воспитания патриотизма. *Мир науки, культуры, образования*, 4(83): 199–201.

Мурзабеков М.К. 2018. Развитие ценностного отношения к Родине у студентов вуза средствами казахской этнопедагогики: *Автореф. дис. ... канд. пед. наук.* Казань, 23 с.

Неволина В. В., Жуйков С.О. 2025. Научно-педагогическое осмысление понятия «ценностное отношение». *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 3 (64): 29–35. DOI: 10.37386/2413-4481-2025-3-29-35.

Нефедова А. С. 2018. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. Т. 13, 5: 71 – 76.

Отюцкий Г.П. 2023. Культура патриотизма как научное понятие и социальный феномен. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 12(5А-6А): 185–194.

Позднякова О.К., Крылова Е.Л. 2019. Структура патриотического сознания молодёжи: педагогический аспект. *Самарский научный вестник*, 8(3(28)): 304–310.

Разбегаева Л.П. 2001. Ценностные основания гуманитарного основания. Волгоград, Перемена, 288 с.

Ружа В.А. 2012. Социокультурный подход как методологическая основа социологической интерпретации понятия патриотизм. *Современные исследования социальных проблем*, 5(13): 38. URL: <https://clk.li/eQEN> (дата обращения: 11.11.2025).

Рожкова Л.В., Сальникова О. В., Дубина А.Ш. 2023. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1: 76–88. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-8

Санникова Т.Д., 2021. Трансформация системы ценностей и рост социальной энтропии как угрозы нарастания социально-экономических деформаций. *Креативная экономика*, 15(11): 4295–4308. DOI: 10.18334/ce.15.11.113684

Степанов П.В., Григорьев Д.В., Кулешова И.В. 2003. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе. Под. Ред. Н.Л. Селивановой, В.М. Лезинского. Москва, Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, 82 с.

Тарасов М.В. 2020. Образ Родины: обоснование и апробация диагностического инструментария. *Экспериментальная психология*, 13(4): 205–219. DOI: 10.17759/expsy.2020130415

Томилин А.Н., Ильченко Л.П., Касимова Н.С. 2024. Основные тенденции и проблемы патриотического воспитания студенческой молодежи. *Мир науки, культуры, образования*, 2(105): 163–166.

Трынов Д.В. 2016. Патриотические установки молодежи Свердловской области: ценностные ориентации и практическая деятельность. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 124 с.

Тузиков А. Р. 2020. Высшее образование: Идеологемы реформ и практика имитаций. *Управление устойчивым развитием*, 1(26): 60–65.

Федорова С.И. 2014. Теоретические подходы к формированию ценностного отношения студентов к героическому прошлому через духовность. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 1: 95–99.

Чухров А.С. 2021. Особенности патриотического воспитания студентов технического вуза. *Мир науки, культуры, образования*, 6(91): 333–335.

Явгильдина З.М., Салахова Р.И., Салахов Р.Ф. 2017. Формирование ценностного отношения молодежи к Родине средствами народных художественных промыслов: теоретико-методологический аспект. Казань, Издательство Казанского государственного института культуры, 174 с.

References

Bratus' B.S. 1993. K probleme nравственного соznания v kul'ture ukhodyashchego vekam [On the Problem of Moral Consciousness in the Culture of the Outgoing Century]. *Voprosy psikhologii*, 1: 6–13.

Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. 2006. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve [Patriotic education of youth in modern Russian society]. Volgograd, Publ. Avtorskoe pero, 172 p.

Grachev A.A. 2018. Relationship to the Fatherland as a Problem of Applied Psychology. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 3–2(10): 134–153. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document615.pdf> (accessed: 11.11.2025)

Elishev S.O. 2012. Osnovy natsional'noi politiki [Fundamentals of National Policy]. Moscow, Publ. Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 352 p.

Ivanova S.Yu. 2004. Patriotizm v kul'ture sovremennoj Rossii. [Patriotism in the culture of modern Russia]. Abstract dis.... dr. philos. sciences. Stavropol. 46 p.

Kilin S.V. 2020. Evolution, value, organizational and legal framework for instilling patriotic mentality in modern Russian youth. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 58: 122–137 (in Russian).

Knyazev A.M. 2007. Vospitanie grazhdanstvennosti [Education of citizenship]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Rossiiskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 21 p.

Koveshnikova O.T., Kulikova V.A. 2016. Tsennostnoe otnoshenie k Otechestvu kak lichnostnyi rezul'tat obucheniya istorii [Value-based attitude towards the Fatherland as a personal result of history training]. In: Vosemnadtsataya Vserossiiskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Eighteenth All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University] (Nizhnevartovsk, April 5–6, 2016). Ed. A.V. Korichko. Nizhnevartovsk, Publ. Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: 321–325.

Krajnik V.L., Prishhepa M.A. 2019. K voprosu o patrioticheskem vospitanii studentov v sovremennom vuze [On the issue of patriotic education of students in a modern university] Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya, 2(75): 208–210 (in Russian).

Kudinov S.I. Kudinova I.B., Gavrilushkin S.A., Potemkin A.V. 2018. Sistemnoe issledovanie patriotichnosti i otvetstvennosti lichnosti [A Systematic Study of Patriotism and Personal Responsibility]. Moscow, Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov, Pero, 263 p.

Lobchenko L.S., Razbegaeva L.P. 2016. Essential features of value attitude to heroic traditions. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7 (111): 14–19.

Lutovinov V.I. 2013. Current Russian Patriotism: Matter, Features, main Directions. *Studia Humanitatis*, 2: 18 (in Russian). URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (accessed: 11.11.2025).

Matsefuk E.A., Razbegaev P.V. 2020. Spiritual and moral values as the basis for the education of patriotism. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(83): 199–201 (in Russian).

Murzabekov M.K. 2018. Razvitie cennostnogo otnosheniya k Rodine u studentov vuza sredstvami kazaxskoj e`tnopedagogiki: [Development of a value-based attitude towards the Motherland among university students through Kazakh ethnopedagogy] *Abstract. dis. ... cand. ped. sciences*. Kazan, 23 p.

Nevolina V.V., Zhukov S.O. 2025. Nauchno-pedagogicheskoe osmy'slenie ponyatiya cennostnoe otnoshenie [Scientific and pedagogical understanding of the concept of «value attitude»] *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3 (64): 29-35. (in Russian).

Nefedova A.S. 2018. Patrioticheskoe vospitanie studentov v sovremennom vuze. *Ucheny'e zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 13, 5: 71 – 76.

Otyutskii G.P. 2023. Culture of patriotism as a scientific concept and social phenomenon. *Context anReflection: Philosophy of the World and Human Being*, 12(5A-6A): 185–194 (in Russian).

Pozdnyakova O.K., Krylova E.L. 2019. The Structure of the Patriotic Consciousness of Youth: the Pedagogical Aspect. *Samara Journal of Science*, 8(3(28)): 304–310 (in Russian). DOI: 10.24411/2309-4370-2019-13313

Razbegaeva L.P. 2001. *Tsennostnye osnovaniya gumanitarnogo osnovaniya* [Value Foundations of the Humanitarian Foundation]. Volgograd, Publ. Peremeny, 288 p.

Ruzha V.A. 2012. Sociocultural Approach as Methodological Basis of Sociological Interpretation of Concept Patriotism. *Modern Research of Social Problems*, 5(13): 38. URL: <https://clk.li/eQEN> (accessed: 11.11. 2025)

Rozhkova L.V., Sal'nikova O.V., Dubina A.Sh. 2023. The structure and dynamics of patriotic values of modern student youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 1: 76–88 (in Russian).

Sannikova T.D. (2021) Transformatsiya sistemy tsennostey i rost sotsialnoy entropii kak ugrozy narastaniya sotsialno-ekonomiceskikh deformatsiy [The value system transformation and the social entropy growth as a threat of socio-economic deformations]. *Kreativnaya ekonomika*, 15(11): 4295–4308 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.15.11.113684

Stepanov P.V., Grigor'ev D.V., Kuleshova I.V. 2003. Diagnostika i monitoring protsessa vospitaniya v shkole [Diagnostics and monitoring of the educational process at school]. Eds. N.L. Selivanova, V.M. Lezinsky. Moscow, Publ. Akademiya povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 82 p.

Tarasov M.V. 2020. Image of Motherland: Justification and Approbation of Diagnostic Tools. *Experimental Psychology*, 13(4): 205–219 (in Russian). DOI: 10.17759/exppsy.2020130415

Tomilin A.N., Il'chenko L.P., Kasimova N.S. 2024. Osnovnye tendencii i problemy' patrioticheskogo vospitaniya studencheskoy molodezhi. [The main trends and problems of patriotic education of students] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2(105): 163–166 (in Russian).

Trynov D.V. 2016. Patrioticheskie ustanovki molodezhi Sverdlovskoi oblasti: tsennostnye orientatsii i prakticheskaya deyatelnost' [Patriotic attitudes of youth in the Sverdlovsk region: value orientations and practical activities]. Yekaterinburg, Publ. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 124 p.

Tuzikov A.R. 2020. Vy'sshee obrazovanie: Ideologemy' reform i praktika imitacij. [Higher education: Ideologems of reforms and practice of imitations] *Upravlenie ustojchivym razvitiem*, 1(26): 60–65 (in Russian).

Fiodorova S.I. Theoretical Approaches to Shaping in Students an Attitude of Respect to The Heroic Past By Affecting Their Spiritual Selves. *Historical and Social-Educational Idea*, 1: 95–99.

Chuxrov A.S. 2021. Osobennosti patrioticheskogo vospitaniya studentov texnicheskogo vuza. [Features of patriotic education of technical university students] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 6(91): 333–335 (in Russian).

Yavgil'dina Z.M., Salakhova R.I., Salakhov R.F. 2017. Formirovanie tsennostnogo otnosheniya molodezhi k Rodine sredstvami narodnykh khudozhestvennykh promyslov: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Formation of the youth's value attitude towards the Motherland by means of folk arts and crafts: theoretical and methodological aspect]. Kazan, Publ. Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, 174 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.05.2025

Received May 28, 2025

Поступила после рецензирования 3.10.2025

Revised October 03, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жуйков Сергей Олегович, аспирант кафедры общей и профессиональной педагогики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey O. Zhuikov, Postgraduate Student of the Department of General and Professional Pedagogy, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

УДК 316.774:316.346.32-053.6(575.2)
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-740-753
EDN МЕНИКК

Влияние цифровых каналов коммуникации на отношение молодежи Кыргызстана к традиционным ценностям

Эшимбекова Н.С.

Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
Кыргызская Республика, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44
nursuluusarybaevna@gmail.com

Аннотация. Роль цифровых каналов коммуникации в формировании мировоззрения молодежи Кыргызстана заметно усиливается, что ставит под вопрос устойчивость традиционных социокультурных установок. Однако специфика и механизмы трансформации национальных традиционных ценностей кыргызстанской молодежи изучены недостаточно. Цель исследования – выявить основные механизмы изменения отношения молодежи к традиционным ценностям под воздействием цифровых каналов коммуникации. Исследование проведено на основе анкетирования студентов Кыргызско-Российского Славянского университета и качественного контент-анализа медийного контента. Установлено, что цифровые каналы формируют альтернативное дискурсивное пространство, в котором происходит смена ценностных приоритетов молодежи в пользу индивидуалистических взглядов и глобализированных форм самореализации. Выявлены маркеры семантического переопределения традиционных элементов, которые иллюстрируют эволюцию национального самосознания и отход от этнических ценностных категорий к универсальным формам существования (например, в вопросах семейных ролей и личностной самореализации). Определено, что ключевыми механизмами трансформации являются: эффект референтной социализации (перенос авторитета от традиционных институтов к цифровым лидерам мнений) и автономизация идентичности, ведущая к доминированию индивидуалистических целей над коллективными. Полученные результаты вносят вклад в социологию коммуникации, отражая эволюцию этнических и социальных образов в сознании молодежи Кыргызстана под влиянием цифровых медиа.

Ключевые слова: виртуальная реальность, воспитание, семья, глобализированные ценности, этнические ценности, каналы цифровой коммуникации, национальное самосознание, традиционные ценности, трансформация системы ценностей молодежи

Для цитирования: Эшимбекова Н.С. 2025. Влияние цифровых каналов коммуникации на отношение молодежи Кыргызстана к традиционным ценностям. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 740–753. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-740-753 EDN: МЕНИКК

The Impact of Digital Communication Platforms on the Kyrgyz Youth's Attitudes to Traditional Values

Nursuluu S. Eshimbekova

B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University
44 Kievskaya St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic
nursuluusarybaevna@gmail.com

Abstract. The role of digital communication channels in shaping the worldview of the youth in Kyrgyzstan is significantly increasing, which calls into question the sustainability of traditional socio-cultural attitudes.

However, the specificity and mechanisms of transformation of the national traditional values of Kyrgyz youth remain insufficiently studied. The aim of the study is to identify the main mechanisms through which the attitude of young people towards traditional values is changing under the influence of digital communication channels. The research was conducted through a survey of students at the Kyrgyz-Russian Slavic University and a qualitative content analysis of media content. The findings show that digital channels form an alternative discursive space in which the value priorities of young people shift in favor of individualistic views and globalized forms of self-realization. Markers of the semantic redefinition of traditional elements have been revealed, illustrating the evolution of national identity and a move away from ethnic value categories towards universal forms of existence (e.g., in matters of family roles and personal self-realization). The key mechanisms of this transformation are: the effect of referent socialization (the transfer of authority from traditional institutions to digital opinion leaders) and the autonomization of identity, leading to the dominance of individualistic goals over collective ones. The results contribute to the sociology of communication, reflecting the evolution of ethnic and social images in the consciousness of the youth of Kyrgyzstan under the influence of digital media.

Keywords: virtual reality, upbringing, family, globalized values, ethnic values, digital communication channels, national self-awareness, traditional values, transformation of youth value system

For citation: Eshimbekova N.S. 2025. The Impact of Digital Communication Platforms on the Kyrgyz Youth's Attitudes to Traditional Values. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 740–753 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-740-753 EDN: МЕНИКК

Введение

Развитие цивилизационных процессов на современном этапе неразрывно связано с глобальной цифровизацией и формированием сетевого общества, что приводит к радикальной трансформации социальных институтов и коммуникационных практик. В этих условиях при разработке стратегии развития государства, особенно в поликультурных регионах, важно выявлять социокультурные последствия цифровой трансформации, связанные с состоянием национального мировоззрения и ценностных установок молодежи.

На фоне этих глобальных сдвигов информация и знания в сетевом обществе перестают быть просто инструментами, выступая как средство, цель и самостоятельная ценность. Это обусловлено тем, что они формируют «культуру реальной виртуальности», непосредственно влияющую на социальные и этнические конструкты. М. Кастельс писал о том, что «информационная эпоха началась не с компьютеризации и Интернета, а с «массовой» культуры, основу которой в послевоенный период XX века образовали экранные СМК: кино, ТВ, реклама, чуть позже видео» [Кастельс, 2004, с. 5]. Информационная революция, переживаемая цивилизацией в настоящее время и вызывающая в научном сообществе наибольшие дискуссии, связана с внедрением искусственного интеллекта во все сферы жизни [Гончаров и др., 2014, с. 35–50, 71].

В Кыргызстане, как и в других постсоветских обществах с сильными традиционными устоями, наблюдается противоречие между деятельностью современных государственных институтов (основанных на светских, правовых и образовательных нормах) и этноидеологемами, которые определяют существование традиционных общественных структур. Разная скорость адаптации этих двух систем к глобальным вызовам приводит к ценностному разрыву между поколениями. Традиционные ценности, транслируемые семьей и старейшинами, сталкиваются с универсальными моделями, продвигаемыми цифровыми медиа. Интерес в данном аспекте представляет соотношение ценностей, формируемых культурой «реальной», опирающейся на традицию, и культурой виртуальной, понимаемой как «информационно-техническое пространство – киберпространство: технически опосредованная среда, информационный ресурс современного общества, медийная среда культуры» [Усанова, 2013, с. 70]. В этом контексте возрастает роль цифровых лидеров

мнений (блогеров). Их влияние обосновано тем, что они, транслируя новые модели успеха, потребления и личной самореализации, формируют референтные группы для молодежи и служат механизмом для переосмысливания традиционных норм. По мнению Кастельса, «сетевой индивидуализм является социальной структурой, а не собранием изолированных индивидуумов... Благодаря гибкости и коммуникационным возможностям Интернета онлайновое социальное взаимодействие играет все возрастающую роль в общественной организации в целом» [Кастельс, 2004, с. 158].

Анализ современных научных трудов позволяет выделить несколько ключевых направлений, связанных с темой исследования. Во-первых, работы, посвященные социологии сетевого общества и медиакультуре. М. Кастельс заложил основы анализа информационной эпохи и закономерностей развития информационного общества [Кастельс, 2004], Д.О. Усанова [2013] и И.В. Челышева [2016] исследовали феномен «виртуальной культуры» и социокультурного поля медиа, подчеркивая их влияние на формы культурного бытия и повседневность. Во-вторых, исследователи подтверждают тенденцию к трансформации ценностей под влиянием цифровых медиа. Р.С. Селезенев и Е.И. Скрипак анализируют социальные сети как феномен, предоставляющий широкие возможности для самовыражения, что соотносится с высшими потребностями личности [Селезенев, Скрипак, 2013]. Региональные исследования, в частности работы Г.У. Байбосуновой и З.А. Джунушалиевой, подтверждают, что в Кыргызстане молодое поколение переосмысливает традиционные ценности, интегрируя их с современными подходами к индивидуализму и личной свободе [Байбосунова, Джунушалиева, 2024]. Э.Б. Сальпиева также констатирует ориентацию молодежи постсоветского периода на восприятие глобализированных субкультурных образцов [Сальпиева, 2018].

Однако, несмотря на фундаментальные изыскания, в научном знании остается пробел относительно специфики и механизмов трансформации национальных, традиционных ценностей кыргызстанской молодежи под влиянием конкретных современных электронных средств коммуникации (социальные сети, мессенджеры). Отсутствует эмпирический анализ, направленный на идентификацию того, как именно цифровые площадки позволяют молодежи публично обсуждать и переопределять ранее непубличные или закрытые аспекты традиционных норм.

Это обстоятельство обусловило цель исследования – выявить и проанализировать основные механизмы изменения отношения молодежи Кыргызстана к традиционным ценностям под воздействием цифровых каналов. Предметом исследования выступает взаимовлияние глобализированных и этнических ценностей в системе мировосприятия, миропонимания современной кыргызстанской молодежи.

На основе анализа современного социокультурного контекста и первичного наблюдения за медиапотреблением молодежи Кыргызстана, нами выдвигается следующая гипотеза: под воздействием цифровых каналов коммуникации происходит смещение ценностных приоритетов молодежи Кыргызстана в сторону индивидуалистических и глобализированных моделей за счет ослабления традиционных этнических ценностей. Мы предполагаем, что это изменение осуществляется через механизмы референтной социализации, при которых цифровые лидеры мнений замещают авторитет традиционных институтов, и автономизации идентичности, выражющейся в приоритете личного успеха и самореализации над коллективными нормами.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели был использован комплекс социологических и аналитических методов. В качестве основного эмпирического метода было проведено

социологическое полевое исследование в форме анкетирования с последующим статистическим анализом полученных данных. К исследованию была привлечена студенческая молодежь Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан. Анкетирование проводилось 10–25 мая 2025 года. В опросе приняли участие 411 респондентов (студенты медицинского, экономического и гуманитарного факультетов КРСУ). Использовалась анкета, состоящая из 16 вопросов, направленных на определение уровня потребления цифрового контента; выявление основных каналов коммуникации (социальные сети, мессенджеры); оценку отношения к конкретным традиционным этническим ценностям (семейные роли, роль старших, обряды и т. д.); анализ факторов, влияющих на их изменение.

В дополнение к анкетированию был применен метод контент-анализа для изучения медийного контента в популярных среди молодежи цифровых каналах (*Instagram – признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ, TikTok, Telegram*). При включении TikTok в анализ учитывалось, что его доступ на территории Кыргызстана был официально ограничен 19 апреля 2024 года, однако, как показывают исследования и практика, платформа сохраняет высокую популярность среди молодежи и активно используется через VPN [Османалиева, 2024]. Это позволило выявить маркеры семантического переопределения традиционных элементов и новые дискурсивные практики, связанные с национальными ценностями.

Полученные количественные данные были обработаны с использованием методов математической статистики для обеспечения достоверности и обоснованности выводов.

Результаты и их обсуждение

Исследование направлено на анализ взаимосвязи между интенсивностью использования цифровых каналов коммуникации и трансформацией традиционных ценностей молодежи Кыргызстана.

Первый блок вопросов был направлен на анализ отношения молодежи к социальным сетям как к «доверительным» каналам коммуникации (табл. 1).

Анализ первого блока вопросов (табл. 1) показал высокую степень интеграции молодежи в цифровую среду и их зависимость от социальных сетей. 71 % респондентов указали *Instagram* (*признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ*) как наиболее часто используемую социальную сеть. Подавляющее большинство (86 %) опрошенных признали, что зависимость от социальных сетей является проблемой современного общества, хотя при этом 90 % ответили, что узнают что-то новое через социальные сети. Основными целями являются просмотр аудиовизуальных материалов (52 %) и общение с друзьями (31 %). Это подтверждает, что цифровые каналы являются ключевым каналом социализации и потребления контента.

Действительность демонстрирует новую повседневность, в которой «интернет-культура (киберкультура) определяется новыми формами культурного бытия, транслируемыми в повседневной жизни» [Челышева, 2016, с. 96]. Как выяснилось из опроса, влияние киберкультуры на жизнь молодого поколения преувеличено, респонденты вполне осознают свое существование в реальности и проводят четкие границы существования в реальном пространстве и виртуальном. Однако в целом ответы респондентов на вопросы относительно роли социальных сетей в их жизни свидетельствуют о поиске себя, новых контактов для личностной и профессиональной реализации и общения, желании быть сопричастными с какой-то общей идеей.

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов студентов Кыргызско-Российского Славянского университета
на вопросы о наиболее используемых цифровых каналах коммуникации
Distribution of responses from Kyrgyz-Russian Slavic University students regarding the most frequently
used digital communication channels

Вопрос и вариант ответа	Количество ответов, %
Какой социальной сетью Вы чаще пользуетесь?	
Instagram	71
Telegram	11
ВКонтакте	3
TikTok	3
Другое	12
Признаете ли Вы зависимость от социальных сетей проблемой современного общества?	
Имеется зависимость от социальных сетей	86
Не имеется зависимости от социальных сетей	14
С какой целью Вы часто пользуетесь социальными сетями?	
Просмотр и прослушивание видео- и аудиоматериалов	52
Общение с друзьями	31
Чтение новостей	10
Просмотр новостей	5
Участие в сообществах	7
Узнаете ли что-то новое через социальные сети?	
Да	90
Нет	10
Может ли виртуальное общение вытеснить реальное общение?	
Виртуальное не вытеснит реальное общение, т.к. реальное общение во всех аспектах лучше и его ничем нельзя заменить	79
Это зависит от человека.	19
Виртуальное общение может заменить реальное общение	2

Социализация. Результаты исследования демонстрируют фундаментальную трансформацию самого процесса социализации. Агенты первичной социализации сегодня уступают место различным лидерам мнений из массмедиа и социальных сетей [Гончаров и

др., 2014]. Мы считаем, что данный сдвиг происходит на фоне остановки процесса формирования идеологии на государственном уровне [Байбосунова, Джунушалиева, 2024].

Самоустраниe государства от внедрения идеологических концептов приводит к тому, что молодежь ищет эти концепты в альтернативных, часто закрытых общественных конструктах (религиозных, националистических). Экономические факторы усугубляют проблему: рост миграции (около 600 тысяч граждан КР находятся за пределами родины)¹ означает, что процесс воспитания в семьях мигрантов происходит через электронные средства коммуникации. Данная ситуация порождает риски десоциализации. «Если понимать под социализацией приобщение индивида к культуре и обществу, усвоение им существующих в обществе и культуре норм и привычек, а также результат этого процесса, то для современности характерна десоциализация как процесс освобождения индивида, обретения им независимости от влияний культуры и общества, нейтрализации для него (но не разрушения) общественных норм и привычек» [Гончаров и др., 2014, с. 74]. В виртуальной среде, где отсутствует контроль первичной социализации, фактически фиксируются все признаки десоциализации. Данная проблема была впервые в Кыргызстане официально озвучена в 2021 году, когда родители были обеспокоены тем, чем заняты в Интернет их дети, опасаясь угрозы со стороны сетевых экстремистских вербовщиков. Как отмечает коммерческий директор регионального отделения Лаборатории Касперского в Казахстане, Центральной Азии и Монголии Валерий Зубанов: «В Кыргызстане у 43% учеников младших классов есть профили в социальных сетях. Статистика показывает, что 95% всех старшеклассников присутствуют в соцсетях. Больше половины несовершеннолетних получают приглашения на дружбу от незнакомцев. Тридцать четыре процента их друзей — взрослые, незнакомые им в реальной жизни люди. По словам Зубанова, уникального приложения или программы, которая могла бы защитить ребенка от нежелательной информации в сети, нет»².

Виртуальная среда восполняет недостаток реального общения, создавая комьюнити без границ. Это становится решающим фактором в выборе молодежью электронных средств коммуникации, которые, помимо общения, предоставляют возможности сопричастности и самореализации, замещая ослабленные традиционные институты.

Анализ агентов социализации и поиска идентичности. Представляют интерес вопросы о воспитании, возможностях реализации, идентификации молодежи. Ответы на вопросы (табл. 2) позволяют понять, насколько искренне молодежь-привязана к своей семье или же ответы представляют общепринятый социальный ритуал вежливости — всегда положительно отзываться о своей семье и обозначать привязанность к ней.

Результаты, касающиеся агентов социализации и самоидентификации (см. табл. 2), подтверждают выраженную тенденцию к усилению индивидуализма. Несмотря на то, что большинство респондентов отметили родителей как ключевых агентов воспитания, 45 % стремятся быть «самими собой», а не копировать внешние образцы. Более того, 48,4 % опрошенных уверены, что их возможности зависят «Только от самого себя», что значительно превышает долю тех, кто полагается на «семью, происхождение, воспитание» (38,7 %). Этот сдвиг свидетельствует о росте индивидуализма и поиске молодежью новой, самоопределяемой идентичности в сетевом пространстве.

¹ Капар кызы А. 2025. Цифра дня: 600 тысяч кыргызстанцев находятся за рубежом (страны) – Минсоцтруда. [Economist.kg](https://kaktus.media/doc/519672_cifra_dnia:_600_tysiach_kyrgyzstansev_nahodiatsia_za_rubejom_strany.html), 13.04.2025. URL: https://kaktus.media/doc/519672_cifra_dnia:_600_tysiach_kyrgyzstansev_nahodiatsia_za_rubejom_strany.html (дата обращения: 02.05.2025).

² Мунара Боромбаева. Кыргызская молодежь так активно использует социальные сети, что становится уязвимой к экстремистской вербовке. URL: https://central.asianews.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/10/14/feature-01 (Дата обращения: 18.07.2025).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов студентов Кыргызско-Российского Славянского университета
об агентах социализации и поиске идентичности

Distribution of responses from Kyrgyz-Russian Slavic University students regarding agents
of socialization and the search for identity

Вопрос и вариант ответа	Количество ответов, %
Кто принял важную роль в вашем воспитании?	
Родители	61
Бабушка и дедушка	22
Самовоспитание	5
Друзья	6
Гаджеты	3
Тетя	3
Хотели бы Вы быть похожим на кого-то?	
Самиими собой	45
На родителей	31
На своего кумира	13
На брата, сестру	6
От чего зависят ваши возможности?	
Только от самого себя	48,4
От семьи, происхождения, воспитания	38,7
От общества	6,5
От окружения	3
От всего перечисленного	2
Не имею понятия	3

Это подчеркивает, что научно-информационная деятельность выполняет не только познавательную, но и общекультурную функцию, проникая в механизмы массовых коммуникаций и оказывая влияние на формирование личности и межличностное общение, что становится детерминирующим фактором конструирования коммуникативного пространства [Жиглов, 2002, с. 5].

Коммуникативное пространство современности конструируется как индивидуальными пользователями, так и социальными институтами. В результате наблюдается асинхронность в восприятии и адаптации к потоку новой информации, которой оперирует молодежь: социальные институты (включая государственные структуры) зачастую отстают в скорости реагирования на динамику цифровой среды. Это порождает структурное противоречие в миропонимании между разными иерархическими структурами общества. Институциональные попытки введения регуляторных мер или запретов на определенный контент, социальные сети или медиа оказываются

малоэффективными или несостоятельными в условиях глобального сетевого пространства [Кастельс, 2004, с. 32–35]. Эмпирический пример демонстрирует данный факт: в Кыргызстане ограничение доступа к социальной сети TikTok (введенное 18 апреля 2024 года с целью предотвращения вреда здоровью детей) не достигло заявленной цели из-за технологических механизмов обхода [Османалиева, 2024]. Как отмечалось на заседании Жогорку Кенеша 23 января 2025 г., граждане продолжают использовать приложение с помощью VPN. Более того, представители власти признали, что блокировка наносит экономический и культурный ущерб, поскольку платформа является важной рекламной площадкой для предпринимателей и инструментом для развития туризма¹.

Таким образом, неограниченный доступ к глобальной сети делает возможным технологический обход законодательных и регуляторных запретов со стороны органов власти, обеспечивая постоянный доступ молодежи к востребованным цифровым каналам коммуникации. Это подтверждает, что в сетевом обществе контроль над информационными потоками смещается от государства к саморегулируемым коммуникативным средам.

Соотношение важности этнических традиций и личностной реализации. Блок вопросов был направлен на анализ этнических и смыслообразующих жизненных ценностей, а также личностной самореализации (табл. 3). В данном блоке была осуществлена попытка выявить основные критерии ценностей, составляющие мировоззрение молодых кыргызстанцев.

Ключевые результаты, демонстрирующие трансформацию системы ценностей, подтверждают гипотезу исследования о превалировании глобализированных взглядов. На вопрос о ценности семейных традиций по сравнению с личными убеждениями 84 % респондентов выбрали варианты «находить компромисс» (42 %) или «собственные убеждения и интересы важнее» (42 %). Это является прямым эмпирическим подтверждением смещения приоритета от коллективных, традиционно-этнических норм (включающих безусловный приоритет семейных интересов, иерархию старшинства, обрядовые практики и роли) к индивидуалистическим взглядам. Семейные традиции, о которых идет речь в вопросе, выступают ключевым инструментом для передачи этих этнических норм. Хотя семья остается лидирующей смыслообразующей ценностью (53 %), 40 % опрошенных не готовы жертвовать карьерой для ее создания. Этот факт отражает глобализированный, карьерно-ориентированный подход к жизни, вытесняющий консервативные установки, где создание семьи было безусловным приоритетом.

Выявленная трансформация системы ценностей находит свое отражение в миграционных установках молодежи. Результаты анкетирования показали, что 70 % опрошенных респондентов выражают готовность к выезду в развитые государства для продолжения обучения, получения новых навыков и трудоустройства. Этот потенциал миграции обусловлен гибридной мотивацией: стремление к глобализированной цели (профессиональный рост и конкурентный заработок) сочетается с традиционной ценностью – зарабатывать, чтобы поддерживать своих ближайших родственников. Тем не менее превалирование внешних ориентиров указывает на недостаток возможностей для полноценной личностной и профессиональной самореализации на родине.

Как отмечает депутат Жогорку Кенеша Ж. Акаев: «На сегодня более 80 процентов молодежи страны стремятся выехать за рубеж для реализации своего потенциала. Это опасный показатель. Он должен стать сигналом для политиков, потому что страна теряет образованную, энергичную и эффективную молодежь»².

¹ В Жогорку Кенеше просят разблокировать Tik Tok // 24.kg. [23 января 2025]. URL: https://24.kg/vlast/317705_vjogorku_keneshe_prosyat_razblokirovat_TikTok (дата обращения: 11.07.2025).

² Саралаева Л. 2023. Как сохранить в Кыргызстане принципы демократии? Новые лица, 15 июня 2023 г. URL: <https://www.nlkg.kg/ru/politics/eaeu/kak-soxranit-v-kyrgyzstane-principy-demokratii-> (дата обращения: 18.07.2025).

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов студентов Кыргызско-Российского Славянского университета
на вопросы об этнических традициях и личностной реализации
Distribution of responses from Kyrgyz-Russian Slavic University students regarding
ethnic traditions and personal fulfilment

Вопрос и вариант ответа	Количество ответов, %
Считаете ли Вы семейные традиции и обычаи более ценными и приоритетными, чем ваши собственные взгляды и убеждения?	
Традиции важнее	16
Надо находить компромисс	42
Собственные убеждения и интересы важнее	42
Выберите наиболее важные для Вас смыслообразующие жизненные ценности	
Семья	53
Карьера	20
Здоровье	10
Друзья	10
Деньги	7
Готовы ли Вы пожертвовать карьерой для создания семьи?	
Готов пожертвовать	60
Не готов пожертвовать	40
Продолжите утверждение: «Ценности формируются...»	
Традиции важнее	16
Надо находить компромисс	42
Собственные убеждения и интересы важнее	42
Выберите наиболее важные для Вас смыслообразующие жизненные ценности	
Лично и ни от кого не зависит	41
В кругу семьи, близких и друзей	38
Навязывает общество, в котором они живут, без активного участия с их стороны	17
Необходимо ли в процессе создания нуклеарной семьи следовать традициям и ценностям, заложенным в родительских семьях?	
Необходимо следовать семейным традициям.	78
Не готов пожертвовать	40
Вы хотели бы выехать в развитые государства для продолжения обучения, получения новых навыков, трудоустройства?	
Да	70
Нет	30

Таким образом, потенциал «утечки мозгов» является прямым социополитическим следствием ценностного разрыва, где отсутствие свободы слова и самовыражения в традиционных институтах ведет к подавлению инновационных подходов к развитию и стимулирует отток наиболее активной части общества.

Самовосприятие и самоидентификация. Заключительный блок вопросов позволяет узнать, как молодые люди воспринимают себя и с кем идентифицируют (табл. 4).

Таблица 4
Table 4

Распределение ответов студентов Кыргызско-Российского Славянского университета
на вопросы о самовосприятии и стратегии самореализации
Distribution of responses from Kyrgyz-Russian Slavic University students regarding self-perception
and self-realization strategy

Вопрос и вариант ответа	Количество ответов, %
Вы являетесь обобщенным образом того, что видите вокруг себя?	
Да	62
Не задумывался над этим вопросом	38
При выборе и построении своего будущего опираетесь ли на мнение других?	
Опираюсь только на собственные цели	58
Советуюсь с родителями	32
Опираюсь на социальные сети и образ жизни современной молодежи	6
Опираюсь на мнение друзей	2
Затрудняюсь ответить	2
К чему Вы стремитесь? (Ключевые категории)	
Личное благополучие и счастье («к лучшему будущему», «к хорошей жизни», «быть счастливой»)	Качественный вывод
Профессиональное развитие («получить образование», «стать лучше»)	Качественный вывод
Социальная функция («стать ячейкой общества»)	Качественный вывод

Заключительный блок вопросов, направленный на анализ самовосприятия и стратегий самореализации, позволяет окончательно зафиксировать доминирование индивидуалистического дискурса в среде кыргызстанской молодежи.

Тот факт, что 62 % респондентов утвердительно ответили на вопрос о том, что они являются «обобщенным образом того, что видят вокруг себя», подтверждает высокую степень интегрированности молодого поколения в медиа-конструируемую среду. Это не пассивное принятие традиционных ценностей, а активное отражение тех глобализированных образов и моделей успеха, которые транслируются через цифровые каналы (*Instagram – признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ, TikTok – ограничен доступ на территории КР, Telegram*).

Ключевым маркером ценностного сдвига является стратегия построения будущего. Подавляющее большинство респондентов (58 %) заявили, что опираются только на собственные цели, в то время как мнение родителей как традиционного агента принятия

решений имеет значительно меньший вес (32 %). Это демонстрирует переход от коллективной к автономной системе ценностей, где молодежь берет на себя ответственность за личную траекторию развития.

Анализ качественных ответов на вопрос о жизненных устремлениях («К чему вы стремитесь?») подтверждает универсальный характер их мотивации. Доминируют цели, связанные с личным благополучием («к лучшему будущему», «быть счастливой») и профессиональным ростом («получить образование»). При этом лишь небольшая часть целей содержит традиционный коллективный элемент («стать ячейкой общества»), что указывает на гибридизацию установок: сохранение символической связи с обществом при доминировании индивидуалистических и глобализированных целей.

В целом результаты, представленные в Таблице 4, служат эмпирическим завершением доказательства выдвинутой гипотезы. Полученные данные однозначно подтверждают, что самодетерминация и индивидуализм стали ведущими стратегиями самореализации молодежи, вытесняя традиционную опору на мнение старших и коллективный выбор.

Базовые ценности респондентов, выявленные в ходе исследования, отражаются на общей оценке событий и информационных потоков, что ведет к формированию двойственности ценностей в сознании молодого поколения.

Наши выводы согласуются с позицией Г.У. Байбосуновой и З.А. Джунушалиевой, которые отмечают, что переход к демократии и реформам в Кыргызстане привел к изменению социальной структуры и динамики. Старшее поколение сохраняет приверженность традиционным нормам (коллективизм, уважение к старшим), в то время как молодое поколение переосмысливает эти ценности, интегрируя их с современными подходами к индивидуализму и личной свободе [Байбосунова, Джунушалиева, 2024].

Следовательно, новая модель влияния на общественное сознание должна совмещать как элементы экономической глобализации (как фактора международной конкурентоспособности), так и идеи традиционных социокультурных ценностей [Эшимбекова, 2021]. Э.Б. Сальпиева подтверждает, что «Молодежь постсоветского периода ориентирована на восприятие глобализированных субкультурных образцов. В условиях глобализации формируются новые ориентиры в области образования, приобретающие интернациональный характер» [Сальпиева, 2018, с. 191].

Выявленное стремление молодежи к самодетерминации напрямую коррелирует с высшими потребностями личности. Согласно пирамиде потребностей Маслоу, стремление к самовыражению и самоактуализации является наивысшей потребностью человека. Социальные сети, в свою очередь, предоставляют широкие возможности для реализации этой потребности. [Селезенев, Скрипак, 2013, с. 129]. Однако оборотной стороной этого процесса является замещение реальной самоактуализации цифровым одобрением. Способы самоутверждения в социальных сетях порождают зависимость от «лайков» как маркеров одобрения и принятия. Наличие знаков одобрения повышает социальную оценку и самооценку, их отсутствие создает чувство недовольства и неприятия, что подтверждается исследованиями, указывающими на то, что «лайк — это виртуальный аналог удовлетворения базовой потребности в признании» [Батурина, 2022]. Данный фактор усугубляет конфликт «отцов и детей» и подчеркивает общественные противоречия на уровне ценностей, поскольку самооценка молодежи оказывается привязанной к виртуальным показателям (лайкам), которые не признаются и не считаются как легитимная ценность традиционным поколением. Это приводит к делегитимизации авторитета родителей и снижению их способности влиять на процесс социализации, что является прямым выражением сдвига от коллективистской к автономной системе ценностей. На всех уровнях социальной структуры современного Кыргызстана наблюдается столкновение индивидуального сознания (сформированного воспитанием и

традициями) и унифицированного, детерминированного социального образа, транслируемого цифровыми медиа. Данный процесс порождает конформизм сознания, зачастую не осознаваемый самими индивидами, который формирует готовность к принятию глобальных стандартов и моделей поведения. В итоге ключевые массмедиа становятся основными носителями аксиологически значимых смыслов, которые определяют трансформацию системы ценностей молодежи Кыргызстана в сторону глобализированных моделей.

Заключение

Современные информационные каналы, транслирующие глобализированные и универсальные формулы успешной жизни, активно воздействуют на сознание молодого поколения. Установлено, что цифровые платформы (*Instagram – признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ, TikTok – ограничен доступ на территории КР, Telegram*) выступают не просто средством общения, но и ключевым дискурсивным пространством для публичного обсуждения и переосмысливания тех аспектов традиционных норм и правил, которые ранее были закрыты для широкой дискуссии.

Гипотеза исследования полностью подтвердилась: во взаимосвязи глобализированных и традиционных ценностей молодежь Кыргызстана отдает приоритет глобализированным, индивидуалистическим ценностям. Результаты социологического исследования, основанные на результатах анкетирования студентов Кыргызско-Российского Славянского университета, показали семантическое переопределение традиционных элементов, демонстрирующее отход от узких этнических ценностных категорий к универсальным формам существования (например, в вопросах семейных ролей и карьерного роста).

На фоне цифровой экспансии традиционные институты (семья, этнические традиции, институт наставничества) ослабевают в своей способности обеспечивать молодежи полноценный процесс социальной инициации и интеграции в общество. Это приводит к тому, что молодое поколение отстраняется от консервативных общественных конструктов и демонстрирует более высокую склонность к внутренней или внешней миграции в поисках социокультурной среды, более соответствующей их новым, глобализированным ценностям.

В результате исследования были выявлены и сформулированы основные механизмы изменения отношения молодежи Кыргызстана к традиционным ценностям под воздействием цифровых каналов коммуникации:

1. Референтная социализация, проявляющаяся в переносе авторитета от традиционных институтов (семьи, старшего поколения) к цифровым лидерам мнений.
2. Автономизация идентичности, выражаясь в доминировании индивидуалистических целей и самореализации над коллективными (общинными) ценностями.
3. Компенсация, при которой цифровые платформы восполняют недостаток реального социального взаимодействия и формируют децентрализованные комьюнити по интересам.

Полученные результаты вносят вклад в социологию коммуникации, предоставляя эмпирическую основу для разработки государственных стратегий по сохранению и адаптации национального культурного кода в условиях цифрового общества.

Перспективы дальнейших исследований включают более детальное изучение влияния конкретных форматов контента (например, видео-контента в TikTok, текстового в Telegram) на формирование религиозных и политических взглядов молодежи в Кыргызстане.

Список литературы

Байбосунова Г.У., Джунушалиева З.А. 2024. Трансформация ценностей современной кыргызской молодежи (философско-психологический анализ). *Бюллетень науки и практики*, 10(12): 512–519. DOI: 10.33619/2414-2948/109/67

Гончаров В.Н., Ерохин А.М., Колосова О.Ю. и др. 2014. Информационное общество: проблемы становления и закономерности развития. Новосибирск, Издательство Центр развития научного сотрудничества, 183 с.

Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, У-Фактория (при участии издательства Гуманитарного университета), 328 с.

Жиглов Е.М. 2002. Научно-информационная деятельность в контексте современной культуры: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 146 с.

Сальпиеva Э.Б. 2018. Роль менталитета Кыргызов в воспитании молодежи. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 3: 189–192.

Селезенев Р.С., Скрипак Е.И. 2013. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(54)-3: 125–129.

Усанова Д.О. 2013. Виртуальная культура: концептуальные подходы к осмыслению. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 4(36): 70–75.

Челышева И.В. 2016. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек. Москва, Информация для всех, 178 с.

Эшимбекова Н.С. 2021. Сравнительное исследование манипулятивных технологий общественным сознанием в военных конфликтах XX–XXI веков. В кн.: Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Сборник докладов и материалов XXIX Моисеевских чтений – международной научно-практической конференции (Москва, 21–23 июня 2021 г.). Под ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова. Том 7. Москва, Финансовый университет при правительстве РФ, РАН: 480–486.

References

Baybosunova G.U., Dzhunushalieva Z.A. 2024. Transformation of Values of Modern Kyrgyz Youth (Philosophical and Psychological Analysis). *Bulletin of Science and Practice*, 10(12): 512–519. DOI: 10.33619/2414-2948/109/67. (in Russia).

Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.Yu. et al. 2014. Information society: problems of formation and patterns of development. Novosibirsk, Publ. Center for the Development of Scientific Cooperation, 183 p. (in Russia).

Kastel's M. 2004. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Transl. from English A. Matveev, ed. V. Kharitonov. Yekaterinburg, U-Faktoriya (with the participation of the Publishing House of the Humanitarian University), 328 p.

Zhiglov Ye.M. 2002. Scientific and information activity in the context of modern culture: socio-philosophical analysis. Abstract of Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 146 p. (in Russia).

Salpieveva E.B. 2018. The Role of the Kyrgyz Mentality in Youth Education. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3: 189–192. (in Russia).

Selezenev R.S., Skripak E.I. 2013. Social Networks as a Phenomenon of the Information Society and Specific Social Relations Within Them. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2(54)-3:125–131 (in Russia).

Usanova D.O. 2013. Virtual Culture as a Phenomenon of the Modern Times and Its Representation in the Subcultural Practices. *Herald of the Chelyabinsk state academy of culture and arts*, 4(36): 70–75 (in Russia).

Chelysheva I.V. 2016. Sociocultural field of media: reality, communication, man. Moscow, Information for all, 178 p. (in Russia).

Eshimbekova N.S. 2021. Castling Study of Manipulative Technologies by Public Consciousness in Military Conflicts of the XX–XXI Centuries. In: Russia in the XXI century: The Great Patriotic War

and the Historical Memory of the XXIX Moses Readings – international scientific and practical conference (Moscow, June 21–23, 2021). Collection of reports and materials. Ed. M.Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanova. Vol. 7. Moscow, Publ. Financial University under the Government of the Russian Federation, RAS: 480–486 (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 05.09.2025

Received September 5, 2025

Поступила после рецензирования 22.10.2025

Revised October 22, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эшимбекова Нурсулуу Сарыбаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nursuluu S. Eshimbekova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University Bishkek, Kyrgyz Republic.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-754-765
EDN QFUQKU

Contact-Induced Changes: Lexical Borrowings in Territorial Varieties of English and French in Cameroon

Yuliya S. Blazhevich

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University),
73 Zemlyanoy Val St., Moscow 109004, Russia
sapo.sapin@yandex.ru

Abstract. The article provides an insight into the problem of lexical borrowings in the territorial varieties of European languages used in Africa. The aim of the study is to assess the extent to which various ethnic languages and the Cameroonian Pidgin English influence the vocabulary of the territorial variants of English and French spoken in Cameroon. Adopting a comprehensive approach that integrates both linguistic and extralinguistic factors, the study analyzes processes of language contact, borrowing, and their linguistic outcomes. Two complementary classifications of borrowings are proposed – the lexical-morphological and the thematic one. Statistical analysis was conducted to measure the contributions of languages from four cultural areas – Sudano-Sahelian, Grassfield, Fang-Beti, and Coastal Bantu – and the Cameroonian Pidgin English across thematic categories. The findings highlight the differential impact of these cultural areas and underscore the pivotal role of Cameroonian Pidgin English in the process of lexical exchange. The study reveals an ongoing process of lexical enrichment and adaptation in the English and French varieties spoken in Cameroon, emphasizing the dynamic interaction between European and indigenous linguistic systems. This research not only advances understanding of the unique features of territorial varieties of English and French but also offers insights into broader relevance in language contact and variation.

Keywords: contact-induced changes, borrowing, calque, multilingual context, English, French, Cameroon

For citation: Blazhevich Yu.S. 2025. Contact-Induced Changes: Lexical Borrowings in Territorial Varieties of English and French in Cameroon. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 754–765. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-754-765 EDN: QFUQKU

Контактообусловленные изменения: лексические заимствования в территориальных разновидностях английского и французского языков в Камеруне

Блажевич Ю.С.

Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
Россия, 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73
sapo.sapin@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – оценить степень влияния многочисленных этнических языков и креольского языка пиджин-инглиш на словарный состав территориальных вариантов английского и французского языков Камеруна. В работе применялся комплексный подход, позволивший учесть

как лингвистические, так и экстравалингвистические аспекты языкового контакта, процесса заимствования и его последствий. Были выполнены две взаимодополняющие классификации лексических заимствований: лексико-морфологическая и тематическая. Проведен статистический анализ вклада языков четырех культурных зон – судано-сахельской, грассфилдской, бети-фанг, прибрежных банту – и камерунского креольского языка pidgin-инглиш в выделенные тематические группы классификации. Анализ показал относительное влияние языков различных культурных зон, а также ключевую роль камерунского pidgin-инглиш в процессе лексического обмена. В результате исследования можно сделать вывод о динамичном процессе лексического обогащения и адаптации европейских языков в Камеруне за счет заимствований из многочисленных местных языков. Данное исследование способствует более глубокому пониманию уникальных особенностей территориальных вариантов европейских языков и может представлять интерес не только для исследователей в данной предметной области, но и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами языковых контактов и вариативности.

Ключевые слова: контактобусловленные изменения, заимствование, калька, многоязычный контекст, английский, французский, Камерун

Для цитирования: Blazhevich Yu.S. 2025. Contact-Induced Changes: Lexical Borrowings in Territorial Varieties of English and French in Cameroon. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 754–765. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-754-765 EDN: QFUQKU

Introduction

The study of language contact has developed into a dynamic area within linguistics, gaining recognition as a distinct field in the late twentieth century. The pioneering works of W. Weinreich [1953] and E. Haugen [1956] paved the way for its emergence. Various contact-related phenomena were explored in subsequent research by scholars such as S.G. Thomason and T. Kaufman [1988]; C. Myers-Scotton [2002]; J. Baghana [2004]; V.T. Klokov and Yu.S. Blazhevich, [2018]; A.M. Molodkin [2001], and others. Their works cover a wide range of topics, including pidgin and creole formation, language shift, language convergence, code-switching, and language change resulting from contact situations. In Russia, for example, the scientific school under the guidance of Professor J. Baghana is making significant contributions to understanding the sociolinguistic, cultural and structural impacts of language contact.

One of the outcomes of language contact is borrowing. According to J.F. Phelizon (1976), borrowing represents the process through which one language adopts linguistic elements from another¹. Loanwords penetrate another language, are integrated into the lexical, phonetic and grammatical systems of the recipient language and are used by the speakers, regardless of whether they are bilinguals or not [Baghana et al., 2017]. In multilingual settings, such new entries contribute to smoother communication and promote cultural integration.

The sociolinguistic situation in Sub-Saharan Africa is characterized by a high percentage of multilingual population. An average African can speak two or more languages, which makes their vocabulary more susceptible to lexical innovation. Surrounded by many cultures, African people can easily incorporate into their vocabulary new names denoting objects and phenomena belonging to other peoples. This leads to multiple changes in the European languages operating outside their ancestral territories in new cultural and social background of Africa.

The analysis of contact-induced changes enhances our understanding of how European languages evolve when transplanted into new cultural and historical contexts. Thus, it contributes to broader theoretical discussions on language contact and adaptation. In this respect, the study is relevant, as it provides a scientific insight into the dynamic lexical changes shaping these varieties.

---

¹ Phelizon J.H. 1976. *Vocabulaire de la linguistique*. Paris, Roudil. P. 75

The aim of the study is to assess the impact of the languages belonging to four cultural areas (Sudano-Sahelian, Fang-Beti, Grassfield, and Coastal Bantu) and Cameroonian Pidgin English (a local Creole) on the vocabulary of territorial varieties of English and French in Cameroon. The objectives are to classify borrowings by lexical-morphological and thematic criteria, statistically analyze the contribution of each cultural area and Cameroonian Pidgin English to thematic groups, and interpret the results in light of extra-linguistic factors of the language contact.

Methods

The study employs an integrated approach that considers both linguistic and extra-linguistic factors causing contact-induced changes in the territorial varieties of the French and English languages of Cameroon. We applied various methods throughout the research: contextual and definition analysis, taxonomic and thematic classification methods, continuous sampling and statistical methods.

Results and discussion

Contact-induced changes in the lexical system can be detected both in form and meaning. In this study, we consider a variety of cases of lexical borrowing. Most of them involve both phonetic form and semantic content being borrowed from a donor language and transferred to a recipient language, which can be either English or French.

In some cases only semantic content is borrowed. Either an existing word receives a new meaning to convey a new concept, or foreign words and expressions are translated into the recipient language (these are known as calques or loan translations). “For compound words and phrases, that is, composite lexical units, three types of interference are possible: all their components can be transferred in the analyzed form; all components can be reproduced by semantic extension; finally, some components can be transferred while the others can be reproduced. The transfer of such words occurs when the components of a complex word or phrase adapt to the models of word formation and syntax of the recipient language” [Baghana, 2004, p. 65–66].

The intensity of contact-induced changes in a language depends on specific linguistic and extra-linguistic factors. One of the most important triggers for the process of direct borrowing is the situation of bilingualism or multilingualism, when language communities have to contact each other.

In the post-colonial period, the influx of borrowings from Negro-African languages in territorial varieties of the European languages in Africa began to increase, because in the new political and social conditions people started to care more about their cultural identity and felt free to express it. Some factual examples can help to illustrate the situation.

For instance, the vocabularies of the territorial varieties of English and French in Cameroon are abundant with words borrowed from the local indigenous languages and Cameroonian Pidgin English. “French and English contacted local Cameroonian languages during the most important historical periods: the discovery of the continent, the slave trade and colonization and in the postcolonial period. Judging by the presence of numerous loanwords from Cameroonian ethnic languages in the territorial varieties of French and English in Cameroon, the impact of local languages on these European languages is significant” [Blazhevich, 2021, p. 269].

Local languages continue to exert a strong influence on the country’s linguistic landscape, which is evident in the ongoing incorporation of elements from indigenous languages into the regional varieties of French and English. These loanwords are not limited to just a few specific domains, but extend across a wide range of topics, from everyday life to cultural expressions, social interactions, and even technical and political terminology.

These borrowings can be broadly divided into two main groups: lexical-morphological and thematic. Let us consider each category in more detail.

I. Lexical-morphological classification

1. Lexical borrowings can be:

• **complete**: lexemes completely retain the form and meaning of the source language:

Pikin (Pidgin-English) - a child:

“Vous knowez les maters non>la mama appelle sa fille, elle repeete aussi ce qu on lui a dit, en disant Be careful oooo ma pikin. vous knowez les gos qd elles st amoureuses non? qd la nga m a dit ca j'ai seulement dit "HUM" sans plus. elle me ask hum quoi je lui dis que noooo mami l affaire ci sent le complique” (Camfranglais – a hybrid sociolect, based on French). – *You know the mothers, right? The mom calls her daughter and repeats what she was told, saying “Be careful, oooh my pikin.” You know how girls are when they’re in love, right? When she told me that, I just said ‘HUM’ and nothing more. She asked me ‘HUM what?’ and I told her “Nooo, mommy, this thing sounds complicated.”*¹.

• **partial** borrowings or so-called “**lexical divergents**” or **hybrids**. As a rule, these are verbs, nouns, adjectives and adverbs formed according to the scheme: “foreign language stem+ native affixes”, for example:

In the territorial variety of French in Cameroon there is a verb **ngrimbahter** – “to practise witchcraft” and an adjective **ngrimbahlique** – “magical”. They were formed on the basis of the noun **ngrimbah** – “witchcraft” (Cameroonian Pidgin English). For example:

“Je pense que nos énergies ngrimbatiques ne doivent pas être gaspillées de la sorte...” (French) – *I believe that our magical energies should not be wasted like this*².

2. Lexical calques (loan translation)

Most scholars make some distinction between calques and borrowings (or loanwords). Borrowing, also known as “direct loan”, is the transfer of both form and meaning. In calques, the meaning is borrowed, and the form is native to the recipient language. Calques represent a significant type of lexical interference that is characteristic of developed bilingualism, where speakers actively engage with both languages.

The most prominent examples can be taken from Cameroonian literary texts created by the authors exposed to the local culture.

The idiom “**to have four eyes**” is a calque from Lamnso language, meaning “*to be a member of a secret society*”:

*“It was there that people who had four eyes gathered at night to form an evil society”*³.

Calques can sometimes result in violations of lexical compatibility, producing expressions that may appear semantically unusual in the target language. For instance, in Mungaka the phrase “to smoke a cigarette” is literally rendered as “**to drink a cigarette**”. As a result, when referring to being too busy to smoke, speakers of this language may say, “*I have no time even to drink a cigarette*” [Blazhevich, 2021, p. 263].

Such examples illustrate how calques transfer the underlying conceptualizations of actions from the source language. This can create striking divergences from standard usage in the target language, leading to expressions that are intelligible only within specific cultural and linguistic context of the source community.

¹ L'integree. 2010. Trahison du gars ou naivete de la fille? Bonaberi forum, May 27, 2010. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=4567&sid=d3c8b6bfa0202645523fe30d8cced4> (accessed: April 19, 2024).

² Gallo V.. 2004. A propos de Platini. Camfoot. URL: https://www.camfoot.com/souslemanguier/index.php?mots_search=ngrimbahlique&rechercher=Ok&debut=266760&lang=francais&skin= (accessed: February 16, 2021).

³ Kongnyuy E. 2012. The Deadly Honey. Yaounde, AMA-CENC. P. 110. cited in Blazhevich Yu.S. 2021. Kontaknye manifestatsii v usloviyah bilingvizma v Kamerune [Contact manifestations in the context of bilingualism in Cameroon]. Dis. ... Doct. Philol Sciences. Belgorod. P. 263.

Both calque and borrowing occur through language contact, but the changes they induce in a language are somewhat different. The increasing number of loanwords leads to a loss of lexical uniqueness of a language, while calques facilitate the expansion of a language's vocabulary using its own linguistic resources [Matveeva, 2002, p. 61].

II. Thematic group classification of borrowings

In the course of our analysis, we have identified ten thematic groups of loanwords drawn from the languages of four distinct cultural areas in Cameroon: Sudano-Sahelian, Fang-Beti, Grassfield, and Coastal Bantu [Blazhevich, 2021, p. 273]. In addition, we have considered borrowings from Cameroonian Pidgin English separately, given its unique role as a widely used lingua franca that both mediates and amplifies lexical exchange. This classification highlights the diverse sources of lexical enrichment of the territorial varieties of English and French in Cameroon. The **thematic groups** are as follows:

1. Plant and animal life, cuisine and beverages.

It should be emphasized that most of the loanwords from local Cameroonian languages in this category refer to the name of plants and animals that are commonly used as food. In many cases, traditional Cameroonian dishes take their names directly from these primary ingredients. To prevent overlapping entries between these thematic areas, we have combined the two categories into a single group.

Here are some examples:

Kilichi from Fulfulde (Fula) also spelled as *kilishi*, *kirichi* is a dish of Northern Cameroon: meat, seasoned and dried so that it can be stored for a long time.

*“Kilishi is delicious with Coca-Cola. Chewy. The strips burn your tongue, work your back gums and scrape off your inner cheeks”*¹.

Miondo, miyondo is a dish made of fermented cassava (lat. *Manihot esculenta*), wrapped in 27 cm long plantain or cane leaves, and steamed for 45 minutes. In the Camfranglais hybrid sociolect, ‘miondo’ refers to someone very thin or skinny:

“J'avais aussi maigri juskaaaaaaaa, on aurait dit que j'étais devenu le miondo. C'était dur, atéééé!” (Camfranglais). – *I also lost much weight, it was like I had become a miondo. It was tough, seriously!*².

The main contribution to this thematic group is made by Cameroonian Pidgin English, the languages of Fang-Beti and Coastal Bantu cultural areas.

2. Clothing and shoes.

Samara (Hausa) – traditional open flip-flops or sandals made of genuine leather, which are produced by local artisans in the north of Cameroon:

“Où trouver des samara à Yaoundé, je suis fou de ces shoes?” (French) – *Where can I find samara in Yaoundé, am I crazy about these shoes?*³.

Gandoura (Fulfulde) – a traditional man's tunic with or without sleeves:

“QUAND TU ES PASSEPARTOUT(tu t'habilles en yor tu donne et tu a la classe tu tchombé en pdg tu a la classe avec un air caillera tu tchombé le gandoura tu es caillera avec grosse classe et respect d'un chef bami)” (Camfranglais) = *“WHEN YOU'RE A JACK-OF-ALL-TRADES (you dress like a Yoruba, you're generous and classy, you hang out like a CEO, you're*

¹ One World: A Global Anthology of Short Stories is a collection of short stories. 2009. Ed. Ch. Brazier. Oxford, New Internationalist. P. 92.

² Mounasawa. 2009. Comment se remettre d'une rupture? Bonaberi forum, November 13, 2009. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?p=196691&sid=5c7a38e6e06f7c8b8161991cf054754b> (Accessed: May 19, 2025).

³ Yebokolo. 2011. Mode, Make up, Gossip etc. Bonaberi forum, June 5, 2011. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=6048&postdays=0&postorder=asc&start=40&sid=9e6a79cd6467e9a0861379f1ad2f001b> (accessed: May 21, 2025).

*classy with a ‘thug’ look, you wear the gandoura, you’re a ‘thug’ with a lot of class and the respect of a Bami [=Bamileke] chief”*¹.

Dschang-shoes / tchanchouss (Cameroonian Pidgin English) – rubber sandals:

This type of footwear used to be crafted from old tires by the inhabitants of Dshang.

*“Dans le grand nord où j’ai été au front pendant 5 ans, les casques, les rangers et gilets ne sont pas porté tout le temps en raison des températures hautes. Vous pouvez le vérifier avec les anciennes photos des forces armées sur le terrain d’il ya 5 à 6 ans. Certains d’entre nous portions des Dschang shoes (Ekambi)”. – In the far north, where I was on the front lines for five years, helmets, boots, and vests are not worn all the time due to the high temperatures. You can verify this with old photos of the armed forces from the field taken five to six years ago. Some of us wore Dschang shoes (Ekambi)*².

Kaba, kabba (Duala) – a long, wide traditional dress worn by the Sawa women:

“Voila donc Vendredi je voulais aller prendre quelque chose dans ma voiture. je sors donc de ma piole en Kaba avec les collants et les babouches” (Camfranglais). – So on Friday I wanted to go and get something in my car. So I get out of my house wearing Kaba in tights and babouches³.

The main contribution to this thematic group is made by the Cameroonian Pidgin English and the languages of the Sudano-Sahelian, Grassfield and Coastal Bantu cultural areas. There are no recorded borrowings from the languages of Fang-Beti.

3. Indigenous institutions, hierarchical titles, and community membership designations.

Doungourou (Fulbe) – servant, subordinate:

“Est-il utile de signaler, que après le match, tous les joueurs furent fouettés à plat ventre devant la chefferie, par les doungourous du chef?” (French) – Is it necessary to point out, that after the match, all the players were whipped on their stomachs in front of the chieftaincy, by the chief’s doungourous?⁴

Mbanya (Bassa) – a wife in a polygamous marriage, refers to horizontal (or peer) “wife-wife” relationship. Synonym of the English *co-wife*, French *co-épouse*:

*With a smile of satisfaction on her lips, the Mother of Ache sat beside her mbanya on the same seat, holding her half glass of wine in her right hand. My whole life’s happiness was in the hands of those two women*⁵.

Njomba (Duala) – a lover, a mistress:

“Hum, la qualité dont tu parles de tes ex njomba aujourd’hui mariées là, j’ai pas l’impression qu’elles se sont fatiguées du romantisme là.. 😊” (French) – Um, the quality you’re talking about of your njomba exes now married there, I don’t feel like they’ve gotten tired of the romance there⁶.

The main contribution to this thematic group is made by the languages of Coastal Bantu and Grassfield cultural areas, and Cameroonian Pidgin English. We have also found some borrowings from the languages of Sudano-Sahelian and Fang-Beti cultural areas.

¹ Potomitan. 2010. La tenue vestimentaire dans un couple. Bonaberi forum, February 20, 2010. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?p=220626&sid=5450db9bf5d3f2942af10dc3fddbd43b> (accessed: May 19, 2025).

² Aloys P. 2018. Cameroun, Exécutions extrajudiciaires des populations civiles par l’armée : Un officier de l’armée camerounaise démontent les arguments de Issa Tchiroma. Camer.be, 23.07.2018. URL: <https://www.camer.be/69080/11/1/cameroun-cameroun-exacccutions-extrajudiciaires-des-populations-civiles-par-l39armace-un-officier-de-l39armace-camerounaise-dacmontent-les-arguments-de-issa-tchiroma.html> (accessed: May 26, 2025).

³ Foxyforever. 2011. Les pannes du quotidien. Bonaberi forum, February 12, 2011. URL: [https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=5686&start=80&postdays=0&postorder=asc&highlight=\(accesse d: 26 May, 2025\).](https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=5686&start=80&postdays=0&postorder=asc&highlight=(accesse d: 26 May, 2025).)

⁴ Nouvelles du Cameroun. 2021. Belgium, Magellan & Cie Éditions. 152 p.

⁵ Kumengisa R.C. 2016. Okafor Meets His Match and Other Stories. Denver, Bamenda, Spears Media Press. P. 22.

⁶ Mounasawa. 2008. Les Ex. Bonaberi forum, November 06, 2008. URL: [https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=534&start=40&postdays=0&postorder=asc&highlight=\(accessed: June 02, 2025\).](https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=534&start=40&postdays=0&postorder=asc&highlight=(accessed: June 02, 2025).)

4. Traditional beliefs, religious rites, mythology.

Tob'asi, tobasi, tobosi, tobo-asi (Ewondo and Bulu) – witchcraft, love potion (can be added to food and drinks):

“Some of her friends had come to explain her almost incomprehensible attachment to him, with the suggestion Emmanuel was using charms and amulets of especial potency – tobo-asi – to blind her to reality and to keep alive her infatuation for him”¹.

Mungang (Pidgin English) – magic, witchcraft:

“You are such a bush woman. What do you take me for? I saw what I saw. It was mungang all right. Right in front of me and the others.” He grinned. “You should have seen the look on the white manager's face. I could tell he was scared out of his wits. Mama burst out laughing. “I guess they will start treating workers right for a change, or else MUNGANG go catch them!”².

Mami wata, mamy wata (Pidgin English) – a mermaid, a siren; an attractive girl, a prostitute:

“Comment peut on parler des waka de kribi sans faire allusion aux mami water? c'est surprenant; parmis les waka de la ville de kribi, il ya bel et bien des “fake one”, des mami water qui se transforment en jeune fille la nuit pour aller chercher les beaux garcons dans la rue, les bars et BT [=Boite de Nuit]; aucun ressortissant de kribi ne me dementira; a bon entendeur salut (French). – How can we talk about the waka [=prostitutes] of kribi without alluding to mami water? it is surprising; among the waka of the city of kribi, there are indeed “fake one”, mami, who turn into a young girl at night to look for the handsome boys in the street, bars, and nightclubs; no citizen of kribi will dement me; a good word of greeting³.

The largest percentage of loanwords in this group are from Cameroonian Pidgin English and from languages of Fang-Beti and Grassfield cultural areas.

5. Traditional music and art.

Mbaglum (Akum) – traditional music and dance of North-West region:

“Members of Mr. Biya's party demand and receive bribes, they blackmail, they petition, they threaten, they issue veiled threats, they visit the soothsayers, they loot, they embezzled, they ransack, they grab, they exploit, they pilfer, they shake down banks, they bring in muscle and they play mbaglum dance tunes on the cash registers”⁴.

Mangambeu / Magambo (Medumba) – indigenous music and dance of the Bamileke people:

“Aussitot en place, ils crierent << ajimbeu >> et le public, comme y avait été préparé repondit <<ewaaa>>. Cet échange pris fin apres trois <<ajimbeu>> auxquels suivrent autant de <<ewaaa>> et les jeunes se mirent a danser et chanter au rythme du mangambeu” (French). – Immediately in place, they shouted “ajimbeu”, and the audience, as they had been prepared, responded with “ewaaa”. This exchange ended after three “ajimbeu” calls, each followed by an equal number of “ewaaa” responses, and the young people began to dance and sing to the rhythm of the mangambeu⁵.

Assiko (Bassa) is a genre of music and a style of dance:

“figurez vous que pr la fête du 20 mai à toulouse il y a 2 affiches prévues le même jour. L'une des affiches faite par l'association des camerounais avec des demos d'assiko entre autre prévoit une soir ... (French)” – imagine that for the May 20th party in toulouse there are 2 posters scheduled for the same day. One of the posters made by the association of Cameroonians with demos of assiko among others provides for an evening...⁶.

¹ Nyamnjoh F.B. 2008. Souls forgotten. Bamenda: Langaa Research & Publishing CIG. P. 132.

² Yenika V.S. 2008. Plantation stories and Rhymes from Cameroon. Lincoln, iUniverse, 80 p.

³ Pat Versace. 2006. Et les mami water. Bonaberi forum, November 27, 2006. URL: <https://www.bonaberi.com/artdist.php?aid=2754> (accessed: June 02, 2025).

⁴ Ofege N. 2006. Corruption in Cameroon: A State of the Art. The Post Watch Magazine, February 26, 2006. URL: <https://chiefnwaco.wordpress.com/07/15/corruption-in-cameroon-a-state-of-the-art/> (accessed: February 16, 2024).

⁵ Nfongoa D. 2021. Retour au village. Paris, Librinova. 157 p.

⁶ Mimi. 2008. Ich!! les kmers ne pensent qu'à leurs intérêts!! Bonaberi forum, May 20, 2008. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=173&highlight> (accessed: June 02, 2025).

Most entries in this group are from the languages of Grassfield, Coastal Bantu and Fang-Beti cultural areas. Some loanwords come from the languages of Sudano-Sahelian cultural area and Cameroonian Pidgin English.

6. Sports and games.

Ndamba (Ewondo) – ball, football; match:

“Gars c'est la vie, le ndamba c'est d'abord le way du peuple, le peuple respire par le ndamba et a le droit de critiquer !” (French). – *“Guys, it's life, ndamba is one of the most important things for people, people breathe with ndamba and have the right to criticize!”*¹.

Nzôlô, nzoloh, nzollo (Pidgin English) – seeping of a ball between the legs in football:

*“We played a goalless final against France for ninety minutes. But the young Eto'o had a wonderful game and made a fool of the French defenders especially Marcel Desailly, twice seeping the ball through his feet (nzoloh) even though he didn't score”*².

This group mostly consists of the loanwords from Cameroonian Pidgin English and the languages of Fang-Beti cultural area.

7. Abstract concepts.

Ndjoo, njoh, njooh, njo (Duala) – gratitude; gift; free:

“Quelqu'un a gagné des millions et des millions durant 4 ans avec un club et on parle d'ingratitude ?! Il travaillait “njooh” au barça ?” (French). – *“Someone earned millions and millions for 4 years with a club, and we're talking about ingratitude?! Was he working for 'nothing' at Barça (=Barcelona)?”*³.

Nyanga (Beti) – beauty, elegance, chic:

“Happy birthday ma puce, que cette journée soit remplie de joie et plein d'ondes positives. Fais toi nyanga et descend une bonne bouteille de champ à ma santé. Plein plein de bisous bisous sucrés” (French). – *“Happy birthday, my little one. May this day be filled with joy and lots of positive vibes. Dress up and enjoy a good bottle of champagne in my honor. Lots and lots of sweet kisses”*⁴.

Wahala (Pidgin English) – a problem, a trouble:

In Camfranglais: (user Magne) *mais le pb c ke la nga va penser kel est ta nga avt mm d'avoir kiep. tu vois non? c la ou les wahala commencent.* – *But the problem is that the girl will think that she is already your girlfriend even before everything starts with you. Don't you understand? That's where the problems begin* [Blazhevich, 2021, p. 337].

Njakri (Pidgin English) – a joke:

“Later on, I would come to understand that it was this Germany-Austria njakri that led fifa to decree that all last group matches must be played simultaneously henceforth” [Blazhevich, 2021, p. 337].

Most loanwords in this group are from Cameroonian Pidgin English. Some entries are from the languages of Coastal Bantu and Fang-Beti cultural areas.

8. Nicknames.

Maguida (*Fulfulfde*) – a person from the North; a Muslim; a grocer:

“Ainsi, en un temps record, Boko Haram (si ce n'est déjà fait) entre au Nord et commence à attaquer les chrétiens. Je ne pense pas que les enflammés des églises évangéliques et même certains cathos vont laisser les maguida de Yaoundé en paix”

¹ Djomang de Bayangam. 2010. Eto'o Milla, je wanda! Bonaberi, 31.05.2010. URL: https://www.bonaberi.com/ar,djomang_de_bayangam_eto_o_milla_je_wanda_,7801.html (accessed: February 15, 2021).

² Remembering Marc Vivien Foe (Adieu Marco). 2013. Writerphilic, June 26, 2013. URL: <http://nkiachaatemnkeng.blogspot.com/2013/06/remembering-marc-vivien-foe-adieu-marco.html> (accessed: February 16, 2024).

³ Richard Roy. 2008. Eto'o ou la memoire courte des journalistes. Bonaberi forum, July 27, 2008. URL: <https://www.bonaberi.com/artdist.php?aid=4679> (accessed: February 16, 2024)

⁴ Babycat2. 2012. Joyeux anniversaire à toi ma madre Athalie. Bonaberi forum, September 06, 2012. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?p=389561&sid=4683dbefc70020e56089a4923897191c> (accessed: May 26, 2025).

(French). – “*Thus, in record time, Boko Haram (if it hasn't already done so) enters the North and begins attacking Christians. I don't think the officials of evangelical churches and even some Catholics will leave the Maguida in peace*”¹.

Nangaboko (*Duala*) – a homeless person:

“*Et qu'on dise que je suis nanga boko ou que je suis trop kwat, aka moi quoi dedans je m'en fous. Allez taper vos styles à la bringue, moi je vais m'amuser mon ami*” (Camfranglais). – “*And let them say that I'm a nanga boko (= dressed poorly as a homeless person) or that I'm too kwat (=fashionable), whatever, I don't care. Go and show off your styles at the party, I'm going to have fun, my friend*”².

Mbout (*Duala*) – drunk; silly:

“*J'ai seulement dit que haaaaan. Je suis back rebrancher le téléphone de mon bureau que j'avais débranché. Et j'entendais les collègues me lap grave. Gars je me suis senti mbout jusqu'à je me demandais en moi même que comment je suis bête comme ca massa*” (French). – “*I only said haaaaan. I'm back reconnecting the phone from my office that I had unplugged. And I could hear my colleagues talking about me seriously. Man, I felt so embarrassed that I was wondering to myself how I could be so silly like that, man*”³.

Koni-eye (Pidgin-English) – a one-eyed person:

“*Elle m'a demandé si je sais que tout Foumbot affirme que [le] koni-eye là est un grand maître sorcier. Je lui ai dit que je pense que tout ce qui se raconte sur le koni-eye a un seul début: la malchance*” (French). – “*She asked me if I knew that all the Fumbos claim that that the one-eyed is a great sorcerer. I told him that, in my opinion, everything that is said about the one-eyed always begins the same way: with bad luck*”⁴.

Almost half of all entries in this group are from Cameroonian Pidgin English, while the rest are from the four cultural areas, primarily from the Sudano-Sahelian one.

9. Economic domain.

Njangi (Pidgin English) – mutual aid fund among the Grassfield peoples:

“*Answer me quickly or else I'll go and do njangi with the Republicans*”⁵.

Okada (Pidgin English) – a motorbike taxi:

“*This message is for you, the pupil in primary school, the student in college, polytechnic and university, and for you the graduate seeking employment, you the Okada driver forced by circumstances struggling to make ends meet or you who is employed but not yet receiving salary, a common phenomenon under la Republique du Cameroun*”⁶.

Feyman (Pidgin English) – a conman, a scammer, a charlatan:

(newspaper headline) *Un gigolo-feyman de Paris escroque une camerounaise en Allemagne* (French). – A Parisian gigolo-conman scams a Cameroonian woman in Germany.

¹ Nji. 2011. Un Rwanda puissance 10 se prépare-t-il au Cameroun? Bonaberi forum, September 21, 2011. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=6331&postdays=0&postorder=asc&start=60&sid=1ba95708ea4ec1ce98a7c9d6dc7709a4> (accessed: May 26, 2025).

² Elan D'Anjou De PimPim. 2011. Wouooo Ga fou OOOOh !!! Bonaberi forum, September 12, 2011. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=6138&start=20&sid=29c57b3c7f137392a51b3f75260e5518> (accessed: May 26, 2025).

³ Elan D'Anjou De PimPim. 2010. Vos plus grosses conneries. Bonaberi forum, September 12, 2010. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=5468> (accessed: May 26, 2025).

⁴ Njanke M.K. 2013. Les femmes mariées mangent déjà le gésier: racontages. Yaoundé, Cameroun, Editions Ifrikiya. P. 51.

⁵ Nyanbock. 2012. Lettre de Paul Biya a Barack Obama. Bonaberi forum, May 07 2012. URL: [bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=7324&highlight=&sid=1af1678dfd938d6b9ecc4e9f10be35fe](https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?t=7324&highlight=&sid=1af1678dfd938d6b9ecc4e9f10be35fe) (accessed^ May 26, 2025).

⁶ Message to British Southern Cameroons students on the occasion of student cultural week. 2015. Camer.be. August 24, 2015. URL: <https://www.camer.be/44774/30:27/cameroun-message-to-british-southern-cameroons-students-on-the-ocassion-of-student-cultural-week-julyaugust-2015-cameroun.html?lang=en&pr=304066&q=economic-community-of-west-african-states-ecowas-and-arab-republic-of-egypt-explore-possibilities-for-greater-cooperation-in-peace-and-security> (accessed: May 26, 2025).

Cameroonian Pidgin English exhibits a remarkable ability to extend beyond informal interaction to encompass significant sectors, including the economic domain. It serves as a lingua franca in Cameroon, enabling effective communication between the people from different linguistic backgrounds. The dominance Cameroonian Pidgin English entries in this group is also due to the limited lexical scope of many Cameroonian languages. This limitation reflects their historical development in non-industrial environments, where the existing vocabulary adequately met traditional communicative needs but fails to address the complex conceptual requirements of the modern world.

10. Scientific domain.

Cam-no-go (Pidgin English) means a skin infection caused by an animal parasite:

“Le cam no go se soigne mais il laisse des boutons” (French). – “*The cam-no-go can be treated but it leaves bumps*”¹.

Fever grass (Pidgin English) Lat. *Cymbopogon citratus* (Pidgin English) – a medicinal plant lemongrass:

“*When Angelina came down with a fever, some days later, Blessing rushed to her library and pulled out her copy of Where There Is No Doctor. She supplemented the recommended treatment with her mother's: a bath in an effusion of fever grass, after which she smeared the child's body with some unguents and then offered her several steamy cupfuls of infused fever grass*”².

Masepo (Pidgin English) Lat. *Ocimum gratissimum* (Pidgin English) – a medicinal plant basil:

“*His wife and children had spent all evening and the early part of the night rushing out in the unabating rain to the backyard kitchen, to boil masepo and fever grass for him*”³.

Most loanwords in this group are from Cameroonian Pidgin English.

The examination of how Cameroonian languages influence the vocabulary of the territorial varieties of French and English allows us to conclude that only Cameroonian Pidgin English effectively encompasses all functional domains. Numerous lexical borrowings from this Creole have become commonly used terms used not only in gastronomy, but also in medicine, and pharmacy.

Nonetheless, the study reveals that vocabulary entries from the Fang-Beti and Coastal cultural areas are present in eight out of the ten categories, highlighting their extensive influence across multiple areas of vocabulary. Similarly, loanwords from the Grassfield and Sudano-Sahelian languages, which appear in seven and five categories respectively, demonstrate that these cultural areas also play an important role in shaping the linguistic landscape. This distribution underscores the complex interplay of languages in Cameroon, where multiple cultural and linguistic influences converge, resulting in a dynamic process of lexical enrichment and adaptation across the territorial varieties of English and French.

Conclusion

The findings of this research confirm that extensive lexical borrowing is among the most prominent linguistic outcomes of multilingualism. Many of the loanwords, particularly those that convey unique cultural practices, transcend the boundaries of individual ethnic groups and become part of the broader national cultural heritage.

¹ Nji. 2008. Le sujet où on parle à soi-même (SOPASO) et aux autres. Bonaberi forum, December 05, 2008. URL: <https://www.bonaberi.com/forum/viewtopic.php?p=202341&sid=d1776451e91a6d68aba46f4ca5b37187> (accessed: May 26, 2025).

² Ndiyah F. 2011. Blessing. Bamenda: Langaa Research and Publishing SIG. P. 272.

³ Mbue I. 2016. Behold the dreamers: a novel. New-York, Penguin Random House Publishing Group. P. 300.

Indigenous languages play a central role in the process of reshaping English and French spoken in Cameroon by supplying both lexical items and structural patterns. Cameroon Pidgin English further accelerates and mediates these changes. Being a lingua franca with widespread social reach, it functions as a conduit through which local elements enter both French and English. It also fills a critical gap, performing functions that ethnic languages alone cannot, by creating a flexible and adaptive space that accommodates both local and global influences. At the same time, indigenous vocabularies often fall short in addressing the complex conceptual and technical demands of the modern world, such as terms for science, technology, and contemporary social phenomena. Consequently, they cannot provide lexical items that could be borrowed into French and English in categories such as economics or science.

The vocabulary entries originating from the languages of the Fang-Beti and Coastal Bantu areas can be found in eight of the ten categories, underscoring their extensive influence across multiple lexical domains. Likewise, the loanwords from the languages of Grassfield and Sudano-Sahelian cultural areas, present in seven and five categories respectively, indicate that these cultural areas also play a significant role in shaping Cameroon's linguistic landscape.

These results demonstrate that English and French are not merely transplanted languages. They evolve in an active dialogue with the local environment, incorporating native concepts, expressions, and cultural references. As a result, they become tools not only for communication but also for cultural expression, social interaction, and the construction of Cameroonian identity.

This research deepens our understanding of the distinctive features of the territorial varieties of English and French in Cameroon and offers broader insights into the processes of language contact, borrowing, and variation.

References

Bagana Zh. 2004. Yazykovaya interferentsiya v usloviyakh franko-kongolezskogo bilingvizma [Language interference in the context of French-Congolese bilingualism]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. Saratov, 350 p.

Bagana Zh., Blazhevich Yu.S., Kuksova E.L. 2017. Zaimstvovaniya iz mestnykh yazykov v territorial'nom variante frantsuzskogo yazyka Kameruna [Borrowings from local languages in the territorial variant of the French language of Cameroon]. *Belgorod state university scientific bulletin. Humanities*, 21(270): 21–28.

Blazhevich Yu.S. 2021. Kontaknye manifestatsii v usloviyakh bilingvizma v Kamerune [Contact manifestations in the context of bilingualism in Cameroon]. Dis. ... Doct. Philol Sciences. Belgorod, 438 p.

Haugen E.I. 1956. Bilingualism in the Americas: a bibliography and research guide. American Dialect Society, Obtainable from University of Alabama Press, Ala. 159 p.

Klokov, V.T., Blazhevich, Yu.S. 2018. Emergence of hybrid linguistic codes as a result of linguistic interaction in Cameroon. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4(4): 50–62. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-6

Matveeva O.V. 2002. K voprosu ob otnoshenii kal'ki k zaimstvovaniyam [On the Relationship of Calque to Borrowings]. In: Romano-germanskaya filologiya [Romano-Germanic Philology]. Saratov Interuniversity Collection of Scientific Papers. Ed. V.T. Klokov. Iss. 2. Saratov, Publ. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 58–61.

Molodkin A.M. 2001. Vzaimodeistvie yazykov raznogo tipa v etnokul'turnom kontekste (yazykovye kontakty v portugalyazychnoi Afrike) [Interaction of Different Types of Languages in the Ethnocultural Context (Language Contacts in Portuguese-Speaking Africa)]. Ed. L.I. Barannikova. Saratov, Publ. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 183 p.

Myers-Scotton C. 2002. Contact linguistics: bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, Oxford University Press, 360 p.

Thomason S.G., Kaufman T. 1988. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley, University of California Press, 411 p.

Weinreich U. 1953. Languages in contact: finding and problems. Linguistic Circle of New York, 148 p.

Yenika V.S. 2008. Plantation stories and Rhymes from Cameroon. Lincoln, iUniverse, 80 p.

Список литературы

Багана Ж. 2004. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма. Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 350 с.

Багана Ж., Блажевич Ю.С., Куксова Е.Л. 2017. Заимствования из местных языков в территориальном варианте французского языка Камеруна. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 21(270): 21–28.

Блажевич Ю.С. 2021. Контактные манифестации в условиях билингвизма в Камерун. Дис. ... Докт. филол. наук. Белгород, 438 с.

Клоков В.Т., Блажевич Ю.С. 2018. Возникновение гибридных кодов как результат языкового взаимодействия в Камеруне. Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 4(4): 50–62. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-6

Матвеева О.В. К вопросу об отношении кальки к заимствованиям. В кн.: Романо-германская филология. Саратов Межвузовский сборник научных трудов. Под ред. В.Т. Клокова. Вып. 2. Саратов, Издательство Саратовского университета: 58–61.

Молодкин А.М. 2001. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте (языковые контакты в португaloязычной Африке). Под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, Издательство Саратовского университета, 183 с.

Haugen E.I. 1956. Bilingualism in the Americas: a bibliography and research guide. American Dialect Society, Obtainable from University of Alabama Press, Ala. 159 p.

Myers-Scotton C. 2002. Contact linguistics: bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, Oxford University Press, 360 p.

Thomason S.G., Kaufman T. 1988. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley, University of California Press, 411 p.

Weinreich U. 1953. Languages in contact: finding and problems. Linguistic Circle of New York, 148 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025
Поступила после рецензирования 3.10.2025
Принята к публикации 10.12.2025

Received August 18, 2025
Revised October 3, 2025
Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блажевич Юлия Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya S. Blazhevich, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia.

УДК 81-23
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-766-776
EDN QYFAVY

Грамматическая нативизация в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch

^{1, 2} Волошина Т.Г., ¹ Кошарная С.А., ¹ Богданова М.Д.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

² Московский международный университет
Россия, 125040, Москва, Ленинградский проспект, д. 17.

tatianavoloshina@rambler.ru

Аннотация. Изучение адаптации вариантов английского языка в различных типах дискурса помогает выявить их новые фонетические, грамматические и лексические признаки в современных лингвосоциокультурных реалиях, обусловленных тенденциями глобализации и нативизации. Тем не менее на современном этапе развития контактной лингвистики наблюдается пробел в изучении вариантов английского языка в таком виде дискурса, как медиадискурс. Целью исследования является выявление грамматических изменений английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch, письменные тексты и видеоматериалы которой формируют пространство англоязычного нигерийского медиадискурса. Установлено, что английский язык, функционируя в англоязычном нигерийском медиадискурсе, подвержен нативизации, под которой понимается адаптация английского языка к нигерийским лингвосоциокультурным реалиям. Доказано, что грамматическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе проявляется в виде морфологических и синтаксических трансформационных процессов. Морфологическая нативизация самостоятельных и служебных частей речи проявляется в упрощении временных форм глагола, противоречащим грамматическим нормам британского английского языка, формировании степеней сравнения прилагательных и наречий, опущении artikelей и частиц, что является результатом интерференции с местными языками. Выявлено, что синтаксическая нативизация проявляется в структурных изменениях британского английского языка и некоторых пунктуационных особенностях.

Ключевые слова: грамматическая нативизация, нигерийский вариант английского языка, британский английский язык, англоязычный нигерийский медиадискурс

Для цитирования: Волошина Т.Г., Кошарная С.А., Богданова М.Д. 2025. Грамматическая нативизация в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 766–776. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-766-776 EDN: QYFAVY

Grammatical Nativization in Online Nigerian English Newspaper "Punch"

^{1, 2} Tatiana G. Voloshina, ¹ Svetlana A. Kosharnaya, ¹Marina D. Bogdanova

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 3008015, Russia

² Moscow International University,
17 Leningradsky Ave., Moscow 125040, Russia

tatianavoloshina@rambler.ru

Abstract. The study into the adaptation of English variants in diverse discourse types helps identify their new phonetic, grammatical, and lexical features in modern linguistic and sociocultural realia that are

predetermined by the globalization and nativization trends. However, at the current stage of contact linguistics development, there is a gap in the study of the English language varieties in media discourse. The study aims to identify the grammatical changes in English based on the online Nigerian English newspaper *Punch*. The printed articles and video materials of the latter constitute the space of Nigerian English media discourse. We have found that the variant of English used in Nigerian English media discourse is subject to nativization, which refers to the adaptation of English to Nigerian linguistic, social, and cultural realia. Our findings prove that the grammatical nativization of English in Nigerian English media discourse manifests itself in morphological and syntactic transformations. Morphological nativization of notional and formal parts of speech is manifested in the simplification of verb tenses, the formation of degrees of comparison, and the omission of articles and particles. The morphological changes are influenced by interference from local languages. Syntactic naturalization manifests itself in structural changes and certain punctuation features. It has been established that structural changes occur when the word order in a sentence is inverted, with the inversion of time and place circumstances being the most productive. A characteristic feature of the *Punch* articles is nativized punctuation, which is associated with the omission of such written markers as commas and closing quotation marks and is influenced by the indigenous languages, where the punctuation rules differ from those of British English.

Keywords: grammatical nativization, Nigerian English, British English, Nigerian English media discourse

For citation: Voloshina T.G., Kosharnaya S.A., Bogdanova M.D. 2025. Grammatical Nativization in Online Nigerian English Newspaper "Punch". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 766–776 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-766-776 EDN: QYFAVY

Введение

Английский язык в мировом сообществе обладает статусом средства глобальной коммуникации и функционирует в виде множества вариантов [Crystal, 2003]. Обладая официальным статусом наряду с автохтонным языковым большинством, английский язык представляет собой доминирующее средство общения во многих африканских странах, включая Нигерию [Nwachukwu, 2017]. В Нигерии именно английский язык является связующим звеном между языковым большинством (*хауса, йоруба, игбо*) и языковым меньшинством (*ибибио, канури, тив, эдо* и др.) [Ibrahim, 2017]. Несмотря на активные действия в рамках языковой политики, направленные на поддержку роли местных языков в нигерийском социуме, английский язык играет первостепенно-значимую роль в сферах экономики, политики, образования, СМИ [Taiwo, 2009]. Анализ такого варианта английского языка, как нигерийский, в различных типах дискурса необходим для выявления его признаков в условиях глобализации и нативизации.

Вопросы адаптации английского языка в условиях англо-нигерийского взаимодействия были изучены в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Специфика грамматической и лексической адаптации английского языка в Нигерии была исследована А. Akintayo [2024] и М. Ogayi [2020]. Аспекты фонетических и фонологических изменений в нигерийском варианте английского языка были изучены в работах О. Okoro [2000] и Д. Jowitt [2000]. Характерные особенности английского языка, функционирующего в англоязычных нигерийских медиа, были предметом анализа в работах А. Chinene [2023] и М. Ogayi [2020].

Зарубежные лингвисты анализируют специфику адаптации английского языка в мировом сообществе в целом [Thomason, Kaufman, 1991; Okoro, 2000; Prah, 2001], и особенности нигерийского варианта английского языка в его подсистемах в частности [Jowitt, 2000; Udofo, 2013; Osoba, 2014; Nwoko, 2016; Werner, Fuchs, 2017].

В предыдущих работах с соавторами мы рассматривали особенности пиджинизации английского языка, функционирующего на территории Нигерии [Волошина, Глебова, 2024; Волошина и др., 2024], а также специфику нативизации английского языка в процессе англо-нигерийского билингвизма [Волошина, Богданова, 2025].

Необходимо отметить, что в настоящее время существует пробел в науке в области адаптации английского языка на всех уровнях в англоязычном нигерийском медиадискурсе, что требует проведения дополнительных исследований.

Целью исследования является выявление грамматической нативизации английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе на современном этапе развития нигерийского социума.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются особенности нигерийского варианта английского языка, сформированного в результате взаимодействия британского английского языка и многочисленных нигерийских языков и культур. Предметом исследования выступают грамматические изменения нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве.

Материалом исследования выступают письменные тексты и видеоматериалы за 2025 год, опубликованные в англоязычной нигерийской газете *Punch*, представляющей одно из ведущих современных англоязычных нигерийских изданий, доступных в том числе в формате онлайн.

Методология исследования базируется на применении таких ключевых методов, как сравнительно-сопоставительный анализ (на основе соотнесения с британским английским языком были установлены ключевые грамматические манифестации нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе), квантитативный анализ (были определены наиболее и наименее типичные виды грамматических изменений в англоязычном нигерийском медиадискурсе). Также использовался прием сплошной выборки, при помощи которого в письменных текстах и видеороликах была изучена специфика грамматической нативизации английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch*.

Результаты и их обсуждение

Английский язык является основным средством нигерийских СМИ. Подавляющее большинство газет и журналов, выпускаемых в Нигерии, являются англоязычными. Онлайн-газета *Punch* представляет собой одно из наиболее доступных англоязычных печатных и онлайн-изданий в Нигерии на современном этапе развития нигерийского социума. Рассматриваемая газета знакомит читателей с событиями, происходящими как внутри страны, так и за ее пределами. Особой популярностью пользуется онлайн-формат газеты, доступный нигерийским, африканским читателям, а также пользователям сети Интернет – мировому сообществу.

Пространство англоязычной нигерийской онлайн-газеты *Punch* представляет собой медиадискурс, сочетающий письменные тексты, видеоматериалы, отражающие реалии нигерийского общества.

В ходе исследования было выявлено 500 примеров, иллюстрирующих специфику грамматических манифестаций нигерийского варианта английского языка.

Англоязычная нигерийская онлайн-газета *Punch* обладает следующими особенностями: ограниченный перечень рубрик и подрубрик, незначительный объем письменных текстов и видеоматериалов, высокая степень этнической маркированности визуального ряда, сопровождающего письменные тексты и включенного в видеоролики, превалирование статей аналитического и информационного жанров.

Сопоставительный анализ с британским медиадискурсом на примере онлайн-газеты *The Guardian* показал, что для англоязычного нигерийского медиадискурса (на примере онлайн-газеты *Punch*) типичным является ограниченный перечень рубрик и подрубрик. Так, в перечень рубрик британской онлайн-газеты *The Guardian* входят News, Opinion, Sport,

Culture, Lifestyle, при этом каждая рубрика имеет серию подрубрик. Рубрики News и Lifestyle содержат максимальное количество подрубрик – 13 и 11, соответственно. Рубрики Culture и Sport имеют по 8 подрубрик. Наименьшее количество – 5 подрубрик – в рубрике Opinion. В свою очередь, количество рубрик в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch – 9 единиц (Homes, News, Featured, Politics, MetroPlus, Business, Sports, HealthWise, Videos), подрубрики отсутствуют.

Для англоязычной нигерийской онлайн-газеты Punch типичным является незначительный объем публикаций письменных текстов и видеороликов. По сравнению со среднестатистическим объемом статьи и видеоролика в англоязычной газете The Guardian количество предложений в текстах статей и минут в видеоматериалах англоязычной нигерийской онлайн-газеты Punch меньше на треть. Важно отметить, что все письменные тексты и видеоролики в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch сопровождаются иллюстрациями нигерийцев в различных типах этнических костюмов.

Для англоязычной нигерийской онлайн-газеты Punch характерно превалирование статей аналитического (45 %) и информационного (47 %) жанров, менее распространенными являются публикации художественно-публицистического жанра (8 %).

Специфика нативизации английского языка на уровне грамматики в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch

Под *нативизацией* английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе мы понимаем адаптацию британского английского языка к нигерийским этносоциокультурным реалиям.

В ходе исследования было выделено два типа грамматической нативизации английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch: морфологический и синтаксический. Оба типа иллюстрируют специфику адаптации британского английского языка к местным лингвосоциокультурным реалиям. Рассмотрим подробнее каждый тип грамматических манифестаций.

1. Морфологическая нативизация английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch.

Морфологические изменения британского английского языка в письменных текстах и видеоматериалах англоязычной нигерийской онлайн-газеты Punch были подразделены на морфологические трансформации самостоятельных и служебных частей речи. На основе квантитативного анализа было установлено, что доминирующими являются морфологические изменения самостоятельных частей речи (82 %), изменения служебных частей речи встречаются значительно реже (18 %).

1.1. Морфологические изменения самостоятельных частей речи.

К морфологическим изменениям *существительного* в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch относится употребление абстрактных существительных в форме множественного числа. Продуктивность такого типа трансформационных процессов достигает 8 % от всех морфологических изменений самостоятельных частей речи.

Пример:

*Moneys not a problem for a 75-year-old ice-cream seller*¹. – Деньги – не самое главное для 75-летнего продавца мороженого.

Данный пример был найден в видеоролике об известном продавце из Абуджи, который всю жизнь торгует мороженым. Рассматриваемое высказывание принадлежит другу главного героя. Важно отметить, что интервьюируемый коммуникант не обладает высоким уровнем образования, в результате чего в его речи наблюдается нарушение

¹ Serving happiness for 57 years: the story of lagos' 75-year-old ice cream seller. 2025. Punch, March 29, 2025.
URL: <https://punchng.com/serving-happiness-for-57-years-the-story-of-lagos-75-year-old-ice-cream-seller/>
(accessed: 10.09.2025).

грамматических норм британского английского языка при формировании формы множественного числа абстрактного существительного *moneys* – *деньги*.

Изменения *местоимений* в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* проявляются в виде употребления некорректных форм возвратных местоимений, например:

*They did it themself, there was no help*¹. – *Им пришлось делать все самим, помощи не было никакой.*

В приведенном примере из видеоролика наблюдается употребление формы возвратного местоимения *themself* вместо абсолютной формы *themselves*, что обусловлено интерференцией с местными языками, в которых отсутствуют абсолютные формы у возвратных местоимений.

Данный вид нативизации является распространенным явлением для англоязычной нигерийской онлайн-газеты *Punch*, частотность таких примеров составляет 10 % от всех морфологических изменений самостоятельных частей речи.

Манифестации изменений *прилагательного* и *наречия* проявляются в виде формирования степеней сравнения, частотность таких примеров достигает 9 %.

Пример:

*Oti said he felt even badlier than two days before*². – *Отис сказал, что чувствовал себя еще хуже, чем два дня тому назад.*

Приведенный пример иллюстрирует случай грамматической нативизации наречия *badlier* – *хуже*. В приведенном примере сравнительная степень наречия образуется по принципу односложного прилагательного, в то время как для грамматической нормы британского английского языка характерно образование сравнительной степени наречия, оканчивающегося на *-ly*, по форме многосложного прилагательного. Причиной такой грамматической трансформации является недостаточный уровень образования у авторов публикаций.

Манифестации изменения *глагола* в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* являются доминирующими, количество таких примеров составляет 70 % от всех морфологических изменений самостоятельных частей речи.

Пример:

*An eyewitness said the incident happened around 3pm, adding that the police officer was in mufti*³. – *Очевидец сообщил, что инцидент произошел около 3 часов дня, добавив, что сотрудник полиции был в штатском.*

Этот пример отражает трансформацию глагола *happened* – *произошел*, который имеет форму простого прошедшего времени вместо формы прошедшего завершенного, что необходимо согласно грамматической норме британского английского языка. Причиной симплификации формы глагола является интерференция с местными языками, для которых, в отличие от британского английского языка, нехарактерна разветвленная система форм глагола.

*The Minister, Federal Capital Territory, Nyesom Wike, on Monday, said he derives joy from stepping on the toes of big people in the country*⁴. – *Министр федеральной столичной*

¹ Ndoeche Ch. 2025. EPL: Man City seek win against Burnley, Chelsea host Brighton. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/epl-man-city-seek-win-against-burnley-chelsea-host-brighton/> (accessed: 12.09.2025).

² Ige O. 2025. Explainer: The long road to Ibadan's prestigious Olubadan throne. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/explainer-the-long-road-to-ibadan-s-prestigious-olubadan-throne/> (accessed: 10.09. 2025)

³ Obianeri I. 2025. Construction workers trapped in Anambra three-storey building collapse. *Punch*, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/construction-workers-trapped-in-anambra-three-storey-building-collapse/> (accessed: 08.09. 2025).

⁴ Aina D. 2025. Dangote Refinery reorganises workforce over sabotage, denies mass sack. *Punch*, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/just-in-dangote-refinery-reorganises-workforce-over-sabotage-denies-mass-sack/> (accessed: 10.09.2025).

территории, Ньесом Вике, в понедельник заявил, что он получает удовольствие от того, что наступает на пятки большим людям в стране.

В рассматриваемом примере нативизация глагола представлена, как и в предыдущем случае, на примере симплификации формы глагола (*derives* – получает), что обусловлено интерференционными процессами.

*These measures not only help prevent theft but also assist law enforcement in swiftly recovering stolen vehicle sand arresting suspects*¹. – Эти меры не только помогают предотвратить кражи, но и дают возможность правоохранительным органам быстро возвращать украденные транспортные средства и арестовывать подозреваемых.

В данном примере морфологическая нативизация глагола проявляется в виде опущения вспомогательного глагола перед отрицательной частицей *not* в отрицательном предложении. Отклонение от нормы британского английского языка обусловлено влиянием строя автохтонных языков, в которых отсутствуют вспомогательные глаголов как таковые.

Изменения числительного представляют наименее частотный тип морфологических трансформаций самостоятельных частей речи (3 %), например:

*Amusan, who relocated to Jamaica late last year to train under Millsat Racers Track Club, is gradually regaining full fitness following a brief training set back earlier this season and won the Rab at Diamond Leagueon May 25*². – Амусан, который в конце прошлого года переехал на Ямайку, чтобы тренироваться под руководством Миллса в Racers Track Club, постепенно восстанавливает физическую форму после небольшого перерыва в тренировках в начале этого сезона и 25 мая выиграл Бриллиантовую лигу в Рабате.

Этот пример – часть реплики главного героя видеоролика. Порядковое числительное *May 25* – 25 мая произносится как /meɪ twenty faɪv/, то есть как количественное числительное, вместо /meɪ ðə twenty fifθ/ как порядковое числительное согласно грамматической норме британского английского языка. Отклонение от нормы обусловлено интерференцией с местными языками, в которых отсутствует подобное грамматическое правило.

1.2. Морфологические изменения служебных частей речи.

Нативизация служебных частей речи реализуется посредством трансформаций предлогов, артиклей и частиц. Наиболее распространенными в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch являются изменения частиц, частотность таких примеров составляет 62 % от всех выявленных нами морфологических трансформаций служебных частей речи. Менее продуктивными являются изменения артиклей (28 %).

1.2.1. Нативизация артиклей.

Специфика англоязычных нигерийских текстов и видеороликов в онлайн-газете Punch проявляется в виде опущения артиклей, например:

*Simply not telling truth is not enough, he added*³. – Не говорить правду недостаточно.

Приведенный пример из видеоролика демонстрирует опущение определенного артикля *the* в устойчивом выражении британского английского языка *to tell the truth* – говорить правду. Нативизация артикля обусловлена интерференцией, а именно отсутствием такой части речи, как артикль, в автохтонных языках.

1.2.2. Нативизация частиц.

В англоязычном нигерийском медиадискурсе частицы опускаются, например:

*The Chief Executive Officer of Wakanow said the solution could help reduce Nigeria's foreign exchange out flow linked to the purchase of foreigne-SIMs*⁴. – Главный исполнительный

¹ Several feared trapped as mining pits collapse in Zamfara. 2025. Punch, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/several-feared-trapped-as-mining-pits-collapse-in-zamfara/> (accessed: 09.09.2025).

² Idowu J. 2025. Abuja employer bathes 16-year-old domestic staff with hot water. Punch, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/abuja-employer-bathes-16-year-old-domestic-staff-with-hot-water/> (accessed: 10.09.2025).

³ Obianeri I. 2025. Anambra women protest land grabbing. Punch, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/anambra-women-protest-land-grabbing/> (accessed: 10.09.2025).

⁴ Bankole T. 2025. Ogun monarch slams Taye Currency over performance at Olubadan coronation. Punch,

директор Ваканов сказал, что это решение может помочь сократить отток иностранной валюты из Нигерии, связанный с покупкой иностранных электронных карт.

Приведенный пример иллюстрирует опущение частицы *to* перед глаголом *help* – помогать. Опущение частицы *to* продиктовано влиянием американского варианта английского языка на нигерийский вариант английского языка.

Характерной особенностью англоязычных текстов в нигерийской онлайн-газете *Punch* является употребление полных отрицательных форм вспомогательного глагола с отрицательной частицей *not*, например:

*We committed democrats will not fold our arms while our people suffer from hunger and insecurity. The opposition should allow the President to focus on governance and the delivery of democratic dividends, Onitiri added*¹. – Мы, убежденные демократы, не сложим руки, пока наш народ страдает от голода и отсутствия безопасности. Оппозиция должна позволить президенту сосредоточиться на управлении страной и получении демократических дивидендов, добавил Онитири.

*It is unacceptable that in 2025, students are sitting for exams at 11 pm under torchlight. This is not just a failure of logistics, it is a failure of leadership, he added*². – Недопустимо, чтобы в 2025 году студенты сдавали экзамены в 11 часов вечера при свете фонарей. Это не просто провал логистики, это провал руководства, добавил он.

В приведенных примерах функционирует полная форма отрицания: в первом случае *will not*, а втором *is not*, что является спецификой англоязычного нигерийского медиадискурса.

Синтаксическая нативизация в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch*

Анализ синтаксической нативизации в англоязычном нигерийском медиадискурсе был проведен исходя из структурных и пунктуационных изменений британского английского языка. Было установлено, что в письменных текстах и видеороликах англоязычной нигерийской онлайн-газеты *Punch* пунктуационные трансформации являются более частыми (62 %) по сравнению со структурными трансформациями (38 %).

1.3. Пунктуационная нативизация в англоязычном нигерийском медиадискурсе.

В нашем исследовании пунктуационные изменения были рассмотрены на материале письменных текстов. Было установлено, что наиболее продуктивными типами пунктуационных изменений являются отсутствие закрывающих кавычек (65 %) и опущение запятых (25 %), например:

*The Governor conveys his heartfelt condolences to Oba Abolarin and the people of Oke-Ila and the Ministry of Local Government and Chieftaincy Affairs, where she worked before her sudden death, urging everyone touched by her loss to take solace in the fact that she lived a life full of impact*³. – Губернатор выражает свои искренние соболезнования Оба Аболарин и жителям Оке-Илы, а также Министерству местного самоуправления, где она [главная героиня] работала до своей внезапной смерти, и призывает всех, кому она дорога, подумать о том, что она прожила насыщенную жизнь.

September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/ogun-monarch-slams-taye-currency-over-performance-at-olubadan-coronation/> (accessed: 09.09.2025).

¹ Nwakanma S. 2025. ‘Nigeria needs 1.2m teachers’. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/nigeria-needs-1-2m-teachers/> (accessed: 07.09.2025).

² Julius E. 2025. Pirates abduct 17 passengers on Calabar-Oron waterways. *Punch*, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/pirates-abduct-17-passengers-on-calabar-oron-waterways/> (accessed: 12.09.2025).

³ Chima N. 2025. Police removed me from my abusive marriage — Victoria Inyama. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/police-removed-me-from-my-abusive-marriage-victoria-inyama/> (accessed: 14.09.2025).

He said, 'The road project was awarded by former Governor Gboyega Oyetola in 2022¹. – Он сказал: «Проект строительства дороги был одобрен бывшим губернатором Гбайегой Ойетолой в 2022 году».

В приведенных примерах наблюдается отсутствие закрывающей кавычки при оформлении цитаты интервьюируемого собеседника.

The Kaduna Police Command has arrested 27 suspects as it began a major crackdown on criminals in the Kawo area of the state where a Naval officer, Lieutenant Commander M. Buba, was stabbed to death by suspected phone snatchers while attempting to fix a flat tyre on his vehicle². – Полицейское командование Кадуны арестовало 27 подозреваемых, начав масштабную борьбу с преступниками в районе Каво, штата, где морской офицер, капитан-лейтенант М. Буба, был зарезан предполагаемыми похитителями телефонов при попытке починить спущенную шину на своем автомобиле.

Как показывает пример, для нигерийского варианта английского языка, функционирующего в англоязычных текстах СМИ, характерной особенностью является опущение запятых. В рассматриваемом примере мы наблюдаем отсутствие запятой перед придаточной частью предложения, начинающейся с *where – где*, которое является частью относительного предложения. Причиной манифестации изменений подобного рода является интерференция с местными языками.

1.4. Структурная манифестация в англоязычном нигерийском медиадискурсе.

Структурные изменения в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* проявляются в виде инверсированного порядка слов в предложении. Мы выявили инверсию главных (12 %) и второстепенных (88 %) членов предложения.

1.4.1. Инверсия главных членов предложения в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* типична для вопросительных предложений, например:

*In 2023, did I not tell you that I wouldn't support their presidential candidate?*³ – *Разве я не говорил вам в 2023 году, что не поддержу их кандидата в президенты?*

В рассматриваемом примере инверсия касается позиции сказуемого, выраженного вспомогательным глаголом *did*, и подлежащего, выраженного местоимением *I – я*, которым предшествует позиция второстепенного члена предложения, выраженного обстоятельством времени *In 2023 – в 2023*. Инверсированный порядок слов в предложении обусловлен авторским замыслом – оказать влияние на читателя при помощи выделения определенной части предложения, используя инверсию.

1.4.2. Инверсия второстепенных членов предложения в англоязычной нигерийской онлайн газете *Punch* касается в большей степени позиции обстоятельства, а именно обстоятельства времени и места, например:

The Nigerian Air Force, NAF, on Friday staged a captivating aerial display over Lagos skies as part of activities commemorating its 61st anniversary⁴. – *Военно-воздушные силы Нигерии (NAF) в пятницу устроили захватывающее воздушное шоу в небе Лагоса в рамках мероприятий, посвященных их 61-й годовщине.*

Приведенный пример иллюстрирует инверсию второстепенного члена предложения, а именно обстоятельства времени (*on Friday – в пятницу*), что вызвано интерференцией –

¹ Egole A., Nwafor A. 2025. Customs exempt raw materials, spare parts from 4% levy. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/customs-exempt-raw-materials-spare-parts-from-4-levy/> (accessed: 14.09.2025).

² Peter P. 2025. Lagos poised for 4th CDS Unity Basketball tourney. *Punch*, September 27, 2025. URL: <https://punchng.com/lagos-poised-for-4th-cds-unity-basketball-tourney/> (accessed:12.09.2025).

³ Muntari T. 2025. NSCDC arrests 19 suspected vandals in Kano. *Punch*, September 26, 2025. URL: <https://punchng.com/nscdc-arrests-19-suspected-vandals-in-kano-2/> (accessed: 10.09.2025).

⁴ Abdullahi I. 2025. Ondo general hospital where pregnant women dread to give birth. *Punch*, September 21, 2025. URL: <https://healthwise.punchng.com/ondo-general-hospital-where-pregnant-women-dread-to-give-birth/> (accessed: 12.10.2025).

для автохтонных нигерийских языков типичен свободный порядок слов в предложении, поэтому в нигерийском варианте английского языка наблюдается нефиксированная позиция слов в предложении.

Заключение

Таким образом, пространство англоязычной нигерийской онлайн-газеты *Punch* образует медиадискурс, для которого характерны такие специфические свойства, как ограниченный перечень рубрик и подрубрик; незначительный объем письменных текстов и видеоматериалов; высокая степень этнической маркированности визуального ряда, сопровождающего письменные тексты и включенные в видеоролики; превалирование статей аналитического и информационного жанров.

Английский язык, функционируя в письменных текстах и видеороликах нигерийской онлайн-газеты *Punch*, подвержен нативизации, что вызвано адаптацией к местным лингвосоциокультурным реалиям. Грамматическая нативизация касается морфологических и синтаксических изменений. Морфологические изменения самостоятельных частей речи превалируют и проявляются в употреблении абстрактных существительных в форме множественного числа; противоречащем норме функционирования некорректных форм возвратных местоимений; образовании степеней сравнения наречия по принципу односложного прилагательного; симплификации форм глагола; употреблении количественного числительного вместо порядкового. Что касается изменений служебных частей речи, то они являются менее продуктивными для англоязычного нигерийского медиапространства онлайн-газеты *Punch* и проявляются опущением artikelей и частиц.

Морфологическая нативизация как самостоятельных, так и служебных частей речи английского языка обусловлена интерференционными процессами с местными языками и культурами и недостаточным уровнем образования нигерийцев.

Синтаксическая нативизация проявляется в форме структурных изменений британского английского языка и некоторых пунктуационных особенностях. Структурные изменения обнаруживаются в текстах англоязычной нигерийской онлайн-газеты *Punch* как инверсированный порядок слов в предложении. Наиболее распространенной является инверсия обстоятельства времени и места, что связано со свободным порядком слов в предложениях автохтонных нигерийских языков. Менее распространенной является инверсия главных членов предложения, что вызвано авторской позицией и желанием журналистов привлечь внимание читателей и зрителей к определенному отрезку предложения. Пунктуационная нативизация связана с противоречащими грамматической норме британского английского языка письменными маркерами, такими как опущение закрывающих кавычек при оформлении цитат интервьюируемых коммуникантов и запятых, что, как и в предыдущем случае, обусловлено влиянием автохтонных языков.

Список литературы

Волошина Т.Г., Глебова Я.А. 2024. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры). *Вестник Костромского государственного университета*, 2(30): 183–189. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-2-183-189

Волошина Т.Г., Глебова Я.А., Маркелова О.В. 2024. Особенности пиджинизации языка в условиях межъязыкового взаимодействия. *Известия ЮФУ. Филологические науки*. 4(28): 105–117. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-4-105-117

Волошина Т.Г., Богданова М.Д. 2025. Специфика нативизации английского языка в Нигерии. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 3(239): 16–24. DOI: 10.23951/1609-624X-2025-3-16-24

Akintayo A. 2024. Nigerian English: Challenges and Prospects. *International Journal of English Studies (IJOES)*, 1(2): 1–8. DOI: https://doi.org/10.34218/IJOES_01_02_001.

Chinenye A. 2023. New Englishes from the Nigerian Languages in Social Media. *Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies (SGOJAHDS)*, 6(4): 1–8.

Crystal D. 2003. English as a global language. New York, Cambridge University Press, 212 p.

Ibrahim S.S. 2017. Globalization and the contemporary Nigerian English Spelling and Lexis. *International Journal of Linguistics and Literature*, 6(1): 19–26.

Jowitt D. 2000. Patterns of Nigerian English intonation. *English World-Wide A Journal of Varieties of English*, 1(21): 63–80. DOI: 10.1075/eww.21.1.04jow

Ogayi M. 2020. Hindering Impact of Nigerian English and Pidgin English on the Learning and Standard English in Nigerian Universities. *International Journal of English Language Teaching*, 3(8): 8–14.

Nwachukwu U.A. 2017. Diglossia and language contact: Nigerian Pidgin & Nigerian Creole in perspective. *European Journal of English Language Teaching*, 1(2): 153–164. DOI: 10.5281/zenodo.399234

Nwoko C.N. 2016. Domestication of the English language in Nigeria: an examination of morpho-syntactic trends in Nigerian English (NGE). *International Journal of English Language Teaching*, 5(4): 83–91.

Okoro O. 2000. Exploring variety markers in Nigerian English: a study of reduplication. In: Issues in Language and Communication in Nigeria: essays in honour of Emmanuel N. Kwofie. Eds. C. Ogbulogo, P. Alo. Yaba Lagos, Nigeria, Sam Orient Publishers: 80–94.

Osoba G.A. 2014. English idioms in some Nigerian print media: of norm and deviation. *English Linguistics Research*, 3(1): 46–50. DOI: 10.5430/elr.v3n1p46

Prah K. 2001. Culture, the missing link in development planning in Africa. *Présence africaine*, 163–164: 90–102. DOI: 10.3917/presa.163.0090

Taiwo R. 2009. Polysemous usage in domesticated English varieties: a case study of the verb ‘see’ in Nigerian English. *Language. Text. Society*, 3(1): 52–66.

Thomason S.G., Kaufman T. 1991. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley CA, University of California Press, 411 p. URL: <https://thelib.net/3884812-language-contact-creolization-and-genetic-linguistics.html?ysclid=mgv9yz57rx357504163> (accessed: 12.10.2025).

Udofot I. 2013. Features of spoken Nigerian English. In: Contact Linguistics in Africa and Beyond. Eds. A. T. Akande, R. Taiwo. Chapt. 4. New York, Nova Science Publishers: 61–74.

Werner V., Fuchs R. 2017. The present perfect in Nigerian English. *English Language & Linguistics*, 21(1): 129–153. DOI: 10.1017/S1360674316000137

References

Voloshina T.G., Glebova Ya.A. 2024. Pidginisation as linguocultural phenomenon (on the example of African linguoculture). *Vestnik of Kostroma State University*, 30(2): 183–189 (in Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-2-183-189

Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Markelova O.V. 2024. Language pidginization features in the context of language interaction. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 28(4): 105–117 (in Russian). DOI: 10.18522/1995-0640-2024-4-105-117

Voloshina T.G., Bogdanova M.D. 2025. Nigerian English nativization process. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(239): 16–24 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2025-3-16-24

Akintayo A. 2024. Nigerian English: Challenges and Prospects. *International Journal of English Studies (IJOES)*, 1(2): 1–8. DOI: https://doi.org/10.34218/IJOES_01_02_001.

Chinenye A. 2023. New Englishes from the Nigerian Languages in Social Media. *Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies (SGOJAHDS)*, 6(4): 1–8.

Crystal D. 2003. English as a global language. New York, Cambridge University Press, 212 p.

Ibrahim S.S. 2017. Globalization and the contemporary Nigerian English Spelling and Lexis. *International Journal of Linguistics and Literature*, 6(1): 19–26.

Jowitt D. 2000. Patterns of Nigerian English intonation. *English World-Wide A Journal of Varieties of English*, 1(21): 63–80. DOI: 10.1075/eww.21.1.04jow

Ogayi M. 2020. Hindering Impact of Nigerian English and Pidgin English on the Learning and Standard English in Nigerian Universities. *International Journal of English Language Teaching*, 3(8): 8–14.

Nwachukwu U.A. 2017. Diglossia and language contact: Nigerian Pidgin & Nigerian Creole in perspective. *European Journal of English Language Teaching*, 1(2): 153–164. DOI: 10.5281/zenodo.399234

Nwoko C.N. 2016. Domestication of the English language in Nigeria: an examination of morpho-syntactic trends in Nigerian English (NGE). *International Journal of English Language Teaching*, 5(4): 83–91.

Okoro O. 2000. Exploring variety markers in Nigerian English: a study of reduplication. In: *Issues in Language and Communication in Nigeria: essays in honour of Emmanuel N. Kwofie*. Eds. C. Ogbulogo, P. Alo. Yaba Lagos, Nigeria, Sam Orient Publishers: 80–94.

Osoba G.A. 2014. English idioms in some Nigerian print media: of norm and deviation. *English Linguistics Research*, 3(1): 46–50. DOI: 10.5430/elr.v3n1p46

Prah K. 2001. Culture, the missing link in development planning in Africa. *Présence africaine*, 163–164: 90–102. DOI: 10.3917/presa.163.0090

Taiwo R. 2009. Polysemous usage in domesticated English varieties: a case study of the verb ‘see’ in Nigerian English. *Language. Text. Society*, 3(1): 52–66.

Thomason S.G., Kaufman T. 1991. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley CA, University of California Press, 411 p. URL: <https://thelib.net/3884812-language-contact-creolization-and-genetic-linguistics.html?ysclid=mgv9yz57rx357504163> (accessed: 12.10.2025).

Udofot I. 2013. Features of spoken Nigerian English. In: *Contact Linguistics in Africa and Beyond*. Eds. A. T. Akande, R. Taiwo. Chapt. 4. New York, Nova Science Publishers: 61–74.

Werner V., Fuchs R. 2017. The present perfect in Nigerian English. *English Language & Linguistics*, 21(1): 129–153. DOI: 10.1017/S1360674316000137

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.10.2025

Received October 01, 2025

Поступила после рецензирования 03.10.2025

Revised October 03, 2025

Принята к публикации 10.11.2025

Accepted November 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский международный университет, Москва, Россия.

Кошарная Светлана Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Богданова Марина Дмитриевна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana G. Voloshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Second Foreign Language, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University, Moscow, Russia.

Svetlana A. Kosharnaya, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Marina D. Bogdanova, Postgraduate Student of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 811.133.1

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-777-784

EDN SDBTRD

Морфологические особенности языкового кода «нуши»

Глебова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

glebova_ya@bsuedu.ru

Аннотация. Под влиянием сложной социолингвистической ситуации в Кот д'Ивуаре сформировались две контактные разновидности французского языка (ивуарийский вариант французского языка и языковой код «нуши»), которые приобрели ряд уникальных особенностей, типичных для ивуарийской лингвокультуры. Дискуссионным остается вопрос, какие именно морфологические особенности присущи нуши, образовавшемуся в результате взаимовлияния автохтонных и французского языков на территории Кот д'Ивуара. Целью исследования является выявление морфологических особенностей языкового кода нуши, которые отличают его от ивуарийского варианта французского языка и стандартного французского языка. В результате исследования конкретизированы функции языкового кода «нуши» в контексте новых социокультурных тенденций ивуарийского общества и предложено системное описание морфологических особенностей нуши, что позволило получить целостное представление о языковом коде. Установлено, что морфологические особенности нуши являются результатом комплексного взаимодействия автохтонных языков и явления аграмматичности, возникающего на почве недостаточного владения стандартным вариантом французского языка. На морфологическом уровне в ходе проведенного анализа установлен комплекс системных отличий нуши от стандартного варианта французского языка, которые свидетельствуют о целенаправленной адаптации и реструктуризации грамматической системы под влиянием автохтонных языков. Были систематизированы отклонения, проявляющиеся в функционировании основных частей речи: артикля (тенденции к опущению и унификации форм), прилагательного (ошибочное образование форм женского рода), глагола (отклонения прослеживаются во всех категориях) и предлога (частотное опущение). Выявлены такие специфические морфологические черты как семантическое перераспределение функций артикля (употребление определенного артикля женского рода исключительно для обозначения женского пола), нестандартное образование форм множественного числа существительных, а также некоторые особенности спряжения глаголов нефранцузского происхождения.

Ключевые слова: морфология, французский язык, территориальный вариант французского языка, Кот д'Ивуар, французский язык Кот д'Ивуара, нуши

Для цитирования: Глебова Я.А. 2025. Морфологические особенности языкового кода «нуши». *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 777–784. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-777-784 EDN: SDBTRD

Morphological Features of the Nouchi Language Code

Yana A. Glebova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
glebova_ya@bsuedu.ru

Abstract. The influence of the complex sociolinguistic situation in Ivory Coast has brought about two contact varieties of the French language (the Ivorian variety of French and the Nouchi language code), which have acquired a number of unique features typical of the Ivorian linguaculture. The question of what

morphological features are inherent to Nouchi, which formed as a result of the mutual influence of autochthonous languages and French within Ivory Coast, remains a subject of discussion. The aim of the study is to identify the morphological features of the Nouchi language code that distinguish it from the Ivorian variant of French and Standard French. The research has made it possible to specify the functions of the Nouchi language code within the context of new sociocultural trends in Ivorian society and to suggest a systemic description of Nouchi morphological features, providing a holistic understanding of this language code. It has been established that the morphological features of Nouchi result from the complex interaction of interference from autochthonous languages and the phenomenon of agrammaticality, arising from insufficient command of the standard variety of French. At the morphological level, the analysis has revealed systemic differences between Nouchi and Standard French, indicating a purposeful adaptation and restructuring of the grammatical system under the influence of autochthonous languages. The author systematizes the deviations manifested in the functioning of major parts of speech: the article (tendencies towards omission and unification of forms), the adjective (non-standard formation of feminine forms), the verb (deviations are observed across all categories), and the preposition (frequent omission). Specific morphological traits have been identified, such as the semantic redistribution of the article functions (using the definite feminine article *la* exclusively to denote female persons), non-standard formation of plural noun forms, as well as specific features in the conjugation of verbs of non-French origin.

Keywords: morphology, French, territorial variant of French, Ivory Coast, Ivorian French, Nouchi

For citation: Glebova Ya.A. 2025. Morphological Features of the Nouchi Language Code. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 777–784 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-777-784 EDN: SDBTRD

Введение

Языковой код «нуши» (nouchi) является одной из разновидностей французского языка в Кот-д'Ивуаре, появление которой в 1980-х годах значительно изменило языковую ситуацию в стране. А. Абоа утверждает, что «нуши – это недавняя разновидность французского языка» [Aboa, 2011, p. 44]. В 1990 году Ж. Н. Куадио в статье, посвященной нуши, рассуждал о судьбе этого явления: сохранится ли зародившееся арго или же оно обречено на исчезновение, как только исчезнет мода его использовать [Kouadio, 1990].

Сегодня нуши используется людьми разного возраста и любого социального статуса. Его основой является диалект разговорного французского языка (ивуарийский вариант французского языка) с лексиконом, состоящим из заимствований из автохтонных (дьюла, бете, бауле и др.) и иностранных языков (английский, испанский языки, лингала, нигерийский и ганский английский сленги). Словарный состав динамично пополняется посредством различных процессов создания лексики. К.В. Бабаев подчеркивает, что «французская лексика нуши составляет лишь 30 % его словарного состава, еще треть составляют заимствования из африканских языков, треть – слова неясного происхождения или лексические инновации» [Бабаев, 2018, с. 161].

Считается, что нуши был изобретен молодыми преступниками или учащимися школ из неблагополучных кварталов Абиджана. Однако нуши недолго оставался тайным языком определенной среды, поскольку он распространился в молодежной среде школьников и студентов. Лингвисты предлагают несколько гипотез происхождения термина *nouchi*. Сюзанна Лафаж пишет, что термин был впервые зафиксирован в 1977 году и происходит от двух слов из языка дьюла: *nin* – нос и *mii* – волосы, сочетание которых дословно переводится как «волосы в носу» и означает «бандит» [Lafage, 2002, p. 19]. Похожая версия гласит, что ивуарийцы любили вестерны и всегда определяли главных героев и смельчаков по их усам. Таким образом, все персонажи с усами в западных фильмах, назывались *Noussis*, то есть героями, бандитами, храбрецами. В свою очередь, Куадио Н'гесан утверждает, что слово *nouchi* появилось в одном из рабочих кварталов Абиджана, Аджаме, где живет большая община *susu*, и является заимствованием из языка *susu* [Kouadio, 1990, p. 373]. Согласно последней версии, слово *nouchi* является искажением словосочетания *nous*

ici-là – «наша территория», «наше собственное пространство». Таким образом, через слияние и замену слога -ici- на -chi- образовалось слово *nouchi*, обозначающее «наш собственный способ говорить». Подобным образом нуши, являясь знаком идентичности, позволяет говорящим идентифицировать себя с местом, районом или территорией.

Языковой феномен нуши представляет собой уникальный пример динамичного гибридного языка, возникшего на основе французского и местных языков Кот-д'Ивуара. Лингвистическая ценность нуши заключается в его изменчивой морфологии, которая противопоставляется традиционным грамматическим категориям французского языка и представляет собой пример языковой эволюции в условиях мультилингвального общества.

Ученые [Kouadio, 1990; Lafage, 1998; Kouamé, 1998; Kouamé, 2002; Kube, 2005; Kouamé, 2006; Queffelec, 2007; Brou-Diallo, 2008; Kouamé, 2012; Kouamé, 2013; Aboa, 2018; Бабаев, 2018] проявляют к нуши особый интерес, делая его предметом многочисленных исследований, направленных на выявление его социолингвистических особенностей, однако до сих пор используется множество вариантов определения сущности термина «нуши». Лингвисты [Kouadio, 1998; Lafage, 2002] определяли нуши как арго. С. Лафаж рассматривает нуши и как арго, и как гибридный язык (*une langue hybride*) или смесь языков (*un mélange de langues*) [Lafage, 1998]. Но с лингвистической точки зрения нуши спровоцировал явление, не имеющее precedента в Кот-д'Ивуаре – растущую гибридизацию высказываний [Lafage, 2002, р. 58]. При подробном анализе лингвистических характеристик нуши становится очевидно, что с социолингвистической точки зрения нуши является арго. Однако с лингвистической точки зрения нуши имеет характеристики, позволяющие рассматривать его как более многогранное явление.

Морфология нуши является предметом изучения таких ученых, как С. Лафаж, М.Б. Ая, Н. Куадио, С. Кубе, Ж.-Б. Атсе Н'Чо, К. С. Агниссони. Н'гессан Куадио [Kouadio, 2006] является одним из первых исследователей, описавшим нуши на ранних этапах его становления. Его работы важны для диахронического анализа, так как они показывают, как морфологические особенности нуши формировались и менялись со временем. С. Лафаж [Lafage, 1998; Lafage, 2002] рассматривает нуши как лингвистический феномен, вызванный растущей гибридизацией французского языка в Кот-д'Ивуаре. В ее исследованиях морфологии нуши представляет собой результат смешения и адаптации элементов, взятых из различных языков, что приводит к отсутствию закрепленных норм. В работе М. Б. Ая [Ahua, 2008], глагол в языковом коде «нуши» рассматривается как ключевой компонент языковой системы, подверженный активным трансформациям. С. Кубе [Kube, 2005] внесла вклад в описание общей структуры и лексико-грамматических особенностей нуши. Ее исследования способствовали выявлению специфических морфологических моделей, таких как упрощение системы artikelей и особенности спряжения заимствованных глаголов. К. С. Агниссони подчеркивает, что у нуши «нет фиксированной грамматической структуры, нет фиксированной орографической структуры и нет фиксированной системы спряжения» [Agnissoni, 2016, р. 78]. Ж.-Б. Атсе Н'Чо исследует морфологию нуши в контексте его развития и нормализации. Его работы отражают попытки носителей и исследователей зафиксировать и систематизировать изменчивые морфологические правила [Atsé, 2020].

Цель исследования является выявление морфологических особенностей языкового кода нуши, которые отличают его от ивуарийского варианта французского языка и стандартного французского языка.

Материалы и методы исследования

Материал исследования составили примеры из специализированных лексикографических источников, в число которых вошли: печатный словарь G.A. Kadi "Le *nouchi de Côte d'Ivoire. Dictionnaire et anthologie. Plus de 1000 mots et expressions usuels*"

(2017), онлайн-словарь на портале www.nouchi.com, а также словарь K. Kouassi "Le français en Côte d'Ivoire: inventaire des particularités lexicales" (2009).

Для достижения поставленных целей, осмысления и обобщения собранного материала используется индуктивно-дедуктивный метод. Для анализа языкового кода нуши и выявления морфологических трансформаций используется сопоставительно-компаративный метод.

Результаты и их обсуждение

В ходе эволюции нуши приобрел различные функции. Ж.М. Куаме в докладе международной организации франкоязычных стран «Франкофония» подчеркнул три основные функции [Kouamé, 2012, p.72–74]:

1) первоначальная криптическая функция была связана с маргинальной деятельностью первых носителей нуши. Она заключалась в кодировании сообщений для сокрытия информации от посторонних, прежде всего — от правоохранительных органов. Именно эта функция лежала в основе возникновения нуши. Приезжая из сельских районов страны в поисках лучшей жизни, ивуарийская молодежь, не получившая образования и не владеющая французским языком, стремилась остаться в городе. Заметим, что будучи основным инструментом социального подъёма в Кот-д'Ивуаре, французский язык ограничивал возможности не владевшей им молодёжи, что и обусловило возникновение нуши как тайного языка, однако его современная распространённость среди всех социальных слоёв привела к утрате криптической функции;

2) функция идентичности. Для ивуарийцев нуши стал признаком возрастной, территориальной, национальной идентичности. Использование нуши становится, скорее, средством заявить о себе как об ивуарийце — человеке, живущем в стране со сложной этнолингвистической ситуацией и колониальным прошлым [Глебова, 2023, с. 103]. Сегодня эту функцию можно отнести к идентичности ивуарийцев в целом.

3) функция межэтнического общения, связанная с растущей долей носителей нуши. Появившийся как тайный язык, нуши трансформировался в предпочтительный способ общения молодежи Кот-д'Ивуара. С помощью нуши молодые ивуарийцы выражают свою принадлежность к одной группе, даже если они происходят из разных социальных слоев.

Ключевым фактором в эволюции нуши являются проблемы идентичности, которые молодые люди испытывают по отношению к французскому языку. По мнению А. Абоа, французский язык теряет свою ценность для носителей, «если он не адаптирован к их потребностям и если не соблюдается контекст его использования» [Aboa, 2018, p. 62].

Рассмотрим морфологические особенности нуши, находящие прямое отражение в его орфографии. Нестабильность и вариативность письма, стремящегося передать произношение, служит индикатором морфологических процессов. Ивуарийцы используют французское написание, которое им хорошо знакомо. Поэтому в нуши сохраняется этимологическое написание начального звука (или лексемы), чтобы его было легче распознать. Например:

- нуши *kèssiah* – фр. яз. *Qu'est ce qu'il y a?* – в чем дело?
- нуши *tar'ent* – фр. яз. *mon argent* – мои деньги;
- нуши *fo* – фр. яз. *faut* – нужно;
- нуши *ki* – фр. яз. *qui* – который.

Кроме того, заимствованные лексемы из автохтонных языков транскрибируются по упрощенным правилам французского языка:

- нуши *tôgiô* – фр. яз. *un homme* – мужчина;
- нуши *y sabaly* – фр. яз. *calme toi* – успокойся.

М. Б. Аяа считает, что письменность нуши следует упорядочить, учитывая лексические особенности языка. Основной принцип, предлагаемый ученым, заключается в

использовании «простого фонетического шрифта, основанного на французской орфографии, принимая во внимание значение французского языка в формировании нуши по сравнению с другими языками» [Ahua, 2007, p. 185].

Глагол

Написание глагола разнообразно. Например, глагол *gbahé* (говорить; публично обсуждать) имеет несколько вариантов графического отображения: *gbayé* / *gbaher* / *gbayer*. По аналогии с неопределенной формой французских глаголов первой группы в нуши может добавляться окончание – *er*.

М. Б. Ауа подчеркивает, что окончание неопределенной формы глаголов в нуши часто оканчивается на *-é*. Приведем примеры (цит. по [Ahua, 2007, p. 193]):

- нуши *Fo damé sur lui*. – фр. яз. (*Il*) *faut l'abandonner*. – Нужно отказаться от него.
- нуши *Yé-é l'anbianssé*. – фр. яз. *Je vais l'amuser*. – Я буду его развлекать.
- нуши *An-han tro s'enjayé*. – фр. яз. *On va beaucoup s'amuser*. – Мы собираемся повеселиться.

В нуши используются времена французского языка, однако наиболее употребимыми являются времена изъявительного наклонения: *le présent* (настоящее время), *le futur immédiat* (*future proche*) (ближайшее будущее время), *l'imparfait* (прошедшее незавершенное время), *le passé composé* (прошедшее завершенное время) и *le plus-que-parfait* (предпрошедшее время). Заметим, что более сложные времена, используемые при согласовании времен или редко используемые в разговорной речи, отсутствуют в нуши: *Passé simple* (простое прошедшее время); *Futur simple* (простое будущее время); *Passé antérieur* (непосредственное предпрошедшее); *Futur antérieur* (сложное будущее); *Passé immédiat* (ближайшее прошедшее время); *Futur dans le passé* (будущее в прошедшем); *Passé immédiat dans le passé* (ближайшее прошедшее в прошлом); *Futur immédiat dans le passé* (ближайшее будущее в прошлом); *Futur antérieur dans le passé* (сложное будущее в прошедшем). Эта особенность объясняется историей возникновения нуши, его природой и выполняемыми функциями, а также образованием его носителей.

По происхождению глаголы в нуши делятся на три основные группы:

1) глаголы французского происхождения (например, *se défendre* (выживать, справляться), *serrer* (припарковать автомобиль));

2) глаголы, заимствованные из автохтонных языков или глаголы, происхождение которых неизвестно (например, *badjô* (списывать на уроках), *déjâ* (найти, обнаружить), *jagayer* (курить), *soutra* (из яз. дьюла – помогать), *blo* (из яз. бауле – преувеличивать), *kro* (из яз. дьюла – спать);

3) глаголы, заимствованные из европейских языков (например, *piké* (исп. яз. – колоть), *flo à la casse* (англ. яз. – возвращаться домой), *enjailler* (англ. яз. – веселиться)). Глаголы французского происхождения спрягаются согласно правилам французского языка, а заимствованные глаголы остаются в неопределенной форме, без изменений.

Особенностью спряжения глагола нефранцузского происхождения в *l'imparfait* является его спряжение по образцу 2 группы глаголов. В этом случае глагол в нуши приобретает удвоенный суффикс *-ss* и окончание *-ait* / *é*. Например, глагол *daba* (съесть, есть): нуши *je dabassé* – я ел; нуши *tu dabassé* – ты ел; нуши *il/ él dabassé* – он ел; нуши *on dabassé* – мы (вы) ели; нуши *ils/ él s dabassé* – они ели.

Вспомогательные глаголы (*aller*, *avoir*, *être*) сложных времен (*le passé composé*, *le futur proche*, *le plus-que-parfait*) спрягаются по образцу глаголов французского языка. Х. Санде указывает, что *avoir* является основным вспомогательным глаголом для всех времен и глаголов в нуши [Sande, 2015, p. 405].

Основные формы спряжения глагола *avoir*: для 1 лица ед. ч. *ai* и для всех остальных форм – *a*. Например:

- нуши *j'ai cherché* – я искал;
- нуши *tu a chercher* – ты искал;
- нуши *il / elle (él) a chercher* – он / она искал(а);

- нуши *on a chercher* – мы (вы) искали;
- нуши *ils / elles (êls) a chercher* – они искали.

При образовании *le futur proche* активно используются только две формы глагола *aller*: для 1 лица ед. ч. – *vais* и для всех остальных форм – *va*. Например:

- нуши *je vais chercher* – я буду искать;
- нуши *tu va chercher* – ты будешь искать;
- нуши *il / elle (êl) va chercher* – он / она будет искать;
- нуши *on va chercher* – мы (вы) будем (будете) искать;
- нуши *ils / elles (êls) va chercher* – они будут искать.

Существительное

В словах любого происхождения маркером множественного числа служит окончание *-s*. Например:

- нуши *gos* – фр. яз. *filles* – девушки;
- нуши *môgô* – фр. яз. *hommes* – мужчины.

Артикль

Определенный артикль используется в нуши перед лексическими единицами, заимствованными не только из французского языка, но и из других языков, и перед неологизмами.

Перед лексемами, обозначающими лица женского пола, используется определенный артикль женского рода *la*, а перед лексемами, обозначающими лица мужского пола и неодушевленные существительные, – определенный артикль *le*. Эта особенность отличает нуши от французского языка, в котором каждое существительное обладает грамматическим родом и лексически обозначается как существительное мужского или женского рода. Например, нуши *la go* – девушка; нуши *le mogo* – мужчина; нуши *le casa* – дом.

Определенный артикль множественного числа *les* часто заменяется определенным артиклем единственного числа мужского рода *le*. Артикль *les* используется в том случае, если существительное после артикля начинается с гласной буквы. В этом случае в нуши происходит связывание артикля и существительного при помощи звука [z], как и во французском языке. Заметим, что сам артикль в этом случае может не произноситься. Например, фр. яз. *les yeux* (глаза) звучит как [zjé], а фр. яз. *les animaux* – [zánimó].

К. С. Агниссони указывает на наличие в нуши феномена слияния существительного и артикля, которые употребляются как одна лексема [Agnissoni, 2016, p. 73]. Например, нуши *lenfant* – фр. яз. *enfant* – ребенок, нуши *lami* – фр. яз. *ami* – друг.

Лингвист подчеркивает, что возможно сочетание притяжательного прилагательного и лексемы, представляющей собой сочетание артикля и существительного: нуши *son lami koitman trop* – фр. яз. *son ami parle trop* – его друг слишком много говорит.

Прилагательное

Прилагательные женского рода в нуши оканчиваются на *-e*. Например: нуши *c'est une grande go* – фр. яз. *c'est une grande femme* – это замечательная женщина; нуши *tu es très jeune* – ты очень молода.

Местоимение

Система прилагательных (*je, tu, il/elle, on, ils/elles*), притяжательных и указательных местоимений практически без изменений перешла из французского языка в нуши. Заметим, что в нуши широко распространено написание местоимения 3 л. ед. ч. *elle* как *êl*, а 3 л. мн. ч. *elles* как *êls*. Местоимение 3 л. ед. ч. мужского рода *il* часто произносится и пишется как *i*.

Различия между 1, 2, 3-м лицом, единственным и множественным числом, а также гендерные различия в третьем лице (*il/elle (êl), ils/elles (êls)*) сохранились во французском языке. Одно отличие заключается в том, что французские местоимения первого (*nous* – мы) и второго лица (*vous* – вы) множественного числа достаточно редко используются в нуши. Французское безличное местоимение *on* чаще используется вместо *nous* и *vous* в значении

первого или второго лица множественного числа. По мнению А. Ковени, эта особенность нуши может быть следствием влияния ивуарийского варианта французского языка, в котором местоимение *on* довольно часто используется [Coveney, 2000]. А. Абоа подчеркивает, что для нуши характерно отсутствие личного местоимения *il*, например, (*il*) *faut béhou là bas* – с глаз долой.

Особенностью нуши также является широко распространенная замена косвенных объектных местоимений на прямые объектные местоимения. Безусловно, в нуши существует значительная путаница в определении необходимого предлога, что объясняется нестабильностью и постоянным развитием нуши. Например, нуши *Je l'ai kouman.* – фр. яз. *Je lui ai parlé.* – Я говорил с **ним**.

В нуши вместо указательного местоимения используют постпозитивную частицу *-là*. Например, нуши *go-là est kpata.* – фр. яз. *Cette fille est très belle.* – Эта девушка очень красива.

Предлог

Многие французские предлоги (например, *pour* – для, *de* – из, от, *en* – в, *avec* – с, *sur* – на) используются в нуши, хотя некоторые из них явно отсутствуют в лексиконе нуши (например, *chez* «к, у»). Например, нуши *ça gban sur mwa mèh ça va aller.* – фр. яз. *Je suis fauché mais ça ira.* – Я на мели, но все будет в порядке.

Заключение

Сегодня особенности нуши напрямую зависят от его носителей. Так, некоторые носители языка не имеют достаточного образования и передают свои сообщения с некоторыми искажениями. Автохтонные языки создают лингвистический субстрат и заставляют носителей переводить французский дословно на свой родной язык. При этом проявляется аграмматичность, которая обусловлена либо недостаточным владением лексики французского языка, либо незнанием грамматических правил французского языка. Носители не стремятся овладеть грамматическими нормами французского языка, а также пренебрегают правилами автохтонных языков.

На морфологическом уровне нуши выявлены многочисленные отличия от стандартного французского языка, обусловленные влиянием морфологической структуры автохтонных языков, т. е. их калькированием. В ходе исследования были систематизированы отклонения, проявляющиеся в функционировании основных частей речи: артикля (тенденции к опущению и унификации форм), прилагательного (ошибочное образование форм женского рода), глагола (отклонения прослеживаются во всех категориях) и предлога (частотное опущение). Выявлены такие специфические морфологические черты, как семантическое перераспределение функций артикля (употребление *la* исключительно для обозначения женского пола), нестандартное образование форм множественного числа существительных, а также некоторые особенности спряжения глаголов нефранцузского происхождения.

Список литературы **References**

Бабаев К.В. 2018. Введение в африканское языкоznание. М., Языки славянских культур, 376 с.
Babaev K.V. 2018. Vvedenie v afrikanskoe yazykoznanie [Introduction to African Linguistics]. M., Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 352 p.

Глебова Я.А. 2023. Заемствования как средство пополнения лексического состава франко-ивуарийского пиджина нуши. *Научная мысль Кавказа*, 2(114): 102–106. DOI 10.18522/2072-0181-2023-114-102-106.

Glebova Ja. A. 2023. Zaimstvovaniya kak sredstvo popolnenija leksicheskogo sostava franko-ivuarijskogo pidzhina nushi [Borrowings as a Means of Enriching the Lexical Composition of the Franco-Ivorian Pidgin Nouchi]. *Scientific Thought of Caucasus*, 2(114): 102–106.

Aboa A.L. 2011. Le nouchi a-t-il un avenir? *Sudlangues*, 16: 44–54.

Aboa A.L.A. 2018. Quelques aspects syntaxiques du français écrit en Côte d'Ivoire. *Laboratoire des Théories et Modèles Linguistiques*, 10: 10–29.

Agnisso K.S. 2016. L'influence de certaines langues sur la structure nominale du nouchi. *Revue des Sciences du Langage et de la Communication*, 6: 69–80.

Ahua M.B. 2007. Élaborer un code graphique pour le nouchi: une initiative précoce? *Le français en Afrique*, 22: 183–198.

Ahua M.B. 2008. Mots, phrases et syntaxe du nouchi. *Le français en Afrique*, 23: 135–150.

Atsé N.J.-B. 2020. 100 mots et expressions pour comprendre le français de Côte d'Ivoire. *Les Cahiers du CREILAC*, 2: 27–44.

Brou-Diallo C. 2008. Influence des variétés de français présentes en Côte d'Ivoire sur la norme académique du français en vigueur chez les enseignants des lycées et collèges d'Abidjan. *Analyses: langages, textes et sociétés*, 4: 17–41.

Kadi G.A. 2017. Le nouchi de Côte d'Ivoire Dictionnaire et anthologie Plus de 1000 mots et expressions usuels. Paris, L'Harmattan. 258 p.

Kouadio N.J. 1990. Le nouchi abidjanais, naissance d'un argot ou mode linguistique passagère? Dans Gouaini/Thiam (éds.). *Des langues et des villes*. Paris, ACCT/Didier Erudit: 373–383.

Kouadio N.J. 1998. Le français, langue d'Afrique. *Diagonales*, 45: 33–35.

Kouadio N.J. 2006. Le nouchi et les rapports dioula/français. *Le français en Afrique*, 21: 177–191.

Kouamé K.J.-M. 2012. Le nouchi: creuset de la diversité culturelle et linguistique de la Côte d'Ivoire. *Francopolyphonie: l'interculturalité à travers la linguistique et la littérature*, 7(1): 69–77.

Kouamé K.J.-M. 2013. Vers une généralisation du parler jeune de Côte d'Ivoire. *La revue des Lyriades de la Langue française*, 1: 70–76.

Kouassi K. 2009. Le français en Côte d'Ivoire: inventaire des particularités lexicales. Abidjan, Institut de linguistique appliquée, 380 p.

Kube S. 2005. La francophonie vécue en Côte d'Ivoire. Paris, L'Harmattan, 248 p.

Lafage S. 1998. Hybridation et "français des rues" à Abidjan. Dans: Alternances codiques et français parlé en Afrique. A. Queffelec, Collectif Aix-en-Provence (Eds.), Publications de l'Université de Provence: 279–291.

Lafage S. 2002. Le lexique français de Côte-d'Ivoire. Appropriation & créativité. Institut de Linguistique française, CNRS, 294 p.

Queffelec A. 2007. Les parlers mixtes en Afrique francophone subsaharienne. *Le français en Afrique*, 22: 277–291.

Sande H. 2015. Nouchi as a Distinct Language: The Morphological Evidence. *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 41: 399–413.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025

Received August 18, 2025

Поступила после рецензирования 3.10.2025

Revised October 3, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глебова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana A. Glebova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 947.084.8
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-785-793
EDN UKOSLK

Французский язык в Демократической Республике Конго: языковые контакты и вариативность

Коч К.И.

Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет),
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9
karina010990@mail.ru

Аннотация. Демократическая Республика Конго (ДРК) является крупнейшей франкоговорящей страной на планете, однако используемый в ДРК вариант французского языка, сложившийся в результате языковых контактов европейских колонизаторов (бельгийцев, французов) с автохтонными языками Западной Африки, до сих пор недостаточно изучен. Цель данной работы состоит в описании специфики французского языка ДРК с точки зрения фонетики, грамматики и лексического состава. Исследование показало, что фонетические особенности местного варианта французского языка заключаются в ассимиляции гласных и согласных, их замене на звуки, более характерные для автохтонных африканских языков. С точки зрения грамматики в конголезском варианте французского языка выявлено упрощение отрицательных форм, а также противоречащее литературной норме отсутствие инверсии в вопросительных предложениях. Лексико-семантические изменения во французском языке ДРК в основном связаны с лексико-семантическим расширением, сужением или сдвигом. Сделан вывод о том, что интерференция местных языков наряду с недостаточным уровнем образования значительной части населения Конго, прежде всего чернокожего, стали основными причинами фонетических, грамматических и лексических трансформаций. Отдельного внимания заслуживает английский язык, влияние которого на вариант французского языка в ДРК усиливается.

Ключевые слова: французский язык в Демократической Республике Конго, социолингвистическая дифференциация, фонетические изменения, грамматические изменения, лексические изменения

Для цитирования: Коч К.И. 2025. Французский язык в Демократической Республике Конго: языковые контакты и вариативность. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 785–793. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-785-793 EDN: UKOSLK

French in the Democratic Republic of Congo: Linguistic Contacts and Variability

Karina I. Koch

Moscow Institute of Physics and Technology
9 Institutsky ln., Dolgoprudny, Moscow Region 141701, Russia
karina010990@mail.ru

Abstract. Although the Democratic Republic of Congo is the largest French-speaking country on the planet, the variety of French used in the DRC, which developed as a result of linguistic contacts between European colonists (Belgians, French) and the indigenous languages of West Africa, remains largely unexplored. The DRC French was melted from a variety of dialects and sociolects (primarily Belgian and occasionally French) heavily influenced by the indigenous languages of the Congo basin. The objective of this paper is to specify phonetics, grammar, and vocabulary of Congolese French. It is shown that phonetically, the Congolese variety of French exploits overall vowel and consonant assimilation, as well as their replacement

by similar sounds typical for the indigenous sound patterns of West Africa rather than the European varieties of French. From a grammatical perspective, Congolese French is characterized by a simplification of negative forms and a lack of inversion in interrogative sentences, which is contrary to the literary norm. Lexical and semantic changes in Congolese French are primarily associated with lexical and semantic expansion, contraction, or shift. The indigenous languages of West Africa tend to interfere with French at all linguistic strata. Along with the low educational level of the Congolese majority, this interference causes considerable phonetic, grammatical, and lexical transformations of the language. Another important factor is English that increasingly influences the Congolese version of French.

Keywords: French in the Democratic Republic of Congo, sociolinguistic differentiation, phonetic changes, grammatical changes, lexical changes

For citation: Koch K.I. 2025. French in the Democratic Republic of Congo: Linguistic Contacts and Variability. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 785–793 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-785-793 EDN: UKOSLK

Введение

Демократическая Республика Конго (ДРК) с населением более 114 млн человек является крупнейшей франкоговорящей страной мира, а её столица Киншаса (14,7 млн) – крупнейшим франкофонным городом на планете (для сравнения, население Франции – 69 млн, в том числе Парижа – 2,1 млн человек). При этом конголезское общество отнюдь не является монолитным с этнической и социальной точек зрения, что неизбежно оказывает влияние на язык конголезцев. Французский язык, на котором говорят жители ДРК, в немалой степени зависит от социального статуса носителей, а также подвергается влиянию местных автохтонных языков в ходе длительных языковых контактов.

Специфика адаптации европейских языков в странах Африки изучается в работах отечественных и зарубежных ученых. Анализ социолингвистической дифференциации общества и адаптации языков на примере африканских лингвокультур были рассмотрены в трудах таких зарубежных лингвистов, как А. Кеффелек [Queffélec et al., 1997, Queffélec, 2000], С. Нсьяль [N'Sial, 2000], А. Ньембве Нтита [Nyembwe Ntita, 2010, Nyembwe Ntita, Matabishi, 2012]. Различные аспекты фонетических, лексических и грамматических трансформаций европейских языков (французского, английского, португальского) в странах Африки рассматривались в трудах отечественных исследователей: Ж. Багана [2004, 2014], Т.Г. Волошиной, Ю.С. Блажевич [Волошина, 2018; Волошина и др., 2018], Э.А. Бочаровой [2025].

Социальное расслоение конголезского общества, неравный доступ его членов к современным благам и в особенности к образованию – всё это способствует тому, что на территории страны французский язык существует и функционирует в трёх социокультурных разновидностях, которые получили в литературе названия «акролект», «мезолект» и «базилект». Так, Т.Г. Волошина [2018], исследуя социолингвистическую дифференциацию нигерийского общества, говорит о вынужденном переключении коммуниканта с акролекта на мезолект, обусловленном необходимостью быть понятым, так как подавляющая часть нигерийского общества является неграмотной. В работе Т.Г. Волошиной, Ю.С. Блажевич и К.И. Коч [Волошина и др., 2018], посвящённой языковой специфике камерунского общества, также выделяются социолингвистические типы «акролект», «мезолект» и «базилект», выявляются наиболее типичные ошибки в речи коммуникантов на французском и английском языках.

Работы, посвящённые специфике французского языка в ДРК, на данном этапе сравнительно немногочисленны.

Целью исследования является описание специфики французского языка ДРК с точки зрения фонетики, грамматики и лексического состава.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили публицистические тексты (материалы прессы и интернет-ресурсов ДРК) за постколониальный период – с 1960 г. по настоящее время, а также словари¹. Речь конголезцев также исследовалась в личных контактах автора со студентами, приезжавшими на обучение в Россию из ДРК, в Белгородском государственном технологическом университете на подготовительном факультете с 2023 по 2024 учебный год. Исследование основывалось на применении методов стратификации и типологизации, направленных на выявление фонетических, грамматических и лексико-семантических сдвигов, которые претерпел французский язык в Демократической Республике Конго. Кроме того, применялся метод графической фиксации фрагментов разговорной речи информантов с дальнейшей их систематизацией и классификацией.

Результаты и их обсуждение

Вариативность французского языка в ДРК проявляется на всех его уровнях, от фонетического до синтаксического. При этом изменения обусловлены не только и даже не столько географическими, сколько социальными факторами. Как уже упоминалось, говоря об адаптации европейских языков в Африке, исследователи (Багана [2004], Блажевич [2018], Бочарова [2021], Волошина [2019]) нередко пользуются терминами «акролект», «мезолект» и «базилект». Акролект, «высокий язык», в основном распространён среди хорошо образованных (следовательно, состоятельных) людей и в целом близок к стандартам произношения, лексики и грамматики, принятым среди носителей европейских вариантов языка. Базилект, или «низкий язык», свойственен людям невысокого социального и образовательного статуса, в нём очень сильно выражено влияние местных наречий, он наиболее подвержен интерференции со стороны автохтонных языков. Наконец, мезолект, или «средний язык», представляет собой промежуточный вариант между двумя другими и часто возникает при взаимодействии социальных групп – носителей акролекта и базилекта. Таким образом, все перечисленные ниже флюктуации языка в наибольшей степени свойственны базилекту, в меньшей – мезолекту и очень мало или даже вообще не свойственны акролекту.

На фонетическом уровне в условиях франко-африканского билингвизма отмечается ассимиляция отдельных звуков, произношением похожих на близкие звуки африканских языков, главным образом банту. Как утверждает Ж. Багана, у африканцев нередко возникают трудности с правильным произношением французских звуков из-за влияния родного языка, усвоенного первым, что приводит к «выпадению, наращиванию или замещению звуков» [Багана, 2004, с. 162]. К наиболее распространённым фонетическим девиациям во французском языке ДРК относятся: оглушение согласных; использование эпентетических гласных и согласных; диссимилляция [Коч, 2021, с. 72–73]. Носителям базилектного варианта французского языка Конго свойственна замена в речи ряда звуков, нехарактерных для фонетической системы местных африканских языков, на более привычные. Например, звук [y] часто произносится как [u] или [i], [ø] как [e] и т.д. [Коч, 2021, с. 74]. Ещё одно распространённое в базилекте (но не в акролекте) фонетическое явление – замена согласного [r] на [l] (ladio вместо radio, galder вместо garder и т.п.). Также отмечается замена звука [d] на [dj], [dz] или [dʒ], а [t] на [dj] или [tʒ], что особенно свойственно конголезцам, для которых родным языком является кикуба. Например, *dix* [dis] (фр. «десять») произносится как [djis], [dzis] или [dʒis], а *chrétien* [kretjē] (фр. «христианин») может звучать как [kretʒē] или как [kredjē] [Коч, 2021, с. 75–76].

¹ Lenselaer A. 1983. Dictionnaire swahili-français. Paris, Karthala, 646 p.; Lembe Masiala, N. 1970. Dictionnaire Kikongo ya Léta (Múnukutuba) Français. Paris, Publibook, 278 p.; Jenniges Em. 2018. Dictionnaire Français-Kiluba. London, Forgotten Books, 196 p.; Gampoko D. Di B. 2019. Dictionnaire étymologique lingala-français français-lingala. Paris, L'Harmattan, 744 p.

В лексико-семантическом плане для французского языка Конго очень характерно сужение, когда у многозначной лексемы отсекаются «лишние» значения и остаётся какое-то одно. Например, слово *appareil*, обычно обозначающее аппарат, прибор, устройство в широком смысле, во французском языке ДРК используется главным образом в значении «мобильный телефон»:

Prends cet appareil et appelle ton frère au Congo. («Бери этот телефон и звони брату в Конго»)¹.

Глагол *préparer* со значением «готовить» в европейских и североамериканских вариантах французского языка употребляется в самых разных смыслах: готовить можно уроки, выступление, встречу гостей или еду. Во французском языке Конго значение глагола сведено лишь к приготовлению пищи [Queffélec, 1997, p. 142].

Сужению значения подверглись и другие лексемы французского языка в силу тех или иных культурных и исторических причин.

Наряду с сужением значения наблюдается и обратный процесс – расширение. Так, лексема *camion* «грузовик» в Конго может означать любое автотранспортное средство:

Quel est le prix de ce véhicule. Vraiment c'est un joli camion. («Какая цена на эту машину? Очень красивая тачка»)².

Существительное *engin* «механизм, машина» в разговорной речи конголезцев может также означать мотоцикл (мопед) или магнитофон (проигрыватель):

Il est souvent chez moi; comme il a un engin, on se promène. («Он часто приезжает ко мне, так как у него есть мопед, и мы едем гулять»). *Ce musicien travaille avec son engein pour composer des chansons* («Этот музыкант работает с магнитофоном, чтобы сочинять песни»)³.

Также расширилась и семантика лексемы *chambre*: для конголезцев это слово может обозначать не только комнату, но и жилое пространство вообще (дом, квартиру и т. д.). Например, *Je vais dans ma chamber* («Я иду домой»)⁴.

Ещё одним распространённым лексико-семантическим сдвигом во французском языке Конго является смещение, то есть приобретение словом значения, отличающегося от оригинала, причём иногда довольно значительно. Так, существительное *individu*, обозначающее человека, у конголезцев приобрело негативное значение – «глупец, дурак».

Глагол *prêter*, имеющий значение «одолживать», у конголезцев стал употребляться в значении «украсть, стащить»:

*Oh Mon Dieu! Mon sac a été prêté!*⁵ («Боже мой! У меня украли сумку!»).

Приведем еще несколько примеров подобных смещений: *solde* («вознаграждение») – «зарплата», *client* («клиент, покупатель») – «продавец», *soupe* («суп») – «соус», *cantine* («столовая») – «ведро», *cavalière* («наездница») – «любовница», *assainir* («оздоровить») – «сократить, уволить», *supporter* («поддерживать») – «взять ответственность за кого-либо» [Коч, 2021, с. 83–84]. Эти и подобные им семантические смещения нередко вызывают затруднения у других франкофонов, не всегда понимающих речь конголезцев.

Помимо семантических сдвигов, связанных с расширением, сужением и смещением значения французских слов, в лексике конголезцев присутствует и значительное число заимствований из местных африканских языков. Наибольшее количество таких заимствований даёт лингала – родной язык для двух миллионов жителей ДРК. В качестве примеров заимствований из лингала во французский язык ДРК можно привести следующие лексемы⁶: *kitambala* («женский платок»); *kitendi* («одежда», особенно дорогая и/или

¹ Пример из личного опыта общения автора со студентами, 2024 г., БГТУ, подготовительный факультет.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Lab'Ou Tansi S. 1983. L'anté-peuple. Paris, Éditions du Seuil, p. 105.

⁶ Gampoko D. Di B. 2019. Dictionnaire étymologique lingala-français français-lingala. Paris, L'Harmattan, 744 p.

модная); *ligablo* («маленький магазин, киоск»); *mabonza* («пожертвование, взятка»); *mokambi* (букв. «ведущий», обычно означает религиозного лидера); *ngulu* («свинья») – в Конго также этим словом пренебрежительно называют мигрантов-нелегалов; *matata* («упрямство»); *matalana* («показуха»); *mbongui* («маленький дом, где старики собираются и решают вопросы»); *mikaté* («пончики»); *ntaba* («баранина»); *pondou* («лист маноки»), *ndoki* («канибал»), *nganga* («колдун»), *vadio* («инвалид»), *kilelo* («текущее поведение»).

Ряд заимствований во французском языке Конго происходит из суахили. В качестве примеров можно привести следующие слова¹: *batoto* («ребёнок, подросток, школьник»), *tiizingu* («белый человек») – вероятно, первоначально им называли европейских исследователей Африки, *rafifi* («друг»), *kinguaji* («напиток»), *moto* («жарко»), *baridi* («холодно»), *ninakupenda* («любовь»), *gari* («машина»), *chakula* («еда»).

К заимствованиям из языка киконго относятся²: *mbanda* («вторая жена, соперница»), *tiini* («день, солнце»), *trittra* («ночь, темно»), *mbongo* («деньги»), *dinou* («зуб»), *makayabi* («сущеная рыба»), *nzambi* («бог»), *mboia* («собака»), *kuteka* («продавец»), *kusala* («работать»).

Заимствования из местного языка килуба являются менее распространенными. Тем не менее, слова³: *tiikitre* и *mbuta* («уважаемый пожилой человек») имеют очень большое значение в жизни конголезцев. Как пишет Ж. Багана, в Африке мудрость присуща пожилым людям, пользующимся безграничным уважением родных и знакомых [Багана, 2004].

Помимо автохтонных языков, во французском языке Конго также наблюдается ряд заимствований из английского, причём их число растёт, что связано с распространением английского языка во мире. Как отмечает Н. Матабаши, «из девяти стран, граничащих с ДРК, пять в качестве официального языка используют английский: Замбия, Судан, Танзания, Руанда и Уганда. Две последние вторглись в ДРК в 1990 году вовремя так называемой освободительной войны» [Matabashi, 2008, с. 110]. Английский язык не имеет в ДРК официального статуса, однако попытка сделать его официальным предпринималась. Возможно, это связано с тем, что англоязычные Уганда и Руанда в 1997 году помогли Лорану-Дезире Кабиле свергнуть власть своего противника Сесе Секо Мобуту в ходе Первой Конголезской войны. Таким образом, став новым президентом страны, сменившей название с Заира на ДРК, Кабила мог продемонстрировать жест доброй воли и намерения к дальнейшему сотрудничеству со своими англоязычными соседями. Однако уже в 1998 году Уганда и Руанда выступили как противники Кабилы во Второй Конголезской войне. А в 2001 году сам Л.-Д. Кабила был смертельно ранен в результате покушения. Его сын Жозеф Кабила, сменивший отца на посту президента, проводил гораздо менее радикальную и более уравновешенную политику, чем его отец, в том числе и в области языка. В результате проект наделения английского языка официальным статусом так и остался на бумаге. Н. Матабаши отмечает, что «когда в 2010 году к 50-летию независимости были выпущены новые банкноты, надписи на них были сделаны только на французском и четырёх африканских языках, а на английском языке надписей не было» [Matabashi, 2008, с. 112].

В современной ДРК английскому языку приходится выдерживать тяжёлую конкуренцию как с официальным французским, так и с локальными автохтонными языками, и следует отметить, что он выдерживает её довольно успешно. На сегодняшний день это наиболее престижный иностранный язык в Конго, и причин тому несколько. Во-первых, английский язык безусловно популярен у тех, кто планирует эмигрировать из Конго в англоговорящие страны – например, в США. Во-вторых, в самой ДРК появляется всё большее количество совместных и других негосударственных компаний (особенно в горнодобывающей отрасли, сельском хозяйстве, сфере услуг), работа в которых престижна

¹ Lenselaer A. 1983. Dictionnaire swahili-français. Paris, Karthala, 646 p.

² Lembe M.N. 1970. Dictionnaire Kikongo ya Léta (Mùnukutuba) Français. Paris, Publibook publisher, 278 p.

³ Jenniges Em. 2018. Dictionnaire Français-Kiluba. London, Forgotten Books, 196 p.

и высоко оплачивается, но нередко требует владения английским языком, причём как разговорным, так и письменным. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов влияние американской культуры (кинематограф, музыка, СМИ), которая также побуждает жителей ДРК изучать английский язык. В результате всё больше конголезцев, в особенности молодёжи из обеспеченных семей, не жалеют времени и средств на изучение английского языка в ставших довольно многочисленными учебных центрах. Таким образом, английский язык не только популярен среди значительной части населения страны, но и влияет на французский язык местного населения – главным образом на уровне лексики.

Как и в случае с французскими словами, некоторые английские лексемы во французском языке ДРК претерпевают изменения значения. Так, существительное *boy* (англ. «мальчик») чаще используется в значении «домработник, прислуга» или в более общем смысле, в составе сложных слов, означает «помощник», например, *boy-chauffeur* («помощник водителя»), *boy-maçon* («помощник строителя») и т.п.

Ce boy-chauffeur n'était pas très content parce que les clients ne voulaient pas payer leurs tickets. («Помощник шофёра не был доволен, потому что клиенты не хотели платить за проезд»)¹.

Примечательно, что в таком значении данная лексема может использоваться и по отношению к лицам женского пола, обозначая помощницу.

Слово *dollar* «доллар» в разговорном языке конголезцев стало означать «большие деньги», а выражение *des dollars* (фр. «с долларами») – состоятельного человека, например, *mon beau-frère a des dollars* («состоятельный зять»).

Интерес конголезцев, особенно молодых, к американской культуре (кино, музыка) также стимулирует появление англицизмов сначала в молодёжном сленге, откуда они проникают в общеупотребительный французский язык. Здесь также не обходится без смещения значений, примерами чего могут служить такие слова, как *shérif* («глава банды») или *yankee* («бандит», «плохой парень»). Всемирно известный образ Микки Мауса, созданный Уолтом Диснеем, во французском языке Конго стал означать не только любого мультипликационного персонажа, но и забавный рисунок, комикс:

Mes amis aiment lire les mickeys. («Мои друзья любят читать комиксы»)².

Приведённые примеры показывают, что заимствования из лингала, суахили, киконго и килуба употребляются преимущественно в сфере повседневного общения и обозначают местные предметы быта и явления: национальную одежду, блюда местной кухни, особенности общественных отношений и т.п. При этом их доля среди всех заимствованных лексем во французском языке Конго довольно высока – около 70 %. Что касается заимствований из английского языка, то они свидетельствуют о стремлении наиболее деятельной и амбициозной части конголезцев стать частью мирового сообщества, следя тенденции к глобализации. Эти заимствования пока относительно малочисленны, но их количество растёт и, очевидно, эта тенденция будет сохраняться в течение ближайших десятилетий.

Наконец, среди синтаксических особенностей французского языка конголезцев можно отметить ряд черт, характерных для сниженного регистра речи или вовсе считающихся грамматически неверными. Сюда относятся, например, выпадение отрицательной частицы *ne* и использование только отрицательного наречия *pas, jamais, plus*, использование двойного отрицания, несогласованность между отрицательной и утвердительной формой, отсутствие инверсии. В приведенном примере отсутствует отрицательная частица *ne* в первом случае: *Il a pas donné moi ça вместо il ne m'a pas donné cela.* «Он мне не дал это»³.

¹ Lopes H. 1977. Sana tam-tam. Yaoundé, CLE, P. 95.

² Пример из личного опыта общения автора со студентами, 2024 г., БГТУ, подготовительный факультет.

³ Там же, 2023 г.

Как и в случае с фонетическими и лексико-семантическими отклонениями от европейской нормы, синтаксические девиации в большей степени свойственны базилектным формам общения, в меньшей степени – мезолектным и в наименьшей или же вовсе отсутствуют в акролектном варианте французского языка ДРК.

Заключение

Конголезский вариант французского языка, распространённый в Демократической Республике Конго, сложился в условиях тесного контакта языка европейских колонизаторов (бельгийцев) с языками и культурами местного населения. Переходный характер конголезского общества, лишь немногим более полувека назад сбросившего иго колониальной зависимости и по-прежнему испытывающего множество экономических и социальных проблем (в частности, низкой доступности образования и средств массовой информации), приводит к ситуации, когда разные слои общества говорят на разных языках, а точнее – на нескольких заметно отличающихся друг от друга вариантах французского языка. В результате французский язык в ДРК, как и во многих других странах Африки, представлен акролектной, мезолектной и базилектной разновидностями, использование которых зависит от уровня зажиточности и, как следствие, образованности и социального статуса коммуникантов. Каждая из этих разновидностей имеет свои отличительные особенности на уровне фонетики, грамматики и лексики. В меньшей степени фонетические, грамматические и лексические изменения касаются разновидности «акролект», в большей степени – разновидности «базилект».

Для фонетических изменений типичны такие процессы, как использование эпентетических звуков, диссимиляция и замена гласных и согласных звуков на звуковые аналоги автохтонных языков. Такие явления, связанные с интерференцией, наиболее свойственны базилектным и мезолектным вариантам французского языка Конго.

Лексико-семантические сдвиги в основном проявляются в изменении значений слов по сравнению с исходным вариантом языка – как правило, путём их расширения, сужения или сдвига. Что касается того языкового варианта, которым преимущественно пользуются конголезцы, то для него сужение значения слова в целом более характерно, нежели его расширение. При этом как сужение, так и расширение значения слова чаще всего бывают связаны с местными культурными особенностями, а иногда и с влиянием языков коренного населения бассейна Конго. Влияние со стороны английского языка, претендующего на роль языка глобального общения, также довольно заметно, а главное – усиливается в последние десятилетия в результате языковых контактов с жителями соседних англоговорящих стран и, что особенно важно, развития современных технологий, средств связи и распространения англоязычных СМИ в неанглоговорящих странах.

Что касается изменений на уровне синтаксиса, то они менее многочисленны и в меньшей степени связаны с влиянием автохтонных языков (за исключением разве что отсутствия инверсии). Большинство синтаксических изменений представляется результатом упрощения, свойственного речи менее образованных социальных групп. Есть основания полагать, что с развитием образования и доступности средств массовой информации эти отличия от стандартизованных норм французского языка будут сглаживаться и со временем исчезнут, как и базилектная разновидность языка.

Список литературы

Багана Ж. 2001. Особенности французского языка в Конго. В кн.: Степановские чтения. Проблемы вариативности в романских и германских языках. Сборник тезисов докладов и сообщений Международной конференции (Москва, 24–25 апреля 2001 года). Москва, Российский университет дружбы народов (РУДН): 44–54.

Багана Ж. 2004. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма. Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 350 с.

Багана Ж., Волошина Т.Г. 2019. Влияние глобализации на состояние лингвокультуры этнических сообществ (на примере территориального варианта английского языка Нигерии). *Научная мысль Кавказа*, 1(97): 96–102. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-96-102

Бочарова Э.А. 2025. Лексико-семантическое варьирование южноафриканского варианта английского языка чернокожих южноафриканцев. *Научная мысль Кавказа*, 2(122): 128–132. DOI: 10.18522/2072-0181-2025-122-128-132

Волошина Т.Г. 2018. Влияние английского языка на функционирование коренных языков Нигерии. *Научная мысль Кавказа*, 4(96): 125–129. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-125-129

Волошина Т.Г., Блажевич Ю.С., Koch K.I. 2018. Коммуникативная среда и лингвокультурологические состояния. *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Лингвистика и педагогика, 8(4(29)): 120–125.

Коч К.И. 2021. Локальное преобразование французского языка в Демократической Республике Конго в условиях билингвизма. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 155 с.

Edema A.B. 1998. Etude lexico-sémantique des particularismes français du Zaïre. Thèse de doctorat. Paris, Université de Paris III, 665 p.

Gampoko D. Di B. 2019. Dictionnaire étymologique lingala-français français-lingala. Paris, L'Harmattan, 744 p.

Jenniges Em. 2018. Dictionnaire Français-Kiluba. London, Forgotten Books, 196 p.

Lembe Masiala, N. 1970. Dictionnaire Kikongo ya Létá (Múnukutúba) Français. Paris, Publibook, 278 p.

Lenselaer A. 1983. Dictionnaire swahili-français. Paris, Karthala, 646 p.

Matabishi N.S. 2008. La place du français à l'Est de la République démocratique du Congo. Dans le livre: Faire vivre les identités francophones. Actes du XIIe congrès mondial de la FIPF (Québec, 21–25 juillet 2008). Éd. J. Cortès. Québec: 110–112.

Mertens G. 2006. Dictionnaire kisahili-français et français-kiswahili. Paris, Karthala, 285 p.

N'Sial S. 2000. La francophonie au cœur de l'Afrique: le français zaïrois. Paris, Didier Erudit, 211 p.

Nyembwe Ntita A. 2010. Le français en République démocratique du Congo: état des lieux. *Le Français en Afrique*, 25: 5–18.

Nyembwe Ntita A., Matabishi S. 2012. Le devenir du français en République démocratique du Congo et question de la norme. *Le Français en Afrique*, 27: 109–119.

Queffélec A. 2000. Emprunt ou xénisme: les apories d'une dichotomie introuvable? Dans le livre: Contats de langues et identités culturelles. Eds. D. Latin, Cl. Poirier. Québec, Presses de l'Université de Laval: 283–300.

Queffélec A., Wenezouï-Déchamps de M., Daloba de Je. 1997. Le français en Centrafrique: lexique et société. Vanves, EDICEF, 299 p.

References

Baghana Zh. 2001. Osobennosti frantsuzskogo yazyka v Kongo [Peculiarities of the French Language in Congo]. In: Stepanovskie chteniya. Problemy variativnosti v romanskikh i germanskikh yazykakh [Stepanov Readings. Problems of Variability in Romance and Germanic Languages]. Collection of Abstracts of Reports and Communications of the International Conference (Moscow, April 24–25, 2001). Moscow, Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN): 44–54.

Baghana Zh. 2004. Yazykovaya interferentsiya v usloviyakh franko-kongolezskogo bilingvizma [Language interference in the context of French-Congolese bilingualism]. Dis. ... Doctor of Philolog. Sciences. Saratov, 350 p.

Baghana J., Voloshina T.G. 2019. The Influence of Globalization on the State of Linguistic Culture of Ethnic Communities (based on the Example of Territorial Version of Nigerian English). *Scientific thought of Caucasus*, 1(97): 96–102 (in Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-96-102

Bocharova E.A. 2025. Lexical and Semantic Variation in South African Black English. *Scientific thought of Caucasus*, 2(122): 128–132 (in Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2025-122-128-132

Voloshina T.G. 2018. The Impact of English on the Functioning of the Indigenous Languages of Nigeria. *Scientific thought of Caucasus*, 4(96): 125–129 (in Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-125-129

Voloshina T.G., Blazhevich Y.S., Koch K.I. 2018. Communicative environment and linguistic and cultural status. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 8(4(29)): 120–125 (in Russian).

Koch K.I. 2021. Lokal'noe preobrazovanie frantsuzskogo yazyka v Demokraticheskoi Respublike Kongo v usloviyakh bilingvizma. [Local transformation of French in the Democratic Republic of the Congo under conditions of bilingualism]. Dis. ... cand. Philol. Sciences. Belgorod, 155 p.

Edema A.B. 1998. Etude lexico-sémantique des particularismes français du Zaïre [Lexico-semantic study of the French particularities of Zaire]. Doctoral thesis. Paris, Publ. Université de Paris III, 665 p.

Gampoko D. Di B. 2019. Dictionnaire étymologique lingala-français français-lingala. Paris, L'Harmattan, 744 p.

Jenniges Em. 2018. Dictionnaire Français-Kiluba. London, Forgotten Books, 196 p.

Lembe Masiala, N. 1970. Dictionnaire Kikongo ya Léta (Múnukutuba) Français. Paris, Publibook, 278 p.

Lenselaer A. 1983. Dictionnaire swahili-francais. Paris, Karthala, 646 p.

Matabishi N.S. 2008. La place du français à l'Est de la République démocratique du Congo [The Place of French in the East of the Democratic Republic of Congo]. Dans le livre: Faire vivre les identités francophones [Bringing Francophone Identities to Life]. Proceedings of the 12th World Congress of the FIPF (Quebec, July 21–25, 2008). Ed. J. Cortès. Québec: 110–112.

Mertens G. 2006. Dictionnaire kisahili-francais et francais-kiswahili. Paris, Karthala, 285 p.

N'Sial S. 2000. La francophonie au coeur de l'Afrique: le français zaïrois [Francophonie in the Heart of Africa: Zairian French]. Paris, Publ. Didier Erudit, 211 p.

Nyembwe Ntita A. 2010. Le français en République démocratique du Congo: état des lieux [French in the Democratic Republic of Congo: State of Play]. *Le Français en Afrique*, 25: 5–18.

Nyembwe Ntita A., Matabishi S. 2012. Le devenir du français en République démocratique du Congo et question de la norme [The future of French in the Democratic Republic of Congo and the question of the norm]. *Le Français en Afrique*, 27: 109–119.

Queffelec A. 2000. Emprunt ou xénisme: les apories d'une dichotomie introuvable [Borrowing or xenism: the aporias of an unfindable dichotomy]? In: Contats de langues et identites culturelles [Contacts of languages and cultural identities]. Eds. D. Latin, Cl. Poirier. Quebec, Presses de l'Université de Laval: 283–300.

Queffélec A., Wenezouï-Déchamps de M., Daloba de Je. 1997. Le français en Centrafrique: lexique et société [French in Central Africa: vocabulary and society]. Vanves, Publ. EDICEF, 299 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025

Received August 18, 2025

Поступила после рецензирования 3.10.2025

Revised October 3, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коч Карина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет), г. Долгопрудный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karina I. Koch, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudny, Russia.

УДК 81'373.45

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-794-805

EDN VMUSSC

Современный узбекский язык: социолингвистические трансформации и адаптационные процессы в эпоху глобализации

Мадусманов К.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
kamran.madusmanov94@mail.ru

Аннотация. Социолингвистические трансформации и адаптационные процессы, происходящие в современном узбекском языке, обогащают и в определенной мере унифицируют язык. Однако вместе с тем эти процессы создают сложности при попытке нормирования и фиксации заимствований в узбекском языке. Отсутствие комплексных научных работ в этой сфере, также усложняет задачу. Целью исследования является выявление закономерностей социолингвистических трансформаций и особенностей адаптационных процессов в современном узбекском языке. Материалом исследования послужили тексты современных узбекских СМИ, интернет-коммуникаций, а также данные социолингвистических исследований, проведенных в 2010–2025 годах. Установлено, что фонетическая система узбекского языка демонстрирует тенденцию к упрощению кластеров согласных в заимствованиях и адаптации иноязычных звуков к фонологической системе языка-реципиента. На морфологическом уровне наблюдается активизация аналитических конструкций, калькирование словообразовательных моделей английского и русского языков, а также разработка новых деривационных моделей. Синтаксические изменения проявляются в расширении функций порядка слов, увеличении частотности номинативных конструкций и развитии новых типов сложноподчиненных предложений. Лексико-семантические трансформации характеризуются массовым заимствованием интернациональной лексики, семантической модификацией исконных слов и формированием новых терминологических систем. Выявлена дифференциация языковых изменений в зависимости от социальных, возрастных и образовательных особенностей носителей языка. Результаты исследования демонстрируют адаптивный потенциал узбекского языка в условиях глобализации при сохранении его структурной целостности и национальной специфики.

Ключевые слова: узбекский язык, глобализация, языковые контакты, заимствования, социолингвистическая дифференциация, фонетическая адаптация, морфологические изменения, синтаксические трансформации, лексико-семантические процессы, языковая политика

Для цитирования: Мадусманов К.А. 2025. Современный узбекский язык: социолингвистические трансформации и адаптационные процессы в эпоху глобализации. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 794–805. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-794-805 EDN: VMUSSC

Modern Uzbek Language: Sociolinguistic Transformations and Adaptation Processes in the Era of Globalization

Komron A. Madusmanov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
kamran.madusmanov94@mail.ru

Abstract. The globalization processes of the 21st century have a significant impact on the functioning and development of the Uzbek language, creating a complex system of interaction between national linguistic traditions and international communication practices. The sociolinguistic transformations and adaptation

© Мадусманов К.А., 2025

processes taking place in the modern Uzbek language undoubtedly enrich the language and to a certain extent contribute to its unification. At the same time, these processes create difficulties when attempting to standardize and record borrowings in the Uzbek language. The lack of comprehensive scientific work in this area also complicates the task. The study attempts to identify the patterns of sociolinguistic transformations and the characteristics of adaptation processes in the modern Uzbek language in the era of globalization. The research material consisted of texts from contemporary Uzbek media, Internet communications, and data from sociolinguistic studies conducted in 2010–2025. It has been established that the phonetic system of the Uzbek language shows a tendency to simplify consonant clusters in borrowings and adapt foreign sounds to the phonological system of the recipient language. At the morphological level, there is an increase in analytical constructions, calquing of word-formation models from English and Russian, and the development of new derivational models. Syntactic changes are manifested in the expansion of word order functions, an increase in the frequency of nominative constructions, and the development of new types of complex sentences. Lexical-semantic transformations are characterized by the massive borrowing of international vocabulary, the semantic modification of native words, and the formation of new terminological systems. The differentiation of linguistic changes depending on the social, age, and educational characteristics of native speakers has been identified. The results of the study demonstrate the adaptive potential of the Uzbek language in the context of globalization while preserving its structural integrity and national specificity. The author's findings may be used for compiling dictionaries and reference books.

Keywords: Uzbek language, globalization, language contacts, borrowings, sociolinguistic differentiation, phonetic adaptation, morphological changes, syntactic transformations, lexical-semantic processes, language policy

For citation: Madusmanov K.A. 2025. Modern Uzbek Language: Sociolinguistic Transformations and Adaptation Processes in the Era of Globalization. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 794–805 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-794-805 EDN: VMUSSC

Введение

Глобализационные процессы XXI века создают принципиально новые условия функционирования национальных языков, порождая сложные механизмы межъязыкового взаимодействия и культурной интерференции. Узбекский язык, являющийся государственным языком Республики Узбекистан и насчитывающий более 35 миллионов носителей, представляет особый интерес для исследования адаптационных механизмов тюркских языков в условиях интенсификации международных контактов и цифровой трансформации коммуникативного пространства. Изучение закономерностей и особенностей адаптационных процессов в современном узбекском языке необходимо для облегчения и унификации нормирования большого количества появляющихся заимствований – составления словарей и справочников.

Теоретические основы изучения влияния глобализации на национальные языки разработаны в трудах исследователей: Д. Кристала [Crystal, 2003], А. Пенникука [Pennycuok, 2007], Р. Филипсона [Phillipson, 2009], Ж. Багана [Багана, Хапилина, 2010], Т.Г. Волошиной [2020]. Проблематика языковых контактов и заимствований в тюркских языках освещается в работах Н.А. Баскакова [1969], Э.В. Севортьяна [1974], А.Н. Кононова [1982], Ш. Шомаксудова, И. Расулова, Р. Кўнгуррова, Х. Рустамова [Шомаксудов и др., 1983].

В работах М. Мирзаева [Mirzayev, 2020] и А. Нурмонова [Nurmonov, 2021] рассматриваются общие проблемы стандартизации и нормы узбекского языка. В трудах А. Пирматова [Pirmatov, 2016], Р. Саматова [Samatov, 2017], Ф. Абдуллаева [Abdullaev, 2018], Г. Жумаевой [Jumaeva, 2019], К. Муратова [Muratov, 2020] осуществлен анализ текущего состояния узбекского литературного языка, включая орфографические и графические изменения (переход на латинскую графику), а также динамика норм и вопросы регулирования языка в официальной и публичной сфере. Феномен билингвизма и роли

английского языка в образовании рассматривается в трудах Р.М. Мусиновой, С.Ж. Ориповой [Musinovna, Oripova, 2025]. Однако, несмотря на большую значимость перечисленных работ, комплексное исследование трансформационных процессов в узбекском языке под влиянием глобализации, охватывающее все уровни языковой системы с учетом социолингвистической дифференциации, до настоящего времени не проводилось. Данная работа призвана восполнить существующий пробел в изучении современного состояния узбекского языка.

Целью настоящей работы является выявление закономерностей социолингвистических трансформаций и особенностей адаптационных процессов в современном узбекском языке.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявление фонетических изменений в системе узбекского языка при адаптации заимствований; анализ морфологических трансформаций и новых словообразовательных моделей; исследование синтаксических инноваций; описание лексико-семантических процессов; определение социолингвистических факторов языковых изменений.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили разнообразные источники, отражающие современное состояние узбекского языка в различных функциональных сферах. Основной корпус материала включает тексты узбекских интернет-изданий и печатных СМИ за период 2010–2025 годов (газеты “Xalq so’zi”, “Yangi O’zbekiston”, различные интернет-порталы и онлайн-издания kun.uz, daryo.uz, qalampir.uz), общим объемом более 5000 словоупотреблений.

Методологическая база исследования опирается на принципы системно-структурного анализа языковых явлений. Применялся комплекс лингвистических методов: описательный метод для характеристики современного состояния узбекского языка; сравнительно-сопоставительный метод при анализе исконных и заимствованных элементов; метод компонентного анализа для исследования семантических трансформаций; статистический метод для количественной оценки языковых изменений.

Обработка текстового материала осуществлялась с применением корпусных технологий и программ автоматического анализа текста. Для транскрипции узбекских примеров использовалась латинская графика, официально принятая в Республике Узбекистан.

Результаты и их обсуждение

Фонетические трансформации в системе современного узбекского языка

Фонетическая система современного узбекского языка демонстрирует значительную устойчивость к внешним воздействиям, однако глобализационные процессы порождают ряд адаптационных механизмов при освоении иноязычной лексики.

Консонантная система узбекского языка в условиях массового притока заимствований проявляет тенденцию к упрощению сложных консонантных кластеров. Для облегчения произношения часто добавляется эпентетический гласный, что позволяет трансформировать сложные согласные группы в более приемлемые узбекской фонологией формы [Bobojonova, 2021; Rashidova, Tuychiyeva, 2023]. Английские заимствования типа *stress* адаптируются как *istress* с протетическим гласным, ***business, brand*** трансформируется в ***bizness, brend*** с заменой непривычного для узбекского языка сочетания. Это наблюдается в 78 % проанализированных заимствований с начальными консонантными группами, например:

“***Biznesga birinchi qadam***” *loyihasiga muvofiq 18 yoshga to’lgan va 30 yoshdan oshmagan ijtimoiy soliq to’lagan o’zini o’zi band qilgan jismoniy shaxslarga onlayn shaklda imtiyozli davr bilan 7-yilgacha muddatga 100 mln so’mgacha imtiyozli mikroqarz sifatida ajratiladi.*

(В соответствии с проектом "первый шаг к бизнесу" самозанятым физическим лицам, достигшим 18-летнего возраста и не достигшим 30-летнего возраста, уплачивающим социальный налог, в онлайн-форме предоставляется льготный микрозайм в размере до 100 млн сумов на срок до 7 лет с льготным периодом) [Umarkulov, 2025, URL].

Mehmonxona Inter Continental Hotels Group (IHG) tarkibiga kiruvchi Vignette Collection brendi ostidagi The First Group Hospitality tomonidan boshqariladi. (Отель управляетя The First Group Hospitality под брендом Vignette Collection, который является частью InterContinental Hotels Group (IHG)) [Matnazarov, 2025, URL].

Вокалическая система демонстрирует процессы гармонизации заимствованных слов согласно законам сингармонизма, хотя в литературном узбекском языке палатальная гармония гласных значительно ослаблена. Тем не менее, в разговорной речи молодого поколения отмечается тенденция к восстановлению гармонии гласных при адаптации новых заимствований: computer > kompyuter > разг. komputor.

Mening uyimda yangi komputor bor (У меня дома есть новый компьютер) [Jalolov, 2021, p. 112].

Акцентуационная система узбекского языка, традиционно характеризующаяся фиксированным ударением на последнем слоге, испытывает влияние русского и английского языков. В результате в узбекском лексиконе появляются двойные просодические модели, где заимствованные формы сохраняют оригинальное ударение, тогда как адаптированные варианты подчиняются традиционной конечной позиции, что усиливает просодическую полисемию в современной речи [Shozamnov et al., 2021]. В заимствованиях наблюдается сохранение оригинального ударения в 42 % случаев, особенно в профессиональной речи: marketing, ménéджмент. Это создает параллельные акцентологические варианты: узб. marketíng и англ. marketing.

Zamonaviy marketing tamoyillari (Современные принципы маркетинга). [Sodiqova, 2024, p. 75].

Kompaniya marketing strategiyasini o'zgartirdi (Компания изменила маркетинговую стратегию). [Yo'ldoshev, 2023, p. 42].

Морфологические изменения и словообразовательные инновации

Морфологическая система узбекского языка в эпоху глобализации характеризуется активизацией аналитических тенденций и развитием новых словообразовательных моделей. Агглютинативная структура языка обеспечивает гибкость в адаптации заимствованных основ к системе узбекского словоизменения. Так, заимствованные основы активно комбинируются с продуктивными узбекскими суффиксами -lik, -chi и др., что повышает степень их морфологической адаптации и способствует формированию новых лексических единиц с расширенной семантикой [Azzamovna, 2019, p. 145].

Приведем несколько примеров:

Axborot texnologiyalari taraqqiyoti natijasida blogerlik zamonaviy jamiyatning ijtimoiy, siyosiy va madaniy sohalariga sezilarli ta'sir ko'rsata boshladi (В результате развития информационных технологий блоггинг начал оказывать значительное влияние на социальную, политическую и культурную сферы современного общества) [Qurbanova, 2025, p. 226].

Bloglar elektron pochta, veb-forum va chatlarga nisbatan bir qator afzalliklarga ega (Блоги имеют ряд преимуществ перед электронной почтой, веб-форумами и чатами) [Qurbanova, 2025, p. 227].

Agar bloger o'z boshidan o'tganlarini yoki o'z ko'zi bilan ko'rganlarini yozsa, bu mutaxassislar tomonidan qo'llab-quvvatlanadi (Если блогер пишет то, что он пережил или видел своими глазами, это подтверждается экспертами) [Qurbanova, 2025, p. 228].

В области именного словоизменения наблюдается регулярное присоединение узбекских аффиксов к заимствованным основам. Плюральные формы образуются стандартным способом: **blog-lar** (блоги), **trend-lar** (тренды). Притяжательные аффиксы

свободно присоединяются к англизмам: *account-im* (мой аккаунт), *post-ingiz* (ваш пост). Падежные формы демонстрируют полную интеграцию заимствований: *internet-da* (в интернете), *flagman-i* (флагман – вин. п.).

Blog-lar-ning keng tarqalishi o'tgan asr 90-yillarining ikkinchi yarmida boshlangan (Широкое распространение блогов началось во второй половине 90-х годов прошлого века) [Xaitova, 2024, URL].

Instagramdagi trend-lar inson hayotining tabiiy oqimiga begona talablar qo'yadi (Тенденции в Instagram предъявляют чуждые требования к естественному течению человеческой жизни) [Irisova, 2025, URL].

Birinchi o'rinda – Xiaomi 12 flagman-i (На первом месте – флагман Xiaomi 12) [Dekabning eng..., 2022, URL].

Глагольное словообразование обнаруживает продуктивность модели «заимствованная основа + вспомогательный глагол». Наиболее частотными вспомогательными глаголами выступают *qilmoq* (делать), *bo'lmoq* (быть), *etmoq* (делать – книжн.): *chat qilmoq* (чатиться), *online bo'lmoq* (быть онлайн):

Onlayn chat qilish tizimi (Система онлайн-чата) [Onlayn chat..., 2025, URL].

Online bo'lishining ahamiyati (Важность того, чтобы быть онлайн) [Online bolishing..., 2025, URL].

Словосложение демонстрирует развитие гибридных моделей, сочетающих узбекские и заимствованные компоненты. Продуктивными становятся модели: «узб. + англ.»: *elektron-commerce* (электронная коммерция), *raqamli-marketing* (цифровой маркетинг); «англ. + узб.»: *web-sahifa* (веб-страница), *onlayn-ta'lif* (онлайн-образование). Калькирование английских композитов порождает новые структурные модели: *smartphone* > *aqli telefon* (умный телефон).

Veb-sahifa (yoki *web-sahifa*) *World Wide Webdagi gipermatnli hujjatdir* (Веб-страница – это гипертекстовый документ во всемирной паутине) [Veb-sahifa..., 2025, URL].

Aksariyat insonlar onlayn-ta'lif hech qachon an'anaviy ta'limning o'rini bosa olmaydi, deb o'laydi (Большинство людей думают, что онлайн-образование никогда не заменит традиционное образование) [Onlayn-talimning..., 2019, URL]

Aqli telefonlar: *sun'iy ong cho'ntagimizda* (Смартфоны: искусственный интеллект в наших карманах) [Aqli telefonlar..., 2018, URL].

Аффиксальное словообразование обнаруживает экспансию международных префиксов и суффиксов. Префиксы *anti-*, *super-*, *mega-*, *ultra-* активно сочетаются с узбекскими основами: *antikorruptsion* (антикоррупционный), *supermarket* (супермаркет). Суффиксы *-atsiya*, *-izm*, *-ist* формируют словообразовательные гнезда: *modernizatsiya* (модернизация), *globalizm* (глобализм), *jurnalist* (журналист):

Uskunalar modernizatsiya qilish (Модернизация оборудования) [Modernizatsiya..., 2025, URL].

Globalizm davrida Vatanparvarlik: Vatanparvarlikning ma'naviy ma'nosi, davrga ko'ra o'zgarayotganining sabab va omillari (Патриотизм в эпоху глобализма: духовное значение патриотизма, причины и факторы, меняющиеся в зависимости от эпохи) [Abdulaziz, 2024, URL].

O'sha kezlarda mendek yosh jurnalist uchun har bir yangilik olam-olam quvonch edi (В те времена для такого молодого журналиста, как я, каждая новость была всеобщей радостью) [Jurnalist..., 2025, URL].

Синтаксические трансформации

Синтаксический строй узбекского языка, традиционно характеризующийся строгим порядком слов SOV (субъект – объект – предикат), в условиях глобализации обнаруживает тенденции к вариативности и развитию новых конструкций. В результате усиленной языковой контактности наблюдается повышенная гибкость порядка слов, допускающая как традиционное SOV, так и варианты с предварением дополнения и инверсиями, что

подтверждается анализом корпусных данных и POS-теггера, учитывающего агглютинативные особенности узбекского языка [Abdurakhmonova et al., 2022; Sharipov et al., 2023, p. 62]. Приведем несколько примеров из собственной практики:

Qilishadi (V) faqat yoshlar (S) bunday xatolikni (O) (Совершают только молодые такую ошибку)¹.

Bu yangi strategiyani (O), men (S) o'rganmoqdaman (V) (Эту новую стратегию я изучаю)².

Biz (S) investitsiya qildik (V) ushbu loyiha (O) (Мы инвестировали в этот проект)³.

Порядок слов в современном узбекском языке демонстрирует увеличение частотности конструкций с препозицией сказуемого, особенно в языке СМИ и интернет-коммуникации. Анализ корпуса текстов показывает рост SVO-конструкций с 3 % в текстах 1990-х годов до 12 % в современных медиатекстах. Например: *Prezident imzoladi farmoni вместо традиционного Prezident farmonni imzoladi* (Президент подписал указ) [G'ulomova, 2024, p. 88].

Развитие номинативных конструкций представляет собой значительную инновацию в синтаксисе узбекского языка. Под влиянием русского и английского языков расширяется употребление именных предложений:

Sun'iy intellekt – texnologik rivojlanish asosi (Искусственный интеллект – основа технологического развития) [G'afforov, 2021, URL].

Однако в традиционном узбекском синтаксисе предпочтение отдавалось глагольным конструкциям с копулой.

Сложноподчиненные предложения обнаруживают развитие новых типов придаточных, калькированных с европейских языков. Особенно заметно увеличение относительных придаточных с союзным словом *qaysiki* (который), представляющим кальку русского «который»:

Beshkara qishlog 'idagi birdan bir ayol, qaysiki yuz protsent tushunmagani (Одна женщина из села бешкапы, которая на сто процентов не поняла) [Qaysiki..., 2025, URL].

В традиционном узбекском языке использовались причастные обороты.

Пунктуационные изменения отражают влияние европейской письменной традиции. Наблюдается экспансия тире, двоеточий, точек с запятой в функциях, не свойственных традиционной узбекской пунктуации. Парентетические конструкции, оформленные скобками или тире, становятся частотными в научном и публицистическом стилях:

To 'rtinchi sanoat inqilobi taraqqiyotning yangi ko'rinishi – «raqamli iqtisodiyot» boshlangani anglatadi (Четвертая промышленная революция знаменует начало нового видения прогресса – «цифровой экономики») [Jumanova, 2020, URL].

Aql-zakovat va ilm – taraqqiyot qanotidir (Интеллект и наука – крылья прогресса) [Jumanova, 2020, URL].

Лексико-семантические процессы

Лексический состав современного узбекского языка претерпевает наиболее существенные изменения под воздействием глобализации. Анализ лексико-семантических процессов выявляет комплексный характер трансформаций, затрагивающих как заимствованную, так и исконную лексику. В частности, расширяется семантическое поле служебных слов, которые всё чаще участвуют в экспрессивных и прагматических конструкциях, что подчёркивает актуальность дальнейшего теоретического исследования их функций [Bakhronovich, Imamkulovich, 2020, p. 324].

Количественный анализ заимствований демонстрирует ощутимый рост англицизмов в узбекском языке. К 2025 году доля английских заимствований составляет 8–12%.

¹ Пример из личного опыта общения автора со студентами, 2022 г., НУУз, Факультет зарубежной филологии.

² Там же.

³ Там же.

Наибольшая концентрация англицизмов наблюдается в сферах: информационные технологии (65% терминов), экономика и бизнес (48%), массовая культура (42%), образование (28%).

Семантическая адаптация заимствований проявляется в процессах специализации и генерализации значений. Английское *business* в узбекском языке сузило значение до «частное предпринимательство» исключая государственную деятельность. Напротив, *marketing* расширил семантику, означая любую рекламную деятельность. Развитие полисемии характерно для множества заимствований: *post* означает «должность», «сообщение в соцсети», «определенный пункт»:

Avval kattaroq postda ishlaganmisiz? (Вы раньше работали на более крупной должности?) [Post..., 2025, URL].

Platforma hali ham kuniga 500 millionta post qayd etmoqda. (Платформа по-прежнему регистрирует 500 миллионов сообщений в день) [Bakhronovich, Imamkulovich, 2020, p. 325].

Mayli, yotg‘ir, qor yog‘sin, o‘z postimdan ketmayman. (Хорошо, пусть идет дождь, снег, я не уйду со своего поста) [Post..., 2025, URL].

Калькирование представляет продуктивный способ обогащения лексики. Выделяются полные кальки: *mouse* > *sichqoncha* (мышь компьютерная), *skyscraper* > *osmono‘par* (небоскреб); полукальки: *electron pochta* (электронная почта), *web-sahifa* (веб-страница):

Germaniyada kompyuter sichqonchasi qayta ixtiro qilindi (Компьютерная мышь заново изобретена в Германии) [Madiyeva, 2023, URL].

Bugungi sayyoh, millatimizga mos betakror ma‘muriy majmualar, osmono‘par koshonalar, sayilgohlardan bir olam zavq oladi. (Сегодняшний турист наслаждается целым рядом уникальных административных комплексов, небоскребов, аттракционов, подходящих для нашей страны) [Osmono‘par..., 2025, URL].

Elektron pochtani haligacha ko‘p ishlatamiz (Электронную почту по-прежнему много используем).¹

Web-sahifa: <http://prime.com.uz> *Master Expert konsalting va baholash kompaniyasi – sarmoyalar jalb qilishdagi ishonchli hamkor, deyarli 20 yildan beri faoliyat ko‘rsatadi.* (Веб-страница: <http://prime.com.uz> консалтинговая и оценочная компания *Master Expert* – надежный партнер в привлечении инвестиций, работает уже почти 20 лет) [Biznesni oson..., 2017, URL].

Неологизация на основе исконных морфем активизируется как реакция на экспансию заимствований. Создаются узбекские эквиваленты международных терминов: *dastur* (программа), *tarmoq* (сеть):

Dastur doirasida rejalarshirilgan vazifalarni bajaramiz (В рамках программы будем выполнять запланированные задачи).²

O‘tgan yili tarmoq ilk bor ishga tushurildi (Сеть впервые была запущена в прошлом году).³

Социолингвистическая дифференциация языковых изменений

Языковые трансформации в современном узбекском языке демонстрируют четкую корреляцию с социальными характеристиками носителей языка. Например, опрос пользователей интернета выявил значительные различия в употреблении англицизмов в зависимости от возраста, уровня образования и профессиональной принадлежности, что подтверждает влияние социодемографических факторов на лексические инновации [Oliinyk et al., 2022].

Возрастная дифференциация представляет наиболее выраженный параметр вариативности. Молодежь (молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет) демонстрирует

¹ Пример из личного опыта общения автора со студентами, 2022 г., НУУз, Факультет зарубежной филологии.

² Там же.

³ Там же.

максимальную открытость к заимствованиям (средний индекс использования англизмов – 18,3 %), активно использует гибридные конструкции, *code-switching*. Средняя возрастная группа (люди в возрасте от 26 до 40 лет) показывает умеренное использование заимствований (11,2 %), предпочитая адаптированные формы. Старшее поколение (60+) сохраняет приверженность традиционной лексике (индекс заимствований 3,4 %), активно использует узбекские неологизмы [Ibragimova, 2024, p. 195].

Территориальная дифференциация отражает различия между городской и сельской языковыми практиками. Городское население (особенно Ташкент, Самарканд, Бухара) показывает индекс заимствований 14,7 %, активное использование интернет-сленга, *code-switching*. Сельские районы демонстрируют консервативность языковых норм (индекс заимствований – 4,8 %), сохранение диалектных особенностей, преобладание устной традиции [Халиков, 2023, с. 104].

Профессиональная стратификация создает специализированные подъязыки с различной степенью интернационализации. По мнению Р.Р. Мустафаева в активном профессиональном словаре IT-специалистов доля англоязычных заимствований составляет от 60 до 70 %, что является следствием доминирования англоязычных стандартов, программного обеспечения и документации [Мустафаев, 2018, с. 126]. Так, IT-сфера показывает максимальную англизацию.

Языковая политика в Узбекистане

Государственная языковая политика Республики Узбекистан направлена на поддержание баланса между модернизацией языка и сохранением его национальной специфики. В рамках этой политики разрабатываются нормативные акты, ограничивающие чрезмерное проникновение англизмов в официальные документы и средства массовой информации, что подтверждается анализом языковой политики Узбекистана [Narmatova, Abdurakhmanova, 2022, p. 146]. Анализ нормативных документов и практики их реализации выявляет комплексный подход к регулированию языковых процессов.

Законодательная база включает Закон «О государственном языке», предусматривающий механизмы развития узбекского языка в условиях глобализации [Закон РУз..., 1995, URL]. Создана Государственная комиссия по развитию узбекского языка, координирующая терминологическую работу.

Терминологическая работа осуществляется специализированными комиссиями при Академии наук и отраслевых министерствах. Принцип терминообразования предполагает приоритет узбекских эквивалентов при наличии подходящих морфем, допуская заимствования для безэквивалентной лексики [Murodov, 2023, p. 15]. Образовательная политика включает обязательное изучение литературного узбекского языка на всех уровнях образования, разработку учебников нового поколения, внедрение цифровых образовательных ресурсов. Особое внимание уделяется подготовке преподавателей узбекского языка для работы в условиях многоязычия [Xolmatova, 2024, p. 35].

Медийное регулирование предусматривает квоты на использование узбекского языка в СМИ (не менее 75 % эфирного времени), поддержку узбекоязычного контента в интернете, создание национальных цифровых платформ [Olimov, 2024, p. 55]. Разработаны рекомендации по использованию заимствований в медиатекстах [Sobirov, 2023, p. 78].

Заключение

Узбекский язык демонстрирует высокую степень адаптивности к глобализационным вызовам при сохранении структурной целостности и национальной специфики. Фонетическая система проявляет устойчивость, адаптируя заимствования к исконным фонологическим моделям. Морфологический строй сохраняет агглютинативный характер, успешно интегрируя иноязычные основы в систему словоизменения и словообразования.

Наиболее существенные изменения затрагивают лексико-семантический уровень языка, где наблюдается массовый приток интернациональной лексики, преимущественно англизмов. Однако параллельно активизируются процессы неологизации на основе исконных морфем, что свидетельствует о витальности языка. Синтаксические инновации, включающие развитие новых типов конструкций и вариативность порядка слов, отражают влияние языков-доноров, но не приводят к разрушению базовых структурных моделей узбекского языка. Социолингвистическая дифференциация языковых изменений указывает на формирование различных вариантов узбекского языка в зависимости от социальных параметров носителей. Формирование различных вариантов создает динамическое равновесие между инновацией и традицией в языковой системе.

Территориальная вариативность свидетельствует о неравномерности глобализационного воздействия на языковое пространство Узбекистана. Урбанизированные центры становятся очагами языковых инноваций, в то время как периферийные районы сохраняют консервативные языковые практики. Данная ситуация требует дифференцированного подхода к языковому планированию с учетом региональной специфики. Профессиональная дифференциация языка отражает неравномерную интеграцию различных сфер деятельности в глобальное пространство. Высокотехнологичные отрасли демонстрируют максимальную интернационализацию терминосистем, что объективно обусловлено необходимостью международной коммуникации. Традиционные сферы деятельности сохраняют преимущественно национальную терминологию.

Государственная языковая политика играет существенную роль в регулировании языковых процессов, обеспечивая баланс между модернизацией и сохранением языковой идентичности. Создание терминологических комиссий, разработка словарей, поддержка узбекоязычного контента способствуют планомерному развитию языка в новых условиях.

Перспективы развития узбекского языка в условиях продолжающейся глобализации связаны с несколькими ключевыми факторами. Цифровизация коммуникативного пространства будет способствовать дальнейшей интернационализации лексики, особенно в сфере цифровых технологий. Развитие машинного перевода и искусственного интеллекта может как усилить позиции узбекского языка в цифровом пространстве, так и создать новые вызовы для его функционирования.

Образовательная система остается ключевым институтом формирования языковой компетенции и языковых установок новых поколений. Внедрение инновационных методик преподавания узбекского языка, создание качественных учебных материалов, подготовка квалифицированных педагогов определят способность языка адаптироваться к меняющимся условиям при сохранении преемственности традиций.

Развитие узбекоязычного контента в интернете и социальных медиа представляет критически важное направление для обеспечения функциональной полноценности языка в цифровую эпоху. Создание национальных цифровых платформ, поддержка блогеров и контент-мейкеров, работающих на узбекском языке, разработка узбекоязычных приложений и сервисов будут способствовать укреплению позиций языка в виртуальном пространстве. Научное изучение процессов языковых изменений должно носить систематический характер с применением современных методов корпусной лингвистики и социолингвистического мониторинга. Создание национального корпуса узбекского языка, проведение регулярных социолингвистических исследований, международное сотрудничество в области тюркологии обеспечат научную базу для эффективного языкового планирования.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке программ языковой политики, создании учебных материалов, планировании терминологической работы. Выявленные закономерности языковых изменений представляют интерес для сравнительного изучения адаптационных процессов в тюркских языках в условиях глобализации.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на углубленное изучение отдельных аспектов языковых трансформаций, включая психолингвистические механизмы усвоения заимствований, социолингвистическую динамику языковых изменений в реальном времени, сопоставительный анализ адаптационных стратегий в различных тюркских языках.

Список источников

Закон Республики Узбекистан о государственном языке. URL: <https://lex.uz/docs/121433> (дата обращения: 21.08.2025)

Umarkulov A., 2025 Yoshlar tadbirkorligi rivojlantiriladi. Yuz.uz, 2025 yil 18 fevral. URL: <https://yuz.uz/uz/news/yoshlar-tadbirkorligi-rivojlantiriladi> (дата обращения: 15.09.2025)

Matnazarov O., 2025. Dubayda dunyodagi eng baland mehmonxona qurildi. Kun.uz, 2025 yil 20 sentabr. URL: <https://kun.uz/news/2025/09/20/dabayda-dunyodagi-eng-baland-mehmonxona-qurildi> (дата обращения: 21.09.2025)

Xaitova M., 2024. O'zbekistonda blogosfera va blogerlik faoliyati qanday kechyapti. Xabar.uz, 2024 yil 21 fevral. URL: <https://xabar.uz/uz/jamiyat/ozbekistonda-blogosfera-va-blogerlik-faoliyati-qanday-kechyapti> (дата обращения: 21.08.2025)

Irisova M., 2025. Trendlar tufayli yoqotilayotgan ozlik. Xabardor.uz, 2025 yil 10 avgust. URL: <https://xabardor.uz/uz/post/trendlar-tufayli-yoqotilayotgan-ozlik> (дата обращения: 21.08.2025)

Dekabrnning eng yaxshi smartfonlari e'lon qilindi – 500 dollargacha (foto) 2022. Xabar.uz, 2022 yil 18 dekabr. URL: <http://xabar.uz/uz/tehnologiya/dekabrnning-eng-yaxshi-smartfonlari-elon> (дата обращения: 21.08.2025)

Onlayn chat qilish tizimi. Docx.uz, URL: <https://docx.uz/document/onlayn-chat-qilish-tizimi-7f402fdd?lang=uz> (дата обращения: 21.08.2025)

Online bolishining ahamiyati. Soff.uz, URL: <https://soff.uz/product/taqdimotlar-iqtisodiyot-online-bolishining-ahamiyati> (дата обращения: 21.08.2025)

Veb-sahifa. Uz.wikipedia.org. URL: <https://uz.wikipedia.org/wiki/Veb-sahifa> (дата обращения: 21.08.2025)

Onlayn-talimning afzalliklari. 2019. Abt.uz, 2019 yil 4 sentabr. URL: <https://abt.uz/blog/onlayn-talimning-afzalliklari> (дата обращения: 21.08.2025)

Aqli telefonlar: sun'iy ong cho'ntagimizda 2018. Aniq.uz, 2018 yil 23 avgust. URL: <https://aniq.uz/uz/yangiliklar/aqli-telefonlar-suniy-ong-chuntagimizda> (дата обращения: 31.08.2025)

Modernizatsiya lug'at maqolasi. URL: <https://izoh.uz/word/modernizatsiya> (дата обращения: 21.08.2025)

Abdulaziz, 2024. Globalizm davrida vatanparvarlik. Fikratonline.uz, 2024 yil 30 oktabr. URL: <https://fikratonline.uz/globalizm-davrida-vatanparvarlik/> (дата обращения: 21.08.2025)

Jurnalist lug'at maqolasi. URL: <https://izoh.uz/word/jurnalist> (дата обращения: 21.08.2025)

G'afforov Sh., 2021. Suniy intellect – texnologik rivojlanish asosi. Yuz.uz, 2021 yil 5 noyabr. URL: <https://yuz.uz/uz/news/suniy-intellekt--texnologik-rivojlanish-asosi> (дата обращения: 21.08.2025)

Qaysiki lug'at maqolasi. Wiktionary.org. URL: <https://uz.wiktionary.org/wiki/qaysiki> (дата обращения: 21.08.2025)

Jumanova S., 2020 Raqamli iqtisodiyot taraqqiyot sari qisqa yol. Yuz.uz, 2020 yil 17 sentabr. URL: <https://yuz.uz/uz/news/raqamli-iqtisodiyot-taraqqiyot-sari-qisqa-yol> (дата обращения: 21.09.2025)

Post lug'at maqolasi. URL: <https://izoh.uz/word/post> (дата обращения: 21.08.2025)

Madiyeva R., 2023. Germaniyada kompyuter sichqonchasi qayta ixtiro qilindi Raqamli iqtisodiyot taraqqiyot sari qisqa yol. Yuz.uz, 2023 yil 16 avgust. URL: <https://yuz.uz/uz/news/germaniyada-kompyuter-sichqonchasi-qayta-ixtiro-qilindi> (дата обращения: 21.08.2025)

Osmono'par lug'at maqolasi. URL: <https://izoh.uz/word/osmono%20%98par> (дата обращения: 21.09.2025)

Biznesni oson boshqarishni istaysizmi 2017. Daryo.uz, 2017 yil 19 sentabr. URL: <https://daryo.uz/2017/09/19/biznesni-son-boshqarishni-istaysizmi> (дата обращения: 21.08.2025)

Список литературы References

Багана Ж., Хапилина Е.В. 2010. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм. Москва, Флинта, Наука, 124 с.

Bagana, Zh., and E.V. Khapilina. 2010. *Contact Linguistics: Language Interaction and Bilingualism*. Moscow: Flint, Nauka, 124 pp.

Баскаков Н.А. 1969. Введение в изучение тюркских языков. Москва, Высшая школа, 383 с.

Baskakov N.A. 1969. *Introduction to the Study of Turkic Languages*. Moscow, Higher School, 383 p.

Волошина Т.Г. 2020. Английский язык в Африке: лингвокультурологический аспект. Москва, Флинта, 188 с.

Voloshina T.G. 2020. *English in Africa: Linguistic and Cultural Aspects*. Moscow, Flint, 188 p.

Кононов А.Н. 1982. Грамматика современного узбекского литературного языка. Москва, Ленинград, Издательство Академии наук СССР (Ленинградское отделение), 446 с.

Kononov A.N. 1982. *Grammar of the Modern Uzbek Literary Language*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (Leningrad Branch), 446 pp.

Мустафаев Р.Р. Англицизмы в профессиональной коммуникации: социолингвистический и лексикологический аспекты. Москва: Изд-во РГГУ, 2018. 210 с.

Mustafaev R.R. *Anglicisms in professional communication: sociolinguistic and lexicological aspects*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2018. 210 p.

Севортыян Э.В. 1974. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. Москва, Наука, 768 с.

Sevortyan E.V. 1974. *Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Bases*. Moscow, Nauka, 768 pp.

Шомаксудов Ш., Расулов И., Кўнғуров Р., Рустамов Ҳ. 1983. Ўзбек тили стилистикаси. Тошкент, Ўқитувчи, 247 б.

Shomaksudov, Sh., Rasulov, I., Kun'gurov, R., Rustamov, H. 1983. *Uzbek Stylistics*. Tashkent, Ukitvchi, 247 p.

Abdullaev F. 2018. Problems of Translating English Loanwords into Uzbek. *Journal of Linguistic Studies*, 23(4), 77-91.

Abdurakhmonova N., Ismailov A.Sh., Sayfulleyeva R. 2022. MorphUz: Morphological Analyzer for the Uzbek Language. In: 2022 7th International Conference on Computer Science and Engineering (UBMK) (Diyarbakir, Turkey, September, 14–16 2022). Diyarbakir, Turkey: 61–66. DOI: 10.1109/UBMK55850.2022.9919579

Azzamovna I.N. 2019. Issues of interference and foreign borrowings in the Uzbek language. *International Journal on Integrated Education*, 2(5): 144–146, DOI: 10.31149/ijie.v2i5.192

Bakhronovich P.A., Imamkulovich O.B. 2020. The Importance of Functional Word Categories in Uzbek and Their Lingvopragmatic Analysis. *American Journal of Social Science and Educational Innovation*, 2(9): 323–328. DOI: 10.37547/tajssei/volume02issue09-50

Bobojonova Kh. 2021. Reviews on the usage of specific borrowed units in the lexicon of the Uzbek language. *Psychology and Education*, 58(1): 4998–5002. DOI: 10.17762/pae.v58i1.1721

Crystal D. 2003. English as a Global Language. Cambridge, Cambridge University Press, 212 p.

G'ulomova F.X. O'zbek tili sintaksisiga rus tili ta'sirining so'nggi tendensiyalari. Toshkent: Lingvokontakt tadqiqotlar markazi, 2024.

Ibragimova L.S. Globallashuv sharoitida o'zbek tili lug'at tarkibidagi o'zgarishlar: sotsiolingvistik tahlil. Toshkent: tilshunoslik instituti, 2024. 215 b.

Jalolov B.R. Internet-diskursdagi yozma nutqning orfografik xususiyatlari. Toshkent: Sotsiolingvistik tadqiqotlar markazi, 2021.

Jumaeva G. 2019. Linguistic Borrowing in Uzbek: A Study of English Loanwords. *Uzbek Linguistic Journal*, 34(2), 56-63.4.

Lewis G. 1999. The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford, Oxford University Press, 203 p.

Miralimova Sh. 2024. The sociolect sphere of internet conversational communication. *SHS Web of Conferences*, 206: 01010. DOI: 10.1051/shsconf/202420601010

Mirzayev M. 2020. O'zbek tilshunosligi tarixi. Toshkent, Akademnashr, 320 b.

Muratov, K. (2020).Cultural Adaptation of Loanwords in Uzbek Translation. *International Journal of Translation Studies*, 12(3), 45-56.3.

Musinovna R.M., Oripova Sabria Jalol qizi. 2025. Economy and Redundancy in English and Uzbek language development: A cognitive Perspective. *Excellencia: International Multi-Disciplinary Journal of Education* (2994-9521), 3(5), 269-272. <https://doi.org/10.5281/>

Narmatova S., Abdurakhmanova M. 2022. Language Policy in Uzbekistan. *INContext Studies in Translation and Interculturalism*, 2(3): 144–155. DOI: 10.54754/incontext.v2i3.34

Nurmonov A. 2021. O‘zbek tilshunosligining dolzarb masalalari. Toshkent, Akademnashr, 384 b.

Oliinyk L., Romaniuk N., Kuznetsova H., Horbenko I. 2022. The impact of digital and internet technologies on language development. *EDUWEB*, 16(3): 41–54. DOI: 10.46502/issn.1856-7576/2022.16.03.3

Olimov K.B. 2024. O‘zbekiston Respublikasining media siyosati va davlat tili. Toshkent: Axborot va kommunikatsiyalar markazi, 170 p.

Pennycook A. 2007. Global Englishes and Transcultural Flows. London, Routledge, 200 p.

Phillipson R. 2009. Linguistic Imperialism Continued. London, Routledge, 296 p.

Pirmatov A. 2016. Translation and Adaptation of English Loanwords into Uzbek: A Comparative Study. *Translators’ Journal*, 8(1): 21–35.

Qurbanova N.S. 2025. Bloqerlik fenomeni: raqamli jamiyatda yangi ijtimoiy kuch sifatida. Scientific Electronic Journal “Foreign Languages in Uzbekistan”, 2025, vol. 11, No 3 (62), pp. 225–240

Rashidova N.B., Tuychiyeva O.S. 2023. Lexical-Semantic features of the arabic cognates related to the educational process. *E3S Web of Conferences*, 413: 03021. DOI: 10.1051/e3sconf/202341303021

Samatov R. 2017. The Role of English Borrowings in the Modern Uzbek Lexicon. *Central Asian Journal of Language and Linguistics*, 5(2): 82–90.

Sharipov M., Kuriyozov E., Yuldashev O., Sobirov O. 2023. UzbekTagger: The rule-based POS tagger for Uzbek language. Preprint of the accepted paper to The 10th Language & Technology Conference: Human Language Technologies as a Challenge for Computer Science and Linguistics (Poznan, Poland, April 21–23, 2023). DOI: 10.48550/arXiv.2301.12711

Shozamnov Sh.I., Nazarova S.A., Djuraev B. 2021. Problems of Development of the Uzbek Language in Current Society. *Open Journal of Modern Linguistics*, 11(4): 613–620. DOI: 10.4236/ojml.2021.114046

Sobirov D.A. Medialingvistika va o‘zbek tilidagi o‘zlashmalarning normalashtirish muammolari. Toshkent: Lingvistik standartlar instituti, 2023. 150 p.

Sodiqova Z.B. O‘zbek tili iqtisodiy terminologiyasining shakllanishi muammolari. Toshkent: Terminshunoslik instituti, 2024. 210 p.

Xolmatova Sh.R. O‘zbekistonda davlat tili siyosatining ta’lim tizimida amalga oshirilishi. Toshkent: Til va ta’lim markazi, 2024. 150 b.

Yo‘ldoshev G‘.A. Anglitsizmlarning fonetik adaptatsiyasidagi yangi tendensiylar. Samarqand: Lingvistik tadqiqotlar, 2023.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025

Received August 18, 2025

Поступила после рецензирования 3.10.2025

Revised October 3, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мадусманов Комрон Акрамбайевич, аспирант, институт межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komron A. Madusmanov, postgraduate student, Institute of Cross-Cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81'373:070:811.111(410)
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-806-813
EDN WEFTMI

Культурно-маркированная лексика как инструмент формирования медиаобраза Великобритании

Мосягина М.С., Кузьмина И.С.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1
mmashamos@yandex.ru; irakuzmina2014@mail.ru

Аннотация. В медиалингвистике остается недостаточно изученным вопрос о функционально-семантической организации культурно-маркированной лексики и ее роли в репрезентации национального образа в медиадискурсе. Цель исследования – выявить семантические группы культурно-маркированных единиц в публикациях *The Guardian* (январь – июль 2025) и определить их вклад в конструирование представлений о Великобритании в национальном медиапространстве. Методологическая база включает сплошную выборку, контент-анализ, дискурсивный анализ и корпусные метрики – частотность (IPM) и индекс разнообразия (TTR). Анализ показал, что этнографические и общественно-политические реалии образуют стабильное ядро национального образа, тогда как географические реалии и реалии духовной жизни обеспечивают адаптивность медиадискурса к текущим событиям. Полученные результаты уточняют механизмы актуализации культурных кодов в медиатексте, расширяют инструментарий корпусной медиалингвистики и могут быть использованы для сравнительных исследований репрезентации культурных кодов в различных национальных медиадискурсах.

Ключевые слова: идентичность, репрезентация, образ, культурный код, вариативность, медиадискурс

Для цитирования: Мосягина М.С., Кузьмина И.С. 2025. Культурно-маркированная лексика как инструмент формирования медиаобраза Великобритании. *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 806–813. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-806-813 EDN: WEFTMI

Culturally Marked Vocabulary as a Means of Constructing the Media Image of the United Kingdom

Maria S. Mosyagina, Irina S. Kuzmina

N.P. Ogarev Mordovia State University,
68/1 Bolshevikskaia St., Saransk 430005, Russia
mmashamos@yandex.ru; irakuzmina2014@mail.ru

Abstract. In media linguistics, the issue of the functional and semantic organization of culturally marked vocabulary and its role in representing the national image in media discourse remains insufficiently explored. The aim of this study is to identify semantic groups of culturally marked units in *The Guardian* publications (January – July 2025) and to determine their contribution to constructing representations of the United Kingdom in the national media space. The methodological framework includes continuous sampling, content analysis, discourse analysis, and corpus metrics such as frequency (IPM) and the type-token ratio (TTR). The analysis has shown that ethnographic and socio-political realia constitute a stable core of the national image, while geographical realia and realia of spiritual life provide adaptability of media discourse to current events. The findings refine the mechanisms of cultural code actualization in media texts, expand the methodological toolkit of corpus-based media linguistics, and can be applied in comparative studies of cultural code representation across different national media discourses.

Keywords: identity, representation, image, cultural code, variability, media discourse

For citation: Mosyagina M.S., Kuzmina I.S. 2025. Culturally Marked Vocabulary as a Means of Constructing the Media Image of the United Kingdom. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 806–813 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-806-813 EDN: WEFTMI

Введение

Взаимосвязь языка и культурной самобытности остается в центре внимания лингвистики, культурологии и медиаисследований, поскольку язык служит одним из ключевых инструментов конструирования образа страны в коллективном сознании. Национальный образ, который «служит определенной знаковой формой для выражения национально-цивилизационной идентичности» [Борисенко, 2008, с. 3], выступает результатом данного процесса и отражает совокупность устойчивых представлений о культуре и ценностях.

Средства массовой информации, обладая высокой степенью влияния на коллективное сознание, «не просто отражают происходящие в мире события, а создают некую новую реальность, которая затем становится частью представлений о мире» [Бондаренко, 2023, с. 10]. В медиатизированном пространстве закрепляются устойчивые представления о национальной культуре и ее ценностях, что напрямую соотносится с понятием «медиаобраз», прочно закрепившимся в научной литературе и ставшим объектом большого количества современных исследований [Му, 2022; Нагибина, Экзархова, 2023; Нурбагомедова, 2024].

В настоящей работе внимание сосредоточено на медиатекстах как инструменте конструирования данного образа, который трактуется «как результат деятельности исключительно профессиональных институционализированных акторов медиакоммуникации» [Гуреева, Киреева, 2022, с. 43]. Поскольку «через тексты в медиасфере конструируется медиаобраз объекта, который является результатом взаимодействия мира СМИ и реципиента» [Васильева, Коцюбинская, 2025, с. 47], в данном исследовании медиаобраз Великобритании рассматривается как комплекс символов, стереотипов и культурных маркеров, репрезентирующих страну в публичном дискурсе. Существенную роль в его формировании играет культурно-маркированная лексика, обеспечивающая связь верbalного контента с уникальными культурными кодами и символами.

Термин «культурно-маркированная лексика» был введен И.Е. Аверьяновой [1984] в 1980-е годы для обозначения лексических единиц, содержащих национально-культурный семантический компонент и функционирующих как носители социокультурной информации. В лингвистике под культурно-маркированной лексикой принято понимать «совокупность лексических единиц, являющихся носителем информации о специфических и уникальных чертах культуры определенного народа» [Фаттахова, Гилманова, 2002, с. 59]. Подобные единицы «передают культурные коды, ценности и символические ассоциации» [Baker, 2018, р. 23] и тем самым закрепляют в коллективном сознании представления, значимые для носителей данной культуры. В рамках медиалингвистики они рассматриваются как знаковые элементы, поддерживающие культурный капитал и укрепляющие национальный имидж в глобальном информационном пространстве [Fairclough, 2006].

В научной литературе предложено множество классификаций культурно-маркированной лексики, отражающих различные подходы к ее описанию. При всей разнородности систематизаций исследователи едины во мнении, что ядро культурно-маркированной лексики составляют лексемы, закрепляющие уникальные артефакты, социальные институты и традиции, значимые для конкретной культуры. Одной из наиболее разработанных является классификация Г.Д. Томахина [1988], основанная на

«семантическом факторе» и включающая четыре крупных блока: этнографические реалии, общественно-политические реалии, географические реалии, а также реалии духовной жизни общества. Данный подход группирует единицы по тематическому признаку и «отражает менталитет языкового сообщества» [Чигашева, 2023, с. 95]. Такая структура позволяет учитывать как материальные, так и нематериальные компоненты национальной культуры, представленные в языке.

В функциональном плане культурно-маркированная лексика выполняет несколько ключевых задач: идентификационную (обозначение объектов, явлений и понятий, значимых для определенной культуры), когнитивную (передача фоновых знаний и культурных сценариев), оценочную (выражение ценностных установок и эмоционального отношения), а в медиадискурсе – также имиджевую и интегративную, способствуя укреплению культурной солидарности. Данные функции обеспечивают связь между вербальным содержанием и системой символов, значимых для целевой аудитории, и определяют степень влияния медиатекста на восприятие страны как внутри, так и за ее пределами.

При этом остается открытым вопрос о том, каким образом культурно-маркированная лексика структурирует национальный образ в целостном медианарративе и как соотносится ее частотность с функциональной нагрузкой.

Цель данного исследования – выявить семантические группы культурно-маркированной лексики в британском медиадискурсе и определить их вклад в формирование национального образа Великобритании.

Материалы и методы исследования

Опорой для анализа послужил корпус публикаций британского издания *The Guardian*¹ за январь – июль 2025 г., из которого методом сплошной выборки были выделены лексемы с выраженной культурной маркированностью.

Методологическая база исследования включает контент-анализ, дискурсивный анализ и применение корпусных метрик для выявления особенностей функционирования лексики в медиадискурсе. Выбор данного источника обусловлен его статусом одного из ведущих национальных СМИ Великобритании, высокой репутацией в международных и национальных рейтингах (2-е место в Web Reputation Ranking SCImago Media² с показателем 85,75 по интегральной шкале цифровой репутации, отражающей совокупный уровень онлайн-присутствия и доверия к изданию в глобальном контексте), а также широким охватом социально и культурно значимых тем.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе анализа в корпусе публикаций было зафиксировано 982 употребления единиц культурно-маркированной лексики. Они варьируются от устойчивых символов британской идентичности (Union Jack, Big Ben, red telephone box, double-decker bus) до ситуативно актуализированных наименований событий и объектов (Glastonbury, Edinburgh Festival Fringe, Trooping the Colour, Chelsea Flower Show, King's Birthday Parade). Для объективной оценки удельной представленности и степени разнообразия каждой тематической группы в дальнейшем рассчитывались показатели частотности на миллион словоупотреблений (Instances per million, IPM) и индекса разнообразия (Type-Token Ratio, TTR). Показатель IPM определялся как отношение числа употреблений единиц группы (*f*) к общему объему корпуса (*N*), умноженное на 10^6 .

¹ The Guardian. 2025. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed: July 20, 2025).

² SCImago Media Rankings. 2025. Web Reputation Ranking. URL: <https://www.scimago.media.com/rankings.php?country=United+Kingdom> (accessed: August 1, 2025).

[Хохлова, 2023, с. 83]. В свою очередь индекс TTR вычислялся как отношение числа различных лексем в группе (V) к общему числу словоупотреблений в этой группе (N) [Graesser et al., 2004].

Использование IMP и TTR является общепринятой практикой в корпусной лингвистике и лексикографии, так как они обеспечивают сопоставимость данных между корпусами различного объема и позволяют оценить не только частотность, но и степень разнообразия словаря. В контексте настоящего исследования это дает возможность объективно выявить, какие группы культурно-маркированной лексики обладают устойчивым ядром, а какие характеризуются высокой вариативностью.

В рамках выделенных тематических групп наибольшую представленность в корпусе имеют этнографические реалии, охватывающие лексику, связанную с материальной культурой, бытом, национальной кухней, традиционными видами досуга и транспортными символами. К этой категории относятся наименования блюд и напитков, формирующих представление о британской гастрономической традиции: fish and chips, Yorkshire pudding, Cornish pasty, full English breakfast, Sunday roast, shepherd's pie, Eton mess, afternoon tea, Earl Grey, Pimm's, ginger beer. В корпусе зафиксированы и устойчивые формы проведения досуга (pub quiz, Sunday pub lunch, cricket match, lawn tennis, Royal Ascot, boat race), бытовые и архитектурные реалии (red telephone box, double-decker bus, black cab, Victorian terrace, country cottage, Georgian townhouse), а также атрибуты праздников и ритуалов (poppy, Christmas cracker, Boxing Day sales, Trooping the Colour, Burns Night). Группу этнографических реалий составили 146 словоупотреблений (270,4 IPM) при TTR = 0,56, что указывает на значительное разнообразие словаря, обусловленное сочетанием устойчивого ядра (символы, закрепленные в национальной культуре) и периферии, представленной ситуативно актуализированными единицами, связанными с конкретными событиями или сезонами. В медиадискурсе данная лексика не только создает эффект узнаваемости и причастности у внутренней аудитории, но и транслирует вовне устойчивый образ «традиционного» британского образа жизни, усиливаемый положительно окрашенной оценочной лексикой (iconic, beloved, time-honoured).

Второе место занимают общественно-политические реалии, представленные наименованиями государственных институтов и их представителей (Parliament, Supreme Court, Cabinet Office, Whitehall, Monarchy), политических партий и движений (Green Party, UK Independence Party, Plaid Cymru, Reform UK, Social Democratic Party), должностей и титулов (Foreign Secretary, Attorney General, Speaker of the House, Lord Chancellor, Life Peer), а также устойчивыми политико-правовыми терминами (devolution, hung parliament, confidence vote, shadow cabinet, royal prerogative). В корпусе общественно-политические реалии зафиксированы в количестве 132 употреблений (244,4 IPM) при TTR = 0,49, что отражает относительную стабильность словаря этой группы. Высокая концентрация устойчивых наименований свидетельствует о том, что политическая лексика в медиадискурсе выполняет в первую очередь идентификационную функцию, обозначая ключевые институты и процедуры, структурирующие британское общество, и тем самым закрепляя в национальном образе идеи парламентской традиции, монархической преемственности и демократического устройства.

Географические реалии в корпусе представлены топонимами разного уровня – от названий административно-территориальных единиц (England, Scotland, Wales, Northern Ireland) до городов и регионов (London, Edinburgh, Manchester, Liverpool, Cornwall, the Highlands), урбанонимов (Oxford Street, Downing Street, Abbey Road), гидронимов (River Thames, Loch Ness, Bristol Channel) и названий знаковых природных объектов (White Cliffs of Dover, Lake District, Snowdonia National Park). В эту же группу входят и топонимы, актуализированные в связи с конкретными событиями (Wimbledon, Glastonbury, Edinburgh Festival Fringe). Всего географические реалии представлены 118 употреблениями

(218,5 IPM) при TTR = 0,61, что демонстрирует высокую вариативность, обусловленную сочетанием постоянных географических ориентиров и ситуативных упоминаний. В медиадискурсе топонимы функционируют как маркеры пространственной локализации, а также как символы культурной и исторической самобытности: упоминание Loch Ness неизбежно вызывает ассоциации с легендой о чудовище, а Cornwall – с приморскими пейзажами и рыбаками деревнями, что усиливает образ Великобритании как страны с богатым и разнообразным культурно-географическим ландшафтом.

Реалии духовной жизни представлены лексикой, связанной с искусством, образованием, спортом, историческими событиями и культурными символами. В корпусе встречаются наименования художественных и театральных институций (British Museum, National Gallery, Royal Opera House, Globe Theatre), образовательных учреждений (University of Oxford, University of Cambridge, London School of Economics), спортивных команд и событий (Manchester United, Chelsea FC, Premier League, FA Cup, The Ashes), а также памятных дат и исторических символов (Remembrance Day, VE Day, Magna Carta). Отдельную подгруппу составляют элементы культурной мифологии и литературные ссылки (Sherlock Holmes, Harry Potter, Peter Pan, King Arthur). Всего в корпусе зафиксировано 86 употреблений лексических единиц, которые представляют реалии духовной жизни (159,3 IPM) при TTR = 0,64, что свидетельствует о высокой вариативности словаря этой группы. Данный сегмент выполняет репрезентативную и символическую функции, закрепляя в национальном образе Великобритании ее вклад в мировую культуру, науку и спорт.

Количественные показатели распределения культурно-маркированной лексики по основным семантическим группам позволяют выявить различия в их представленности и степени лексической вариативности (см. таблицу).

Количественные показатели культурно-маркированной лексики

в корпусе The Guardian (январь – июль 2025)

Quantitative metrics of culturally-marked vocabulary

in the Guardian corpus (January – July 2025)

Группа	Число употреблений (f)	IPM	TTR
Этнографические реалии	146	270,4	0,56
Общественно-политические реалии	132	244,4	0,49
Географические реалии	118	218,5	0,61
Реалии духовной жизни	86	159,3	0,64

Заключение

Суммарный анализ распределения частотности словоупотреблений и индекса разнообразия показывает, что группы этнографических и общественно-политических реалий формируют устойчивое ядро культурно-маркированной лексики в медиадискурсе, обеспечивая стабильность национального образа за счет повторяющихся и глубоко укорененных в культуре лексических единиц. Географические и духовные реалии, напротив, отличаются большей вариативностью, что позволяет медиаарративу гибко адаптироваться к актуальным событиям и контекстам, сохраняя при этом символический потенциал. Такое сочетание стабильных и динамичных компонентов создает целостный, но при этом многослойный образ Великобритании, одновременно фиксируя традиционные элементы и интегрируя новые культурные маркеры.

Анализ выявленных групп культурно-маркированной лексики позволяет выделить спектр культурных смыслов, транслируемых британским медиадискурсом. Этнографические реалии в первую очередь закрепляют образ Великобритании как страны, глубоко укорененной в собственных традициях, где устойчивые ритуалы повседневной жизни (от afternoon tea и Sunday roast до pub quiz и cricket match) становятся символами культурной преемственности. Общественно-политические реалии актуализируют представление о Великобритании как о государстве с уникальной политической системой, сочетающей монархическую преемственность (the Crown, state opening of Parliament) с демократическими процедурами (general election, manifesto), что формирует устойчивый образ политической стабильности и институциональной долговечности. Географические реалии транслируют идею региональной уникальности и территориального многообразия: упоминания Cornwall, the Highlands, Snowdonia создают мозаичную картину культурных и природных ландшафтов, где каждая часть страны несет собственный символический капитал. Реалии духовной жизни, включая отсылки к мировым культурным брендам (Harry Potter, Sherlock Holmes, The Beatles) и академическим институциям (University of Oxford, University of Cambridge), формируют образ Великобритании как глобального культурного и интеллектуального центра, чье влияние выходит далеко за национальные границы.

При этом каждая группа тематических реалий включает как «экспортные» маркеры, адресованные в первую очередь международной аудитории (например, Big Ben, Royal Ascot, Oxford, Harry Potter), так и «внутренние» маркеры, значимость которых особенно высока в локальном контексте и которые требуют культурной компетенции для полного понимания (poppy, Boxing Day sales, pub quiz, state opening of Parliament). Такое распределение позволяет медиадискурсу одновременно укреплять национальную идентичность внутри страны и транслировать привлекательный и узнаваемый образ вовне, создавая многослойный и адаптивный национальный нарратив.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что культурно-маркированная лексика британского медиадискурса формирует сложную, иерархически организованную систему, в которой выделяются стабильные и изменчивые компоненты. Ее функционирование определяется не только содержательной спецификой лексем, но и их распределением в медиакорпусе, что было зафиксировано с помощью частотных и диверсификационных показателей (IMP и TTR). Применение корпусного подхода позволило получить количественно верифицируемую картину, демонстрирующую, что национальный образ формируется через совокупность устойчивых символов и постоянно обновляемых маркеров, реагирующих на актуальные события и контексты.

Методология, использованная в данном исследовании, может быть масштабирована для анализа других национальных медиадискурсов, что открывает возможности для построения сравнительных моделей презентации культурных кодов. Перспективным направлением является изучение динамики изменений культурно-маркированной лексики в более протяженной временной перспективе и выявление корреляций между медиасобытиями и лексическим наполнением национального образа.

Таким образом, культурно-маркированная лексика выступает не только индикатором национальной идентичности, но и инструментом, позволяющим фиксировать трансформации общественных представлений и культурных приоритетов в реальном времени, что делает ее ценным объектом для дальнейших комплексных лингвокультурных исследований.

Список литературы

Аверьянова И.Е. 1984. Русская культурно-маркированная лексика в англоязычных произведениях о России и Великой Октябрьской Социалистической революции. Дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 206 с.

Бондаренко А.В. 2023. Неологизмы в англоязычных СМИ как средство манипуляции общественным сознанием. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 7(875): 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_9

Борисенко И.В. 2008. Национальный образ России: философско-культурологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 27 с.

Васильева Ю.О., Коцюбинская Л.В. 2025. Аксиологическая составляющая медиаобраза Китая в контексте политической конфронтации (на материале американских СМИ). *Политическая лингвистика*, 1 (109): 46–53.

Волкова И.И., Ашур Х.Ю.Дж. 2021. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации». *Вопросы теории и практики журналистики*, 10(1): 39–50. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50

Гуреева А.Н., Киреева П.А. 2022. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856

Му Ю. 2022. Тексты блогов об искусстве как источник изучения медиаобраза Китая. *Вестник Томского государственного университета*, 475: 35–45. DOI: 10.17223/15617793/475/5

Нагибина И.Г., Экзархова А.С. 2023. Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника. *Terra Linguistica*, 14(4): 109–118. DOI: 10.18721/JHSS.14408

Нурбагомедова З.Р. 2024. Медиаобраз России в зарубежных СМИ в контексте специальной военной операции. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2(2(44)): 128–136. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_128

Томахин Г.Д. 1988. Реалии в языке и культуре. В кн.: Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Москва, Высшая школа. URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tomahin.shtml?ysclid=mgkb2y52jl133755801 (дата обращения: 20.07.2025).

Фаттахова А.Р., Гилманова Э.Ф. 2022. Культурно-маркированная лексика русского языка с имплементацией в лексикографической деятельности. *Арабистика Евразии*, 5(2): 57–74. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.2.57-74

Хохлова М.В. 2023. Статистические методы в лексикографических исследованиях: представление частотной лексики. *Terra Linguistica*, 14(3): 80–93. DOI: 10.18721/JHSS.14307

Чигашева М.А. 2023. Классификация реалий политического дискурса с позиции ономастики (на примере немецкого языка). *Политическая лингвистика*, 2(98): 91–103. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_10

Baker M. 2018. *In Other Words*. London, Routledge, 370 p.

Fairclough N. 2006. *Language and Globalization*. London, Routledge, 186 p.

Graesser A.C., McNamara D.S., Louwerse M.M., Cai Zh. 2004. Coh-Metrix: Analysis of text on cohesion and language. *Behav Res Methods Instrum Comput*, 36(2): 193–202. DOI: 10.3758/BF03195564

References

Aver'yanova I.E. 1984. Russkaya kul'turno-markirovannaya leksika v angloyazychnykh proizve-deniyakh o Rossii i Velikoi Oktyabr'skoi Sotsialisticheskoi revolyutsii [Russian culturally marked vocabulary in English-language works about Russia and the Great October Socialist Revolution]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Dnepropetrovsk, 206 p.

Bondarenko A.V. 2023. Neologisms in English-language mass media as a means of manipulating the public opinion. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(875): 9–15 (in Russian). DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_9

Borisenko I.V. 2008. Natsional'nyi obraz Rossii: filosofsko-kul'turologicheskii analiz [National image of Russia: philosophical and cultural analysis]. Abstract dis. ... cand. philos. sciences. Rostov-on-Don, 27 p.

Vasil'eva Yu.O., Kotsyubinskaya L.V. 2025. The Axiological Constituent of the Media Image of China in the Context of Political Confrontation (On the Material of American Mass Media). *Political Linguistics*, 1 (109): 46–53 (in Russian).

Volkova I.I., Ashour H.Y.J. 2021. Media Image of Jordan in Runet Media: Specifics of Non Personification. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1): 39–50 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50

Gureeva A.N., Kireeva P.A. 2022. Formation of the Media Image of the State in the Context of Mediatization of Political Communication. *Lomonosov journalism journal*, 6: 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856

Mu Yu. 2022. Art blog texts as a source for studying the media image of China. *Tomsk State University Journal*, 475: 35–45 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/475/5

Nagibina I.G., Ekzarhova A.S. 2023. Media image of the US in Chinese mass media: A strategy to discredit a political opponent. *Terra Linguistica*, 14(4): 109–118 (in Russian). DOI: 10.18721/JHSS.14408

Nurbagomedova Z.R. 2024. Media image of Russia in foreign media in the context of a special military operation. *Vestnik of Volga Region University named after V.N. Tatishchev*, 2(2(44)): 128–136 (in Russian). DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_128

Tomakhin G.D. 1988. Realii v yazyke i kul'ture [Realities in language and culture]. In: G.D. Tomakhin Realii-amerikanizmy [Realities-Americanisms]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola. URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tomahin.shtml?ysclid=mgkb2y52j1133755801 (accessed: July 20, 2025).

Fattakhova A.R., Gilmanova E.F. 2022. Culturally-marked lexis with implementation in lexicographic activity. *Eurasian Arabic Studies*, 5(2): 57–74 (in Russian). DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.2.57-74

Khokhlova M.V. 2023. Statistical methods in lexicographic research: representing frequency vocabulary. *Terra Linguistica*, 14(3): 80–93 (in Russian). DOI: 10.18721/JHSS.14307

Chigasheva M.A. 2023. An Onomastic Classification of Political Discourse Culture-Bound Elements in German. *Political Linguistics*, 2(98): 91–103 (in Russian). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_10

Baker M. 2018. In Other Words. London, Routledge, 370 p.

Fairclough N. 2006. Language and Globalization. London, Routledge, 186 p.

Graesser A.C., McNamara D.S., Louwerse M.M., Cai Zh. 2004. Coh-Metrix: Analysis of text on cohesion and language. *Behav Res Methods Instrum Comput*, 36(2): 193–202. DOI: 10.3758/BF03195564

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.08.2025
Поступила после рецензирования 3.10.2025
Принята к публикации 10.12.2025

Received August 25, 2025
Revised October 3, 2025
Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мосягина Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия.

Кузьмина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Mosyagina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.

Irina S. Kuzmina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.

УДК 81'25
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-814-822
EDN ZCJRQX

Приемы передачи идиоматических выражений в переводах романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Тумгоева Х.Х.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
eva.tumgoeva200@mail.ru

Аннотация. На материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и его переводов на английский (М. Паркер, 1958) и ингушский (Б. Зязиков, 1940) языки анализируются особенности перевода устойчивых выражений, несущих культурно-специфическую семантику. Основное внимание уделяется выявлению типичных проблем перевода идиом: отсутствию прямых эквивалентов, культурным расхождениям, трудностям сохранения образности и эмоциональной нагрузки. Методологическую основу составляет функционально-семантический подход, позволяющий учитывать как языковую структуру идиом, так и их коммуникативные функции в тексте. Результаты исследования показывают, что в английском переводе преобладает тенденция к упрощению инейтрализации идиоматических выражений, тогда как ингушский перевод стремится сохранить их образную структуру. Рассмотрены различные стратегии перевода, включая адаптацию, функциональные аналоги и описательный перевод. Особое значение придается влиянию культурного контекста на выбор переводческих решений.

Ключевые слова: идиоматичность, функционально-семантический подход, межкультурная коммуникация, эквивалентность, адаптация, переводческие решения

Для цитирования: Тумгоева Х.Х. 2025. Приемы передачи идиоматических выражений в переводах романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». *Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания*, 44(4): 814–822. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-814-822 EDN: ZCJRQX

Strategies for Translating Idiomatic Expressions in M.Y. Lermontov's "A Hero of Our Time"

Khava Kh. Tumgoeva

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119234, Russia
eva.tumgoeva200@mail.ru

Abstract. Using Mikhail Lermontov's novel *A Hero of Our Time* and its translation into English (M. Parker, 1958) and Ingush (B. Zyazikov, 1940) as the research material, the study analyzes how culture-specific semantics of fixed expressions are conveyed in translation. The focus lies on identifying typical challenges in translating idioms: lack of direct equivalents, cultural discrepancies, and difficulties preserving imagery and emotional impact. The methodological framework is based on a functional-semantic approach, which accounts for both the linguistic structure of idioms and their communicative functions in the text. The findings reveal that the English translation tends to simplify and neutralize idiomatic expressions, while the Ingush translation strives to retain their figurative structure. The study examines various translation techniques, including adaptation, functional equivalents, and descriptive translation, emphasizing the role of cultural context in shaping translator's solutions.

Keywords: idiomaticity, functional-semantic approach, intercultural communication, equivalence, adaptation, translation techniques

For citation: Tumgoeva K.Kh. 2025. Strategies for Translating Idiomatic Expressions in M.Y. Lermontov's "A Hero of Our Time". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 814–822 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-814-822 EDN: ZCJRQX

Введение

Художественный перевод является сложным процессом, требующим от переводчика сочетания языковой точности с пониманием культурных и когнитивных особенностей исходного текста. Данную мысль чётко формулирует С.В. Серебрякова, отмечая, что «перевод текста выступает не только как акт и продукт межъязыковой и межкультурной коммуникации, но и как отсроченное во времени и пространстве творческое взаимодействие – через текст как совокупность коннотирующих смыслов – автора оригинала и переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем» [Серебрякова, 2010, с. 49]. Подобный подход развивает П. Ньюмарк, который определяет перевод как «точный и элегантный перенос смысла текста на одном языке в текст на другом языке для нового читателя – представителя другой культуры» [Newmark, 1998, р. 119].

Особую сложность представляет перевод идиоматических выражений, которые широко используются в художественных текстах и во многом определяют их эстетическую выразительность. Их переносное значение, культурная маркированность и стилистическая специфика создают дополнительные препятствия при переводе таких лексических единиц в рамках разных языковых и культурных систем. В.М. Савицкий рассматривает идиоматичность как «невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов» [Савицкий, 2006, с. 11], а С.Г. Гаврин показывает, что семантическую непрозрачность идиоматических выражений определяет элемент «компликативности», то есть «специфическое осложнение семантической структуры» [Гаврин, 1974, с. 104].

Проблема передачи идиоматических выражений привлекает значительное внимание современных исследователей. Н.К. Рябцева разграничивает внутриязыковую и межъязыковую идиоматичность, подчёркивая невозможность буквального перевода без утраты смысловой целостности [Рябцева, 2018, с. 94]. Т.В. Устинова обращается к необходимости соблюдения узульной естественности текста при передаче идиом [Устинова, 2024], что соответствует подходу Л. Б. Бойко, связывающей идиоматичность с нормами речевой практики носителей языка [Бойко, 2023]. В.И. Гурина предлагает классификацию стратегий перевода идиоматических выражений [Гурина, 2025, с. 50], а М.Д. Красоцкая указывает на факторы, которые могут привести к смысловым искажениям даже при формально корректном выборе эквивалента [Красоцкая, 2023, с. 128]. Однако проведённые исследования, как правило, ограничиваются рассмотрением общетеоретических вопросов или анализом перевода в рамках отдельных языковых пар. До настоящего времени практически отсутствуют работы, рассматривающие перевод русских идиоматических выражений одновременно на английский и ингушский языки на материале единого художественного произведения. Такая неполнота научной базы не позволяет установить, как особенности аналитического английского и флексивно-агглютинативного ингушского языков влияют на выбор переводческих решений и каким образом культурная специфика русского оригинала проявляется в каждом из переводов. Это создаёт объективную необходимость комплексного исследования данного вопроса.

Цель исследования состоит в выявлении и описании стратегий перевода идиоматических выражений романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на английский и ингушский языки с учетом их функционально-семантических характеристик и культурной маркированности.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил оригинальный текст романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также два его перевода: английский, выполненный М. Паркером (1958), и ингушский, выполненный Б. Зязиковым (1940). Для анализа были отобраны идиоматические выражения, представляющие собой устойчивые сочетания с переносным, образным или культурно маркированным значением. Отбор осуществлялся методом сплошной выборки всего корпуса идиоматических выражений, функционирующих в тексте. Методологическую основу работы составляет функционально-семантический подход, позволяющий рассматривать идиоматические выражения как многослойные культурно осложненные языковые единицы. В рамках данного подхода исследование было направлено на выявление соотношения между значением идиоматического выражения, его образной структурой и способом его реализации в языке перевода.

Для решения поставленной цели применяется несколько методов: сравнительно-сопоставительный анализ позволил установить различия и сходства между русскими идиоматическими выражениями и их переводами на английский и ингушский языки; компонентный анализ использовался для выявления внутренних структурных элементов идиоматического выражения и механизмов их семантического осложнения; контекстуальный анализ обеспечил учёт коммуникативной ситуации, стилистической принадлежности высказывания и функции его выражения в художественной структуре текста; лингвокультурологическое комментирование применялось для интерпретации культурной маркированности и выявления факторов, влияющих на выбор переводческих решений.

Результаты и их обсуждение

Мы исследовали перевод русскоязычных идиоматических выражений, функционирующих в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», на два языка (английский, ингушский), каждый из которых представляет совершенно разные культурные миры. Кроме того, стоит отметить, что языки не являются генетически родственными, то есть, принадлежат к разным языковым семьям и типам языковой структуры. Русский язык является флексивным языком с развитой системой словоизменения (падежи, спряжения, префиксы, суффиксы). Английский язык относится к аналитическим (изолирующим) языкам, то есть в нем минимальное словоизменение, а грамматические отношения передаются в основном порядком слов и вспомогательными словами. Ингушский язык относится к флексивно-агглютинативным языкам, то есть грамматические значения выражаются путем добавления аффиксов (суффиксов, префиксов), но без значительных изменений основы слова. Помимо различий лингвистической структуры, языки отражают разные культурно специфические картины мира. Русский язык сочетает в себе влияние славянской культуры, православной традиции и частично элементов восточной и западной цивилизации. Английский язык формировался в англо-саксонской, романской и глобализированной англоязычной культуре, что привело к сильному влиянию латинских и французских заимствований. Ингушский язык является носителем традиций кавказской культуры, основанных на устной передаче знаний, сильной этнической идентичности и национальных устоях.

Эти различия оказывают значительное влияние на способы перевода идиоматических выражений, поскольку каждый язык имеет уникальные механизмы словообразования, синтаксическую структуру и способы выражения значений.

В своем исследовании мы уделяем особое внимание четырем основным проблемам, возникающим при переводе идиоматических выражений:

1. Эквивалентность и неэквивалентность. Не во всех языках существуют полные эквиваленты идиоматических выражений, что требует от переводчика поиска альтернативных способов выражения смысла, таких как адаптация или замена образа.

2. Культурная маркированность. Идиоматические выражения тесно связаны с культурным контекстом. Переводчику приходится учитывать, какие образы и символы будут понятны читателю целевого языка.

3. Коннотации и стилистика. Важно не только сохранить смысл идиоматического выражения, но и передать его стилистическую окраску. Например, юмористические или саркастические выражения часто теряют свою эмоциональную силу при дословном переводе. В таком случае переводчик должен искать баланс между сохранением содержания и стилистической адаптацией.

4. Контекстуальная адаптация. Значение идиоматического выражения может меняться в зависимости от контекста. Если выражение используется в описательной сцене, оно может создавать определенную атмосферу сцены, а в диалоге – раскрывать характер персонажа. При переводе важно учитывать эти особенности и сохранять художественную целостность текста.

Для решения указанных проблем используются различные переводческие приемы, среди которых особое значение имеют трансформации, описанные Л. С. Бархударовым. Он выделяет четыре основных вида переводческих преобразований: перестановки, замены, добавления и опущения [Бархударов, 1975, с. 40].

В процессе анализа мы учитываем не только семантические особенности и контекстно-смыслоное содержание идиоматических выражений как единиц перевода, но и их коммуникативные функции в художественном тексте и его переводах на примере произведения «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

1. «Мне страх хотелось» – идиоматическое выражение крайнего желания.

Оригинал (русский язык): «Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю – желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям»¹.

Перевод на английский язык: I very badly wanted to get some sort of story out of him – a desire that is natural to anyone who travels about, recording things².

Перевод на ингушский язык: «Іаламате чІоагІа безам бар са цунга моллагІа цхъа хІама дувцийта – нахъа леларехи хІамаш яздерехи барий массане а хулаш бола безам бар из»³.

Значение и образность оригинального выражения заключается в том, что фраза «мне страх хотелось» представляет собой экспрессивную конструкцию разговорного характера, используемую в литературном языке для выражения предельной степени желания. В данном случае слово «страх» утрачивает своё прямое значение, функционируя как усиительный компонент, придающий глаголу «хотелось» дополнительную эмоциональную нагрузку. Такая форма типична для устной речи и художественного стиля, в которых важную роль играет передача внутреннего напряжения и эмоционального состояния говорящего.

Перевод на английский язык – I very badly wanted.

Английский вариант перевода передает общий смысл выражения, но не сохраняет его идиоматическую природу. В данном случае происходит нейтрализация эмоциональной окраски. Фраза *very badly* (очень сильно) имеет более формальное и прямолинейное звучание, чем идиоматическое выражение в оригинальном тексте. Это снижает эмоциональный накал оригинала. В английском языке отсутствует аналог идиоматического выражения с подобной эмоциональной окраской, поэтому перевод становится описательным.

Перевод на ингушский язык – «Іаламате чІоагІа безам бар са».

Дословный перевод данного выражения – «поразительно сильно хотелось». Лексема «Іаламате» (в значении «поразительно») выполняет функцию экспрессивного

¹ Лермонтов М. 2019. Герой нашего времени. Aegitas. С. 5

² Лермонтов М.Ю. 1958. A Hero of Our Time. Пер. М. Паркера. Doubleday. С. 13 – 14

³ Лермонтов М.Ю. 1940. Герой нашего времени. Пер. Б. Зязикова. Грозный, Чечингосиздат. С. 9

интенсификатора, способствующего сохранению эмоциональной насыщенности оригинального высказывания. Данное слово несет функцию усиления. «Іалальмате» усиливает значение прилагательных или наречий, подчёркивая крайность, интенсивность или значительность явления. Оно добавляет эмоциональную экспрессию и часто встречается в разговорной речи, художественных текстах, а также в публицистике для создания яркого образа. Ингушский перевод звучит аутентично и не перегружен излишними деталями, сохраняя ключевую идею русского идиоматического выражения.

Таким образом, английский перевод – грамматически корректный и понятный, однако в нем утрачена экспрессивная окраска оригинала, что в определенной степени снижает эмоциональную силу высказывания. Это отражает трудность передачи разговорных и экспрессивных конструкций в межъязыковом переводе. Ингушский перевод сохраняет образность и экспрессию оригинала благодаря удачному выбору лексического усилителя. Это пример успешной адаптации эмоционально окрашенной идиомы в условиях другого языкового и культурного контекста.

2. «Во все горло» – идиоматическое выражение, передающее интенсивность звукового проявления.

Оригинал (русский язык): «Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтобы успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни»¹.

Перевод на английский язык: The Ossetian coachman, singing at the top of his voice, urged his horses on relentlessly to reach the summit of Koishaur Mountain before nightfall².

Перевод на ингушский язык: «Говраш лехкаш халхашка вагача хИречо кIайд ца луш говраш лехкар, бийса хилалехъя Койшауран Лоам тIа вала кхе Герташ, хIальта ший ма даггара оаз йойташ иллеш а доахар цо»³.

В русском языке выражение «во все горло распевал» представляет собой гиперболизированную идиоматическую конструкцию, обладающую высокой степенью экспрессивности. Оно функционирует как образное средство усиления действия, в данном случае пения, за счёт акцента на его крайней громкости и эмоциональной насыщенности. Данное устойчивое сочетание формирует выразительный визуально-акустический образ, типичный для разговорной и художественной речи, усиливая эмоциональное воздействие описываемой сцены и придавая повествованию живость и динамичность.

Перевод на английский язык – singing with all his throat.

Выражение «во все горло» не имеет прямого эквивалента в английском языке. Прямой перевод устойчивого сочетания singing with all his throat звучал бы неестественно. В переводе используется общеупотребительный вариант singing at the top of his voice, который функционально и стилистически соответствует оригинальному выражению. Он точно передаёт семантику громкого, эмоционального пения и является идиоматическим, что обеспечивает естественное восприятие текста англоязычным читателем. Таким образом, перевод сохраняет гиперболический характер исходной фразы и демонстрирует адекватное стилевое соответствие.

Перевод на ингушский язык – «ший ма даггара оаз йойташ».

Выбранное переводчиком устойчивое выражение «ший ма даггара оаз йойташ» звучит органично благодаря использованию элементов, характерных для ингушской традиции описания силы и активности. Вместо акцента на «горле» используется идея «подачи голоса со всей мощи», что соответствует местным языковым нормам. Дословно конструкция переводится как «издавать голос настолько, насколько возможно», при этом её идиоматический характер обусловлен тем, что целостное значение выражения не может быть непосредственно выведено из значений его отдельных компонентов.

¹ Лермонтов М. 2019. Герой нашего времени. Aegitas. С. 3.

² Лермонтов М.Ю. 1958. A Hero of Our Time. Пер. М. Паркера. Doubleday. С. 9.

³ Лермонтов М.Ю. 1940. Герой нашего времени. Пер. Б. Зязикова. Грозный, Чечингосиздат. С. 3.

Таким образом, в английском переводе используется устойчивое выражение, которое точно передаёт смысл громкого, эмоционального пения и сохраняет гиперболическую окраску оригинала. Такое переводческое решение демонстрирует успешную адаптацию с учётом норм целевого языка. Ингушский перевод сохраняет образность и экспрессию оригинала за счёт использования конструкций, характерных для описания силы и активности в ингушской культуре. Выражение выполняет ту же функцию, что и устойчивое сочетание, представленное в оригинале, а именно, передаёт идею максимальной силы голоса, оставаясь идиоматическим и естественным для носителя.

3. «Пот градом катился» – идиоматическое выражение, передающее эмоциональное или физическое напряжение.

Оригинал (русский язык): «Он едва мог дышать; пот градом катился с лица его»¹.

Перевод на английский язык: He could barely catch his breath, beads of perspiration rolled down his face»².

Перевод на ингушский язык: «Массехк минут яннана гiolла тхона хатлаэттар из; хий сенна хъацар йоухар цун юхъа тIа гiolла»³.

Выражение «катиться градом» является ярким примером метафорического описания физиологического состояния, в котором используется образ природного явления для передачи экспрессии, внезапности и обилия; это устойчивое сочетание, подразумевающее обильность и интенсивность события. Здесь наблюдается эффект визуализации, создающий у читателя яркий и живой образ. Это типичный пример художественной идиомы, характерной для реалистической и экспрессивной прозы.

Перевод на английский язык – Beads of perspiration rolled down his face.

Beads of perspiration – устойчивое сочетание, широко используемое в литературной и медицинской речи для обозначения мелких капель пота. Фраза rolled down описывает плавное, постепенное движение вниз, что является более нейтральным и описательным по сравнению с более экспрессивным выражением «катиться градом».

Таким образом, в английской версии наблюдается смягчение образности, отказ от ярко выраженной метафоры в пользу стилистически более нейтрального, но формального описания. Это явление можно объяснить несколькими факторами: различием в художественных традициях, а также отсутствием прямого идиоматического аналога фразы в английском языке.

Перевод на ингушский язык – «хий сенна хъацар йоухар цун юхъа тIа гiolла».

Дословный перевод выражения звучит следующим образом: «с его лица, словно вода, стекал пот». В данном случае прослеживается аналогия с водой, что также указывает на значительное количество пота. Тем не менее сравнение скорее акцентирует внимание на плавности и непрерывности действия, сохраняя общий образ избыточности, но при этом смещая акцент с его динамичности. Упрощение оригинального выражения обусловлено отсутствием его полного эквивалента в ингушском языке. Вместе с тем использование аналогии с водой является вполне уместным переводческим решением: оно позволяет сохранить образное восприятие и обеспечивает естественное звучание высказывания в ингушском литературном контексте.

Итак, в английском переводе происходит смягчение метафоричности оригинала в пользу стилистически нейтрального описания. Это связано с особенностями английской литературной традиции и отсутствием точного идиоматического эквивалента. В переводе на ингушский язык сохраняется визуальная образность, однако акцент смещается со стремительности на плавность и непрерывность. Выражение звучит естественно для носителя и соответствует прагматическим нормам описания данной ситуации в ингушском языке.

¹ Лермонтов М. 2019. Герой нашего времени. Aegitas. С. 23.

² Лермонтов М.Ю. 1958. A Hero of Our Time. Пер. М. Паркера. Doubleday. С. 60.

³ Лермонтов М.Ю. 1940. Герой нашего времени. Пер. Б. Зязикова. Грозный, Чечингосиздат. С. 60.

На основании проведённого анализа можно выработать ряд практических рекомендаций, ориентированных на повышение качества перевода идиоматических выражений в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Эти рекомендации направлены на оптимизацию переводческих решений при работе с культурно маркированными конструкциями:

1. Учет культурно-специфических особенностей целевой аудитории. При передаче идиоматических выражений необходимо принимать во внимание национально-культурный контекст, так как устойчивые выражения нередко теряют выразительность и звучат неестественно при прямом пословном переводе.

2. Использование креативных переводческих решений. В случае отсутствия точного соответствия в целевом языке рекомендуется прибегать к замене образа, аналогичному по смысловой и эмоциональной нагрузке, либо использовать адаптацию, сохраняющую коммуникативную функцию оригинала.

3. Контекстуальный анализ. Перевод идиоматических выражений требует обязательного учета ситуативного контекста, в котором они используются. Это позволяет избежать семантических и стилистических искажений в процессе перевода.

4. Применение функционально-семантического подхода. Эффективным методом является анализ функции идиоматического выражения в структуре текста оригинала, что способствует точному определению его роли и выбору наиболее адекватного соответствия в целевом языке с учетом жанра, стиля и прагматической направленности текста.

Заключение

В ходе исследования было проанализировано функционирование идиоматических выражений в оригинальном тексте М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и их перевод на английский и ингушский языки. Проведенный анализ подтвердил, что идиоматические выражения представляют собой значимые элементы культурного кода, отражающие специфику национального мировоззрения, когнитивных и коммуникативных стратегий носителей языка.

Перевод идиоматических выражений является одной из наиболее сложных задач художественного перевода, поскольку такие единицы, как правило, не обладают полной межъязыковой эквивалентностью, что обусловлено различиями в грамматической структуре, семантических моделях и культурных коннотациях исследуемых языков.

Сравнительный анализ показал, что перевод идиоматических выражений на английский и ингушский языки подчиняется разным стратегическим принципам. Английский язык, обладая большей гибкостью в выражении абстрактных понятий и устойчивых выражений, допускает использование аналогичных идиоматических выражений или фразовых глаголов, сохраняя экспрессивность оригинала. Ингушский язык, в свою очередь, требует иного подхода, где переводческая стратегия чаще опирается на дословное воспроизведение, контекстуальную интерпретацию или культурно обусловленное замещение.

Кроме того, исследование подтвердило, что перевод идиоматических выражений неизбежно связан с потерями и изменениями в значении, особенно если исходное идиоматическое выражение обладает высокой степенью культурной маркированности. В таких случаях выбор переводческого приема определяется не только структурными особенностями языка перевода, но и необходимостью сохранения коммуникативной функции выражения.

Таким образом, для обеспечения максимально адекватного перевода идиоматических выражений переводчик должен учитывать комплекс лингвистических, культурных и когнитивных факторов. Переводческие решения в работе с идиоматическими выражениями русского языка предполагают опору на функционально-семантический анализ лексико-

грамматических единиц перевода и использование приемов, позволяющих сохранить эмоциональную и стилистическую окраску оригинального текста.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на более глубокий анализ специфики перевода идиоматических выражений, а также на разработку переводческих моделей, позволяющих минимизировать потери при передаче смысловых и стилистических оттенков в межъязыковом пространстве.

Список литературы

Бархударов Л.С. 1975. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва, Международные отношения, 239 с.

Бойко Л.Б. 2023. Идиоматичность перевода как оценочная категория. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2: 5–16.

Гаврин С.Г. 1974. Фразеология современного русского языка. Пермь, Пермский государственный педагогический институт, 269 с.

Гурина В.И. 2025. Передача семантико-прагматической информации при переводе идиоматических выражений. В кн.: Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных : сб. трудов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. О.П. Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 г. Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского: 48–53.

Красоцкая М.Д. 2023. Неточности в переводе идиоматических выражений с английского языка на русский как отражение ментального лексикона. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 9 (877): 123–129.

Рябцева Н. К. 2018. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. Москва, Флинта, Наука, 224 с.

Савицкий В. М. 2006. Основы общей теории идиоматики. Москва, Гнозис, 172 с.

Серебрякова С.В. 2010. Потенциал разновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода. В кн.: Метапоэтика. Сборник статей научно-методического семинара «Textus: Текст как явление культуры». В 2-х т. Т. 1: Теоретическая метапоэтика. Под ред. К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. Ставрополь, Издательство Ставропольского государственного университета: 49–59.

Устинова Т. В. 2024. Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 4: 115–126.

Newmark P. 1998. More Paragraphs on Translation. Clevedon, Multilingual Matters, 226 p.

References

Barkhudarov L.S. 1975. Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda [Language and Translation: Questions of General and Specific Theory of Translation]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnye otnosheniya, 239 p

Boiko L.B. 2023. Idiomatichnost 'perevoda kak otsenochnaya kategoriya [Idiomaticity of translation as an evaluative category]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psichologiya, 2: 5–16.

Gavrin S.G. 1974. Frazeologiya sovremennoego russkogo yazyka [Phraseology of modern Russian language]. Perm', Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 269 p.

Gurina V.I. 2025. Peredacha semantiko-pragmaticheskoy informatsii pri perevode idiomaticeskikh vyrazheniy [Transfer of semantic and pragmatic information in the translation of idiomatic expressions]. In: Problemy semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovney v epokhu bol'shikh yazykovykh dannykh: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamjati d-ra filol. nauk, prof. O. P. Ermakovoy, Kaluga, 28–30 iyunya 2025 g. Kaluga, Publ. FGBOU VO "Kaluzhskiy gosudarstvennyy universitet im. K. E. Tsiolkovskogo": 48–53.

Krasotskaya M.D. 2023. Netochnosti v perevode idiomaticeskikh vyrazheniy s angliyskogo yazyka na russkiy kak otrazhenie mental'nogo leksikona [Inaccuracies in translating English idiomatic expressions into Russian as a reflection of the mental lexicon]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 9(877): 123–129.

Ryabtseva N.K. 2018. *Prikladnye problemy perevodovedeniya: lingvisticheskiy aspekt* [Applied problems of translation studies: linguistic aspect]. Moscow, Publ. Flinta; Nauka, 224 p.

Savitskiy V.M. 2006. *Osnovy obshchey teorii idiomatiki* [Foundations of general idiomatics]. Moscow, Publ. Gnozis, 172 p.

Serebryakova S. V. 2010. *Potentsial raznovremennykh perevodov kak vozmozhnykh interpretatsiy teksta originala: v poiskakh invarianta perevoda* [Potential of translations from different periods as possible interpretations of the original text: in search of translation invariant]. In: *Metapoetika. Sbornik statey nauchno-metodicheskogo seminara “Textus: tekst kak yavlenie kul’tury”*. In 2 vols. Vol. 1: *Teoreticheskaya metapoetika*. Eds. K. E. Shtain, D. I. Petrenko. Stavropol’, Publ. Stavropol’skiy gosudarstvennyy universitet: 49–59.

Ustinova T.V. 2024. *Idiomatichnyi perevod: obshchie printsyipy i perevodcheskie resheniya* [Idiomatic translation: general principles and translation solutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 4: 115–126.

Newmark P. 1998. *More Paragraphs on Translation*. Clevedon, Multilingual Matters, 226 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025

Received August 18, 2025

Поступила после рецензирования 3.10.2025

Revised October 3, 2025

Принята к публикации 10.12.2025

Accepted December 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумгоева Хава Хаважевна, аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khava Kh. Tumgoeva, Graduate Student, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.